

СИМВОЛЫ

ВРЕМЕНИ

«СЕРАПИОНОВЫ
БРАТЯ»

В ЗЕРКАЛАХ ПЕРЕПИСКИ

М. Шагинян

Е. Замятин

К. Чуковский

Н. Тихонов

Н. Никитин

Л. Луни

М. Горький

Ю. Тынянов

СИМВОЛЫ

ВРЕМЕНИ

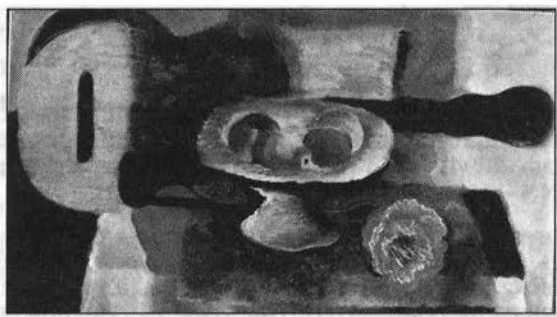

СИМВОЛЫ   ВРЕМЕНИ

«Серапионовы братья»

В ЗЕРКАЛАХ
ПЕРЕПИСКИ

///ГРАФ
Москва
2004

УДК 821.161.1.9"192"
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С32

Оформление серии художника
З. Ю. Буттаева

Вступительная статья, составление,
комментарии, аннотированные указатели
Е. Лемминга

Информационный спонсор –
радиостанция «Эхо Москвы»

С32 **«Серapiионовы братья» в зеркалах переписки /**
[вступ. ст., сост., коммент., аннот. указ. Е. Лемминга]. – М.:
Аграф, 2004. – 544 с. – (Серия «Символы времени»). –
ISBN 5-7784-0284-8

Литературная группа «Серapiионовы братья», может быть, самая знаменитая группа в русской литературе XX века. Она возникла в 1921 году в Петрограде. В нее входили М. Зощенко, Н. Никитин, Вс. Иванов, М. Слонимский, К. Федин, В. Каверин, Л. Лунц, И. Груздев, Е. Полонская, Н. Тихонов.

В книге предпринята попытка представить серapiионовскую историю «изнутри». В письмах отразились симпатии и антипатии, незаметные посторонним. Не поступки, а мнения о поступках, не действия, а намерения и оценки. Многое увидено глазами самих «серapiионов», кое-что глазами их друзей.

Книга предназначена всем интересующимся русской литературой и мировой культурой в целом.

УДК 821.161.1.9"192"
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 5-7784-0284-8

© Издательство «Аграф», 2004
© Е. Лемминг, вступительная статья,
составление, комментарии,
аннотированные указатели, 2004

От составителя

Любая история переполнена условностями и мифами. История литературы вовсе не исключение.

Считается, что 1 февраля 1921 года в Петрограде возникла литературная группа «Серапионовы братья», может быть, самая знаменитая группа в русской литературе.

На самом деле, и это условность, постепенно переходящая в миф. Ничто не возникает сразу, в один день или в одно мгновение.

Перед тем были годы 1919 и 1920, когда будущие «серапионы» учились в студии художественного перевода при издательстве «Всемирная литература», а потом в литературной студии Дома Искусств.

Да и самих «серапионов» поначалу было меньше и одновременно больше, чем в позднем, «канонизированном» составе. Юный В. Познер, в том же 1921 году навсегда уехавший из России, справедливо числится среди основателей «Серапионовых братьев», а большинства прославленных «серапионов» не было ещё и в помине.

Но, так или иначе, со временем всё устоялось, и только десять фамилий кочуют из энциклопедии в энциклопедию, из монографии в монографию (впрочем, постепенно теряя просто известных «братьев» и выдвигая на первый план «братьев» прославленных).

Тут, во избежание разного рода недоразумений, перечислим их в алфавитном порядке: И. А. Груздев, М. М. Зощенко, В. В. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. Н. Никитин, Е. Г. Полонская, М. Л. Слонимский, Н. С. Тихонов,

К. А. Федин. Кому-то из них достались лавры, кому-то хула, кому-то забвение. Почему и как это случилось, рассказывается в книге «“Серапионовы братья”». Краткая хроника жизни и смерти».

Настоящая книга ни в коем случае не является продолжением предыдущей, хотя определённым образом и связана с хроникой «серапионов».

В той книге изложена история «внешняя», где события, документы, факты постепенно складываются в судьбу, общую и всё-таки для каждого свою.

Здесь же предпринята попытка взглянуть на серапионовскую историю «изнутри». В письмах отразились симпатии и антипатии, незаметные посторонним. Не поступки, а мнения о поступках, не действия, а намерения и оценки. Многое увидено глазами самих «серапионов», кое-что глазами их доброжелателей и друзей.

Самое трудное было выбрать, ибо двадцатые годы двадцатого века – эпоха покуда эпистолярная. Писали подробно и зачастую – искренне.

В конце концов, составитель поставил перед собой лишь два условия:

первое – автор письма либо его адресат обязательно должен быть «серапионом»;

второе – вещи, о которых говорится в письме, должны быть не просто забавными и любопытными, но каким-то образом обязательно связаны с историей братства.

И если первое условие соблюсти оказалось нетрудно, то со вторым пришлось куда тяжелее. Чем дальше, тем меньше корреспонденты интересуются собственно серапионовскими делами. Их, в общем, и нет. Смерть Льва Лунца и впрямь знаменовала конец культурной эпохи.

Братство переродилось в литературный кооператив, общность духовная сменилась общностью деловых интересов. Когда это произошло, литературоведы ответить затрудняются. Как это происходило, они также не в силах ответить внятно, но это видно по переписке.

ПЕРЕПИСКА

1. В. В. Иванов – А. М. Горькому

5 февраля 1921, Петроград.

Алексей Максимович!

Приехал в Петербург.⁽¹⁾ Был у Вас, но, к сожалению, не застал. Это скверно.

Очень бы желал видеть Вас, – если у Вас будет свободное время – сообщите. Квартиры и всего прочего не имею, а потому мой адрес таков: редакция «Грядущего», Пролеткульт, Ивану Ерошину, а передать, – он мне передаст.

Всев. Иванов

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 14.

⁽¹⁾ А. М. Горький, желая помочь молодому литератору выбраться из провинции, вызвал его в Петроград официальным письмом. Точная дата приезда В. В. Иванова неизвестна, исследователи жизни и творчества писателя датируют это событие «началом февраля», без каких-либо других уточнений.

2. В. В. Иванов – А. М. Горькому

8 февраля 1921, Петроград.

Алексей Максимович!

Страшно неприятно писать, а приходится. Дело в том, что моё учреждение в Сибири откомандировало меня в

распоряжение Ваше⁽¹⁾ – и здесь получилась конфузная история. Вас-то нету, а в никакое учреждение мне поступить нельзя. Хотел трудовую книжку добыть, говорят: «Бумажку – где служите?» Пошёл в Госиздательство работы спросить,⁽²⁾ почтенный метр т. Ионов спрашивает:

– У вас рекомендации есть?

Я указал на лоб, но это его не удовлетворило, и он сострил:

– У нас не богадельня.

Принимая во внимание, что я имею возможность выжать лапой больше трех пудов, – я обиделся и ушёл.

Теперь чувствую – тону в этом петербургском бумажном море.

И так мне не хочется (не люблю вмешивать людей туда, где самому можно управиться), но в такой гнусной истории, где ещё и животные боли участвуют, – приходится. Нужно очень немного: направить меня туда, где можно было бы или учиться, или работать. Предпочёл бы последнее, ибо – первое можно совместить. Ни о каких трехаршинных пайках я не мечтаю.

Вс. Иванов

Пролеткульт, Екатерининская ул., 2.

Ред<акция> «Грядущее». Ив<ану> Ерошину для меня.

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 14-15.

⁽¹⁾ Почти точная формулировка из командировочного удостоверения, выданного В. В. Иванову.

⁽²⁾ В. В. Иванов некоторое время работал наборщиком в типографии.

3. А. М. Горький – В. В. Иванову

28 февраля 1921, Петроград.

Приехав из Москвы, нашел Ваши письма,⁽¹⁾ – очень рад.

Можете прийти в четверг, в час дня? Жду.

Не можете – скажите по телефону 2-12-68.

Жму руку.

А. Пешков

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 15.

⁽¹⁾ Ответ написан сразу после возвращения в Петроград.

4. К. А. Федин – А. М. Горькому

17 марта 1921, Петроград.

Петербург. 1921, 17 марта.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу вам, потому что мои старания увидеть вас в последние дни были безуспешны и потому что я слышал, что вы опять уезжаете в Москву.

Начну с самого важного для меня: прошу о дальнейшей поддержке моего «Бакунина»...⁽¹⁾

Мне как-то стыдно благодарить вас за то, что вы сделали для меня. Когда я думаю об этом, мне кажется, что вы должны очень устать от частых, вероятно, выражений признательности. Но не чувствовать в душе глубочайшей благодарности я не могу – это моё состояние, – и мне хочется хоть раз сказать вам об этом.

Над «Бакуниным» я работаю всё время с таким чувством, что вы «помогаете», и теперь так нужно, чтобы труд во что-то воплотился, чтобы что-то осуществилось.

Если можно, сделайте так, чтобы «Бакунин в Дрездене» был поставлен в Москве или здесь (лучше здесь: хочется работать и дальше, в театре – ведь это – «воплощение»). Всё несчастье в рукописях. Неужели они не нашлись? Сейчас у

меня только первый список первого акта (вернул К. И. Чуковский); первый список второго акта вы брали с собой в Москву, а второй список обоих актов – всю пьесу, с постановлением ПТО – передали, кажется, Марии Федоровне⁽²⁾ ещё в январе. Если рукописи не найдутся и если будет нужно, – напишу новый экземпляр от руки.

Прочитав первый акт, вы говорили мне, что находите нужным напечатать его. Вашего мнения о втором акте я так и не узнал (письмо ваше из Москвы, на моё горе, затерялось бесследно).

Может быть, следовало бы издать пьесу отдельной книжкой: эта часть – совершенно самостоятельное целое. И если да, то мог ли бы я просить вас написать к пьесе короткое предисловие? На эти вопросы скажите мне что-нибудь до отъезда в Москву, если найдёте время.

Насчёт «Нашего журнала» я писал Г. Сухановой, но пока не получил никакого ответа, а без него нет уверенности даже в том, живо ли намерение издавать журнал. Не откажите, дорогой Алексей Максимович, сказать Сухановой, что я жду повелений редакции.⁽³⁾

Желаю вам всего доброго.

Ваш *Константин Федин*

Адрес мой: Стремянная, 16, кв. 12.

Телефоны: от 12 до 4-х – 2.65.10,

после 5-ти – 2.46.27.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 465-466.

⁽¹⁾ Тема пьесы была подсказана автору А. М. Горьким, который собирал материал для задуманной им серии драматических картин, посвященных эпизодам из истории всех времен и народов.

⁽²⁾ М. Ф. Андреева.

⁽³⁾ По воспоминаниям К. А. Федина, А. М. Горький предложил ему написать что-либо для упомянутого журнала, однако редакция не захотела вести дел с начинающим автором.

5. В. В. Иванов – А. М. Горькому

19 марта 1921, Петроград.

Алексей Максимович!

Не имея возможности выйти лично (сапоги развалились и нездоровится), пишу: нельзя ли мне как устроить некое количество хлеба?.. У нас в лавке – уже не выдают 4 дня, а идти никуда не могу, как указал. Буде возможно – написать с подателем сего: человеком мне zelo близким.

По пути посылаю стихи Г. Вяткина, их бы давно нужно передать, да всё забывал. Нездоровье не мешает: работаю над рассказом⁽¹⁾ и переписываю другой – «Партизаны», написанный ещё в Сибири. Чувствую – не знаю почему, как и с первых дней приезда сюда, – себя прелестно. «Как козёл на горе».

До свиданья.

Всеv. Иванов

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 15-16.

⁽¹⁾ О каком произведении идет речь, выяснить не удалось.

6. А. М. Горький – В. В. Иванову

24 марта 1921, Петроград.

Всеволод Александрович!⁽¹⁾

Рассказ – удался, хотя – местами – чуть-чуть длинноват. Беру его с собою в Москву, откуда привезу Вам денег. Работайте, дружище! Вы можете сделать очень хорошие вещи.

Не забывайте, что в Доме Уч<ёных> Вы всегда можете получить всё, что Вам нужно.

Поговорите с Родэ насчёт сапог.

Жму руку.

А. Пешков

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 16.

⁽¹⁾ А. М. Горький, обращаясь к адресату, ошибся в отчестве.

7. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому

2 мая 1921, Петроград.

Многоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

посылаю вам две рукописи: М. Зощенки – рассказ «Старуха Врангель» и свой рассказ.⁽¹⁾ Зощенко – новый Серапионов брат, очень, по мнению Серапионов, талантливый.

Мне очень досадно, что Шкловский показал вам мой рассказ «Шоколад».⁽²⁾ Рассказ отвратительный. Мне очень интересно ваше мнение о моём рассказе, который передаю вам вместе с Зощенко.

Шкловский говорил также о сборнике молодёжи и о том, что вы бы хотели организовать как-нибудь серапионовское собрание у себя на квартире. Он называл воскресенье, но говорил, что всё же это не окончательно. В эту среду в 8 час^{ов} будет у меня следующее серапионовское собрание, и я мог бы оповестить всех друзей об этих делах.

Передаю вам также письмо Екат^{ерины} Павл^{овны} Летковой. Она очень просит дать ответ.

Ваш М. Слонимский
2/V 1921 г.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 375.

⁽¹⁾ Упоминается рассказ «Поручик Архангельский».

⁽²⁾ Рассказ опубликован не был.

8. В. В. Иванов – М. Л. Слонимскому

Без даты.

Насчёт регламента, уважаемые группачи, вы правы; но как быть председателю,⁽¹⁾ если у него нет часов и группа Ва-ша не в состоянии подарить их ему?

В.

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 604.

⁽¹⁾ Записка, по всей вероятности, относится к одному из заседаний группы «Серапионовы братья». Во время таких встреч обязательно выбирался председатель, который не столько следил за тем, сколь долго выступает тот или иной оратор, сколько старался выдерживать очередность выступлений и утихомиривал страсти, вспыхивавшие при обсуждении новых произведений.

9. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому

5 мая 1921, Петроград.

Михаил Леонидович!

Рассказы Зоценко и ваш я прочитал, – мне очень хотелось бы побеседовать с ним и с вами по этому поводу.

А также, нужно бы мне поговорить со *всей* компанией вашей по вопросу об альманахе, который вам следовало бы сделать.⁽¹⁾

Поэтому – не соберётесь ли вы все ко мне в пятницу, часов в 8, в ½ 9-го?

Если решите – известите меня об этом завтра.

Жму руку.

5.V.21.

А. Пешков

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Незданная переписка. М., 1963, с. 375.

⁽¹⁾ Имеется в виду альманах «1921 год». Альманах издан не был.

10. К. А. Федин – А. А. Рассохиной

6 мая 1921, Петроград.

Свет очей моих! Спешу поделиться с тобой радостью: мне только что сообщили, что на конкурсе «Дома Литераторов» моему рассказу «Сад» присуждена первая премия.⁽¹⁾ Это хорошо, и послушай, как звучит: твой Костька – лауреат *Дома Литераторов* в Петербурге... Господи, какой я ещё мальчишка!

Целую тебя на мелкие кусочки!

Константин

Неприятно* только то, что «Дом Литераторов» архибуржуазная и архидревняя организация, хранительница «старых традиций»...

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 27.

⁽¹⁾ Конкурс на лучший рассказ среди молодых литераторов был объявлен осенью 1920 года, о присуждении премий официально сообщено на торжественном заседании, состоявшемся 7 июля 1921 года. Первую премию получил К. А. Федин, вторую Н. Н. Никитин, третьи премии – Л. Н. Лунц, В. А. Каверин и Н. С. Тихонов (тогда ещё не входивший в группу «Серрапионовы братья») и Б. К. Терлецкий (никаких сведений о нем не сохранилось). Таким образом, большинство премий было присуждено «серрапионам».

11. А. М. Горький – В. А. Каверину

Весна 1921, Петроград.

Хотя неясность рассказа⁽¹⁾ и нарочита, но в нём чувствуется нечто недоговорённое *по существу темы*. И кажется, что это уже неясность – невольная. Иными словами: интересная и довольно своеобразная тема не исчерпана авто-

---

* Читай в смыслах дипломатических... т<о> е<сть> поскольку это может наложить на меня некоторую физиономию, литературную, конечно...

ром; боюсь, что со временем – он сам пожалеет: преждевременно, не продумав до конца, использовал хорошую мысль.

Написано же довольно искусно, почти талантливо, однако – язык записок монаховых не везде точен, выдержан.

В обоих рассказах⁽²⁾ – один и тот же недостаток: слишком силён запах литературы, мало дано от непосредственного впечатления, от жизни. Авторы смотрят на действительно существующее как бы сквозь бинокль книги, литературной теории.

При этом иногда бинокль употребляют с того конца, который уменьшает предметы. Размеры рассказа здесь не играют никакой роли: драгоценные камни вообще не велики. И – нередко – большой хуже малого, ибо небрежнее отшлифован.

Я бы рекомендовал авторам⁽³⁾ – больше смелости, самоуверенности, самонадеянности, самоуверенности. Теории – это весьма интересно, иной раз даже полезно, реже – необходимо, но самое-то важное для юности – учиться из опыта, не верить, исследовать, проверять и затем уже – верить! Если хочется.

А. П.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские сателиты. Неизданная переписка. М., 1963, с. 170.

⁽¹⁾ Имеется в виду рассказ В. А. Каверина «Одиннадцатая аксиома».

⁽²⁾ Второй из упоминаемых рассказов – «Скиталец Ван-Везен».

⁽³⁾ А. М. Горький ошибочно считал, что один из рассказов принадлежит В. А. Каверину, а другой – Л. Н. Лунцу.

12. В. В. Иванов – М. Л. Слонимскому

17 сентября 1921, Петроград.

17/IX-21

Михаил Леонидович!

Случилось необычное:

я женился!

Привет – «Серапионам»!

Жена – Анна Веснина, – из Пролеткульта. Беллетрист и ничего, способный.

Шкловский его читал.

Сие к тому, что я к «Серапионам» не приду и то, что наше издательство, организуемое Горьким, увеличиться должно на 1 (одного) – человека.

Правда, я ей пока ещё ничего не говорил, но думаю сказать после точных переговоров об дне выпуска сборника «Серапионов». ⁽¹⁾ Вы сообщите Горькому о числе участвующих в сборнике, да? И мне скажите, когда идти на окончательные переговоры.

Я у вас буду в среду, а сейчас – не могу. Я – два! Удивительно!

Вообще, я сепаратный человек! Да?..

Всеv. Иванов

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 604.

⁽¹⁾ Имеется в виду альманах «1921 год».

13. В. С. Познер – А. М. Ремизову

19 (25) октября 1921, Париж.

Алексей Михайлович!

Вы – единственный, кроме меня, из Серапионовых братьев, который теперь за границей. ⁽¹⁾

Мне страшно хотелось бы от Вас узнать, как и что с «Домом Искусств» и его обитателями.

Я читал в газете интервью с Вами. Вы говорите там о Пильняке, о Коле Никитине, о Мише Зошенко. Где они теперь, что новое написали? Да, что с Лёвушкой Лунцем? Существуют ли Серапионы?

Где Корней Иванович⁽²⁾ и семейство?

Я так давно не имел ни от кого писем!

Давно уже Лёва⁽³⁾ писал мне, что Серапионы составили альманах, который продали финнам. Правда ли это?

Я ничего, ничего, ничего не знаю.

Ничего не пишу.

И, кажется, не случайно. Вне России писать нельзя, а о другом не стоит. Не правда ли?

Я думаю: самое главное – запечатлеть современность.

Но нельзя писать о голоде, когда сыт, о холоде, когда тепло.

Я боюсь, что не буду больше писать.

Александр Александрович умер, Николая Степановича расстреляли.⁽⁴⁾

Здесь хуже. Я как-то спросил у Тэффи, как живут здесь русские писатели.

– Побираемся.

И, действительно, как-то духовно побираются. Они уже ничего хорошего не напишут.

Простите, что я Вам так откровенно пишу: Вы петроградский. Вы поймёте.

И, если будет время, напишите. Тут так тоскливо.

Ваш *Влад. Познер*

■ «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998, с. 176.

⁽¹⁾ В. С. Познер, несмотря на юный возраст, был одним из основателей группы «Серапионовы братья», А. М. Ремизов в группу не входил, хотя всегда с доброй заинтересованностью относился к сочинениям «серапионов» и к ним самим.

⁽²⁾ К. И. Чуковский.

⁽³⁾ Л. Н. Лунц.

⁽⁴⁾ А. А. Блок и Н. С. Гумилев.

14. В. С. Познер – А. М. Ремизову

12 ноября 1921, Париж.

Вот, Алексей Михайлович, пишу Вам всё, что знаю, о Серапионовых братьях.

Они были основаны в начале этого года. Первые основатели – Лёва Лунц, Коля Никитин, Миша Слонимский и я. Первое заседание состоялось 1 февраля, а потом каждую субботу; братья: Груздев – брат настоятель, Никитин – брат канонарх, Лунц – брат скоромох, Шкловский – брат скандалист, я – молодой брат.⁽¹⁾

Без прозвища – Вы, Ахматова, Анненков, Замятин, Зоценко, Одоевцева, Коля Чуковский.

Остальные – гостишки.

■ «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998, с. 176-177.

⁽¹⁾ В мемуарах встречаются также иные прозвища некоторых «серапионов». Прозвище В. Б. Шкловского названо верно, хотя сам он в группу «Серапионовы братья» не входил.

15. М. М. Зоценко – А. К. Воронскому

16 января 1922, Петроград.

Тов. Воронский, письмо ваше я получил. Вы, конечно, правы: тон моего рассказа, это точно, не идёт вашему журналу.⁽¹⁾ Но только это не контрреволюция, это я просто размахнулся на большее, чем нужно. Впрочем, я не оправдываюсь. Я только хочу вам сказать, что «для удовольствия белой печати» не писал и писать не хочу – пишу так, как есть. А если и выходит иной раз с душком – такова жизнь, а не я.

Рассказ «Любовь» подержу у себя, посмотрю, подумаю: может, и верно – изменю кое-что. Тогда пришлю.

Пока посылаю рассказ «Чёрная магия». Тоже бытовой. Пока всего доброго.

Мих. Зоценко

Р. С. Сегодня виделся с Бор. Пильняком – говорили о вашем журнале и о моём рассказе «Любовь». Пильняк считает, что вы правы. Я согласился. Привет и от него.

16/1-22.

Мих. Зощенко

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 553.

⁽¹⁾ М. М. Зощенко предложил журналу «Красная новь» рассказ «Любовь».

16. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому

10 февраля 1922, Петроград.

Дорогой Алексей Максимович,

не помню, что писал Вам с Пильняком. В тот день все были почти невменяемы.⁽¹⁾ Хочу рассказать Вам, что делают Серапионы. Прежде всего мы явно живы. Пробовали – каждый в отдельности – умирать, но ничего не вышло. Федин был спасён хирургом Грековым⁽²⁾ и ещё не встал с постели, когда случилась катастрофа с Лунцем. Он в одном доме поставил кинематографическую драму в 75 действиях,⁽³⁾ а в публике были люди дикие – матросы. Они пришли в соответствующий их званию и мускулам восторг и принялись качать несчастного интеллигента. Проломили ему спину и ушли. Лунц повыл, но, узнав, что позвоночник пока что цел, успокоился. Впрочем, лежал две недели.⁽⁴⁾ Никитин облил ядовитой жидкостью самую серьёзную часть своего тела.⁽⁵⁾ Тоже выл и тоже поправился. Один Всеволод Иванов не пытался умереть. Купил сибирскую шубу и похож теперь на белого медведя в пенсне.⁽⁶⁾ Он медленно, но верно становится знаменитостью, а с Серапионами сросся до чрезвычайности. Нельзя себе представить Серапионов без Всеволода.

1 февраля праздновали годовщину Серапионов. Ужинали, танцевали и... и не пили, потому что не было денег.

Да это, пожалуй, хорошо. Зато была обширная литературная часть: стихи, история Серапионов и прочее. Зощенко прочёл дивные пародии: рассказы «Панель» (на меня), и «Кружевные травы» (на Всеволода), и статью о Серапионовых братьях (на Шкловского). Лучшая пародия на Всеволода. Кончается, например, так: «Савоська вскинул берданку на плечо и выстрелил. – Это я в Бога, – сказал он и матерно улыбнулся». Это «матерно улыбнулся» так и вошло у нас в поговорку.

С печатанием всё же очень трудно. Содержание альманаха в «Алконосте» пришлось изменить: ⁽⁷⁾ «Кол» Никитина выкинут. Мой «Дикий» сильно урезан. Ничего не поделаешь. В альманахах Гржебина ⁽⁸⁾ во втором идёт «Вне закона» Лунца, в третьем – мой «Шестой стрелковый», новый рассказ, несомненно лучший из всего, что я пока написал. Между прочим – пытался изменить я «Рваных людей» (в Финском альманахе). ⁽⁹⁾ Работал-работал и бросил. Ничего не поддается изменению. Решил: пусть живут так, как написаны. Ужасно трудно писать. А изменять написанное невозможно. Хотел послать Вам «Тринадцатую ошибку», перечёл и возненавидел. Отчаянно не понравилось. Решил не печатать, пока не пойму, в чём дело. Вы как-то сказали мне, что я «качаюсь». Я это часто вспоминаю. Здорово правильно. Я через месяц начинаю ненавидеть то, что написал. Но вот уж два месяца, как написал «Шестой стрелковый» и всё его люблю, хотя пишу новое. У Серапионов имел успех. Было мне заявлено, что это лучшее из всего мною написанного. Вольфсон обещал издать альманах быстро. Мне очень хочется, чтобы Вы прочли. Когда в изд<ательст>ве перепечатают, хочу послать копию Вам.

Как с финским альманахом? Говорят, он у Гржебина. Или нет? Хотелось бы видеть его напечатанным. Мы все думаем, что это, пожалуй, можно.

Ещё немного фактических сведений: Всев. Иванов печатает в изд<ательст>ве «Эпоха» повесть в 6 листов «Цветные ветра» и две книги рассказов. ⁽¹⁰⁾ Зощенко в

издательстве «Эрато» – «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова». Остальные с книжками ещё только примериваются. Я сговариваюсь с Вольфсоном о книжке «Шестой стрелковый», но раньше лета не хочу выпускать. А может быть, и летом будет рано.

Литературно Серапионы поставлены хорошо. Показатель тот, что свободных рукописей нет. Всё написанное сразу же берётся в разные места.

Пишу Вам о Серапионах так подробно потому, что сам ими увлечён до крайности и знаю, что Вы неплохо относитесь. Но покорнейшая просьба от Серапионов к Вам. Мы все Вас искренно любим. Вспоминаем часто. Много говорили о Вас в годовщину 1 февраля. И хотим знать о Вас. Было известие (неясное), что Вы нездоровы. Потом известие это было опровергнуто. Мы хотим получить от Вас весточку о себе, о загранице, обо всём. Нам было бы это очень приятно.

Письмо моё домашнее, но и Серапионы относятся к Вам по-домашнему хорошо. Как видите, и у меня третье слово «Серапион». Я не виноват.

Ваш *М. Слонимский*
10/II.22 г.

Р. S. Вот и нехорошо: забыл. Объявился замечательный поэт – Николай Тихонов. Лучше Гумилёва. Вся молодежь ему в подметки не годится. Конечно, он Серапион.⁽¹⁾ И, конечно, Вам будут посланы его стихи. Очень хорошо.

■ «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998, с. 153-154.

⁽¹⁾ 18 января 1922 г. отправлявшиеся в Берлин Б. А. Пильняк и А. Б. Кусиков выступали в Доме Литераторов. На этом выступлении присутствовали и некоторые «серапионы». О шумном прощальном банкете впоследствии М. Л. Слонимский рассказывал в мемуарах.

⁽²⁾ В ноябре 1921 г. К. А. Федину была сделана операция.

⁽³⁾ Одним из самых любимых развлечений «серапионов» был так называемый «кинематограф», нечто вроде «живых картин», которые ставил Л. Н. Лунц.

⁽⁴⁾ В книге «Сентиментальное путешествие» В. Б. Шкловский описывает этот случай иначе. Но как бы то ни было, из-за полученной травмы здоровье Л. Н. Лунца, и без того слабое, совсем ухудшилось.

⁽⁵⁾ Об этом происшествии упоминается и в принадлежащей, вероятно, А. М. Ремизову, заметке без подписи, опубликованной в газете «Голос России» от 18 июня 1922 года. Возможно, серапионовская «фильма», от которой в памяти мемуаристов сохранилось только название «Действительный член Дома Искусств», посвящена этому происшествию.

⁽⁶⁾ Автор письма не точен. В. В. Иванов сшил шубу, купив для этого шкуру белого медведя, которую обычно кладут на пол.

⁽⁷⁾ Имеется в виду книга «Серапионовы братья. Альманах первый».

⁽⁸⁾ Об альманахах, выпущенных или готовившихся к выпуску в издательстве З. И. Гржебина, ничего не известно.

⁽⁹⁾ О «финском альманахе», несколько раз упоминавшемся в серапионовской переписке, сведения также отсутствуют.

⁽¹⁰⁾ Если насчет двух упомянутых книг нет сомнений, это повесть «Цветные ветра» и сборник рассказов «Лога», то судьба третьей не ясна. Сборник рассказов «Глухой мак», выпущенный берлинским отделением издательства «Эпоха», отсутствует в библиографии В. В. Иванова и упомянут лишь в первом томе указателя И. В. Владиславлева «Литература великого десятилетия» (М.-Л., 1928). Между тем и произведение с таким названием у В. В. Иванова отсутствует, однако у него есть рассказ «Глухие маки», входивший в сборник «Седьмой берег» (М.-Пг., «Круг», 1922), переизданный и в следующем году.

⁽¹¹⁾ Н. С. Тихонов был принят в группу «Серапионовы братья» позже других.

17. К. А. Федин – А. К. Воронскому

13 февраля 1922, Петроград.

Товарищ Воронский, сегодня получил второй перевод Ваш – 8.600.000 рублей, таким образом, всего с декабрьским переводом – 12.600.000 (двенадцать миллионов шестьсот тысяч рублей). Вот Вам расписка.

Спасибо. Спасибо и за письмо. Всецело разделяю взгляд Ваш на замятинскую «символику» – дурная политика, непристойная. Жалко, конечно, что меня и других серапионовцев окружили такими пахучими цветами. Но в том виной многие обстоятельства. Ведь до сих пор здесь нет *ни одного* органа, в котором можно было бы печататься без

оглядки. Беллетрист поставлен в необходимость пользоваться «парламентами мнений» вроде «Петербургского сборника». В таком «парламенте» революционер сидит подле черносотенца. И за соседей, конечно, не отвечает. Другая сторона: мы все (я говорю о молодежи, т<о> е<сть> о братьях Серапионовых) долгое время работали и только работали. Как мы прожили это время, никто, конечно, не узнает, да и не обязан знать. Теперь, когда «нас покупают», когда на нас есть «спрос», мы сплошь и рядом продаём свой труд только для того, чтобы работать дальше, продаём покупателю, который ближе и сговорчивей. Я очень надеюсь, что это положение продержится недолго. Но пока что я, например, разбросал свои вещи по разным издательствам (сделал это ещё до знакомства с Вами) и теперь продал свою книжку рассказов (которые появятся раньше тут и там) частному издателю, наспех, только чтобы получить возможность писать и работать дальше.

Я задумал современный большой роман.⁽¹⁾ Он охватит наши изумительные годы и людей, каких я видел в Германии, в Польше, на Волге, в Москве и Петербурге. При более или менее благоприятных условиях я окончу работу через год. Я слушаю, как роман «шевелится под сердцем». Но писать придётся «на счёт» рассказов, статей, фельетонов... Будут ли они хорошими рассказами? Не доведётся ли рассовывать их по альманахам, журналам, направо и налево, на заказ, только бы жить и писать то, что хочешь и что нужно?

Не будьте строги ни ко мне, ни к серапионовцам; всё это народ, стоящий с молодых ногтей далеко от кафе и иных доходных статей. Довольно хорошо работают и довольно плохо продают свой труд...

А по беллетристике замятинского толка открывайте пальбу. Только не пристрелите, кой грех, своих.

С нетерпением жду выхода альманаха.⁽²⁾ Не пришлёт ли мне несколько экземпляров? Пожалуйста.

Рад, что В. Полонский «нашёл всё на своём месте»: он хорошо понимает Бакунина и пишет о нём.⁽³⁾

Пришлите мне текст объявления «Красной нови» и «Альманаха» для помещения в «Книге и революции». На днях вышлю Вам объявление о нашем журнале – прошу тиснуть в «Красной нови».

Поручите кому-нибудь исполнить следующую просьбу Серапионовых братьев: в прошлом году ЛИТО Наркомпроса объявило всероссийский конкурс художественных рассказов; срок был установлен 1.IX.1921. *Был ли объявлен результат конкурса, присуждены ли премии и кому.* Напишите мне об этом.

Жму руку.

Конст. Федин

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 28-29.

⁽¹⁾ Упоминается роман, впоследствии названный «Города и годы».

⁽²⁾ Во 2-й книге альманаха «Круг» увидела свет повесть К. А. Федина «Анна Тимофевна».

⁽³⁾ В. П. Полонский изучал жизнь М. А. Бакунина, собранные им «материалы для биографии» впоследствии составили три тома.

18. В. В. Иванов – А. К. Воронскому

24 февраля 1922, Петроград.

Петроград, 24 февраля 22 года

Тов. Воронский,

браните Вы меня зря. «Голубые пески» разрослись до романа, и напечатаем мы его лучше в 7 № журнала. Браниться Вам со мной – и мне с Вами – не выгодно. А про «Дитё» я, кажется, так и понял из письма, как Вам передавал Лунц. Пишите яснее.

Я очень устал. Написал много, а книга моя печатается четыре месяца и выйдет ещё, наверное, в марте.⁽¹⁾

Какие олухи сидят в Главполитпросвете, и зачем они переиздали «Партизан». За такие дела я бы дал по физио-

номии – но ехать далеко – и скучно. Разве вот роман привезу, тогда по пути. Я им написал ругательное письмо и боюсь – слишком мягко. Ради создателя, пусть не переиздают «Бронепоезд». Честное слово, зашибу на месте.

Занимаюсь тем, что в «Правде»⁽²⁾ и в «Красной <газете>» печатаю рассказы и весной уеду на Дальний Восток.

«Голубые пески» я привезу в Москву сам.

В Петербурге выходит много книг и журналов (библиографических чуть ли не б) и нет ни одного литературного, т<о> е<сть> печатающего беллетристику. Это всё равно, что корни без стебля.

Не хочет ли московский Госиздат издать мой «Бронепоезд»... Если у Вас будет время – переговорите. Только не по журналу, а по рукописи, которую я пришлю – я его переделал. Если издадут в месяц, я согласен, здесь частные издательства напечатают в 2 месяца, а Ионову я не хочу передавать.

На меня не обижайтесь. Работать мне приходится много – служить я нигде не служу, а в Петербурге много сволочи... Я устал...

Всеv. Иванов

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 585.

⁽¹⁾ Книга рассказов «Седьмой берег».

⁽²⁾ Здесь и далее, если не отмечено особо, под этим названием фигурирует газета «Петроградская правда».

19. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому

1 марта 1922, Петроград.

Тов. Воронский,

вместе с этим письмом посылаю вам рукопись «Подарок Фатьмы». Эта вещь пародирует семейный и авантюрный английский роман. Всё чрезвычайно сжато и напряжено, где вехи романа – главы. Стержнем романа нарочно вы-

бран такой пустяковый и незначительный предмет, как туфли. Конец нарочно условен. Всего в ней 42 000 букв.

Почему вы мне ничего не пишете? И я не знаю, что вы сделали с моим «Хлебом». Был бы крайне признателен, если бы вы сочли возможным прислать редактируемые вами издания.

Читал статью С. Городецкого (о «Петербургском сборнике»). Здорово!⁽¹⁾

<...> На днях выйдет Серапионовский сборник.

Жму руку.

Ваш *Ник. Никитин*

Жду срочного ответа.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 557.

⁽¹⁾ Уже 28 марта того же 1922 года в журнале «Жизнь искусства» было опубликовано «Письмо в редакцию», где «Серапионовы братья» решительно выступали против упомянутой статьи С. М. Городецкого «Зелень под плесенью. (Литературный Петербург)», в которой критиковались рассказы В. В. Иванова и М. М. Зошенко. Первой под письмом стояла подпись Н. Н. Никитина.

20. А. К. Воронский – В. В. Иванову

22 марта 1922, Москва.

Тов. Иванов! Получил ваше письмо о делах издательских. Из письма я увидел, что вы не совсем, по-видимому, поняли, о какой помощи «государства» идёт речь. Дело идёт не о казённых субсидиях и редакционном вмешательстве, а о кредите и льготах на коммерческих началах. Кредит из Госбанка. Это практикуют почти все издательства. «Задруга», например, «свистнула» месяца два тому назад три миллиарда. Я хлопотал о *больших* льготах для вас, чем для иных издательств (бумага, кредит льготный, закупка Госиздатом ваших изданий по соглашению и пр.).

Вот о чём идёт речь. Понятно, что о редакционном вмешательстве не может быть и речи. Решение, которое вынесли серапионы, очень, по-моему, подходящее. Я на днях пе-

реговорию с Госиздатом, а потом сообщу. Поднимая вопрос о помощи вам, я имел <в виду> не взятие вас «на казённое содержание», а дружескую помощь на коммерческих началах, не связывающих ни ту, ни другую сторону. Может быть, я сам дал повод к иному истолкованию моего предложения: извиняюсь.⁽¹⁾

Теперь о «Голубых песках». Ах, тов. Иванов! Рукопись, хотя бы два-три листа, нужно было уже послать мне. № 6-ой работается в два раза быстрее пятого и выйдет 10-го апреля. Уже сейчас нужно точно знать, что пойдет, а дней через 7-8 надо сдать художественную часть журнала. Жду рукопись уже недели две и, так как надеюсь на неё, то другое отбрасываю. Убедительно вас прошу послать несколько листов. Жду вас в Москву.

Привет и счастья!

22/III-22 г.

А. Воронский

«Бронепоезд» расценивается среди коммунистов очень высоко. Скоро появится ряд рецензий. В восторге Сталин и прочая именитая публика. Да, это не «лампадка»!

А. В.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 559.

⁽¹⁾ Речь, по всей вероятности, идет об издательстве «Серрапионовы братья». Издательство создано не было.

21. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому

Между 10 и 15 апреля 1922, Петроград.

<...>

Ваша статья – дельная и прекрасно написанная.⁽¹⁾ И не от себя скажу, а от других – которые говорят:

– Да... Приятно читать. Настоящий литературный обзор большого толстого журнала... Как раньше...

(Между прочим, кажется, П. Щёголев это говорил).

Удивителен медный пушкинский стих Есенина.

Просматриваю статьи и вижу – что составлен номер очень хорошо.

В одном из писем своих я как-то вам писал, что вы можете сделать ваш журнал – «единственным» в России журналом.

И это оправдывается.

Но вам тяжело, вы устали. Понимаю – тяжело было подымать целину, а теперь на готовенькое, на чистенькое и выхоженное – все готовы слететься – «примите, мол, и нас...».

Работы будет много.

Но это ваша гордость.

Возьмите хорошего, надёжного помощника.

Если б я был московский, я не задумался бы помочь вам.

Журнал стоит того, чтобы обеспечить за ним литературный приоритет.

Вот хотел открытку, а пишу письмо.

О деле так.

Выясню и напишу. 70 м<иллионов> за мной. К этим можно будет прибавить то, что выторгую из запроданного и передам вам.⁽²⁾

№ 2 «Культуры и жизни» получил – спасибо.

Деньги за «Фатьму» жду.

«Летопись»⁽³⁾ – я с ней поспорил. Это старая каша.

Посмотрите в № 2 «Новой России» – один из последних моих рассказов «Пёс» – выходит на этой неделе.

Благодарю за память обо мне в «Литературных откликах».

Жалко, что располагаете малым материалом. Ваш отзыв – мне дорог. Ехать думаю во второй половине мая. Дам вам знать – и без денег ваших не поеду.⁽⁴⁾

Крепко жму руку

Ник. Никитин

P. S. Кстати, о Замятине. Не влияет он на меня так, как вы думаете. Вначале может быть было, это верно... а те-

перь нет. Я не отрекаюсь от него, конечно, а просто по существу. Человек он хороший, «оппозиционер» по природе – ну что подделаешь, интеллигентская замашка. Родиться бы ему вновь, пройти сквозь революционную жижу – здоров бы был...

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 561.

⁽¹⁾ Упоминается статья А. К. Воронского «Литературные отклики». Но почему о ней зашла речь, неясно – начало письма отсутствует.

⁽²⁾ Вероятно, имеется в виду вступительный взнос в артель писателей «Круг».

⁽³⁾ Журнал «Летопись Дома литераторов».

⁽⁴⁾ Н. Н. Никитин собирался в заграничное путешествие.

22. М. М. Зощенко – А. К. Воронскому

Февраль – май 1922, Петроград.

Тов. Воронский! Вы хотели что-то почиркать в рассказе моём «Любовь». Если это незначительное и ущерба для рассказа не будет, то пожалуйста. Полагаюсь на усмотрение ваше. Хотелось бы мне рассказ этот видеть в «Красной нови», а не в вересаевском альманахе.⁽¹⁾ Неправда ли – больше подходит? Ну, да я не протестую, если иначе. Нового вам не посылаю – не пишу. Болею всё – астма и легкие дрянь. Ну да извините, что на нездоровье жалуюсь. Это я всем. А вот у меня дело к вам есть. Мне сказали, что рассказ мой «Война» лежит в редакции «Культура и жизнь». Как это случилось – не знаю. Помню, осенью ещё дал я этот рассказ Замятину. Он сказал: «Пошлю в Москву, пристрою там». Нынче он говорит мне: «Ну вот, пристроил. Напишите, согласны ли. Журнал “Культура и жизнь”».

Так вот, тов. Воронский, верно ли это? Если так, то посылаю согласие своё. Напечатайте. Если нужно. Если нет – ответьте. Рассказ из ранних – даже не помню, хорош или плох. Так вот – всего доброго.

Ваш Зощенко

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 564.

⁽¹⁾ Имеется в виду альманах «Наши дни».

23. И. Г. Эренбург – «Серрапионовым братьям»

12 мая 1922, Берлин.

Дорогие Серрапионовы Братья, позавчера лишь я получил Ваш альманах и рукописи,⁽¹⁾ говоря предварительно с «Геликоном», я думал, что речь идёт о неизданных вещах. Присланные, ввиду того, что это выходит в России, уж он взять отказался. Я обошёл другие издательства, хочет взять «Русское творчество» (ред. А. Толстой). Лично мне это издательство не особенно по вкусу, но сие не столь важно. Условия они предлагают хорошие. Сегодня они должны дать окончательный ответ.⁽²⁾ В случае положительном постараюсь уже завтра выслать посылку на имя Полонской. «Геликон» же Вас просит прислать неизданные вещи. Вот и всё. Позвольте прибавить, что альманах, по-моему, очень хороший.

■ «Вопросы литературы», 1997, март-апрель, с. 234.

⁽¹⁾ Речь идет об издании «Серрапионовы братья. Альманах первый» (Пб., «Алконост», 1922).

⁽²⁾ Ответ был положительным. Вышедшая вскоре книга «Серрапионовы братья. Заграничный альманах» (Берлин, «Русское творчество», 1922), несколько отличается по составу от «петербургского». Рассказ Н. Н. Никитина «Дэзи» заменен рассказом «Пес», кроме того, добавлены стихи Е. Г. Полонской, Н. С. Тихонова и статья И. А. Груздева «Лицо и маска», отсутствовавшие в издании «Алконоста».

24. М. М. Зощенко – А. К. Воронскому

12 июня 1922, Петроград.

Тов. Воронский, а ведь вы меня совсем забыли. Даже не ответили, где пойдет «Любовь».

Может быть, вы не получили моего письма, где я пишу: «Можно ещё кое-что почиркать». Если вы сомневаетесь, напечатать ли этот рассказ или нет, то лучше не стоит печатать. Право, может и на самом деле есть там кое-что этакое... А мне этого не хочется.

Если же печатать рассказ вы всё-таки решили, то пришлите мне, пожалуйста, денег. Очень нужно. Извините, что я прошу. До сих пор я не просил – думал, что у вас нету, однако кой-кому вы прислали. Так что я в некотором даже недоумении. *Если же печатать не будете* (печатать его, кроме как у вас, я не буду), то ответьте. *Денег же не высылайте*, а вышлите как только я пришлю вам новый рассказ. Я вот на днях собрался вам посылать, да деньги понадобились срочно – продал в «Петроградскую правду», в газету.⁽¹⁾ А это не интересно.

Ужасно жаль, что вы не здесь, а в Москве. Вместе рассказ привели бы в порядок.

Итак, тов. Воронский, жду вашего ответа.

Ваш *Мих. Зощенко*
12/VI-22.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 565.

⁽¹⁾ Имеется в виду рассказ «Веселая жизнь».

25. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому, Л. Н. Лунцу, В. В. Иванову

Весна–лето 1922, Гершигсдорф.

М. Л. Слонимскому, Лунцу, Всев. Иванову
Друзья!

Если вы пришлёте мне через А. П. Пинкевича рукописи для второго и третьего альманаха,⁽¹⁾ я обязуюсь устроить здесь издание оных на условиях возможно более выгодных для вас и в самом скором времени. Выговорю вам гонорары за право перевода на иностранные языки.

Особенно рекомендую Всеv. Иванову издать книгу его рассказов.

Сообщите, сколько вы хотели бы получить гонорара и затем – сколько тысяч экземпляров послать вам в Россию на продажу?

Будьте здоровы, будьте бодры, работайте больше, всё остальное приложится!

Привет вам.

А. Пешков

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 376.

⁽¹⁾ Свет увидел только первый альманах «Серапионовы братья». «Петроградское» издание отличается от дополненного издания, которое чуть позднее вышло в Берлине.

26. В. В. Иванов – К. А. Федину

1922.⁽¹⁾

Дорогой Костя,

дай мне на несколько дней 15 червонцев. А?

Нет, не надо, – а скажи только, где мы сберёмся во вторник, понеже я никак не смогу раньше выбраться из комнаты.

Ох, и устал!

Пишем, молодой человек, пишем.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 586.

⁽¹⁾ Письмо датируется публикатором условно.

27. В. В. Иванов – К. А. Федину

1922.⁽¹⁾

Дорогой Костя,
посылаю тебе серап<ионовский> червонец.

Где во вторник собираемся?

Лежу.⁽²⁾

Всё пытаюсь писать, но туго.

Чехов хороший писатель.

Привет.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 586.

⁽¹⁾ Письмо датируется публикатором условно.

⁽²⁾ Возможно, глагол «лежу» означает не то, что автор письма болен, а то, что он работает: писал В. В. Иванов чаще всего лежа, пристроив дощечку с листами бумаги на колене.

28. Л. Н. Луц – А. М. Горькому

16 августа 1922, Петроград.

16/VIII 1922.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам за Ваше письмо. Я уже давно собирался написать Вам, но всё откладывал, думая, что вот-вот сам попаду в Германию. Но отъезд мой подвигается туго, да и схать мне теперь расхотелось.

Простите, Алексей Максимович, если моё письмо будет состоять из вопросов. Я сейчас – одно сплошное сомнение: весь полон противоречиями и колебаниями. А сомненья эти литературные и – о ужас! – этические! И мне нужно посоветоваться с твёрдым человеком, которому я верю и которого я уважаю. Таких людей в Петербурге сейчас нет.

Простите ещё раз, что я решаюсь обратиться к Вам.

Первое сомнение (и самое жестокое): правильно ли поступил я, ударившись в литературу? Не то, чтобы я не верил в свои силы: верю я в себя, может быть, слишком смело. Но я – еврей. Убежденный, верный, и радуюсь этому. А я – русский писатель. Но ведь я русский еврей, и Россия – моя родина, и Россию я люблю больше всех стран. Как примирить это? – Я для себя примирил всё, для меня это ясно и чисто, но другие думают иначе. Другие говорят: «не может еврей быть русским писателем».

Говорят вот по какому поводу. Я не хочу писать так, как пишут $\frac{9}{10}$ русских беллетристов и как пишут, в конце концов, и Пильняк и большинство Серапионов. Я не хочу густого, областного языка, мелочного быта, нудной игры словами, пусть цветистой, пусть красивой. Я люблю большую идею и большой, *увлекающий* сюжет, меня тянет к длинным вещам, к трагедии, к роману, непременно сюжетному. А Ремизова, а Белого – не терплю. Западную литературу люблю больше русской. Нужды нет, что пока у меня ничего не выходит. Я за последние полтора года ничего не напечатал, загубил 25 листов, из коих только 2-3 закончены и готовы. Остальное наброски или неудавшиеся повести. Меня это не страшит. На то мне 21 год. Я могу молчать и хочу молчать (если б только не деньги!) ещё 10 лет, пот<ому> что верю в себя. Но кругом говорят, что я не русский... Что я люблю сюжет, пот<ому> что я не русский. И что ничего из меня не выйдет.

Вот мой рассказ «В пустыне». Я был несказанно рад, узнав, что Вам он понравился. У меня написаны ещё два «библейских» рассказа, кот<орые> по-моему гораздо лучше «Пустыни», во всяком случае, интереснее.⁽¹⁾ Но мне их отовсюду возвращают. Говорят – *стилизация*. Ну, как мне объяснить, что это ни в коем случае не стилизация, что иначе, другим языком, нельзя говорить об этом: великом и кровавом? Если нет современности в узком смысле, если нет русского быта, – значит, стилизация, значит, я не могу быть русским писателем.

Так говорят все. У нас тут царит Иваново-Разумничанье самого дурного тона.⁽²⁾ Единственная моя поддержка – Серапионы, но ведь и они сами ещё мечутся, ещё не отстоялись. Я обращаюсь за ответом к Вам – простите.

Другой мучительный для меня вопрос – это отъезд за границу. Ехать мне *надо*. Во-первых, я оставлен при Университете по зап<адным> литературам, и мне нужно продолжать занятия. Во-вторых, я страшно ослабел и преплохо живу, а в Германии у меня вся семья. Но ехать я не *хочу*. Дело в том, что я должен перейти для этого в литовское подданство.⁽³⁾ А это противно. Полгода хлопотал я, чтоб меня выпустили просто, но из-за моего возраста – ничего не выходит.⁽⁴⁾ В подданство я могу перейти в любое время. Ещё в прошлом году, когда уезжали родители, я не поехал с ними. Противно! И потом трудно будет вернуться. А покинуть Россию навсегда не могу. Вот и мучаюсь. И опять к Вам, Алексей Максимович, обращаюсь за советом. Можно ли жить за границей? И, главное, смею ли я изменить *своей* стране? Может быть, это детские рассуждения, но мне они не дают покоя.

И ещё – уже конкретней. Можно ли проехать в романскую страну – Францию, лучше всего Италию или Испанию (языки эти я знаю прилично)? Ведь в Германии мне оставаться для занятий нет смысла. Как там, в «Романии», русским?

Дорогой Алексей Максимович! Я долго боялся обращаться к Вам с этими странными бестолковыми вопросами. Я мало виделся с Вами, но я Вас горячо люблю и уважаю. Только поэтому и пишу.

Ваш

Лев Луиц

Петроград, Мойка 59, «Дом Искусств».

■ Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 141-142.

⁽¹⁾ Имсеются в виду произведения Л. Н. Луица «Рассказ о скопце» и «Родина».

⁽²⁾ Термин образован от фамилии критика и публициста Р. В. Иванова-Разумника, придерживавшегося «почвеннической» ориентации.

(3) Родители Л. Н. Лунца были уроженцами Литвы, что давало им право беспрепятственно выехать за границу, в то время как ему для выезда надо было принять литовское гражданство.

(4) По всей вероятности, проблема заключалась в том, что возраст у Л. Н. Лунца был призывной и рассматривался вопрос о его службе в армии.

29. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому

Середина августа 1922, Петроград.

Дорогой Алексей Максимович,

получил от вас письмо и, наконец, узнал точный ваш адрес.

Покорнейшая просьба: принять участие в нашем журнале. Журнал будет называться «Двадцатые годы»⁽¹⁾ (не наверняка ещё). Журнал этот – следствие поездки моей со Всеволодом⁽²⁾ и Фединым в Москву. Жду сейчас Всеволода, который ещё в Москве, – он должен привезти деньги <...>

Соберу с Серапионов рукописи и вышлю. Но ленивый народ – не переписывают. Да и то правда: ужасный это труд переписывать, а на перепечатку – увы! – денег нет.

Военных рассказов больше не пишу. Пишу роман авантюрный, с бандитами, Эйнштейном и прочей чертовщиной. Трудно! Но приятно до чрезвычайности. У меня там профессор есть непризнанный. У него сумасшедшая теория и сам он сумасшедший.⁽³⁾ Занят этим я днём и ночью. Читали ли вы «Варшаву» мою? Меня за неё только Виктор⁽⁴⁾ да Ходасевич, да ещё немногие хвалили. А публика ругалась.

Очень по вас соскучился. В субботу соберутся у меня, как всегда, Серапионы, будет Каверин (Зильбер)⁽⁵⁾ читать «Гишпанскую повесть»,⁽⁶⁾ а я объявлю ваше письмо, и мы составим вам как следует послание сообща, ибо любим и помним вас очень.

Был я в Москве. Слушал Пильняка «Третью столицу». Талантливо, но Серапионы не совсем довольны: чистая

публицистика, отрывочность возведена в принцип и трагически ведет к Власу Дорошевичу.⁽⁷⁾ Торопливый человек Пильняк, мог бы писать лучше. Слава богу, таланту у него достаточно.

Читали мы там в Союзе писателей – старики шипели <...> Пили много, да и вообще пьем, но не слишком. Больше от усталости, чтобы встряхнуться и вновь приняться за работу.

Пишите нам, дорогой Алексей Максимович, и сообщите, получили ли вы рукописи, посланные Чуковским А. Толстому и мной из Москвы. Пожалуйста, распорядитесь ими (в смысле переводов и прочего) как знаете. Будем очень благодарны. Но не забывайте, пожалуйста, о нашем журнале. У нас на этот журнал – ориентация главная. Наконец-то можно будет заговорить полным голосом.

Всего вам хорошего.

Ваш М. Слонимский

Виктору⁽⁸⁾ пишу отдельно. Сообщите ему, пожалуйста, что всё обстоит благополучно, и братство – штука хорошая, лучшая в мире.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 376-378.

(1) От идеи издавать журнала «серapiоны» отказались.

(2) В. В. Иванов.

(3) Роман «Трактат профессора Мясникова» не был завершен.

(4) В. Б. Шкловский.

(5) Упоминается настоящая фамилия В. А. Каверина.

(6) Рассказ впоследствии получил название «Столяры».

(7) В. М. Дорошевич первым выстроил свою поэтику на очень короткой фразе, иногда состоящей всего из нескольких слов.

(8) В. Б. Шкловский в это время находился в эмиграции.

30. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому

19 августа 1922, Герингсдорф.

19.VIII.22.

Получил ваше письмо, Михаил Леонидович, – спасибо за память! Для журнала вашего непременно что-нибудь пришло, но – какой срок?⁽¹⁾ Напишите.

На днях достал и прочитал «Серапионовы братья» – альманах. Очень хорош Зощенко, как всегда интересен Зильбер⁽²⁾ – оригинальнейший писатель, сильно написал Лунц, – излишне хвалить Иванова. Сила какая! И это – не из лучших рассказ. Ваш – хороший рассказ – испорчен, я знаю, как и кем. Жаль. Никитин – неудачно написал, но есть прелестные места, напр<имер> – о коробке спичек и самоубийстве.

Разрешите мне указать на следующее: почти у всех вас – исключая В. Иванова – лексикон беднее ваших способностей и тем, – значительно беднее! Техника, которой вы обладаете, задачи, которые вы ставите перед собою, – неизбежно и настоятельно требуют большего богатства слов, большего обилия и разнообразия их. Не следует, конечно, пускаться на фокусы, как это делает Пильняк, заимствуя и искажая лексикон Андрея Белого, – не нужно «сочинять» слова, – но – язык наш достаточно гибок и богат – следует глубже всмотреться в него. В рассказах бытового характера у вас часто получается «единодушие» – в том его виде, который совершенно нежелателен, – один пишет, как другой. Особенно заметно это в страницах описательного характера.

Вы простите мне это указание. Поверьте, что оно вызвано моим глубоким и сердечным интересом к работе вашей группы. Она для меня – самое значительное и самое радостное в современной России. На мой взгляд – и я уверен, что не преувеличиваю – вы начинаете какую-то новую полосу в развитии литературы русской, – а это – величайшее, что есть у нас. Слежу за вами с трепетом и радостью. Будьте здоровы, живите дружно, присылайте, пожалуйста, в<аши> книги мне. Очень прошу! Всего доброго.

А. Пешков

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 378-379.

⁽¹⁾ Журнал «Двадцатые годы».

⁽²⁾ В. А. Каверин.

31. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому

20 августа 1922, Герингсдорф.

Дорогой Михаил Леонидович.

Вчера – 19-го – Андре Жермен передал мне для «Серапионовых братьев» 50 т<ысяч> гер<манских> марок с просьбой послать вам посылки «Ара».⁽¹⁾

Посылки будут отправлены на адрес «Дома Искусств» и на имена Слонимского, Лунца, Зощенко, Зильбера – 22-го. Очень грустно, что ввиду падения марки на 50 <0%>, можно послать только четыре посылки, но я надеюсь скоро дослать ещё пять или шесть. А если это вам удобнее, могу выслать деньгами.

«Викторию Казимировну», «Пустыню», «Хронику Лейпцига» отдал переводить на французский язык.⁽²⁾ Гонорар будет послан редакцией «Les écrits nouveaux» непосредственно вам.

Мне нужно бы иметь: «Рассказы Синебрюхова»

«Пятый странник»

Стихи Полонской

–”– Тихонова

и вообще – всё, что вами уже издано. Надо переиздать всё это здесь, чтоб закрепить за вами права на оплату гонораром. У вас, кажется, скоро издадут закон об авторских правах, – как только эту штуку опубликуют, пришлите мне! Очень прошу. Если за иностранными авторами не будут признаны их права, то – разумеется – и за русскими Запад не признает этих прав. Но – Германия связана Бернской конвенцией,⁽³⁾ значит: издавая здесь, вы имеете право авторизации для всех стран Европы.

Привет! Всем.

А. Пешков

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 379-380.

(1) Имеется в виду «Американская администрация помощи», организация, созданная в 1919 году в США, целью которой было оказание продовольственной помощи странам, пострадавшим от Первой мировой войны. С 1923 года деятельность АРА в Советской России запрещена.

(2) Упомянуты рассказы М. М. Зощенко, Л. Н. Лунца и В. А. Каверина.

(3) Конвенция по охране авторского права.

32. К. А. Федин – А. М. Горькому

28 августа 1922, Петроград.

Петербург. 28.VIII.1922. Литейный, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович.

Весной этого года послал вам предлинное письмо, рассказав о всех Серапионах. Оказывается, вы не получили ни этого письма, ни книжки моей,⁽¹⁾ ни писем других Серапионов. Шлю вам «Бакунина в Дрездене» и «Сад» – это всё, что удалось выпустить отдельным изданием. В Москве, в только что возникшем издательстве «Круг», куда входят от Серапионов Всев. Иванов, Ник. Никитин и я, в конце года выйдет первая моя книга рассказов «Пустырь». В неё включаю и повесть «Анна Тимофевна» – сравнительно большую «историю одной жизни», которая будет напечатана сначала в альманахе «Круга». В «Круге» печатаются все Серапионы. Издательство большое, и мы связываем с ним много надежд. Совсем было наладилось дело с изданием в Петерб^{урге} серапионовского журнала, но в последний момент затею пришлось отложить, как ни странно – не из-за денег.⁽²⁾ Журнал, по видимому, всё-таки будет.

Точно сговорившись, все мы засели за «романы». Всеволод работает сразу над двумя – «Голубые пески» и «Ситцевый зверь» (первый печатается в «Кр^{асной} нови»), Слонимский пишет фантастическую авантюру из революционной поры,⁽³⁾ Зощенко – цикл рассказов «Записки бывше-

го офицера», я – роман о войне и революции.⁽⁴⁾ Каверин (Зильбер) продолжает гофманианить, пересадив своих советников, мастеров и студентов на новгородско-московскую почву. Лунц написал новую трагедию,⁽⁵⁾ но не читал ещё нам – выдерживает в столе.

Только один Никитин ездил этим летом «в вояж за впечатлениями», на Урал. Остальные побывали в пригороде, Москве, на даче. Не собирались, т<аким> обр<азом>, все-го две субботы и теперь серапионим нормально.

К сожалению, невозможно рассказать вам в письме, какая игра закрутилась вокруг братства, как трудно бывало иной раз сохранить спокойствие и как, в сущности, удивительно, что мы не поползли каждый по особой дорожке, а продолжаем жить и работать скопом. Не знаю, но кажется, не было в России ни одной литературной группы, которая держалась бы так долго на одной дружбе (школы бывали, «направления» – тоже, но ведь у нас ни школ, ни направлений!). Всё это радует и бодрит. Думаю, что через год все мы обрадуем вас, дорогой Алексей Максимович, каждый по-своему, хорошими книжками: на предстоящую зиму я крепко рассчитываю.

Ещё о нас и о себе. Всех нас изумительно связало наше братство и взаправду сроднило. Все прошли какую-то неписаную науку, и науку эту можно выразить так: «писать очень трудно».⁽⁶⁾ Об этом как-то и все и всегда говорят. И это, думаю, верно. Я, по крайней мере, чувствую это болезненно, мне писать трудно и особенно трудно после того, как я сдружился с серапионовцами. Вот только *на деле* не решено для меня: *просто* ли писать трудно (Толстой) или *мудрено* (... Пильняк) и не есть ли «трудность» искусства результат борьбы мудрености с простотой? Все такие вопросы приходится разрешать буквально на своей шкуре, на работе, бесконечно пробуя, нащупывая и примеривая. До сих пор я был не только убеждён, но и видел (на работе), что содержание обуславливает собою форму произведения. Но в таком случае, чего ж я бьюсь над поисками формы (не над её выделыванием), когда у меня

есть тема, сюжет, какая-то музыкальная наполненность, словом – содержание. Очевидно, одно и то же можно сказать по-разному. А раз так – как идти, чтобы не сорваться в пропасть?

Я знаю, что в конечном счете все эти рассуждения выеденного яйца не стоят и что получится всё само собой, выйдет, произойдет. Но на работе изо дня в день брать барьеры подобных сомнений и колебаний утомительно. И иногда мне кажется, что Серапионы помогают мне преодолевать препятствия, иногда – мешают. Но всё дело в том, что этих препятствий было бы у меня куда меньше, если бы не Серапионы! А это хорошо.

Вам уже писали Всеволод и Слонимский, и вы, наверно, знаете, как мы были рады вашему письму. Так хорошо, что вы помните нас, пишете и впредь.

Желаю вам всего доброго, жму руку. Как ваше здоровье?

Ваш *Конст. Федин*

Здесь был, проездом на родину, Соколов-Микитов, рассказывал много.⁽⁷⁾ Говорил, что вы едва ли скоро вернётесь. А вас здесь ждут давно и крепко.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 466-468.

(1) Имеется в виду книга «Бакунин в Дрездене. Театр в двух актах».

(2) Журнал «Двадцатые годы».

(3) Роман «Трактат профессора Мясникова».

(4) Роман «Города и годы».

(5) Пьеса «Бертран де Борн».

(6) Фраза эта была с радостью подхвачена А. М. Горьким. В статье, посвященной «Серапионовым братьям», он утверждал, что члены группы при встрече якобы приветствуют друг друга словами: «Здравствуй, брат! Писать очень трудно».

(7) И. С. Соколов-Микитов встречался с А. М. Горьким в Германии.

33. Л. Н. Луц – Н. Н. Берберовой

29 августа 1922, Петроград.

29 августа 1922 г.

Петербург. «Дом Искусств».

Ниночка, добрая! Я никогда раньше не думал, что я Вас так искренне и нежно люблю. Ей-богу! Если бы Вы знали, как я огорчился и проклинал себя (вообще я болван, но об этом ниже) за то, что послал Вам глупое письмо.⁽¹⁾ А вчера я приехал из Павловска – Лида Х<аритон> сказала мне, что в «Д<оме> И<скусств>» лежит мне письмо, кажется, от Вас. В ту же секунду я бросил её и побежал.

Спасибо, Нина! Спасибо за то, что не рассердились на меня, дурака. Я Вам писал то письмо сгоряча, с истерических глаз. Да и к чёрту всё это. Когда я писал Вам, я был самым настоящим образом болен – болезнь гнуснейшая: несчастная любовь. (Увы!) А теперь всё в розовом свете. Нина! Я счастлив! Я уже слышу, как Вы говорите Ваше любимое и мною любимое: «Да что-о вы!» Но не радуйтесь заранее. Я не просто – разлюбил. Я остался в нежной дружбе с «ей». А ещё месяц назад я подыхал от ревности, от бешенства, от беспричинной злобы ко всем, ко всему, и раньше всего к самому себе. Теперь сердце моё свободно и пребывает в благополучии. А ведь я... ну, достаточно Вам сказать будет, что я ревновал её к... Мише Слоним<скому>!⁽²⁾ Это уже было последнее дело.

Ещё раз, Нина: забудем всё. Что было, то было. Я не судья... Теперь обо мне. Нина! Я был в Москве и устроил окончательно свой отъезд. Но – не еду. Раздумал окончательно. Немалую услугу оказали мне в этом Ваши письма и письма Борисова.⁽³⁾ Я понял, что в романскую страну мне не проехать из-за денег, а коптеть в Вашем болоте не хочу. Правда, я очень ослабел и живу паршиво, но не унываю. Так что – увы – увидеться нам с Вами скоро не придётся.

А здесь status quo ante. Понедельники у И<ды>⁽⁴⁾ – понедельниками, среды «Д<ома> Л<итераторов>» – средами.

И<да> толстеет, Ф<редерика>⁽⁵⁾ – таинственеет. Н<иколай>⁽⁶⁾ жиреет (пишет хорошие стихи). Миша Слоним<ский> спит, Никитин прохвостничает (славный парень, в общем). Мариэтта⁽⁷⁾ глуха, В. женился (жена – харя смертная!), П<авлов>ич уехала, А. Р. надувается, О. хорошо одевается. Одоевцева картавит, Зоя⁽⁸⁾ женится, Лида⁽⁹⁾ пользуется успехом, я – острою – (написал новую трагедию в стихах – антик, а не вещь!),⁽¹⁰⁾ погода скверная, цены растут –

– уф, приблизительно всё.

Ниночка, целую Вас, то бишь целую Вашу ручку.

При сём прилагаю письмо Борисову. Не забудьте передать. Поцелуйте его от меня в лысину.

Лёва

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 169-170.

⁽¹⁾ Письмо было уничтожено адресатом, по всей вероятности, из-за его резкого тона. Можно предположить, что речь шла об отъезде за границу В. Ф. Ходасевича и Н. Н. Берберовой, который воспринимался многими, как побег.

⁽²⁾ М. Л. Слонимский был самым близким другом Лунца. Упоминаемая Л. Н. Лунцем «она», возможно, М. С. Алонкина, одна из серапионовских «девиц».

⁽³⁾ Под псевдонимом скрыт В. Б. Шкловский, находившийся тогда в эмиграции.

⁽⁴⁾ У И. М. Наппельбаум, точнее, в доме ее отца М. С. Наппельбаума, в память о занятиях литературного объединения «Поющая раковина», которым руководил Н. С. Гумилев, устраивались так называемые «понедельники». «Понедельники» эти посещали многие петроградские литераторы.

⁽⁵⁾ Ф. М. Наппельбаум.

⁽⁶⁾ Н. К. Чуковский.

⁽⁷⁾ М. С. Шагинян.

⁽⁸⁾ З. А. Никитина.

⁽⁹⁾ Л. Б. Харитон.

⁽¹⁰⁾ Имеется в виду пьеса «Бертран де Борн».

34. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому

Конец августа 1922, Герингсдорф.

Виктор⁽¹⁾ должен был послать вам моё письмо, в котором я указывал на следующее:

Для того, чтоб вас здесь, за границей, не «разбазаривали» без пользы для ваших карманов, необходимо чтоб всё, что вы пишете, печаталось здесь *на русском языке*.

Это даст вам право авторизации, т<о> е<сть> – защиты ваших материальных интересов в Европе, – тем самым это даст вам возможность получить здесь некие гонорары.

Здесьние издатели, стремясь только «сорвать деньгу», – не заинтересованы в защите ваших интересов.

Нужно поручить эту защиту, а равно и всё дело издания ваших книг, здесь какому-то одному лицу.

Не найдёте ли вы пригодным для этого дела Виктора? Он – достаточно деловит и любит вас, как вы знаете.

Если вы согласны с изложенным, – напишите Виктору.

О вас уже кое-что известно в европейской печати – здесь, во Франции, в Испании.

Скоро в «Ecrits nouveaux» Анри Жермен напечатает рецензию на альманах,⁽²⁾ и должна явиться статейка Диего Диаса в «El Sol». Здесь вами заинтересован Кайзер, а у него – свой журнал «Die neue Rundschau».

Крайне необходимо, чтоб все вы как можно скорее и крепко встали на ноги, – не голодали бы, не хворали. Как вы думаете – не следует ли Зошенко поехать сюда, полечиться? Я сумел бы устроить его здесь, где-нибудь у моря, в тёплом месте.

Ещё раз – всего доброго!

А. Пешков

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 380.

⁽¹⁾ В. Б. Шкловский.

⁽²⁾ Вместо рецензии появилась заметка о встречах с А. М. Горьким, где упоминаются и «Серапионовы братья».

35. М. М. Зощенко – А. К. Воронскому

2 сентября 1922, Петроград.

Тов. Воронский, посылаю вам рассказ «Коза». Со Всеволодом⁽¹⁾ и Никитиным я условился уже – рассказ этот пойдёт вместо «Записок офицера»⁽²⁾ в I альманахе.⁽³⁾ «Записки» по некоторым причинам я не кончил и хочется над ними поработать ещё.

Р. С. «Коза» – последний мой рассказ, напечатан нигде не был. И посылаю я вам его с некоторой даже радостью, потому что писал я его с любовью.

Ваш *Мих. Зощенко*

Рассказ – 1 лист.

2/IX-22 г.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 566.

⁽¹⁾ В. В. Иванов.

⁽²⁾ Вариант названия так и недописанного произведения М. М. Зощенко, см. письмо 32.

⁽³⁾ Имеется в виду альманах «Круг».

36. А. М. Горький – К. А. Федину

Начало сентября 1922, Герингсдорф.

К. Федину

Очень обрадован всем, что вы пишете о себе – и как пишете – о той душевной связи, которая скрепляет Серапионов. Ваша дружба – это, действительно, оригинальное, и ценное, и небывалое явление в литературе. Таланты столь разнообразны, так резко различимы – вы связаны не «тенденцией эпохи», не общностью философии, не «школой», наконец, а – видимо – чувством крепкой дружбы, углублённым – как мне хочется думать, и как это, вероятно, и есть – чувством искренней дружбы, углублённым общим для всех

вас серьёзным и любовным отношением к священному делу искусства. Не разрывайте этой связи – вот самый дельный совет, который может дать вам всякий человек, который внимательно присмотрится к вашей работе и честно оценит её крупное значение. Дружба – чувство, плохо развитое в России, и если вам удастся надолго сохранить его, оно будет и вам взаимно полезно и другим покажет нечто необычное. Держитесь крепче!

Волнующий вас лично вопрос: как писать? разрешается временем и любовью к делу писания. Толстой? Его «простота» давалась ему – вы знаете это – тяжелым упорным трудом. Пластичность, скульптурность его письма очень не «проста». Ещё более «прост» другой великомученик слова – Флобер.

Да, Пильняк пишет «мудрёно», но – я очень не советую обращать на него внимание. Он весь – из Белого и – немножко – от Ремизова. Пильняка как такового ещё не видно. И – не надеюсь увидеть, прочитав его фокусническую «Метелицу» – вещь совершенно мёртвую.⁽¹⁾ Белый – человек тонкой культуры, широко образованный, у него есть своя оригинальная тема, её, пожалуй, другим языком и невозможно развивать, она требует именно того языка, тех хитросплетений, которые доступны и уместны только для Белого. Ремизов – человек, совершенно отравленный русскими словами, он каждое слово воспринимает как образ, и потому его словопись безобразна, – не живопись, а именно словопись. Он пишет не рассказы, а – псалмы, акафисты.

Пильняк – странно говорить о нем рядом с этими – Пильняк же – пока – имитатор, да ещё и не очень искусный. Имитирует грубовато, ибо – не культурен и не понимает всей глубины и сложности образца. Он – больше выдумывает, чем чувствует. Белый же чувствует нечто, что даже и всей роскошью его слов, всей змеиной гибкостью языка его – выразить трудно. Нет, Пильняка вы оставьте, вы не меньше его, поверьте-ка!

Но – не поймите, что я рекомендую вам Белого или Ремизова в учителя – отнюдь! Да, у них – изумительно бога-

тый лексикон, и, конечно, это достойно внимания, как достоин его и третий обладатель сокровищами чистого русского языка – Н. С. Лесков. Но – ищите себя. Это тоже интересно, важно и, может быть, очень значительно.

«Писать очень трудно» – это превосходный и мудрый лозунг. Не отступайте от него, и – всё пойдет хорошо. С этим лозунгом – один и верный путь – к совершенству. И – позвольте дать вам – всем – грубый, но добрый совет: не очень подчиняйтесь литературным «отцам» и «старшим». Лучше самим ошибиться, чем повторять ошибки других, хотя ошибки всегда поучительны. История человечества суть история разнообразнейших ошибок его, и было бы всем нам легче, если б они остались неповторяемыми – на страницах книжной истории. А в жизни – можно сделать другие, более весёлые, менее глупые и кровавые.

О Зильбере. Вот увидите, что этот чудотворец весьма далеко пойдёт, – его фантастика уже и сейчас интереснее и тоньше Гоголевых подражаний Гофману.

С трепетным нетерпением жду книжку Зоценка. Ваши две – «Сад» и «Бакунина» получил, сердечное спасибо вам за милые и лестные надписи.

Письма от вас – не получал, кроме того, на кое отвечаю. Вообще же – спасибо вам. За границей – скверно, ибо она медленно, но неуклонно изгнивает, но – тем очень хорошо, что здесь напряжённо думается по всем «большим» вопросам. Ибо – всё здесь наго, всё бесстыдно и жалостно обнажено. Жму руку вам и всем мой сердечный привет.

А. Пешков

Скажите Лунцу, чтоб ответил мне.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 469-470.

⁽¹⁾ Автор письма не точен, рассказ Б. А. Пильняка называется «Метель».

37. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому

10 сентября 1922, Герингсдорф.

Дорогой мой Михаил Леонидович.

Вы хорошо делаете, отказываясь издавать «материалы»,⁽¹⁾ – в том виде, как они сделаны, они бы несколько скомпрометировали вас. Я давно хотел сказать вам это, но было неловко как-то, не хотелось мешать вам. Но теперь, когда я чувствую, что в то время как одни чрезмерно – на мой взгляд – ласкают Серапионов, другие зорко присматриваются, за какое место больнее укусить вас, – теперь вашу книгу встретили бы с радостью злой и вам неприятной.

Получил хорошее письмо от Федина, он совершенно правильно характеризует вашу группу, как оригинальное и небывалое в русской литературе явление, построенное не на основе «школы» или «тенденций», но на крепком «внутреннем» – как хочется, чтобы эта внутренняя связь всё крепче связывала бы вас. Только вот на таком чувстве глубокой дружбы и взаимопомощи возможна плодотворная работа без ущерба индивидуальности каждого из вас. Большие, яркие надежды возбуждаете вы. «Сборник», наконец, вышедший здесь в издательстве «Русское творчество», где работает А. Н. Толстой, – очень читается и весьма волнует.⁽²⁾

Вы, вероятно, знаете адрес Пильняка? Будьте добры, пошлите ему прилагаемое моё письмо, он писал мне с Пинкевичем, но не дал адреса. Я пишу ему несколько резко, но он это вполне заслужил, ибо – фокусничает чрезмерно. Схватил здесь ревматизм – уж очень плохое лето было: дождь, ветер, холод – и, вот, должен буду ехать на зиму в теплые края, кажется – в Испанию. Значит – увижу вас только весною.

До свидания! Всего доброго и не забывайте меня!

Присылайте ваши – и серапионовские вообще – книги.

Крепко жму руку. А. Пешков

10.IX.22.

Получил Лунц моё письмо?

Получил книжку Никитина «Америк<анское> счастье». Немножко вычурно и придумано «в поте лица».

Не пришлётё вы мне книжку Павлова – «Жученко», изд<ательство> «Былое»?⁽³⁾ Пожалуйста! Привет.

А. П.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 381-382.

⁽¹⁾ М. Л. Слонимский работал над биографической книгой об А. М. Горьком, но в силу разных причин отказался от своего замысла. Собранные материалы он передал И. А. Груздеву.

⁽²⁾ Имеется в виду книга «Серапионовы братья. Заграничный альманах».

⁽³⁾ Речь идет о книге П. Павлова «Агенты, жандармы, палачи. По документам» (Пг., «Былое», 1922).

38. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову

19 сентября 1922, Петроград.

Дорогой друг, по всему расчёту, ты сегодня выезжаешь в Москву и вернёшься на деревню не раньше числа 25-24-го: телеграмма подана 13/IX, в среду, а речь идёт о вторнике – «Вторник еду в Москву», т<о> е<сть> сегодня. Теперь слушай меня и не брани, ради господ-бога. Кроме телеграммы, ничего от тебя не получил и очень беспокоился – не случилось ли с тобой чего недоброго. К счастью, по видимому – нет. Если бы ты известил меня до 15-го числа (телеграмма пришла 15-го), то я непременно добрался бы, потому что хотелось мне поехать к тебе всерьёз. А сейчас меня задерживает следующее: 1) В конце двадцатых чисел я должен непременно быть дома, ибо жду в эти дни сына,⁽¹⁾ имя которому нареку Кирилл, что значит – Барчук. 2) Погода здесь расхлябалась (до 15 числа было солнце!), и я сижу дома, сморкаясь в полотенце, растирая грудь скипидаром, чихая и охая. 3) Денег у меня ровно столько, чтобы хватило доехать до Детскосельского вокзала, а не до пре-

красной твоей Угры. И всё-таки пункт первый – самый главный.

Поверь мне, дорогой, что я наказан больше тебя, т<ак> к<ак> все недавние солнечные дни только и мечтал, что о поездке на Невестницу. Это я к тому, чтобы ты не ругался, а, прочтя, письмо моё, примиренно сказал баском: «так-так». И не думай, ради всех богов, не думай (не губи меня!), что Иванов был прав, предрекая такой конец разговорам нашим о моей поездке. Всё-таки я жду сына...

По тону телеграммы судя, у тебя и твоих стариков всё благополучно, и это радует меня. Пишу я тебе с большой любовью; откуда она взялась к тебе, за короткий срок, – не знаю. За сантимент не сердись. Сантимент нужен, без сантимента тяжело, особенно тяжело мне, в последнее время. Здесь, конечно, не без литературной подоплёки: я считаю себя литературой отравленным, да это и есть на самом деле. А дело всё вот в чём. Пишу роман. Дело идёт плохо, медленно, туго. И умучен я неразрешенным вопросом: как писать?

Серапионовцы влияли и влияют на меня благотворно и пагубно. Первое потому, что они выучили и учат меня быть строгим к себе и экономным в средствах. Второе потому, что я ничего не могу сделать непосредственно, всё оцениваю формально, смотрю на материал (на чувство) сквозь форму, через форму. Другими словами, стою на распутье Пильняка-Белого-Ремизова и Бунина-Чехова-Толстого. Писать можно разное, но кто знает, как нужно писать? Материал (содержание) определяет форму, и форма обуславливает содержание. Но ведь определенный материал может быть изображён с преобладанием конструкции или ритма. В самой форме, определённой материалом в целом, внутри самой формы заложены бесчисленные возможности. Так в живописи я избираю плакат: плакат есть форма, которая единственно может изобразить мой материал; но как сделать плакат? Для этого ведь нет никаких законов. Я волен взять любую фактуру – краску, уголь, карандаш. Я думаю, что между любыми литературными ан-

типодами очень много формального (!) сходства, только они пользовались разными фактурами.

Пойми меня верно, дорогой друг, всё это – не теоретическое празднословие, а настоящее мученье, рассказанное не очень удачными словами. Я пишу по четыре фразы в день, или рву десятки листов, или не пишу вовсе неделями.

Можешь себе представить, как должен чувствовать я себя в обстановке обычной литературщины – разговоров о печатании критических статей, чтений, споров. Иной раз кажется, что, если я не брошу всего, не уйду от серапионов (да, да, хотя я никому из них не говорил этого) по крайней мере на год, я вообще ничего не сделаю. Такое чувство, точно я *порчусь* как писатель. А ведь я ещё ничего не сделал!

Ещё раз, не сердись *на саитимент*.

А «Schlesien»⁽²⁾ приезжала сюда ещё раз и вновь ушла в Германию.

Не соберешься ли, пока тепло, в Петербург? Где думаешь прожить зиму? Напиши обо всём.

Жму руку и обнимаю.

Твой *Конст. Федин*

Не напишешь ли что-нибудь для детей? Но с фабулой. Здесь Чуковский затеял детский журнал.⁽³⁾ Присылай.

■ *Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 30-31.*

⁽¹⁾ Вместо ожидаемого сына родилась дочь.

⁽²⁾ «Силезия» (*нем.*), пароход.

⁽³⁾ Имеется в виду журнал «Носорог», который должен был выпускаться издательством «Радуга». Журнал в свет не вышел.

39. Л. Н. Луниц – А. М. Горькому

22 сентября 1922, Петроград.

Дорогой Алексей Максимович!

Я был бесконечно тронут, получив Ваше письмо, такое трогательное и тёплое. Оно принесло мне полное ус-

покое и доставило мне долгую и большую радость. Спасибо!

Жадно прочел я Ваши строки о Европе, особенно, об Испании. С новой силой загорелось во мне желанье уехать. Но – увы! – это, кажется, невозможно. Меня не выпускают отсюда из-за моего возраста.⁽¹⁾ На будущей неделе я еду в Москву и пушу в ход все мои связи. Авось, удастся. Тогда мы скоро увидимся. Во всяком случае, я немедленно по возвращении напишу Вам.

У меня большая радость. Я кончил, наконец, после девятидесятилетней работы свою новую трагедию.⁽²⁾ По общему мнению, она лучше, чем «Вне закона». Я доволен ею, но всё же считаю, что первая была острее. Эта, правда, грамотнее, законченнее, но нет в ней дикого (может быть, бестолкового) напора. И она насквозь романтична. Тема, давно меня занимавшая: борьба человека, героя – с временем, с историческим процессом, и гибель этого человека. Главнейшая трудность, которую я пытался преодолеть: героя постигает кара сильнее смерти; он гибнет, но гибель его не в смерти, – а как раз в том, что он остаётся жив. Впрочем, так, «своими словами», трудно передать содержание. Если не удастся самому привезти, непременно пошлю Вам пьесу по почте. На напечатанье здесь не надеюсь: все хвалят мои пьесы, и никто не печатает.

Но довольно обо мне. Сегодняшнее своё письмо я хотел посвятить «Серрапионовым братьям». Не знаю: может быть, рано говорить это, может быть, говорили это все и всегда, но мне кажется, что наше братство не простой кружок, каких было сотни. Прошедший год доказал мне это. Когда-то Виктор сказал: «когда разводят мост, люди собираются на берегу и ждут. Так собрались «Серрапионовы» братья».⁽³⁾ Это неверно. Мост наведён, – печать работает, мы перешли мост – мы печатаемся, но мы не распались. Больше того: никогда мы не были так спаяны до НЭПа.⁽⁴⁾ С каждым днём всё неразрывнее чувствую я (и так все) связь свою с каждым «братом». А ведь мы с каждым днём в то же время становимся всё более непохожи-

ми друг на друга. Не во всех верю я, не всех признаю (как писателей, конечно), но знаю, что писать не могу без них, без любого из них! Точно, действительно, это мои *братья по крови*.

Усиленно втирается к нам Пильняк. Многие из нас любят его и считают Серапионцем. Мне это больно. Я не выношу его, как человека, и не люблю, как писателя. А он оказывает на наших ребят большое влияние. Федин, особ<енно> Никитин, даже Иванов не избежали этого. Жаль, потому что Пильняк, хоть и большой талант, но дешёв и неоригинален. Его «Голый год» – голый быт, совершенно неоформленный, только завитый à la Белый.

Что касается Ваших опасений насчёт «Веретена», то для нас это явилось совершенной новостью. Мы ничего не имели от Дроздовской компании, и иметь с ним дела и впредь не желаем.⁽⁵⁾

Жму Вашу руку

Лев Луцц

22/IX. Петроград. Мойка 59
«Дом Искусства»

■ **Неизвестный Горький** (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 142-143.

(1) Возраст Л. Н. Лунца был «призывным».

(2) Имеется в виду пьеса «Бертран де Борн».

(3) Отсылка к статье В. Б. Шкловского «Серапионовы братья».

(4) Первые мероприятия, связанные с введением новой экономической политики, относятся к весне 1921 года, когда группа «Серапионовы братья» была только-только организована. Однако изменения в жизни общества, зачастую воспринимаемые отрицательно, как возрождение уничтоженного революцией, стали заметны лишь к осени.

(5) Упоминается писатель А. М. Дроздов, который, находясь в эмиграции, основал писательское содружество «Веретено» и организовал несколько печатных изданий.

40. В. А. Каверин – А. М. Горькому

24 сентября 1922, Петроград.

24/IX 1922. Петербург.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

Вы несколько раз упоминали обо мне в письмах к Серапионам, и я решил написать вам, чтобы поблагодарить за память. Спасибо вам сердечное за то, что помните меня и за то, что в меня верите. Это меня очень поддерживает и ободряет, тем более, что за последний год мне часто говорят, что мои рассказы оторваны от жизни, надуманы и т. д. Сейчас в фаворе быт и русская действительность, этакий тугой литературный диалект. И как будто мало в современной жизни всякой фантастики и даже не авантюрной, а именно романтической. А написать – так никто не поверит. И пишу, и не верят.

Наконец, можно же писать и не о России даже, но так, чтобы рассказы революционной формой были в соответствии с русской действительностью. Вы простите меня, Алексей Максимович, за то, что я затрудняю вас своим письмом. Я очень хочу прислать вам свои рукописи. За последний год, со времени вашего отъезда я написал 7-8 рассказов. Из них 3 – никуда не годятся, а 4 вышли ничего себе. Если бы я знал, как их вам послать, я бы послал непременно.

Их заглавия: «Пурпурный палимпсест», «Щиты и свечи», «Страна геометриков», «Повесть о столяре и рубанке». Последние два – русские и о России. Это не потому, что я сдал мои иностранные позиции (можно всю жизнь писать о той же Германии), а потому, что интересно на русском материале провести какую-нибудь небывальщину.

Потом в Берлине в «Алконосте» у С. М. Алянского лежит моя повесть «Пятый странник». Мне очень хочется, чтобы вы прочли всё это, потому что я работал добросовестно и кое-что удалось. А печататься здесь мне совершен-

но невозможно, и ни одного рассказа, кроме того, что был в Альманахе⁽¹⁾ – я не напечатал ещё.

Дорогой Алексей Максимович! Напишите Серапионам, как вы живёте, как здоровы и о чём пишете.

В. Б.⁽²⁾ пишет нам, что очень тоскует. Его жена и сестра с дочкой живы и здоровы. Друзья их и его не забывают и любят по-прежнему. Серапионы также все здоровы, у Федина родилась дочка. Все пишут. Миша Слонимский выпустил книгу «6-й стрелковый». Лунц написал очень интересную трагедию «Бертран де Борн». Зоценко написал «Записки офицера», словом, все работают на совесть. Должно быть, вам обо всём этом пишут другие. На днях я пошлю вам по почте, на риск, рукопись. Почти все рукописи, посланные по почте, пропадают. Может быть, на этот раз дойдет.

Всего, всего доброго.

В. Зильбер

Мой адрес: Птгр. Греческий проспект, 15, кв. 18. Тынянову. Чуть не забыл. Я пишу под псевдонимом: В. Каверин. И под этим псевдонимом послал Эренбургу одну статью. У нас было торжественное заседание памяти Гофмана, и я приготовил речь о нём. Эту речь я и послал Эренбургу.

Ну всего доброго. Будьте здоровы

Ваш В. Зильбер

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 170-171.

⁽¹⁾ В альманахе «Серапионовы братья» был опубликован рассказ «Хроника города Лейпцига за 18.. год».

⁽²⁾ В. Б. Шкловский.

41. Л. Н. Луц – Н. Н. Берберовой

30 сентября 1922, Петроград.

30 сентября 1922 г.

Петербург. «Дом Искусств».

Ниночка!

Сегодня думал о Вас... О, молодость, где ты?

Вообще я Вас часто вспоминаю и без поводов. Честное слово! О том, как растрогало меня Ваше письмо, не стоит говорить... Ниночка, я получил милейшее письмо от Горького. Он зовёт меня – в Испанию! С новой яростью захотелось мне уехать. С Литвой я покончил совсем (слава Богу!).⁽¹⁾ Завтра еду в Москву хлопотать – там у меня теперь связи. Может – свидимся. А то мне здесь снова невтерпёж: плохо себя чувствую, хандрю. Хотя с работой обстоит хорошо. Новая моя трагедия произвела фурор.⁽²⁾ Я теперь знаменитый драматург и проч.

А с любовью – табак дело. Сердце свободно. И уже скучно. Помните, как я в прошлом году плакал: «хочу влюбиться!» Влюбился – и снова плач: «хочу разлюбить!» Разлюбил, и опять сначала: сказка про попа и собаку. Чудаки мы все порядочные. Вообще: любовь вещь таинственная (какова формула!).

Лидочка процветает и грустит. С отцом её, как Вам, наверное, известно, неладно.⁽³⁾ Теперь «воинскую повинность» отбывает с ней Миша Слоним<ский>. Я, как демобилизованный, смеюсь в ус.

Коля Тихонов пьёт и рыдает, рыдает и пьёт. Безнадёжно влюблён и поэтому рыдает. Рыдает и поэтому пьёт, пьёт и поэтому безнадёжно влюблён. Славный парень, хоть и прохвост.

Миша Слонимский явно стремится к окаменению. Двигается минимум, спит максимум. Тоскует и слоняется Слонимский. Называется он теперь, в честь своих именитых предков, «князь Слюняво-Слонимский».⁽⁴⁾

У И<ды> я уже не был два месяца. Там – мерзость запустения. «Литературному пролетариату» вход запрещён,

бывают только генералы.⁽⁵⁾ А веселье переключалось в Дом Искусств на вторники – клуб младенцев устроили.⁽⁶⁾ Зверски веселимся. Я превзошёл самого себя. Ставлю потрясающие кинотрагедии по новому методу.⁽⁷⁾ Издеваюсь над присутствующими. «Публицистический кинематограф»! Ставил трагедию «Действительный член «Дома Искусств» (про Н.), «Памятник Мих. Слонимского» и «Фамильные бриллианты Всеволода Иванова».

Стихи Ваши, по-моему, гораздо хуже Ваших прежних. Увы! Это, видно, судьба всех нас, уезжающих из России – незамедлительно начинаем писать хуже.

Целую ручку.

Лева

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 170-171.

⁽¹⁾ То есть нашлись иные способы выехать за границу, кроме принятия литовского гражданства.

⁽²⁾ Имеется в виду трагедия «Бертран де Борн».

⁽³⁾ Б. О. Харитон, отец Л. Б. Харитон, журналист, один из организаторов Дома Литераторов, был, в конце концов, выслан в Берлин.

⁽⁴⁾ Л. Н. Лунц постоянно подтрунивал над М. Л. Слонимским.

⁽⁵⁾ Речь идет о «понедельниках» у Наппельбаумов.

⁽⁶⁾ По всей видимости, «младенцы» противопоставляются упомянутым литературным «генералам».

⁽⁷⁾ «Кинематограф» – что-то вроде «живых картин» – был одним из любимых серапионовских развлечений.

42. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому

10 октября 1922, Сааров.

Очень огорчён тревожным письмом вашим, милый мой Михаил Леонидович, но, так как суть события вами изложена неясно, – тревога ваша кажется мне преувеличенной. Да и конец письма вашего бодрее начала.

К Пильняку как литератору я отношусь отрицательно, вы, наверное, видели это из моего письма, которое я просил вас передать ему. Кажется, и как человек, он – неваж-

ный товарищ. Крайне жаль, что Никитин поддается его влиянию, но – Никитин здоровый талант и, думаю, это влияние не может испортить его. Он сам скоро увидит, что Пильняк из тех, кто подражает, а не из тех, кому подражают. Пильняк – нигилист.

Вашу книгу «6 стрелковый» я не получил и Лозовика⁽¹⁾ не видел. Это очень грустно. Пошлите мне экземпляр в Москву на имя Ек<атерины> Пав<ловны> Пешковой – Машков пер., 1, 16, для Ив<ана> Пав<ловича> Ладыжникова, он в конце месяца едет сюда. Очень хочу получить книгу Зощенко.

Вчера у меня был Вова Познер, читал две хорошие поэмы: «Лизанька» и «Вся жизнь г. Иванова», – славный поэт и хороший парень <...> Затем – очень кланяется в<ам> и другим Серапионам М. И. Бенкендорф, ныне – Будберг.

Вместе с вашим, получил письма Лунца и Зильбера, такие славные письма. Они несколько сгладили острую печаль вашего. Зильберу я советую издать книгу рассказов его здесь, – в «Книге», не у Гржебина. Он, вероятно, покажет вам моё письмо, и вы увидите, как я это мотивирую. А Лунц написал трагедию, взяв героем Бертрана де Борн? Хотел бы прочитать эту вещь, и – нельзя ли будет перевести её на французский?

Возвращаюсь к вам. Я знаю, что среди Серапионов вам выпал жребий старшего брата, «хранителя интересов и душ» братии. Это трудная и неблагодарная роль, но это почетно и необходимо. И ваше стремление сохранить дружескую связь, цельность братства возбуждает у меня к вам чувство искреннейшей благодарности, уважения. Скажу прямо: вы, Зильбер, Лунц, Зощенко это самое ценное ядро «С<ерапионовых> б<ратьев>» и самое талантливое. Держитесь ближе, крепче, и вы явитесь магнитом, который привлечёт к себе всё наиболее значительное. Сейчас мне нужно идти на вокзал – не дописываю письма. Мой адрес: Берлин. Fürstenwalde, Saarow – Sanatorium.

Сердечный привет.

А. Пешков

10.X.22

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 382-383.

⁽¹⁾ Имеется в виду предложение Л. Лозовика перевести на английский язык призывы «Серрапионовых братьев».

43. А. М. Горький – В. А. Каверину

10 октября 1922, Сааров.

Вениамину Зильбер

Я наверное получу в<аши> рукописи, если вы пошлётё их в Москву, Чистые пруды, Машков переулок, д. 1, кв. 16, Ек<атерине> Пав<ловне> Пешковой для Ивана Павловича Ладыжникова, который в конце месяца поедет в Германию. Здесь все рукописи, достойные – по в<ашей> оценке – опубликования, могут быть довольно скоро изданы – для России и заграницы – «Книгой», для Госиздата. Условия издания будут приличные, часть гонорара в<ам> переведут немедля. Вероятно, можно будет все или некоторые рассказы предварительно напечатать в разных здешних изданиях.

Целая книга сразу покажет читателю оригинальность в<ашего> таланта, своеобразие и свежесть фантазии вашей. Читатель поймет, что пред ним не каприз, не случайная игра воображения, а – нечто исключительное и – ценное. Уверен, что не ошибаюсь.

Однако вы должны знать, что вас не сразу поймут и оценят. Вам нужно вооружиться терпением в пути, на который в<ас> обрекает характер в<ашего> таланта. Его надо очень любить, очень беречь, – это цветок оригинальной красоты, формы, я склонен думать, что впервые на почве литературы русской распускается столь странное и затейливое растение. Для меня, старого читателя, уже и теперь в<аши> рассказы выше подобных у Гоголя. Не люблю сравнений, но, думая о вас, всегда невольно вспоминаю Гофмана и – так хочется, чтоб вы встали выше его! Я много мог бы сказать в<ам> комплиментов, все они были бы

искренни, и я не считаю их преждевременными. Но – пока довольно, и – о другом.

Позвольте посоветовать в<ам> вот что: держитесь крепче с друзьями: Лунцем, Зощенко, Слонимским да и всеми другими, кого не оглушает, не ослепляет «базар житейской суеты».⁽¹⁾ Не обращайтесь на обзьян, вроде Пильняка, и спекулянтов красивым, но пустым словом. Вы – юноша, по мере расширения и углубления вашего опыта в<аша> фантазия должна тоже шириться и углубляться, она может заставить вас написать вещи глубочайшего значения. Это вы должны помнить, стремясь к этому – берегите и любите в<аш> талант.

Очень крепко жму вашу руку, милый друг.

А. Пешков

10.X.22.

Fürstenwalde. Saarow. Sanatorium.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 172-173.

⁽¹⁾ Крылатая фраза, родившаяся из названия романа У. Теккерея, в более позднем переводе на русский язык – «Ярмарка тщеславия».

44. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому

Вторая половина октября 1922, Петроград.

Милый Алексей Максимович,

неврастенический период Серапионов кончился. Все спят спокойно и крепко. Убедился, что разбиться мы физически не сможем. Писать халтурно и нечестно тоже вряд ли будем. Живём. И опять покорнейшая просьба: прислать нам всё, что хотите, для журнала. Журнал будет.⁽¹⁾ Через месяц выйдет первый номер. Размер журнала – 4 листа. С той же просьбой обращаюсь к Ходасевичу, Толстому, Эренбургу и, конечно, Виктору.⁽²⁾ Кого вы думаете хорошо было бы привлечь ещё из «эмигрантов»? Журнал издается частным изд<ательст>вом и даже не «Кругом» (о «Круге»

вы, наверное, слышали?). Хотелось бы очень вашего участия. Я вас очень люблю, Алексей Максимович, и с нетерпением жду обещанной весны и встречи.

Посылаю вам книжку,⁽³⁾ очень хотел бы знать о ней подробное ваше мнение. Как-то вы сказали обо мне, что я «шатаюсь». Чувствую, что вы правы. Но меня влечет к фантастике в быту. Не могу я писать бытовых рассказов, скучно, а в то же время без быта тоже не хочу. Не приемлю. Вся работа – в преодолении быта. Поэтому, м<ожет> б<ыть>, органически чужд мне Пильняк, который бьёт на натурализм.

Лунц ответил вам. Я с ним много говорил о вас после ваших писем к нему, и ко мне, и к Федину. М<ожет> б<ыть>, эти письма были одной из причин быстрого конца неврас-тенического периода. Опять наступает период упорства. В «Веретёныш» не пойдём <...>

Всего вам хорошего.

Ваш М. Слонимский

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 384.

⁽¹⁾ Журнал «Двадцатые годы».

⁽²⁾ В. Б. Шкловский.

⁽³⁾ Сборник рассказов «Шестой стрелковый».

45. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому

29 октября 1922, Берлин.

Haus Trautenau

Trautenau str. 9

29.10

Дорогой Слонимский,

(простите – не знаю Вашего имени и отчества).

Я получил Вашу хорошую книгу.⁽¹⁾ Большое сердечное спасибо. Скажу ещё раз, что крепко и по-настоящему верю в Вас как в строителя новой прозы.

Посылаю Вам: статью о «Серап<ионовых братьях>» в «Clarté» и мою статейку, которая пойдёт в ближайшем номере «Русской книги». ⁽²⁾ Она написана наспех для чужого издания и поэтому крайне легковесна. Вот возобновляется «Вещь», и там я полагаю написать на ту же тему нечто серьёзнее, в частности и о Вашей книге.

Получили ли Вы от «Р<усского> творчества» авторские экз<емпляры>. ⁽³⁾ Уверяют, что выслали.

Желаю Вам успешной работы и вообще всего хорошего!

Привет.

Ваш Эренбург.

■ «Вопросы литературы», 1997, март-апрель, с. 244.

⁽¹⁾ Сборник рассказов «Шестой стрелковый».

⁽²⁾ Имеется в виду статья «Новая проза».

⁽³⁾ В издательстве «Русское творчество» вышел «заграничный» вариант альманаха «Серапионовы братья».

46. Л. Н. Луц – А. М. Горькому

9 ноября 1922, Петроград.

Петербург. 9 ноября 1922.

Дорогой Алексей Максимович!

Прочёл Ваше письмо с радостью. Конечно же, Вы не поверили минутному сомнению Миши! ⁽¹⁾ Пильняку нас не разломать: руки короткие. Да и вряд ли кому это сейчас удастся. За последние полтора месяца это подтвердилось. Мы, Серапионы, сходимся с каждым днём всё крепче и глубже.

Единственный, кто на отлёте всё время, – это Всеволод. ⁽²⁾ Он всё-таки нам чужой. Разумеется, он ближе нам всех других писателей ли, людей ли, он добрый редкий товарищ, но он *не брат*, он может отпасть, а ведь никто другой из нас отпасть *не может*. Был момент, когда казалось, что вот-вот он сцепится с нами по настоящему, по нутряному. Но здесь ударила эта проклятая публицистика,

кот<орая> подняла вокруг Всеволода свистопляску и вскружила ему голову. Результаты самые губительные. Всеволод начал писать слабее, теряет часто свой голос, впадает в скучную, осторожную тенденцию. У нас «на Серапионах» он уже почти год ничего не читал: знает, что мы его ругнём. Мало того: он было вздумал, под влиянием каких-то своих левых друзей, и вообще бросить «половинчатых» и «подозрительных» Серапионов. Около месяца он не бывал у нас на собраниях. Но на прошлой неделе он, наконец, опомнился и теперь снова полон, к общему восторгу, самого пышного Серапионовского патриотизма. Алексей Максимович! Напишите ему непременно и обложите его хорошенько. Ведь сколько в этом парне сил – даже в уме прикинуть невозможно. (Вы читали в «Накануне» его «Рассказ о себе»? Как хорошо!)

Теперь о другой нашей беде, о нашем «enfant terrible» – Никитине. Этот уж другого рода. Это Серапион насквозь, он уйти от нас не может. Но он – добрейший и милейший мальчик – тряпка несусветная, слаб, без всякой воли и падок до успеха. Всё лето он был в разъездах и из-под Серапионовского влиянья ушёл. Отсюда – то письмо в «Нак<ануне>»,⁽³⁾ так справедливо Вас рассердившее, и др. фортели в этом роде. Особенно дурное влияние на него, как на писателя, оказал Бор. Пильняк, которому Никитин подражает нынче во всём. Впрочем, за последнее время мы его постепенно начали обучать уму-разуму. Но тут ещё как раз у бедного несчастная и трагическая любовь. Совсем сбился с толку малый. Ну, да за него мне не страшно: об-разумится.

Кстати, о Пильняке. Я, будучи в Москве, поближе познакомился с ним и несколько переменяю о нём своё мнение. Он человек не такой плохой. Просто хам и дурной товарищ. Но нежный семьянин и весёлый, услужливый приятель! Писательскую манеру по-прежнему считаю вредной.

Милый Алексей Максимович! Вы уж простите меня за то, что я сегодня всё о Серапионах говорю. А у меня они,

не шутя, сейчас три четверти жизни моей занимают. И мне очень хочется поговорить о них (так хочется говорить – всегда, со всеми, всюду, – о любимой) с человеком, которому они – знаю – дороги.

Меня очень беспокоит бум, который поднят вокруг нас в России и за границей. Стоит ли игра свеч? Вообще, пока (надеюсь) мы ещё очень и очень спорные величины. Я говорю это без всякого ложного кокетства. Но уж, во всяком случае, над скуднейшим печатным материалом орать нечего. Конечно, мы к шумихе не прислушиваемся, но всё-таки мы народ молодой, и слава щекочет. А ведь вот придёт минута и начнут кричать о «раздутых величинах» и «неоправданных надеждах»...

Зильбер Ваше письмо получил и растроган до слёз. Его такими отзывами не балуют. Но он, наверное, Вам сам ответил.

Жаль, что Вы не успели познакомиться с Ник<олаем> Тихоновым.⁽⁴⁾ Это неоценимый интереснейший человек, а стихи его я считаю событием в нашей поэзии. Совершенно необыкновенный напор, пафос, сила!

Несколько слов о себе в заключение. Мои отчаянные хлопоты о выезде за границу увенчались – отказом. То есть, не отказом вернее, а канцелярской волокитой в Москве. Т<аким> о<бразом>, я зимую тут. Это плохо, пот<ому> что я болен (и сейчас пишу в бронхите) и живу в отвратительных условиях. А в Германии у меня вся семья.⁽⁵⁾ Ну, хныкать не стоит...

Дорогой Алексей Максимович! Я на днях высылаю Эрнбургу обе мои трагедии⁽⁶⁾ для отдельной книжки. Если ему не подойдут, он Вам передаст их. Надеюсь, Вы не рассердитесь и поможете пристроить их где-нибудь в Берлине.

Жму Вашу руку

Лев Луц

P.S. Простите за помарки и неразборчивость: я пишу в постели.

<Приписка М. С. Слонимского>.

Милый Алексей Максимович, письмо Ваше получил. Спасибо. Теперь с Серапионами всё не так страшно. Собираемся у Федина. Держимся крепко. Обстоятельства этому помогают. Писал Вам с Ив<аном> Павл<овичем>.⁽⁷⁾ С ним же отправил книжки.

Всего хорошего.

Ваш

М. Слонимский

Привет от В. Шкловской-Корди.

■ Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 144-145.

⁽¹⁾ В письме, написанном в октябре 1922 года, М. Л. Слонимский говорит: «...пошатнулось, благодаря Пильняку, серапионовское дело. Пильняк повел линию литературно неправильную, подчинил Никитина и внес разлад».

⁽²⁾ В. В. Иванов.

⁽³⁾ Н. Н. Никитин опубликовал в № 22 литературного приложения к газете «Накануне» от 15 октября 1922 года письмо «Человеческий ли документ? (по поводу статьи “Молодняк”))», где говорилось, что автобиографии «серапионов», увидевшие свет в «Литературных записках», есть «новый род прозы».

⁽⁴⁾ Н. С. Тихонов был принят в группу «Серапионовы братья» самым последним.

⁽⁵⁾ Кроме родителей, за границу уехали брат и сестра Л. Н. Лунца.

⁽⁶⁾ Речь идет о пьесах «Вне закона» и «Бертран де Борн».

⁽⁷⁾ И. П. Ладыжников.

47. В. А. Каверин – А. М. Горькому

22 ноября 1922, Петроград.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

Сердечное спасибо вам за письмо и за ваше такое доброе обо мне мнение. Оно мне чрезвычайно дорого и ценно, тем более, что почти никогда я не слышу подобных этому

мнений. Однако ж я боюсь слишком вам поверить, и мне кажется, что столь чудесного отзыва я не заслужил. Мне так хочется всё же оправдать его, что я поспешу как-нибудь переслать вам мои последние рассказы, и с этим письмом посылаю «Инженера Шварца». Этот рассказ я написал летом, он, по заданию, несколько современен, что не дало мне возможности соответственно со стилем усложнить и детальнее разработать сюжет. Эта фантастика настолько строится на реальности, что сложность первой неизбежно ограничивается простотой второй. Это первый опыт мой о русских. А мой второй рассказ «Столяры» (по отзывам и сколько смею сам судить) – лучший, я пошлю вам в начале следующей недели. Если эти рассказы дойдут до вас, то я буду просить вас где-нибудь их напечатать.

В Москве в конце месяца выходит альманах изд<ательства> «Круг». В нём будет помещена моя повесть «Пятый странник», о которой я писал вам в прошлом письме. Не буду писать вам подробно о Серапионовцах. Все здоровы, много и хорошо пишут и, слава богу, перестают обращать внимание на бесполезную шумиху, вокруг нас поднятую. Верно, они вам пишут.

Большое спасибо вам, дорогой Алексей Максимович, за посылку.⁽¹⁾ Она пришлась кстати; но мне непонятно, какой смысл имеет переводить посредственные рассказы на франц<узский> язык? Мне кажется, что г. Жермен пожалует о своём начинании. Мне кажется, что рассказы из первого альманаха не будут иметь успеха во Франции.

Ещё раз сердечно благодарю вас за ваш добрый отзыв, за помощь, за то, что вы так хорошо ко мне относитесь.

Весь ваш *В. Каверин*

22/XI – 1922 г.

Петроград. Греческая, 15, кв. 18.

Этот рассказ печатается в изд<ательстве> «Круг», но выйдет не раньше, как месяца через три.

Посылаю также с П. П. Крючковым «Столяры». Если будет возможно, напечатайте это, Алексей Максимович, а

то здесь никто меня не печатает. Привет сердечный и поцелуй Пушкину.⁽²⁾ Его все помнят и любят по-прежнему.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 174.

⁽¹⁾ О посылках для «серапионов» речь идет в письме А. М. Горького от 20 августа 1922 года.

⁽²⁾ Одно из прозвищ В. Б. Шкловского.

48. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову

7 декабря 1922, Петроград.

Дорогой друг, получил оба твои письма – большое и маленькое, с пером несчастного черныша и без пера – получил и телеграмму. Если бы ты знал, как мне хочется поехать к тебе, ты не ругал бы меня, как будешь ругать после этого моего письма. Ты нарочно растравил меня описанием удивительных людей и прекрасных мест, расковырял мои городские язвы деревенским зондом и теперь – поди – посмеиваешься себе в ус – приедет, мол! А я не знаю, друг мой, как выбраться отсюда. Но – всё по порядку. Прежде всего, ты ослепительно подделал стиль Всеволода,⁽¹⁾ приведя цитату из письма, которое никем и никогда не было написано: «копит деньги, не выедет до самой смерти...» Ей-богу, я поверил и обругал Всеволода. Он чуть не рассердился. Главное, верно то, что хожу в калошах, пишу по пяти листов (только не печатных!) в неделю. И вот хочу тебе пожалиться. Право, скверно жить. Когда литература становится источником существования, она перестает быть литературой. Слонимский недаром проповедует сейчас «английскую систему»: сначала, курицын сын, займись торговлей, банковскими делами, биржей, накопи денег, а потом берись за искусство. Иначе какой ты к чёрту художник, когда за полфунта колбасы готов продаться любому маклаку. И правда. Роман я свой оставил.⁽²⁾ Надо было достать денег. Много денег. Я взялся за переделку романа

Гюго – «Отверженные» – для частного издателя. Из 88 печатных листов надо сделать 6-7. На одно чтение у меня ушла неделя! Я пишу добросовестно – каждый день по 10-15 страниц, диктую жене, которая трещит под ухом на машинке. Переписываю Гюго... Но даже на такую «переписку» нужно загубить недели две-три. Конечно, это – варварство. И даст мне это очень немного. Но что делать? Что делать, чёрт побери! Подумай, это случилось в разгар моей работы над романом, который я как-то полюбил. А разве у меня есть какая-нибудь гарантия, что, когда я «переделаю» Гюго, мне не придётся переделывать Льва Толстого, Поль де Кока, Гёте, Брешко-Брешковского? Никакой! У меня волосы становятся дыбом, когда я думаю о том, что будет дальше. Из-за необходимости жрать, кормить и греть семью, всю жизнь, всю жизнь гнаться за гонорарами, авансами, процентами. Как легко, как бесконечно просто стать литератором и как трудно им быть. Журналистика, репортаж, безответственная болтовня в газетках и журнальчиках, дающих «доход», – вот что грозит всякому писателю, живущему тем, что он пишет. Я это чувствую сейчас остро, иногда до физической боли. Друг мой, ведь надо быть дубиной или каким-нибудь механизмом, чтобы после переделки «Отверженных» сейчас же сесть *за свой* роман! Словом, мне трудно материально. Другое обстоятельство. Я смогу выбраться отсюда недели на две на праздники (т<о> е<сть> в конце декабря по новому стилю). Потом буду вынужден (служба!) сидеть в Петербурге до июля. Я не был четыре года у старика-отца. Он дряхл, немощен, ждёт меня, хочет свидеться. Передо мной выбор – ты или отец. Я знаю, у тебя я отдохну, с тобой, на деревне, на новых ветрах. У отца только больше ещё издержаясь, устану. И мне *хочется* к тебе. Но как-то совестно перед стариком и перед... собой.

Есть выход. Я хочу позвать отца к себе, в Петербург. Может быть, он согласится. Тогда я приеду к тебе, с книгами, дрожжами, табаком и дробью, романом и чистым сердцем, которое ты подкупил своими добрыми делами.

И тогда ты меня поучишь охоте, покажешь мне свою Невестницу, кузнецов и фельдшеров, покормишь меня мёдом и попоишь самогоном. На Николу, конечно, не успею. Если выеду к тебе, а не к отцу (в Саратов), то это будет числа 26-го декабря. Тогда я сообщу тебе точно телеграммой.

М. М. Шкапскую видел ещё до получения от тебя писем, она рассказывала о тебе хорошее. И Лунц, с которым ты был у Пильняка, тоже говорил о тебе хорошо. Особенно понравилось ему, как ты снял пьяного Пильняка со стола одной рукой. У Лунца и посейчас дрожат коленки от восторга, как он вспоминает твою руку.

Серапионы за последнее время внутренне ожили. Крепко и дельно спорим по субботам (собираемся теперь у меня), дружно и холодно отплёвываемся от идеологов. А они всё чаще и чаще шпыняют нас. Да и не только они: с лёгкой руки эстетствующего Кузмина каждая козявка норovit теперь накакать на наше содружество. Это досадно, хотя мы все знаем, что газетки раздули наше значенье раньше времени (впрочем, не без основанья) и должны были спохватиться: «а что, собственно, они сделали, что мы о них так много говорим». Глупо это и смешно. Думаю, что за продолжительной полосой ругани, которая теперь непременно наступит, придёт новый прилив од и гимнов. Жалко, что у нас нет своего журнала, что как-то не наладится дело с альманахами. Можно было бы ясно и прямо вести линию живой работы, а не кропить кропилом по журналам из чаши со студёной и чистой водой (я уверен, что наша вода немутна и не затхла).

Ты прав, конечно, Иван, что у нас есть инженеры и даже часовщики (у Каверина отец – капельмейстер, однако). И я, например, ближе других серапионовцев примыкаю к типу писателя старых русских традиций. Но думаю, что ты заблуждаешься, когда говоришь, что «часовщики» далеки русскому человеку. Вспомни, хотя бы, Лескова – этого тончайшего механика. А потом. Серапионовцы *по-разному* идут к одной и той же цели: оживление русского повествования. Тут разные силы приложены к одной точке. Один работает

над сюжетом (и перегибает палку – Лунц, кричащий «На запад!»), другой – над словом (и тоже худо – Никитин, которого не понимаешь без подстрочника), третий – над фольклором (Зошенко), над пересадкой на русскую почву германской фабулы (Каверин). Достичь идеального уместения наибольшего числа элементов, из которых слагается повесть, в одном произведении – вот цель, смысл, оправдание нашей работы. Если нам это не удастся – удастся будущему поколению, а мы, как усердно советует Лунц и чего упорно не хочет Иванов (оно, конечно, досадно!), унавозим ему почву. <...>

Если я не выберусь к тебе, пошлю по почте книги. Напиши, может, выслать ещё что.

Книгу мою «Круг» замариновал, я зол, я негоую, я собираюсь вон из «Круга».

Это всё.

Дай обнять тебя. Но не раздави мне ребра.

Твой *Константин*

Жена кланяется тебе, примирилась с мыслью, что я поеду. Дочь растёт и кричит немолчным криком. Сейчас спит.

Пиши, у тебя больше свободного времени.

Получил ли ты № 8 «Новой русской книги»? Она провалилась, что ли?

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 34-37.

⁽¹⁾ В. В. Иванов.

⁽²⁾ Роман, получивший впоследствии название «Города и годы».

49. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому

16 декабря 1922, Петроград.

Петербург. 16/ХІІ 1922 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Раньше всего, чтобы не забыть, – о рукописях. Я выслал

обе свои пьесы⁽¹⁾ на этот раз Вите.⁽²⁾ Ему же написал, чтобы он дал «Бертрана» Вам. Очень рад буду прочесть Ваше мнение.

Теперь о моих «мненьях и сомненьях». Странное дело! Я очень не люблю *писать в письмах* о литературных своих замыслах и рассуждениях (*говорить* люблю до тошноты). Вы – единственный человек, которому я пишу об этом. Вы уж меня простите.

Я на днях прочёл у Серапионов большую статью – «На Запад!» Пря произошла потрясающая. Едва не побили меня. Это было, кажется, наше самое интересное заседание. Я проводил в своей статье ту мысль, что русская проза сейчас очень *скучна*. Все владеют языком, образом, стилистическими ужимками, – и щеголяют этим. Но это только доспехи. Главное же, что необходимо сейчас, – это *защитительность* и *идея*, ос^обенно первая. То и другое даётся только при большой и хорошо развитой *фабуле*. Я считаю, что разрушение русского романа произошло вовсе не потому, что «сейчас роман невозможен», а потому, что все слишком хорошо владеют стилистическими мелочами и под ними тонет действие, если оно и имеется вообще (так у Всеволода). «Голый год» Пильняка, по-моему, очень характерное и возмутительное явление. Это не роман, а свод матерьялов. Фабула требует долгой учебы, многих опытов и эскизов. А все, в том числе и большинство Серапионов, не хотят работать на почти верную – вначале – неудачу – и движутся по линии наименьшего сопротивления. Поэтому я зову братьев учиться фабуле у русских романистов, но ещё настойчивее призываю на Запад, где традиция романа сильнее и связанней. По-моему, голая лирика, голые словечки, короткие анекдоты надоели. Надо писать большие вещи, хотя бы не такие совершенные. Совершенство придёт после тяжёлой работы.

Меня здорово «облаяли», особенно за «западничество». Но я держусь за него крепко. Полагаю, что русское скифство⁽³⁾ – идеология провинциалов, которые плюют на столицу и гордятся своим провинциализмом. Гордиться нечем.

Прочёл я «Хождение по мукам» Толстого. Очень понравилось. Вот тоже доказательство того, что роман не умер. Интересно знать, хорош ли его роман о марсианах?⁽⁴⁾

Книжка Зоценко Вам высылалась неоднократно.⁽⁵⁾ Не везёт ей. Зоценко прямо в отчаянии.

Зильбер – единственный, со мной со всем согласный. И он работает над действием. Пока выходит тоже не первый сорт. Но это *пока!* Ему – 20 лет.

Я всё болею и слабею. Совсем развалился. На днях я еду в санаторию. К весне упорно надеюсь выбраться за границу.

Жму Вашу руку.

Лев Луцц

■ Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 146-147.

⁽¹⁾ Пьесы «Вне закона» и «Бертран де Борн».

⁽²⁾ В. Б. Шкловский.

⁽³⁾ Л. Н. Луцц подразумевает не только деятельность литераторов, объединявшихся вокруг сборников «Скифы», главным идеологом которых был Р. В. Иванов-Разумник, но и в целом носителей подобной идеи: «Нам нечему учиться у эллинов, сами мы, скифы, любого научим. Вот лозунг русской современной критики. И, выкинув этот гордый лозунг, русская литература обернулась к Западу спиной».

⁽⁴⁾ То есть роман «Аэлита».

⁽⁵⁾ Имеется в виду книга «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова».

50. Б. А. Пильняк – К. А. Федину

23 декабря 1922, Коломна.

23 декабря 1922,

Коломна, Моск. губ.

Никола-на-Посадах

Константинушко, родной!

В Москве – за Sturm und Drang'ами⁽¹⁾ и поговорить о делах не успелось. Сейчас сижу в Коломне, в тишине, – думаю

о «Круге», как бы лучше всё было: надо подтянуть все гашники и – победить! Иначе позор.

Поэтому и сейчас – не о себе, о делах. Только два слова – не знаю уж – как, вроде интродукции: прочёл я твой отрывок в «России» – *прекрасно*, больше ничего не скажешь. Если весь роман⁽²⁾ будет так написан, это будет событие; этот отрывок – лучшее, что я читал не только у тебя, но и у всех серапионов. Ну, а теперь дела. Не знаю, заметил ли ты ещё одну ужасную вещь в «Круге», которую открыл я, только вернувшись этот последний раз в Коломну, когда просмотрел отчёт Асеева (от которого он сообразил сбежать): нас съедают поэты, $\frac{2}{3}$ купленного – стихи, а стихи – *все* оплачены. Ты скажешь, – повинен я. Да, и я; но главное несчастье в том, что разделение стихов и прозы произошло как раз в то время, когда я не ладил с Воронским и Аросевым (помнишь?), а в тех неладах Асеев был на стороне Воронско-Аросева. Если мы будем печатать все эти стихи – мы погибнем. Я распорядился все принятые стихи прислать мне, просмотрю, процежу и... нажму на Воронского (он это предлагал), чтоб он эти сборники перекупил у «Круга» для Госиздата и Главполитпросвета (*об этом моём предприятии держи в секрете*, так как может произойти скандал, ибо я первый – враг диффузии между «Кругом» и «Госиздатом»; эта мера – чрезвычайная; на ней, по теперешнему курсу, мы вернём миллиардов 45). Сделаю я это дипломатично.

Н-но... – и мне сейчас приходится думать о рукописях. Я думаю о прозе, только и – о третьем альманахе.⁽³⁾ У меня к тебе просьба (уполномочиваю!!! если надо, бумагу пришлем!!!) – взять на себя представительство в Питере. Все томы нашей (купленной нами) прозы будут напечатаны к 1-му марта. Верю, к тому времени мы выправимся. Первое, что надо: это – альманах. II альманах выходит 25 января. III – 1-15 марта, – о нём и речь, материал для него нужен к 1 февраля. Посмотри, пособирай, попомни. Первое, что я прошу – это твой роман: если целиком его дать не успеешь, давай, сколько есть. Ты говорил, листов 5?

Понажми на Всеволода,⁽⁴⁾ на кого найдешь нужным. От питерцев я жду листов 10-12, – напиши мне, как обстоит. У Тихонова, ещё у кого – попроси стихов. Деньги теперь – гонорарные – идут только через меня, – приму все меры, чтоб найти их для оплаты гонорара – к 1 февраля. Кроме того поспрошай, пособирай томы; если есть что-либо ценное, уже напечатанное, – можно вторым изданием; это понадобится к 15 февраля – 1 марта. Закрепи за «Кругом» каверинскую повесть:⁽⁵⁾ для 3 альманаха?

Пожалуйста. Напиши, каковы у питерцев реальные возможности.

Целую. Кончаю. Пиши.

Твой *Пильняк*

Поклон братьям!⁽⁶⁾

■ «Литературная учеба», 1990, № 2, с. 79-80.

(1) Буря и натиск (*нем.*).

(2) Будущий роман «Города и годы».

(3) То есть третья книга альманаха «Круг».

(4) В. В. Иванов.

(5) Возможно, имеется в виду «Гишпанская повесть», впоследствии получившая название «Столяры».

(6) То бишь «Серапионовым братьям».

51. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому

29 декабря 1922, Петроград.

29/XII-22 г. П-бург

Дорогой Воронский, первое – о чём хочу написать вам – это: 6-я книга «Нови». Я скажу вам совершенно определённно – издание стало совершенно прямым (в смысле «выпрямилось»), это в смысле тона и выдержанности толстого российского журнала. Это огромное достоинство, это общее от него впечатление. Журнал вкусен, подобран, т<о> е<сть> что называется составлен по-настоящему.

Если говорить о деталях, они, конечно, не касаются журнала, они – суть внутренние органические пороки авторов, – об этом скажу так.

Эренбург – ?

Эклектичен, как щенок, лающий на 10 лаев, под всех знакомых взрослых собак.

Вам, конечно, может нравиться его «Курбов»,⁽¹⁾ но если вы взгляните в ритм вещи, в стиль диалога (особенно диалога, – такие, например, фразы, их строй: «ценю я свободу... как в Англии...» «Идеи? – Это так не модно, есть лишь одно... моя свобода...» «Я обожаю Метерлинка...» «Воляй-Сюпрем»...), в эту отрывчатость, ненужность вещей, о которых сообщают действующие лица, диалог – тоже ритмичный, вы скажете – *Белый*. Жалко только, что однопроцентный раствор. *Белый* в языке элегантен, и шаманством своего бреда – заразителен. И в данном случае: хороший повторитель не стоит даже пальца хотя бы маленького оригинала.

Мне Чапыгин – интересен больше. А Шагинян просто интересна и мила. Это то, что всегда должно быть в журнале – *для веса и информации*. Толстой – *для имени* (об «Аэлите», о существе – говорили мы, кажется, ещё в Москве).

А вы знаете, что у вас там самое замечательное – это – этот несносный быт, но он острый, в иголках, живой, с мясом, им питаешься с наслаждением – это очерки Шишкова. Хорошо!

То, что напечатана «Записка» Дурново, – прекрасно. Прочёл, подумал: старый императорский режим имел огромных людей, но не умел ими пользоваться. Об этой «Записке» будут говорить. Вот бы таких нам. Впрочем, кажется, сказал глупость!

Теперь о статье вашей. Что говорить? Замятин вами вознесён и уничтожен. Статья – я скажу – запечатлевшая Замятина, превосходно написанная. Но негатив, сложившийся в голове, был, наверное, острее и больше, перенесся на бумагу, вы отретушировали. Так, «Мы» – стала замечательной. Ничуть. Эта вещь – «интересна» (если можно так

говорить) – политической прыностью, памфлетизмом! Ценность небольшая. А написана скучно, сухо – читатели зевают. Это вам не Свифт – а сатибочка из уездного. Уездное, а не мировое.

Дай мне рожу, талантливый гротеск, кривое, дай новую мысль, чего не бывало в русской литературе, не бойся сказать, что «человек хуже собаки», пусть ругают... Впрочем, довольно. Теперь о конце статьи. Тут я говорю от себя. Об учениках Замятина. От Замятина я не отрекаюсь. Он показал мне – что слово имеет и *скелет*, и *кровь*, и *мускулы*, что это такой же организм, готовый анатомически и физиологически, как всякий организм. Не будь его, я, может быть, и не писал бы. Но как неправдоподобно сочетание меня и Замятина, так привившееся за последнее время. Мы разные люди во всём. Соседство моё с ним сейчас присваивается мне, как политическая накладка, но ей-богу, снять её так же легко, как даме волосяную фальшивую накладку из-под своих волос.

Стиль Замятина – и мой... Где же сходство? У него словечки и словечушки, сказ алатырских мещан, а в другом – («Островитяне») – имажинизм сентиментальных конструкций (например, «самое лучшее в жизни бред, а самый прекрасный бред – влюбленность»).

Я никогда не писал так.

1) У меня фольклор – язык земли (не мещанина, а мужика), смешной и корявый, богатый и тёмный. Говорят: – словари. Пусть – кто знает эти словари? Кто-то меня упрекнул однажды в Дале. Но я Даля и не нюхал. Я просто знаю местный язык, и ещё (это теоретически) – местные словари, собранные не академиками, а собирателями. Фольклор – это русское богатство. Мой фольклор – не для сказа, чтобы высмеять, «подсидеть» (Замятин всегда подсиживает) мещанство. И моя первая вещь, написанная фольклором, «Кол» – разве это сатира или ирония или подсиживание, смешок... Простите, это – трагедия. Россия – пережила эту трагедию. А трагедия была – напрасно вы спорите, Александр Константинович, была по нашей глупости, по на-

шей взаимной темноте. Вся кровь гражданской войны и бессмысленность мужицкого бунта вышла оттуда. Это общая тупость мест и людей. Никто не виноват. Вот заключительная сцена, в последней главе вы чувствуете полный покой (Шагинян была права), нет виноватых – это прекрасное, идущее за Лиром, за классикой, за трагедией. Замятин так не кончает. И наконец, последняя повесть «Полёт» – язык, и смысл, и тема, где же «замятинство», у Замятина нет строчки без смешка («Уездное», «Островитяне», «Мы», «Сказки»).

Теперь политически.

Эта кличка «замятинца» – не только вредна, с этим я мало считаюсь, и если б это было только так, я не протестовал бы, но в корне груба.

Credo моё – вам известно: – «с большевиками!» Теперь подробности. Меня к замятинству можно примазать тем, что беру темные, страшные вещи. Но это, дорогой Александр Константинович, исторический процесс, – ребёночек не рождается чистеньким, он рождается уродцем и в крови, пусть заботливые бабки обмоют его. Но я не смеюсь над ребёночком. Каждому дано своё – один искренно романтизирует, поет гимны, другой копает, трагическое («Рвотный форт»), где люди безумствуют, мучаются, где некоторые принижены «хуже собаки», где занимаются онанизмом... Но где Пим⁽²⁾ говорит, когда ждут англичан (говорит не он, а русский тёмный лес): «Не надо нам царя Ирода». Революция живёт среди людей, обеими ногами погрязших в жирной свинине и блюде. И те, кто творит её, – тоже плоть от плоти. Это не весело, это – неприятно. Я и мои товарищи – художники катастрофической эпохи, каждый у нас берёт по-своему. Упрёки в отсутствии пафоса или радости у одного из нас (а хотя бы у меня) бессмысленны, потому что я этого не дам, ибо мне этого не дано. Когда придёт синтез, тогда будет золотой Пушкин, а мы – «горьковщина» или «достоевщина», литература не той пробы (т<о> е<сть> романтически-радостная ложь или романтическое поскребывание душ).

Почему – «с большевиками!»? И почему – *такой*, а не такой, как хотелось бы вам? Вот пример: у матери два сына – один ласковый, другой неласковый. Но любовь обоих одинакова. И ласки того, кто всегда ласкается, – нужны, необходимы, мать к ним привыкла, без них ей не прожить, но вот, во время привычных ласк, она с тревогой смотрит на того, кто не умеет ласкаться, с тревогой (это ясно матери)... Но когда опасность грозит матери, тот – кто не умеет ласкаться, – может быть, первый берётся за винтовку, чтобы защитить мать. Любовь такая – познаётся в действии, а мне переряжаться в красноармейца – не привыкать. Но я люблю говорить матери – то, что думаю..., потому что если бы я лгал ей, я не любил бы её. И никаким неприятностям, никаким цензурам – этого моего ощущения не убить. Всё, что щелкает меня по носу сегодня, я считаю глупостью сегодняшнего дня. А вечно одно: Россия – Революция – РСФСР. Триада. И если я скажу о разложении, о падении, о летящих в бездну Фирсовых, – то здесь я говорю о проценте, осуждённом на смерть. Кто виноват? Большевик? Конечно, нет. Война, революция – закон исторического процесса. Это люди, может быть, очень хорошие, но попавшие в машину времени и ею измолотые. Может быть, очень плохие – гниль, помои, остатки – не будем о них плакать. Так офицер Донбрюков в «Рвотном форте» – и гниль, и честен. Онанист и человек, исполнивший свой долг честно, умер на посту. Фирсов⁽³⁾ – офицер – сформировавшийся в войне и революции в истребительный организм. Зверино – в волка, любит и думает сильно, но эти думы и эта любовь не годны уж к творчеству, а только к разрушению, он оценит вам подлость прошлого и подлость сегодняшнего («Лакеи в Москве»), но не создаёт, а, свой мозг тоже разрушив, сойдёт с ума. Этот конец законен. Фирсовы – процент, определяемый статистикой. Процент самоубийств, идущих сейчас полосой, – это не контрреволюция, нет, это признак, что мы начинаем обстраиваться, что начинается отбор, что, как заботливая хозяйка, мы выкидываем помои. В этом смысле я намереваюсь при кор-

ректуре доделать конец (помните, мы уславливались). Тяжело, страшно – но что же делать. Это так. Это опять совершенно естественный процесс. Меньше сентиментов – побольше ясности. Вот наша задача. И плевать на бабушек из «Воли народа» – они ничего не сделают. Поменьше внимания на их выводы. Правда, в жизни мы научились ходить приплёвывая. (Вы, наверное, осуждая меня за мою пародическую автобиографию – *(пародия сущая!)*⁽⁴⁾ – не уловили этого, а если уловили, то оценили не так) – да, мы ходим приплёвывая, как солдат на фронте. А ведь мы и до сих пор – все солдаты фронта, но это наигранная усмешка, чтобы пуль не бояться... Это не есть органическое безразличие. Дайте отойти от фронтовых привычек, дайте время – мы заговорим не так.

Вот всё – написал, кажется, очень грубо, простите меня, Александр Константинович, и поймите, что ваш глухой финал (финал статьи) – обидел меня. Мне думается, что вы неправы. И за себя я должен был ответить. В письме всего не скажешь, я только слегка наметил, но и по намёкам вы сумеете догадаться – о чём я хотел сказать.

Теперь часть официальная.

1) Мои дела к вам.

а) «Ночью» – (для 3 № «Наших дней») я закрепляю свою позицию лирическую, как лирика (я, кажется, сейчас единственный лирик, насколько это мне известно из чужих разговоров).

Я не могу считать эту вещь бытовой, символической, реалистической (да я и вообще не бытовик), чтобы отвести от себя упрёк в статичности этой вещи, я хочу – чтобы было такое предисловие, его надо напечатать сразу после заглавия, немного поднявшись над текстом повести, т<о> е<сть> так, как я это даю в приложении к этому письму – пусть это вставят.

б) – отдана ли моя книга рассказов «Кол» в набор?⁽⁵⁾ Хочу сам провести корректуру, для этого приеду, пусть извещают. Также – очень прошу, чтобы была хорошая бумага и приличный формат. Чья будет обложка? Срок ведь был поставлен к 1 февраля.

с) Когда выйдет корректура «Полёта» – прошу вызвать меня в Москву на день-два, чтобы мне доделать конец и выправить некоторые другие места повести. Хорошо бы это скомбинировать в один приезд, т<о> е<сть> тогда же выправить и книгу. Повесть должна идти в № 2.

2) *Дела по «Кругу».*

а) Каверин просит денег – 800 миллионов.

Назвать книгу «Мастера и подмастерья» и порядок рассказов такой, как в списке, что он прислал Пильняку. Также просит обратить внимание на эпиграфы к рассказам.

б) Вопрос информационный (ведь вы нас не осведомляете) – получили ли деньги, как дела с домом?⁽⁶⁾

с) Просьба – высылайте, пожалуйста, новые издания «Круга», например, альманах и прочее – что будет... Альманаха у меня нет.

А в конце – крепко обнимаю и хочу, чтобы этот Новый год прожить нам ещё дружнее, теснее и громче. Да покруче, да похмельнее и забористей заварите пива. А за границу, Александр Константинович, едем вместе, фалангой – и выбьем «заграничников». Идёт? Обнимаю – и выпью за здоровье Вронского (так зовут вас в Петербурге) –

ваш *Ник. Никитин*

3) к «Красной нови»

Юрковский – автор рассказа «Приключение», посланного в «Красную новь», просит ответа.

Сиж у Зоценки.

Зоценко говорит.

Сиж у Зоценки – только что рассказал ему содержание моего письма в пункте о Замятине. Видим – огромную ошибку каждого, кто обязательно приклеивает к нам замятинский ярлычок.

Мы не обороняемся, а напоминаем, что Замятин своей статьёй о Серапионах в «Литературных записках» (№ 3) создал из себя мэтра.⁽⁷⁾ Это неверно по существу, и отчасти неверно формально. По существу неверно, потому что *мэтр* – это не есть исход, источник, выход, образец, это

лишь техник и мастер... Мы ученики – техника, а не учителя такого, как Леонардо да Винчи или Достоевск<ий>. Не будь Замятина, мог бы быть Шкловский, не будь Шкловского – мог бы быть Шишков или Чапыгин, если бы они технически были близки к уровню Замятина. Но классические образцы, которыми мы питались, – не от Замятина, учились – не на замятинской прозе, а на классиках и своей – ученической, когда читали свои рассказы. Вот!

Зоценко говорит – что мы не связаны с ним (т<о> е<сть> с Замятиным) одной кровной идеей. Это не тот учитель, от каждой новой вещи которого ждут откровения. Не откровение же «Огни святого Доминика» или «Мы».

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 573-577.

(1) Роман «Жизнь и гибель Николая Курбова».

(2) Герой повести Н. Н. Никитина «Рвотный форт».

(3) Герой повести Н. Н. Никитина «Полет».

(4) В № 3 за 1922 год журнала «Литературные записки», где были напечатаны автобиографии «серапионов», в заметке за подписью И. А. Груздева говорилось: «Никитина нет в Петрограде... Но я даже не знаю точно, в каком году родился Никитин». Высказывалось предположение, что заметка эта – никитинская мистификация.

(5) Книга вышла под названием «Бунт».

(6) В планах артели писателей «Круг» значилось, кроме прочего, и строительство писательского общежития, однако построено оно не было.

(7) Имеется в виду статья «Серапионовы братья», автор письма ошибочно указывает номер журнала, на самом деле, статья вышла в № 1.

52. В. В. Иванов – М. Л. Слонимскому

3 января 1923, Петроград.

Миша!

Рассказ для альманаха я не переписал. Многие, я уверен, сделали так же. Перепишу по возвращении. Не буду потому, что спешно вырабатываю 45 листов «Голубых су-песков» для издания. Отдельного.

Буде будут какие поручения, прошу оные, запечатлев на бумаге, передать Четверикову, а коли что лично – заехать днём ко мне, завтра.

Привет Братьям!

Всеволод

3-1

1923

Никола – на Посадьях⁽¹⁾

Петербург.

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 605.

⁽¹⁾ Пародируется стиль писем Б. А. Пильняка.

53. А. М. Горький – В. А. Каверину

8 января 1923, Сааров.

Вениамину Зильбер

Из письма к Лунцу вы, дорогой мой, узнаете, что здесь затеян большой литературный журнал,⁽¹⁾ в нём и будут напечатаны ваши рукописи, – если вы не против этого.

Мы хотели бы иметь ещё «Пятого спутника»⁽²⁾ и тот рассказ, где люди играют в карты, а карты – с людьми.⁽³⁾ Если вы желаете дать их, так отнесите рукописи в «Эпоху» Белицкому, а он уже перешлёт их сюда.

Обе ваши рукописи сильно интересны, но «Инженер»⁽⁴⁾ оставляет впечатление рассказа недоработанного, и в нём осталось кое-что шероховатое. Напр<имер>: намеренная, озорниковатая неясность, порою производит впечатление неясности *ненамеренной*. И – кое-где – небрежен язык.

«Столяры» чудесно начаты, но поиски чудотворного рубанка деревянным человеком иногда принимают характер аллегии, а ведь это – очень серьёзная драма тысяч людей и даже – символическая драма.

В общем же – всё-таки – хорошо.

По вопросу о гонораре и пр. вам и Лунцу напишет Виктор.⁽⁵⁾

Крепко жму руку, будьте здоровы и работайте больше.

А. Пешков

8.I.23.

Fürstenwalde. Saarow.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 175.

(1) Имеется в виду журнал «Беседа».

(2) Неточность автора письма, правильно – «Пятый странник».

(3) Рассказ «Щиты и свечи».

(4) Полное название рассказа – «Инженер Шварц».

(5) В. Б. Шкловский.

54. В. В. Иванов – А. М. Горькому

14 января 1923, Петроград.

Дорогой Алексей Максимович.

Посылаю Вам карточку свою. В отличие от 1921 года лик мой расширился в шесть раз, а творческие способности в два. Боюсь, не одолела бы сия шестёрка. Послал я Вам большое письмо и книгу «7-й берег», адрес-то у меня был, должно быть, неправильный, и книгу вернули, а письмо, должно быть, пропало. Вот Вам и заграница. Может, получали? Я его ещё для лёгкости читать Вам – перепечатал на машинке. Большое такое, я там восторженные разные штуки о молодёжи писал (я уже старик: у меня жена по утрам седые волосы выдирает. Честное слово!): рабфаки там и прочее. Ежели читали, особо не верьте, я и сам теперь многому из написанного не верю.

Пришел я к убеждению, что всё, что я раньше написал – ерунда. Не так работать надо. И новым методом написал «Возвращение Будды». Прочтите, когда выйдет. И там ерунды много, но дело в том, А<лексей> М<аксимович>, что я, при всех моих хороших изобразительных способно-

стях, *неглубок по уму*. Происходит это не потому, что я мало учён или мало читаю, – ум плохо усваивает и – эта с малолетства механизация букв, скользкая в моих глазах, тоже многому отучила меня. Если, например, кто вслух читает, я – это дольше помню. Всё ж, уверен, кое-что одолею и кое-что сделаю.

У нас здесь в одном из огромнейших кинематографов ставили экспрессионистскую (Вашу – германскую) фильму «Кабинет Калигари». Так дирекция на программке следующее пояснение сделала: «Ввиду того, что действие происходит в сумасшедшем доме, – декорации картины выдержаны в строго сумасшедших тонах».

– И меня, грешного человека, прёт читатель в свои сумасшедшие тона. Не есть ли секрет большого писателя переть поперек читателя? Чувствую, надоел мне быт. И боюсь и вижу: читателю он тоже надоел.

Потому-то Серапионы для нового читателя.

О революции, Алексей Максимович, пишут у нас страшно много и всё суетно. Вышла необходимость как-то её, революцию, по-особому <...> а то блины всё едят, – ну можно недельку, а коли год?! Я говорю о широких замыслах. Может, в эпоху широких замыслов надо человеку создавать маленькое?

Мы, Серапионы, как Вы нас, Алексей Максимович, усадили да благословили, – так мы и сидим на скамеечке. И не то что плохо и холодно, – а весело. Лают нас, в Питере преимущественно, на чём свет стоит. Сколь долго мы просидим так, неизвестно, но потешно до чрезвычайности. Люди-то растут, Алексей Максимович, а штанишки-то всё уже да уже. Я думаю, будет всё же долго так.<...>

Хороший роман пишет Федин. Здорово насадил – и сантиментальное есть, а я, грешный, люблю сантиментальное, да коли ещё, прохвост, улыбнётся ещё... конец! Здорово. Хорошо. Вообще он человек размеренный – ему бы протопопом быть, а он вылитый Мозжу-

хин.⁽¹⁾ Помните? Впрочем, кино творит сейчас религию молчания, и протопопы туда переселились. Прекрасная вещь – жест. Вот Шкловскому... я, Алексей Максимович, про Шкловского писать не буду. Он меня прописал: «глаза, говорит, у него косые, и сам он мрачный»... Разве можно так живых обижать, вот когда меня вышлют... Покажите ему мою карточку и передайте, что я имею трёх котят для веселья и Пильняка вижу каждый месяц. Мне мрачным быть с чего же? Пушай клеит печатки.<...>

Везу в ближайший месяц жену лечить на Кавказ. Там, подле Тифлиса, бандиты поезд остановили и всех догола раздели. В одной половине голые мужчины сидели, а в другой – дамы.

Летом, в июле приблизительно, – едва ли раньше, – решил поехать в Европу. Еду с Фединым. Едва ли Вы раньше осени будете в Азии, а если летом приедете, поедемте, Алексей Максимович, на Дальний Восток? Право!

Распрыскался я тут порядком. Я сегодня письмишко от приятеля получил, солдатишками вместе были, в колчаковщину. Немудрящий парень был, астрономию всё по Мейеру учил и говорил, что в Сибири звезды не так расположены. А сегодня – бах! письмо! Из Праги! И студент. А узнал про меня, что где-то там в какой-то дыре «Бронепоезд» прочёл и ещё про серапионов. Так и написал. Дом Литераторов, Серапионову брату. (Письмо то на 40, что ль, страницах.)

Желаю счастья.

Ваш *Всеволод*

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 16-18.

⁽¹⁾ То есть похож на киноактера И. И. Мозжухина.

55. Л. Н. Луниц – Н. Н. Берберовой

24 января 1923, Петроград.

24 января 1923 г.

Петербург. Дом Искусств.

Ниночка, милая!

Ваши письма – одна прелесть! Из всей моей богатой корреспонденции больше всего люблю читать Ваши посланья. Потому, что они не литературные. От души. Вы не смейтесь. И я не смеюсь, я серьёзно. Вы меня трогаете каждый раз нежнейшим образом. Какая Вы хорошая!

Долго сердился я на Вас: почему не отвечали целую вечность? Думал – не рассердились ли? Ну, а теперь всё прекрасно. И вообще – я ожил.

А было мне ой, как плохо! Понимаете ли, Ниночка, я совсем стал стариком. Болел сотней болезней. Была у меня испанка⁽¹⁾ с осложнениями: воспаление в ноге, чуть меня не резали. Потом открылся порок сердца. Зверская слабость, боли в костях – всякая чертовщина. Но всё это – не беда. Но вы помните – я никогда не был мрачным малым. Так вот я весёлым остался, а веселиться нельзя. Одно слово – старик! Запрещены мне всякие «колени»,⁽²⁾ «кинематографы» и проч. игры. И я – несчастный – сижу на вечерах и... шшш! по секрету! Всё-таки играю в колени и в кинематографы. Не выдерживаю. Но на завтра – каждый раз – болен. Прямо несчастье.

Сейчас я Вам пишу из Царского Села. Живу в санатории Дома Учёных, отдыхаю и скучаю. Настроение хорошее. Всё обойдётся.

Здесь великий развал. Диск и Д<ом> Л<итераторов> с Божьей помощью закрылись.⁽³⁾ Негде собираться. Нас всё собираются выселить из общежития. Жаль. Здесь в Диске с осени пышно расцвёл так называемый «детский клуб», затмивший понедельник «Звучащей раковины».⁽⁴⁾ Было убийственно весело, дружно и уютно. Мы с Евг<ением> Ш<варцем> ввели новый род кинематографа, так сказать, публицистического, где издаваемся над всеми местными литературными знаменитостями.

Между нами, Нина; никому не рассказывайте. Должен Вам сообщить очень горькую для меня новость: Серапионы разваливаются. Медленно, но неуклонно. Часть вышла в знаменитые писатели и тяготеет «партийным ярмом». Но ведь партийности-то у нас нет. Всё одно: не клянутся больше наши «субботы»,⁽⁵⁾ не все приходят. Я в отчаянии. Даже очередная наша годовщина (1 февраля) не состоится.⁽⁶⁾ А помните, как в прошлом году весело было!

Ну, да будем надеяться, что это временно. Я твёрдо знаю: разойтись мы не можем – слишком крепко спаяны. Серапионы трещат, но развалиться не могут. Будем ждать.

Миша⁽⁷⁾ всё такой же тюфяк. Любит Вас крепко, кланяется. Не пишет Вам официально из-за отсутствия денег на марки – неофициально, по лености. Начал ухаживать за некоей Ниной Николаевной (!). Уверяет, что она очень на Вас похожа.

Целую. *Лёва*

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 171-172.

⁽¹⁾ Название это сохранилось со времен пандемии гриппа, имевшей место в 1918-1919 гг.

⁽²⁾ Одна из игр, популярных среди молодежи Дома Искусств.

⁽³⁾ Дом Искусств и Дом Литераторов были закрыты, как организации, из-за того, что представляли, по мнению властей, «оазис свободы».

⁽⁴⁾ То есть вечера в доме Наппельбаумов, где собирались участники поэтического кружка «Звучащая раковина», которым прежде руководил Н. С. Гумилёв.

⁽⁵⁾ День, когда бывали собрания «Серапионовых братьев» (на разных этапах существования группы собрания бывали и в другие дни недели).

⁽⁶⁾ Годовщины «Серапионовых братьев» праздновались даже тогда, когда группа уже фактически не существовала.

⁽⁷⁾ М. Л. Слонимский.

24 января 1923, Петроград.

Дорогой Алексей Максимович!

Я целый месяц прожил в санатории в Царском Селе и только вчера вернулся. Сразу прочёл оба Ваши письма. Спасибо Вам большое за похвалу, верней, за поддержку. Нечего и говорить, что я согласен на печатанье в Вашем журнале, тем более, что здесь меня не печатают. Если можно, очень прошу раньше напечатать «Вне закона». Я всё-таки считаю, что эта пьеса лучше и интересней, хотя «Бертран» и написан чище.

Федин пишет сейчас большую повесть (называет её роман – неверно).⁽¹⁾ Судя по прочитанным отрывкам, это будет превосходная вещь. В Федина я очень верю. Он пишет дольше нас всех, медленней всех, но работает верно и твёрдо. С каждой новинкой – шаг вперёд. Особенно люблю его спокойный язык без вывертов. Хотя в общем, конечно, его манера письма мне чужда.

Иванов пишет как Бальзак, много, но – увы! – всё хуже. Боюсь за него. Мутят его газеты и разные Львовы-Рогачевские.⁽²⁾ Кстати за последние два месяца на Серапионов ведётся отчаянная травля в Питерских листках.⁽³⁾ Сперва раздули без оснований, а теперь хоронят. Ну, да это к добру.

Я пишу сейчас большую повесть. Авантюрную, но современную.⁽⁴⁾ Боюсь, что ничего не выйдет. Не беда: не эта, так другая. А работать над сложным сюжетом самому интересно. Трудней всего мне даётся – человек. Ужасно трудно оживить фигуру, чтоб не получился деревянный манекен, делающий то-то по заданию.

Кланяйтесь Ходасевичу и Виктору.⁽⁵⁾ С нетерпением жду Ваших писем.

24/1 1923

Лев Луц

■ Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 147.

(1) Роман «Города и годы».

(2) Подразумевается, в первую очередь, статья В. Львова-Рогачевского «Новый Горький» (Вс. Иванов)».

(3) Автобиографии «серапионов» и статья Л. Н. Лунца «Почему мы Серапионовы братья», опубликованные в № 3 журнала «Литературные записки» за 1922 год, вызвали оживленную полемику, которая с новой силой вспыхнула после появления в печати статьи Л. Н. Лунца «Об идеологии и публицистике», где он возражал критикам.

(4) Скорее всего, речь о произведении, которое, в конечном счете, превратилось в рассказ «Через границу».

(5) В. Б. Шкловский.

57. А. М. Горький – В. В. Иванову

Январь – февраль 1923, Сааров.

В. Иванову

Получил Ваше письмо, дорогой Иванов; даты на письме – нет, по штемпелям не разобрал, когда оно послано; в нём – Ваша карточка, а кроме её – ещё более приятное мне – выражено Вами сознание, что писать Вам следует лучше.⁽¹⁾ Вы даже ругаете себя: «Всё, что я раньше написал, – ерунда». Это, разумеется, сказано чересчур сильно, Вы уже ухитрились написать кое-что очень серьёзное, имеющее все признаки Вашей близости к подлинному искусству, Вы дали несомненные доказательства Вашей силы как художника. Это я говорю не в утешение Вам, Вы человечиче крепкий, и утешать Вас не надо. Но Вы встали бы рядом с правдой, сказав: «Пишу я, В. Иванов, очень много лишнего и фактами и словами, последними – особенно много. Это у меня оттого, что я много видел, богат впечатлениями, и они лезут на бумагу помимо моей воли». Вот так – будет вернее. Этот Ваш недостаток особенно выражен в «Голубых песках», книге хаотической и многословной, написанной «беглым шагом». Так писать не надо, хотя бы только потому, что писать так – легко.

Позвольте дать Вам хороший практический совет: не пишите года два-три больших вещей, вышкольте себя на маленьких рассказах, влагая в них сложные и крупные те-

мы. Верьте: это не совет писателя или учителя, – я никого никогда не учил писать как литератор, а всегда говорил и говорю с писателями только как внимательный читатель, любящий литературу всего больше. Вам надо себя сжать, укротить словоточивость. Вам легко сделать это, ибо Вы, как настоящий художник, мыслите образами, а образ тем более ярок и осязателен, чем меньше затрачено на него слов. Почти все величайшие мастера живописи писали цельными красками.

Засим: нередко Вы заканчиваете страницы описательного и даже диалогического характера лирическими возгласами. Лирика Ваша – волчий вой или медвежье рычанье, однако это хорошая лирика. Я её не хаю, но – она неуместна там, куда Вы её суёте. Дайте ей исток в нарочито лирическом рассказе, и Вы получите – не сомневаюсь – нечто очень оригинальное. Но – не надобно вливать мёд в дёготь быта, ныне лишённого лирики. Не верно, скажете Вы? Верно. Та лирика, которую мы иногда слышим, насквозь фальшива. Ни чистой лирики, ни – даже – пафоса, которому, казалось бы, и время и место, ещё нет, всё ещё нет. Посмотрите на Пильняка, – он пытался, но начал писать скучно, болтливо и – безграмотно. Базарно.

Далее: Вы злоупотребляете местными речениями, в этом сказывается неправильно понятое увлечение Ремизова и его школы колдовством слова. Этот недостаток есть и у Никитина, он делает вас непереводаемыми на языки Запада Европы. А переводить вас – необходимо по целому ряду причин; одна из них: напряжённый – как никогда! – интерес к русской литературе в Европе. Интерес этот – важен, он возвращает Русь на её место, туда, где она многому научилась и где ей надобно учиться ещё и ещё. Но она возвращается уже такой, что и у неё можно Европе научиться кое-чему.

Каждый писатель есть звено, которое связует разноязычных и разнородных людей во единое, человеческое, – это – не фантазия.

Вот сейчас я крикнул европейским литераторам клич: расскажите, что вы сделали, как жили за время войны и до сего дня? И отовсюду, с охотой, которой раньше не вызвать бы, мне шлют статьи о жизни Европы, Америки, и все требуют: расскажите, что делается у Вас, в России?

Я затеял здесь журнал литературы и науки – «Беседа» <...> мне нужна Ваша «Жаровня арх<ангела> Гавриила». Пожалуйста, пришлите!

Посылать книги мне надобно заказной бандеролью.
Fürstenwalde, Saarov, M. Gorki. <...>

Пожалуйста, пошлите мне вторично Вашу книгу⁽²⁾ и всё вообще, что у Вас вышло. Очень нужно. Всем мой привет.

Федина – поздравляю. Страшно рад буду видеть Вас! И его, разумеется, – вообще – вас! Никитин тоже собирается сюда? Это – дело! Это очень хорошо! Крепко жму руку. Будьте здоровы.

А. Пешков

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 18-20.

⁽¹⁾ Речь идет о письме от 14 января 1923 года.

⁽²⁾ Упомянется сборник «Седьмой берег».

58. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому

26 февраля 1923, Петроград.

Ваше письмо, дорогой Алексей Максимович, несколько не огорчило и не изумило меня. Дело в том, что мнение Ходасевича я знал вперёд. Ходасевича я высоко ценю и чрезвычайно уважаю его сужденья. Он, может быть, лучший сейчас ценитель стихов.

Но ведь всё это сплошное недоразумение! «Бертран-де-Борн» *не написан стихами!* Об этом я говорил в предисловии и не устаю повторять это всюду. Спору нет, что, с точки зрения стиха, «Б<ертран>-де-Б<орн>» отвратителен (я не унижаюсь). Я стихов писать, вообще, не умею, двух строк скомпоновать не могу. Но ведь *пьеса*, театральная, не пишется ни стихами, ни прозой! Вся беда *писателей* в том, что они *литературно* подходят к сценическому языку, подчинённому совсем другим законам. У меня в пьесе – сценич<еская> речь, местами ритмическая. Когда я писал её, я всё время подставлял себя на место актера. Ведь, если даже пьеса написана самыми гениальными *стихами*, актер всегда ломает стих по-своему, «портит» его. И он прав. Знаменитый спор между «актерским» и «поэтическим» чтением стихов разрешается, по-моему, очень просто. Лирические стихи, стихи как таковые, читать должно «поэтически». Но на сцене, вообще, стихов не может быть. Там царит сценическая речь.

Я совсем не хочу сказать, что мой «Б<ертран>-де-Б<орн>» хорошо написан. Но нельзя подходить к театр<альной> пьесе литературно. Если Ходасевич, как Вы пишете, сказал, что пьеса хороша театрально, но написана плохим стихом, – то это для меня наибольшая похвала.

Между прочим, многие *поэты* говорили мне то же, что Ходасевич. Но никогда я не слышал этих укоров от актеров или от простых *слушателей* – *зрителей*. Те находили в пьесе другие, значительно более существенные недостатки.

Я бы очень просил Вас показать это письмо Владиславу Фелициановичу. Мне очень интересно будет узнать его возраженья.

Известие о скором выходе «Беседы» меня очень обрадовало. Между прочим, я слышал, что «Беседа» пойдёт в Россию...⁽¹⁾ Я бы очень хотел узнать об этом наверное, потому что мы, Серапионы, составляем сейчас альманах, и я не знаю, могу ли я печатать там «Вне закона». Очень хотелось бы в Серапионовском альманахе.⁽²⁾

Я сейчас всё больше увлекаюсь театром. Работаю в двух театрах,⁽³⁾ изучаю сцену «не спереди, а сзади». Это самое важное. Другое моё очередное увлечение: «кинематограф». Сюда навезли массу зарубежных фильмов, и я утопаю в блаженстве. Вот где – динамическое искусство!

Серапионов травят газеты почём зря. Но мы, конечно, не отвечаем. Всеволод, который совсем-было откалывался от нас, снова рьяно интересуется общим делом. Вот только Миша Слон<имский> хандрит и нервничает. Ему надо отдохнуть.

Превосходно записал Зоценко. Его последние вещи – лучшее, что было у Серапионов. Тонкий писатель. Чудесный юморист.

Прочёл я Ваши «Автобиографические рассказы» в «Красной нови». В чрезвычайном восторге. Никогда не забуду уже ни одного самого маленького человечка оттуда... Впрочем тысячу раз извините, дорогой Алексей Максимович, не мне, конечно, «хвалить» Вас...

Снова хлопочу об отъезде за границу. Появляются какие-то новые возможности. Быть может, в мае увидимся.

Жму Вашу руку

Лев Луц

26/II 1923 г.

■ Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 147-149.

⁽¹⁾ Выходивший в Берлине журнал «Беседа» задумывался как журнал, предназначенный для России, однако доступ его в страну был чрезвычайно затруднен.

⁽²⁾ Ни второй, ни последующие альманахи «Серапионовых братьев» в свет не вышли.

⁽³⁾ Пьесу «Бертран де Борн» ставил Большой Драматический театр, в то время как Александринский театр готовил постановку пьесы «Вне закона». Спектакли выпущены не были.

59. В. В. Иванов – К. А. Федину

1923.⁽¹⁾

Константин!

У меня к тебе большая просьба: приходи в субботу, будут крестить моё произведение, ты его у купели поддержишь.

А кумом я удумал записать Горького? Это ловко – дескать, любим, и уважаем, и помним... Первый ребёнок, родившийся в эпоху Серапионов.

Приди на мою квартиру после четырёх – в субботу, – там на квартире всё и распишется.

И между прочим раздадим мы с тобой в ознаменование сего полбутылки спирту. Это верное.

Процессию завершим в течение часа, выпьем, и можно будет идти к Серапионам.

Жду.

Всеволод

Рукописи в Москву отправлены. О деньгах – написал.

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 587.

⁽¹⁾ Письмо датируется публикатором условно.

60. Б. А. Пильняк – К. А. Федину

13 марта 1923, Коломна.

13 марта 1923,⁽¹⁾

Коломна,

Никола-на-Посадыях

Константин, дорогой!

Мне давно надо было написать тебе, – и всё суматошил-ся. Вчера же – прости за прежнее вранье – *впервые* прочёл твою «Анну Тимофевну»; о ней и слово моё первое. Понра-

вилось мне очень, – знаю, многие будут плакать читая, – откуда у тебя после *этих* наших лет такая нежность, прекрасность и благородство? Сегодня весь день – светит солнце, ручьи, поэтому грустно – чую Анну Тимофевну своей, родной, сам хочу написать о моей Анне Тимофевне – и посвящу тебе.

Да.

Ну, а теперь о делах. Ты знаешь, что тебя Артель («Круг») избрала редактором (главным!) за моим отъездом.⁽²⁾ Сдавать дела – это громоздко очень звучит. Пока я веду редакторствование и кончу вести, должно быть, за сутки до моего отъезда. К тебе же просьба, когда будешь приступать к редакторствованию, – затребуй из Москвы точнейший список всех принятых мною рукописей, о их судьбе, о резолюциях Воронского, о том, где они в данное время находятся: в наборе, под спудом, в цензуре и т. д. Это к тому, чтобы не было разнобоя. Я, редакторствуя, придерживался того правила, что у меня не было ни свата, ни брата, и брал только по совести.

Сейчас не анонсируются ещё, но принято новых книг – штук 15-ть.

Целую крепко.

Твой *Пильняк*

День солнечен, ярко, ручьи, сосульки – поэтому в душе сквозняк, тишь и грусть.

■ «Литературная учеба», 1990, № 2, с. 80.

⁽¹⁾ В оригинале письма обозначен не март, а февраль, однако, на почтовом штемпеле значится март.

⁽²⁾ Б. А. Пильняк вместе с Н. Н. Никитиным собирались в заграничную поездку.

61. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому

13 марта 1923, Сааров.

М. С л о н и м с к о м у

Дорогой мой друг, в конце концов – совершенно не важно, какова будет книга о Горьком, а важно, чтоб Михаил Слонимский писал рассказы. Вполне согласен с вами: оставьте книгу такой, какова она есть, подпишите её инициалами М. С., и этим будет кончена канитель, которая мешает в<ам> работать.⁽¹⁾

Очень тревожно знать, что вы чувствуете себя плохо; Лунц пишет, что вы «хандрите и нервничаете». Это – плохо. Сумеете ли вы отдохнуть в Крыму? А Лунц – теоретизирует, это тоже не очень хорошо, во всяком случае: несколько преждевременно. Я знаю, что в молодости человека весьма беспокоит зуд творчества различных законов и что всегда это приводит законоположников к дидактике, тенденции и другим грехам против Духа искусства. И, уж если законотворчество одолевает непобедимо, так следует придавать этим законам или – точнее – издавать законы в художественной форме, оставляя за собою право иронического отношения к собственному законотворчеству. По натуре, по существу своему, Лёвушка прежде всего – художник.

Кстати: скажите ему, что «Пустыня» в переводе на французский язык звучит очень хорошо; её будут печатать в «Европе», журнале Р. Роллана, Аркоса и Вильдрака. И, пожалуйста, скажите, чтоб он не печатал «Закона»⁽²⁾ в России, это невозможно, пьеса уже набрана «Беседой», в начале апреля выйдет, и будет нам нехорошо, а также и ему: журнал пройдёт в Россию.

На днях я послал письмо о Серапионах для Франца Элленс в «Ecrits du Nord»,⁽³⁾ о Никитине и Всеволоде я пишу: «Они перегружены впечатлениями хаотического бытия России и не совсем ещё научились справляться со своим богатейшим материалом. Мешает им и щегольство провинциализмами языка. Они слишком увлекаются местны-

ми словарями пёстрой России, где почти каждая губерния говорит своими словами. Это делает их рассказы почти непереводаемыми на европейские языки. Но успех не опьяняет их, наоборот: оба они знают его цену и говорят: “Нас очень хвалят, это не хорошо для нас”. Слова – искренние. Я вижу, как они оба стараются преодолеть хаос своих впечатлений и несовершенства языка.

А Пильнякова «Третья столица» – ужасна. И – малограмотна. Ну, будьте здоровы, берегите себя, присылайте рукописи. Не вышла ли книга Зильбера? Пошлите, пожалуйста. Вам кланяется Познер. Привет Ник. Чуковскому, мне очень нравится его «Козлёнок». Идёт в первой книге «Беседы» <...> Ходасевич пишет совершенно изумительные стихи.

Жму руку.

Привет мой Зоценко.

И – всем!

13.III.23.

Saagow

А. Пешков

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 384-385.

⁽¹⁾ Речь идет о книге, посвященной жизни и творчеству А. М. Горького, написанной М. Л. Слонимским. Автору его произведение не нравилось. Вскоре рукопись и подготовительные материалы были переданы И. А. Груздеву, который довел работу до конца.

⁽²⁾ Имеется в виду пьеса «Вне закона».

⁽³⁾ Статья А. М. Горького, посвященная «Серрапионовым братьям», появилась в журнале «Le disque vert».

62. К. А. Федин – А. М. Горькому

7 апреля 1923, Петроград.

Петербург. Литейный, 33, кв. 13

7 апреля 1923.

С месяца на месяц откладывал я ответ на ваше письмо, дорогой Алексей Максимович; всё ожидал выхода своей

книжки.⁽¹⁾ Наконец, она вышла. Высылая её вам теперь, я не испытываю того чувства, с каким сделал бы это прошлым летом, когда только что закончил «Анну Тимофевну» и – как всегда – думал, что закончил хорошо. И хотя к тому времени мне уже успело разонравиться начало, но я ещё крепко верил, что удался конец. Теперь эта вера пошатнулась, и мне ещё больше нужен ваш отзыв. Судя по письму к Слонимскому, он будет нелестен – этот отзыв – потому что упрёк в небрежности, с какой теперь работают молодые писатели, отнесён вами и ко мне. Уверяю вас, Алексей Максимович, я не повинен в общем грехе: повесть в 4 листа писалась с октября 21 г. до июня 22-го, т<о>е<сть> больше полугода, и за это время я почти не писал ничего другого. При всём том она может быть плохой повестью. То, что вы относите на счёт небрежности, я считаю неумением или плохим знанием слова. Мне иной раз кажется, что неудачная фраза в моих рассказах – скорее результат неуверенности в себе, боязливо-щепетильного отношения к языку, нежели – небрежность или спешка. Я так часто озираюсь, так долго ищу, что впадаю в манерность, в изысканную нарочитость. И тут вечный вопрос о простоте в искусстве или простоте искусства – об этом я писал вам, так же, как и о том, что «писать трудно». Трудно, конечно, не потому, что всю жизнь надо учиться, а потому, что вся жизнь насыщена ежечасными влияниями школ, теорий, приёмов, наконец – живых людей. Нужна какая-то китайская стена, чтобы оградить свою душу, сознание, сердце от этих влияний. Борьба с ними не всем по плечу, а иногда всем не по плечу. То, что вы заметили на альманахах «Круга», мы видим здесь ежедневно на бесчисленных более мелких примерах – во всех журналах, листках и листишках: повальное подражанье, заимствование, просто плагиат. Люди торопятся, скачут через головы, хватают, рвут друг у друга – слова, названия, манеру, стиль. Самая граница между «можно» и «нельзя» давно стёрлась, и я – к примеру – по опыту знаю, как небезопасно делиться с нынешними литераторами своими планами и намерениями:

обойдут на голову у самого старта! После долгого перерыва настал час «делать себе имя», и его делают, пока не поздно. Тут, конечно, не до тонких чувств – «валяй наши, валяй, знай, поваливай, валяй!» В нашем положении (я говорю о Серапионах) страшнее всего, пожалуй, то, что влияния идут не по прямой (т<о> е<сть> стилистика и тема одного писателя воздействует не прямо на стилистику и тему другого), а просачиваются какими-то нелитературными путями. Хаотичность, раздёрганность, торопливость, малограмотность нынешней московской литературы сами по себе не могли послужить образцом для разборчивого и строгого Петербурга. Но успех этой литературы, спрос на неё в Москве, которая теперь буквально кормит нас, постепенно стирают в литературе следы петербургской традиции. Работать в этих условиях тяжело. Нужны большие силы и большое, веское слово, чтобы что-нибудь противопоставить коломенско-московской разнузданности. Здесь не на кого опереться, не к кому звать. Каждый действует за свой риск и страх, заботясь меньше всего о литературе, по неразумию или запальчивости величая себя литераторами.

Дорогой Алексей Максимович, здесь, в полунасмешку, зовут меня «академиком». Может быть, за то, что я не преступил заповеди: «не пожелай жены искреннего твоего...» – не только не подражал, но почти не прикоснулся к теме, с которой все мои однокашники давным-давно обвенчались, – к современности. В «Анне Тимофевне», да и во всём «Пустыре», я отгораживался от неё умышленно, ожидая «своего времени». Что из этого получилось, каков «Пустырь»? – Жду с нетерпением вашего отзыва.

С прошлого лета работаю над романом,⁽²⁾ который начну печатать не раньше осени. Речь веду о плене в Германии, о революции в уездной России, о том, что видел и что знаю. Знаю, конечно, «по-своему». Но не будьте так строги, как к моим штукатурам, которые сведущи в малярном деле: право же, Вольск (Сарат<овской> губ<ернии>) славится штукатурами-малярами! Это вовсе не пильняковские «соски и сбски».

Прошу вас ещё об одном. Я получил предложение от «Книгоиздательства писателей в Берлине» дать им для отдельного издания «Анну Тимофевну» и для переиздания – «Пустырь». Следует ли давать? Что за авторы участвуют в этом издательстве? Посоветуйте.

Можно ли прислать вам одну-две главы из романа до напечатания, чтобы вы просмотрели?

Лунц просил меня сказать вам, что «Вне закона» напечатано в России не будет. «Бертран» уже опубликован.

Вс. Иванов уехал в Крым, Слонимский собирается тоже на юг, Лунц получил заграничный паспорт, Никитин едет с Пильняком в Лондон, Каверин с молодой женой пропадает где-то в Псковской губернии, – все расползлись. Один я сижу смирно и грузно: рашу дочь и умиляюсь своими отеческими чувствами.

Сердечный привет вам и Владиславу Фелициановичу.⁽³⁾

Любящий вас *Конст. Федин*

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 470-472.

⁽¹⁾ Имеется в виду сборник «Пустырь».

⁽²⁾ Роман, получивший впоследствии название «Города и годы».

⁽³⁾ В. Ф. Ходасевич.

63. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому

Начало апреля 1923, Петроград.

Дорогой Алексей Максимович,

вчера у Федина написал по обыкновению торопливое письмо, а сегодня хочу на свежую голову описать вам вчерашний серапионовский переполох.

Третьего дня я вернулся из Москвы. Настроение – прекрасное, ибо впереди – месяц спокойной и неторопливой работы. Прихожу вчера к Лёве.⁽¹⁾ Лёва по обыкновению лежит с градусником (он всегда чем-то болен). Лежит и дрожит в страхе. «Тебе письмо от Алексея Максимовича...

Страшно ругает... полная катастрофа и паника... и меня, и Федина». «За что?» «Я не разобрал». «Где письмо?» «У Федина».

Лёва дрожит, я дрожу, галстук от испуга сам собой развязался, говорим шёпотом, я хожу на цыпочках. Лёва начинает успокаивать, но я убегая. Трамваев нет, беру извозчика, гоню его к Федину. Приезжаю.

Федин сидит у стола и читает с карандашиком в руках собственную книгу. Бледнея, подчёркивает какие-то фразы – глаза огромные, на лице – ужас. Увидев меня, сразу понимает, в чём дело, и даёт мне письмо. Я прочитываю и немедленно соглашаюсь со всем решительно. Федин также согласен. Оба чувствуем себя отвратительно. Я хватаю перо, бумагу и тут же отвечаю вам, не помню что – кажется, ерунду. Полная катастрофа и паника, всё погибло, мы – прохвосты и пишем дрянь, Федин плачет, я плачу, Лёва у себя с градусником тоже плачет. И каждый начинает мучиться проданными и ещё не напечатанными рассказами: а вдруг и они дрянь? Полное раскаяние и ужас.

Дорогой Алексей Максимович, большое спасибо вам за ваше письмо. Причина торопливости одна – невероятное отсутствие денег, гнусная бедность. Бороться с соблазнами при таких условиях необыкновенно трудно, а мы всё же боремся и халтурим только тогда, когда сил нет больше выдержать. Ведь в Москве мы, попросту говоря, если не маститые, то, во всяком случае, уважаемые и бороться с этой ложной «уважаемостью» не перестанем никогда.

Теперь у меня задача: написать такой рассказ, который бы вы и Влад<ислав> Фел<ицианович>⁽²⁾ одобрили для «Беседы», и который бы понравился Виктору.⁽³⁾ Пишу и потом читаю вслух, воображая в кресле рядом Влад<ислава> Фел<ициановича>. Выслушиваю от него замечания, затем иду по коридору к несуществующему Виктору, гляжу на дело его глазами и думаю, о том, как отнесётесь к рассказу вы, когда я понесу рукопись вам на Кронверкский. Писать буду месяц, два месяца, три месяца, но добьюсь. Писать, наконец-то, можно спокойно, ибо деньги пока что есть.

Серапионы все живы и здоровы. Плотное ядро – Лёва, Зощенко, Федин, я, Тихонов. Срослись и не разойдемся. Брань всем нам полезна. Большое спасибо, и очень я вас люблю.

Ваш *М. Слонимский*

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Невыданная переписка. М., 1963, с. 386.

⁽¹⁾ Л. Н. Лунц.

⁽²⁾ В. Ф. Ходасевич.

⁽³⁾ В. Б. Шкловский.

64. В. В. Иванов – К. А. Федину

9 апреля 1923, Ялта.

Ялта,

Чукурларская, 12

Дорогой дружище,

Я ногой на Чёрном море. Впрочем, цвет его не чёрный, а выцветшего стекла. Ну, всё прочее тоже бесплатно.

Не то чтоб очень холодно, но и не жарко. О природе Крыма, о фауне и флоре отсылаю тебя к новому моему рассказу «Заповедник». Если ещё в письмах лирики писать, совсем терпежу не будет.

Вино здесь паршивое и дорогое.

Обедать можно в одном ресторанишке – но дорого, дороже Москвы.

Жуликов тьма.

Буду жить здесь всё лето. В начале мая приеду в Питер, чтоб забрать кое-какие книжки.

Рассказ «Долг» я после разумного размышления в альманах решил не давать. Малоценен. Если к маю не соорудите, я даю новую вещь – «Заповедник» – это будет потвёрже, да и вообще прибой волн <...>

Тень Слонимского витает по Ялте. Какой-то жуткий паренёк в студенческой фуражке остановил меня на зной-

ных улицах, когда я тоскливо искал хороших обедов, и нежно сказал:

– Не узнаёте?

– Не помню.

– Я из «Звучащей раковины».

Я скромно пожал ему руку. Он обрадованно сообщал:

– Как вы сюда попали? Михаил Леонидович хотел сюда в начале февраля... я уже здесь...

На что я ему возразил крепко:

– Михаил Леонидович написал плохой рассказ «В Бразилию» и женился на Чуковском.

Хлопец решил остаться здесь ещё на три месяца. Увы, не дождётся.

Как твой роман? Не тот, о котором вы говорите с Зошенко, о сладострастии,⁽¹⁾ а другой – рукоблудный, под эпиграфом – «он когда-нибудь окончится»?⁽²⁾

Привет: черноглазой Полонской,

трубке Тихонова,

величавой зрелости Каверина,

Никитину, которому я забыл отдать сто миллионов и которые я перевёл на курс золотого рубля; Слонимскому; сладострастному павиану Зошенко; Лунцу – которого Лев Толстой забыл поместить в «Круг чтения» и не помещают в круг Пильняка,⁽³⁾ и великолепному классику –

Илье

Абрамовичу⁽⁴⁾

Груздеву, –

Ничтожный раб – и тень тёплых песков

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 587-588.

⁽¹⁾ М. М. Зошенко и К. А. Федин пользовались неизменным успехом у женщин. Вероятно, эта тема обсуждалась в их беседах.

⁽²⁾ Роман «Города и годы» первоначально должен был называться «Еще ничего не кончилось». Название это и обыгрывает автор письма.

⁽³⁾ Рассказ Л. Н. Лунца «Родина», который, по мнению Б. А. Пильняка

ка, не подходил журналу «Красная новь», был им рекомендован для публикации в альманахе «Круг». Однако и там рассказ не появился. Обстоятельства эти, по всей вероятности, ему известные, и обыгрывает автор письма.

⁽⁴⁾ Отчество И. А. Груздева – Александрович.

65. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому

11 апреля 1923, Петроград.

11/IV-23. Пб.

Дорогой Александр Константинович,

только что сегодня встал с одра, был болен и вот сегодня смог ответить вам на письмо. Я рад, что вы написали мне открыто и просто по-товарищески... Надо радоваться хоть этому. По существу, конечно, целый ряд неприятностей, и очень тяжёлых. По поводу вашей статьи в последнем номере «Нови»⁽¹⁾ и по поводу вашей там диалектики я мог бы привести ряд обратных доказательств, но к несчастью болен и не могу сейчас много писать. Буду в Москве, тогда расскажу всё по душе.

В отношении ко мне – вы неправы. Но об этом потом, сейчас исключительно дело.

1) «Ночь»... Придётся конец переделать. Вставлю новую сцену. Надо это хорошенько обдумать и переправлю текст. Вскоре вышло. Ждите. Но то, что тут опять затор, страшно меня удручает.

2) *Книга*. Я не жалею, что её написал.⁽²⁾ И то, что жестокие нападки, и то, что – похвалы, и то, что фальшивая слюна садофьевских инсинуаций и клаки из бывших врангельцев, ничуть меня не смущает. В библиографическом сборнике по поводу 5-летия Госиздата были напечатаны моя обложка и мой портрет.⁽³⁾ Если вы видели эту книжечку, то вошедший туда материал по поводу 5-летия квалифицируется только как избранный. Это меня убеждает в том, что не все поддаются панике тех злобных и недостойных нападок на меня и на мою книгу. Александр Константинович, мне всё-таки хотелось бы знать об этом определённое. Что

значит «считаться»? Берётся издательство или не берётся за издание этой книжки? Сами посудите, что ходить мне в нетях и домогаться ответа тяжело, так уж скажите мне категорически.

Вот если бы удалось поехать в Англию. Какую бы я написал книгу... Мне кажется, что она подняла бы мои фонды в ваших глазах. Сейчас надо писать повесть «Ягоду».⁽⁴⁾

А я так устал и так разболелся. Этот год видимо утомил меня. Хотя бы месяц, полтора отдохнуть. Но вот завтра опять за работу.

Крепко жму руку – привет.

Ваш *Никитин*

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 584-585.

⁽¹⁾ Имеется в виду статья «Литературные отклики. Об альманахах «Круга»».

⁽²⁾ Н. Н. Никитин говорит о книге «Рвотный форт».

⁽³⁾ Речь идет о номере журнала «Новая книга», посвященном юбилею ГИЗа.

⁽⁴⁾ Произведение «Прелестная ягода» (жанр которого автор впоследствии обозначал то как «цикл рассказов», то как «роман») закончено не было. Опубликованы лишь отдельные фрагменты.

66. В. В. Иванов – Н. И. Анову

10 мая 1923, Москва.⁽¹⁾

Дорогой Николай Иванович! На счастье – получил сегодня Ваше письмо, а то я уезжаю в Ялту и возвращусь к осени. Я приехал сюда только на минутку.

Теперь о деле. Место достать в Москве не трудно, но очень трудно устроиться с квартирой. Если Вы предпочитаете переехать в Питер – это было бы легче. Там бы я смог – хотя на время – предоставить Вам пару-другую комнат в своей квартире. Опять беда: написали Вы поздно, а я в Москву возвращусь не раньше сентября-октября. Живу

всё лето в Крыму. А без меня самолично устраиваться трудно. Во всяком случае, если вздумаете ехать в Питер, настоящие письмомишко будет Вам пропуском в мою квартиру: просп<ект> К. Маркса на Выборгской, дом 4, кв. 6.

Привет супруге Вашей Александре Георгиевне.

Всеволод

Пишите в Ялту: Чукурларская ул., дача № 12 – Всеволоду Иванову.

■ Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. «Советский писатель», М., 1975, с. 54-55.

⁽¹⁾ Основываясь на тексте письма, можно утверждать, что В. В. Иванов переехал в Москву не в конце, а еще в первой половине 1923 года.

67. Е. Г. Полонская – А. К. Воронскому

23 мая 1923, Петроград.

23 мая 1923. Петроград

Уважаемый товарищ Воронский.

Мариэтта Сергеевна Шагинян передала мне, что вы согласны напечатать мою поэму «В петле» с тем условием, чтобы я написала к ней эпилог и чтобы поэме было предпослано ваше предисловие.

Я охотно принимаю ваше предисловие, так как считаю его в данном случае вполне уместным и заранее за него благодарю. Надеюсь также, что вы не слишком станете меня бранить.

Что касается эпилога, то он уже написан; посылаю вам его вместе со всей поэмой. Место печатания, если вы вообще найдёте, что поэму стоит напечатать, я предоставляю вашему выбору, хотя признаюсь, что «Круг» поступил со мной не по-товарищески.

Очень прошу вас, тов. Воронский, известить меня через Федина, или по моему личному адресу, о судьбе поэмы.⁽¹⁾

С приветом *Е. Полонская*

Мой адрес:
Петроград. Загородный 12, кв. 6 Елизавете Григорьев-
не Полонской.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литерату-
ры 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983,
с. 586.

⁽¹⁾ В изданиях, редактируемых А. К. Воронским, поэма не появилась.

68. Л. Н. Луниц – Д. И. Выгодскому

Между 7 и 15 июня 1923, Гамбург.

Дорогие:

Давид с разновидностями,

Анна Ивановна,⁽¹⁾

Ольга Дмитриевна,⁽²⁾

Мариэтта,⁽³⁾

привет! В гостях хорошо, а дома лучше. Цвету, толстею.
Но вас люблю. Давид, конечно, мошенник, но он «а гутер
ид»,⁽⁴⁾ а другие и подавно.

А здесь хорошо. Город-конфетка, а я одет, как самый
первый нэпман (к сведению Давида: босых здесь отправля-
ют в полицейский участок). Вообще здесь туалеты и при-
личия грозные. Придётся расстаться мне с моими кудря-
ми⁽⁵⁾ – на меня уже показывают пальцем.

Анна Ивановна, звезда моей души!

Привет и благодарность от мамы. Всё семейство рыда-
ло, слушая трогательную повесть о твоих компрессах.
Чулки вышло непременно.

Гаррик!⁽⁶⁾ Верблюд моего воображения! Папиросы
здесь дешёвые... Отличнейшие английские папиросы сто-
ят на наши деньги 10-15 миллионов – 25 штук. Если б толь-
ко выслать тебе!

Ольга Дмитриевна! Бич моей совести. Пока что мисти-
ческим воодушевлением не проникся – простите, исправ-
люсь.⁽⁷⁾ Алексей Максимович⁽⁸⁾ уехал в Шварцвальд на 2

месяца. Послезавтра, вероятно, поеду к ним с Влад<иславом> Фели<циановичем>⁽⁹⁾ (с ним уже списался).

Дима,⁽¹⁰⁾ бегемот моей мысли! Здесь у самого паршивого газетчика – отличный велосипед. Не плачь – велосипед дело наживное.

Доктор,⁽¹¹⁾ Гиппократ моей немощи!

Вспоминаю, умиленный. Профессора здесь – жулик на жулике, все лечатся у русских докторов. Еду лечиться в Наугейм.

Эмма Давидисааковна!⁽¹²⁾ Оказывается, я не умею говорить по-немецки. Вся наша наука к чёрту годна. А немцы – прелесть.

И, наконец, Давид, Давид – бесподобный!

Отчаяннейшая, униженнейшая просьба. Если «Еврейский сборник», наконец, вышел, отправьте мне бандеролью отгиск моего рассказа.⁽¹³⁾ У меня «пропали» все мои рукописи, и я погибаю. Пожалуйста, Давид – душка – *guerido, bien-aimé, dear!*⁽¹⁴⁾ И побыстрее!

Лившицу и прочим жуликам привет!

Целую всех вместе и каждого в отдельности

Лёва

■ Лица. Биографический альманах. 1. М.-Спб., 1992, с. 90-91.

(1) А. И. Ходасевич.

(2) О. Д. Форш.

(3) М. С. Шагинян.

(4) Хороший еврей (*евр.*).

(5) У Л. Н. Лунца была пышная шевелюра.

(6) Э. Е. Гренцион.

(7) О. Д. Форш некоторое время интересовалась антропософией, над этими мистическими интересами, к тому моменту преодоленными, и иронизирует автор письма.

(8) А. М. Горький.

(9) В. Ф. Ходасевич.

(10) Сын О. Д. Форш.

(11) Е. Г. Полонская работала врачом и после того, как получила литературную известность.

(12) Э. И. Выгодская, жена Д. И. Выгодского.

(13) Лунц неправильно называет издание, в котором опубликован его

рассказ «Родина», правильное название «Еврейский альманах. Художественный и литературно-критический сборник».

⁽¹⁴⁾ Дорогой (*исп.*), любимый друг (*фр.*), дорогой (*англ.*).

69. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу

17 июля 1923, Петроград.

17/VI.

Лунчик, милый, родной!

Рада за Вас очень, но, хотя и ссорились мы последнее время – скучно без Дома Искусств. Миша в Бахмуте.⁽¹⁾ До последней минуты был уверен, что, если это не Батум, то, во всяком случае, рядом с Батумом. Пишет, что греет живот на солнце, лазает по рудникам и – сидит без денег. Зоценко изредка меланхолично показывается на горизонте, жалуется, что запил, и даже в Grill-room'e, где подают обеды с «Крыши»,⁽²⁾ ухитряется напасть на человека с авансом. Высокий блондин⁽³⁾ отправил семейство на дачу, завален всевозможными редактурами. Румяный юноша⁽⁴⁾ пользуется большим уважением в «Правде» (подумайте, ему предложили подвал дать!). Веню⁽⁵⁾ ни разу не видела. Тихонов отправил жену в Новороссийск и хочет заработать, чтоб ехать к ней. Англичанин⁽⁶⁾ наш пишет пламенные письма – уже чисто личного характера. Полонская живёт в Токсове, а по средам у неё здесь собираются остатки Серапионов и иже с ними. Зойка⁽⁷⁾ процветает в «Правде» и усиленно втаскивает в свою компанию меня. Вчера – Лёвка, завидуйте! – мы с ней летали на гидроплане. Немного разочарована – чувствуешь себя так же твёрдо и уверенно, как в поезде, только приятнее, ровнее. Зато спускаться – жутко, будто стремительно падает лифт, захватывает сердце. А в общем чудесно. Лунчик, любимый, вдруг стало жарко, распустился наш сад, белые ночи и т. д. Но у меня нет времени для настроений. Лёвушка, не издевайтесь: я перевожу для «Атенея» большой роман с немецкого. Очень боялась сначала, а теперь верю, что выйдет хорошо. Редактировать будет (не

ехидничайте, пожалуйста) высокий блондин. Читал первые главы и отнесся весьма одобрительно, не ожидал, говорит. Тоже наглость! Лёвка, видите, я медленно, но всё-таки провожу в жизнь некоторые свои планы. <...> В Александринском начались работы по «Вне закона». Декорации заказаны Анненкову. Так говорят. <...> Что задержали в таможене? Ведь вы ничего, кажется, и не брали.⁽⁸⁾ «За дон Карлоса» – гадость. Я разочарована в Бенуа.⁽⁹⁾ Лёвка, дорогой, хотя я и мегера, но ужасно люблю Вас и буду ждать писем. Не ругайте меня – я исправляюсь, и не хандрю больше.

Луда

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 140-141.

⁽¹⁾ М. Л. Слонимский по приглашению Е. Л. Шварца поехал отдыхать к его родителям.

⁽²⁾ Ресторан на последнем этаже гостиницы «Европейская».

⁽³⁾ К. А. Федин.

⁽⁴⁾ И. А. Груздев.

⁽⁵⁾ В. А. Каверин.

⁽⁶⁾ Н. Н. Никитин, совершивший поездку по Германии и Англии.

⁽⁷⁾ З. А. Никитина.

⁽⁸⁾ Рукописи, которые Л. Н. Лунц хотел взять с собой, вывезти не решились, и он оставил их провозжавшим его знакомым.

⁽⁹⁾ Упоминается роман «За Дон Карлоса» (1920) французского прозаика П. Бенуа. Хотя роман этого автора «Атлантида» пользовался в России исключительной популярностью, другие произведения, переведенные на русский язык, были значительно слабее.

70. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому

18 июня 1923, Берлин.

Берлин. 18/VI

Дорогой Алексей Максимович!

Я, наконец, приехал после долгих мучений. Нечего и говорить, что раньше всего я стремился увидеть Вас. Мы уж решили с Влад<иславом> Фел<ициановичем>⁽¹⁾ ехать в Шварцвальд, но тут со мной стряслась беда.

Дело в том, что всю эту зиму я болел. Оказывается, у меня что-то страшное с сердцем (эндекардит).

Надо ложиться немедленно в санаторию в *постель!*

А между тем мне отчаянно хочется повидаться с Вами – столько рассказов и нежных поклонов! (Ходасевичей я кормлю этим добром целый день). Поэтому у меня к Вам большая просьба. Если это Вас не затруднит, напишите мне адрес покойной и *очень* хорошей санатории около Фрейбурга. Только бы был хороший уход и отменный стол. Это, кажется, единственная возможность свидеться с Вами. Простите за беспокойство, но я был бы Вам очень благодарен, если б Вы сообщили мне приблизительную цену в санатории.

Я разучился писать письма. Пока я был в России, писалось хорошо, но здесь, вблизи, хочется *говорить!* Извините за глупое письмо.

Немцы – чудесный народ. Напрасно их здешние русские ругают. А Берлин, действительно, препротивный. Зато Гамбург и маленькие города!..

Живу я в Гамбурге у отца. В Берлин заехал на два дня, ради Виктора⁽²⁾ и Ходасевичей.⁽³⁾

Мой адрес:

Hamburg. Isestrasse 88.

Herrn Leo Lunz

(bei Wolf)

Жму Вашу руку

Лев Луцц

■ Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 149.

⁽¹⁾ В. Ф. Ходасевич.

⁽²⁾ В. Б. Шкловский.

⁽³⁾ На самом деле Л. Н. Луцц пробыл в Берлине четыре дня.

71. Л. Н. Лунц – «Серапионовым братьям»

20 июня, 1923, Гамбург.

20/VI, Hamburg.

Серапионы!

Был в Берлине.⁽¹⁾ Поэтому – длинное и деловое письмо.

Раньше всего, конечно, о себе. Я оказался неожиданно-негаданно «страшно» болен. У меня тут всё время повышенная температура. Так вот: здешние гиппократы нашли воспаление сердечной оболочки и укладывают меня на 4-6 недель в санаторию *в постель!* Запретили пить, бегать, драться, и – главное, главное! – курить нельзя под страхом чуть ли не смерти. Мучаюсь четвертый день: никак не могу отвыкнуть. Поеду в санаторию дней через пять. Куда – ещё не знаю. Вероятно, в Шварцвальд к Алексею Максимычу.⁽²⁾ Но о нем погода.

Этот первый абзац – мотивация свинства. Я не посетил ни Бориса Осиповича⁽³⁾ и ни Мишиной воинствующей родительницы.⁽⁴⁾ Ибо: 1) был в Берлине три дня; 2) адреса Фаины Афанасьевны никто не знает, а в «Гранях» (куда Лида⁽⁵⁾ меня направляла) о Лидином папе даже не слышали; 3) мне запретили бегать по улицам, я даже Берлин как следует не осмотрел; 4) всё-таки я свинья. Пусть Лида и Миша извинят меня.

Кого я видел? Главного – Алексея Максимовича не удалось поймать. Он из Саароу уехал в Шварцвальд. Уже совсем собрался ехать к нему, но тут и это мне запретили (22 часа езды). Написал Дуке⁽⁶⁾ письмо и думаю устроиться в санатории около него. Дука хочет очень меня видеть.

Виктор⁽⁷⁾ потолстел действительно и действительно обьевропелся: шикарный костюм, галстук бантом и проч. Зарабатывает он отлично. Скушает. Хочет возвращаться. Насчёт немецкого выказывает исключительное тупоумие, знает одно слово «Bitte»,⁽⁸⁾ и то умоляющим тоном. Не изменился внутренне. В первую мою встречу с ним я с непривычки через полчаса устал. Пишет он лучше прежнего, – организованная неорганизованность в его но-

вых рассказах, очень здорово. Серапионов любит крепко, но не страстно. Страсть питает к Опоязу.

Ходасевичи. «Он» ещё умнее, чем был, ещё трусливей, остроумней, язвительней и злее, чем был. Замечательный человек! С ним можно говорить 10 часов подряд. Но зол, как сто Анн Радловых.⁽⁹⁾ На Дуку влияет явно вредно, прививает ему старинные традиции русской литературы. Фактический редактор «Беседы», делает что хочет. «Она» (Нина Берберова) ещё лучше, чем была. Похудела, похорошела. Хохочет, орёт и наивно удивляется – по-прежнему. Боюсь, что я влюбился. После Дуси⁽¹⁰⁾ лучшая женщина в мире.

Эренбург: полная неожиданность. Представлял себе: вертлявый еврей, à la Шкловский. Оказывается: плотный, сутулый, страшно спокойный человек, вечно сосущий трубку. Очень уравновешенный. Человек не плохой, и супруга славная. Но писатель – не очень. Прочёл его новый роман «Д. Е.».⁽¹¹⁾ Плохо. Правильно называют его здесь: имитатор. Он действительно имитирует всё и всех.

Кстати, об имитации. Здесь в Германии все товары – хлам. Нет ничего настоящего, всё подделка, и чудесная подделка: не отличишь от настоящего товару. Я даже тут видел объявление: «Echt Ersatzleder», то есть настоящая поддельная кожа.

Возвращаясь к Эренбургу. Проспорил с ним целый вечер в кафе о литературе. Он оказался жалким соглашателем, вроде Слонимского. Вообще, у него со Слонимским много общего. Во-первых, национальность. Во-вторых, кафе с музыкой. В-третьих, грузность. В-четвертых, талант. В-пятых, жена Эренбурга ходит в зелёной кофточке.

О русском Берлине вообще. Действительно, паршивый город. Все дома одинаковые, все улицы одинаковые, ничего запомнить нельзя. Хвалёное движение не такое уж умопомрачительное, не многим больше московского. Но русские – г... . Такого парша я в своей жизни не видел. Сталкиваются друг с другом на всех углах, орут на весь город и потом хором ругают немцев последними словами, хотя

немцы чудные (жулики, правда). Я счастлив, что живу в гениальном Гамбурге. Не говорю уж, что он в миллион раз живописней казённого Берлина, но Берлин это Москва 2-го сорта со всеми литературными сплетнями и дрызгами. Самое подходящее место для Кусикова или Пильняка.⁽¹²⁾

Издательства здесь частью позакрывались, частью перебиваются кое-как. Кризис. Лето. Ничего продать нельзя. Мне, впрочем, и продавать нечего: всё отняли при отъезде.

Потрясающая новость – от Ремизова. В Берлин на днях приезжает Никитин, а за ним и Пильняк. Что такое с ними приключилось в Англии? Пильняка в Берлине собираются бить кучи людей. Все его ненавидят. Никитина ждут мирно. Жаль, что я не успел написать Коле в Лондон, чтоб он проездом через Гамбург зашёл ко мне.

Кстати, об этих двух сынах Альбиона, – анекдот, рассказанный Влад<иславом> Фел<ициановичем>.⁽¹³⁾ Они написали Горькому два письма: до отъезда и по приезде в Англию. Первое письмо: ты, брат, да я, брат, собираемся прислать Вам в «Беседу» повесть, и проч. в том же пильняковском духе. Второе письмо из Лондона от Никитина. Поджал хвост, тоскует, никто его не знает, хочет в Берлин, предлагает книжку «Форт» (Рвотный – к чёрту!).⁽¹⁴⁾ Очень смешно.

Хотел я написать о вас, жулики, статью, но теперь без курева не могу. А папиросы здесь так дешёвы!

Жду подробного отчёта об общественной и частной <жизни> всех вас вместе и каждого в отдельности.

Лёва

■ «Вопросы литературы», 1993, № IV, с. 238-240.

(1) Л. Н. Лунц пробыл в Берлине с 15 по 18 июня.

(2) А. М. Горький.

(3) Высланный из Советской России Б. О. Харитон некоторое время жил в Берлине.

(4) Ф. А. Слонимская.

(5) Л. Б. Харитон.

(6) Упоминается домашнее прозвище А. М. Горького.

(7) В. Б. Шкловский.

(8) «Пожалуйста» (нем.).

(9) Поэтесса и переводчица А. Д. Радлова была заметной фигурой в петроградской литературной жизни.

(10) И. И. Каплан-Ингель.

(11) Имеется в виду роман «Трест Д. Е. История гибели Европы».

(12) Л. Н. Лунц присутствовал на литературном вечере, состоявшемся 18 января 1922 года в Петрограде, где выступали Б. А. Пильняк и А. Б. Кусиков по дороге из Москвы в Берлин. В отличие от Б. А. Пильняка, А. Б. Кусиков из-за границы не вернулся.

(13) В. Ф. Ходасевич.

(14) Повесть Н. Н. Никитина называлась «Рвотный форт».

72. К. А. Федин – Л. Н. Лунцу

21 июня 1923, Петроград.

Милый европеец,

Обнимаю тебя со свойственным мне восточным темпераментом. Блюду невинность Лидочки,⁽¹⁾ женщины нервной и неустойчивой. Она по тебе тоскует. Миша Слоним<ский> лежит на песке в районе Бахмута, на географич<еской> карте в этом месте образовалась дырка: пролежал. Зоя Никитина летает на гидроплане с Баскаковым⁽²⁾ из «Правды». Развращает Лидочку – та тоже летает (с Чадаевым⁽³⁾ из «Красной»).⁽⁴⁾ Тихонов без жены, я тоже. Нам грустно, что Серапионов не стало. У Полонской по средам никого нет: читает Мовшенсон переводы. Это, кажется, всё.

Целую тебя. Поцелуй Горького. М. Зоценко очень талантливый человек.

Твой *Константин*

Дан в Петербурге в 1923 году июня 21-го.

<Приписка Л. Б. Харитон. На полях>:

Лёвушка,

Я видела «Гадибук».⁽⁵⁾ Ушла в совершенном упоении. Это гениально. Из наших никто не видел, а так хочется по-

болтать об этом. Вас нет. Как видите, всё то же. Лёвка, родной, завтра иду смотреть Жданову в «Обетованной земле».⁽⁶⁾

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 142.

(1) Л. Б. Харитон.

(2) Вероятно, речь идет о журналисте Н. П. Баскакове.

(3) Имеется в виду журналист В. Н. Чадаев.

(4) То есть «Красная газета».

(5) Имеется в виду пьеса С. Ан-ского «Гадибук» («Дибук», «Меж двух миров»), поставленная в еврейском Театре-студии «Габима» Е. Б. Вахтанговым. Летом 1923 года театр гастролировал в Петрограде.

(6) Упоминается пьеса С. Мозма «Обетованная земля».

73. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову

25 июня 1923, Петроград.

Дорогой Иван Сергеевич, вот что значит жить в городе и заниматься городскими делами: два месяца в тоске думал, что надо написать тебе – надо, потому что хочу, – и вот только теперь собрался. Когда я думаю о тебе, меня разбieraет зависть. Ты, наверно, всегда один, т<о> е<сть> в одиночестве, и поэтому у тебя есть время жить. А у меня – за суетой, за многолюдием – нет и часа, чтобы остаться самому с собой. А ведь только когда сам с собой – и можно по чистоте писать письма. У меня к тебе очень хорошее, очень нежное чувство, может быть такое же, как у тебя ко мне или из благодарности за такое твоё чувство («ты немножко дурковат» – по-моему – это по-отцовски, нежно). Хочется и могу говорить с тобой, как ни с кем другим. Вот ты и прости меня, что я завертелся в городе, на людях, на пустяках и что мне тошно думать о себе и хочется покаяться.

Прежде всего о твоём приглашении в леса. Серапионы все обрадовались твоему зову, но приедут только двое-трое (вероятно – Груздев и Слонимский, наверно – я). Дело в том, что все поразъехались: Вс. Иванов – в Ялте, Н. Никитин – в Лондоне (с Пильняком), Л. Лунц – в Гам-

бурге (у папы с мамой!), М. Слонимский – в стан<ице> Де-конской около Бахмута, М. Зоценко – на даче в Сестрорецке, и Каверин уезжает на этих днях во Псков. Слонимский возвратится в конце июля. Остальные только осенью.

Я поселил семью на взморье, недалеко от Ораниенбаума. Езжу туда два раза в неделю. Это суетно и дорого. Жду со дня на день сестру. Она измучилась, ей нужен покой, и я думаю устроить её вместе с женой на даче. Пробудет она у меня с месяц. До её отъезда отсюда я должен буду сидеть здесь и добывать дензнаки. Так что раньше августа – середины августа примерно – я не выберусь. Но в августе приеду непременно – к тебе ли, в Кочаны, в колонию ли в Дорогобужский уезд, куда позовёшь. Это я твёрдо решил и осуществляю «как пить дать». Отпуск у меня будет месячный.

До сих пор не написал и половины своего романа.⁽¹⁾ Зафрахтован он «Красной новью», но, может быть, я помещу его в альманахе «Круг-3». Надеюсь в июле дописать до половины и осенью начать печатать. Ничего кроме романа писать не могу. А работаю над ним второй год и за это время не написал ни единого даже малюсенького рассказа.

Очень мешает, конечно, служба и теперь – редакторская работа в «Круге». Мешает, собственно, всё. Потому что нет покою, пёстро, многолюдно кругом. И я очень устал. Нынче у меня одна надежда – на август и на тебя. Напиши мне, можно ли приехать к тебе, т<о> е<сть> будешь ли ты в деревне или тоже куда-нибудь метнёшь.

Посылаю тебе свой «Пустырь». Будь здоров.

Твой Константин

Нет ли у тебя рассказа или повести в альманахе «Круг»? Нет ли книги для «Круга»? Очень прошу тебя дать что-нибудь.

К. Ф.

Дочь у меня большая и говорит: дя-дя-а-дя-дя! адя-а-дя! Больше пока ничего.

⁽¹⁾ Роман «Города и годы».

74. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой

25 июня 1923, Гамбург.

25 июня 1923 г.

Гамбург.

Милая Ниночка!

Пишу Вам – увы! – лёжа в постели, так что Вы уж простите за неразбериху. После приезда из Берлина мне стало гораздо хуже – температура вечерами за 38°. А со вчерашнего дня какие-то зверские невралгические боли под ложечкой. Не спал уже 30 часов. Всё из-за проклятого сердца. Уже должен был ехать в санаторию, но придётся отложить до среды-четверга.

Вот и всё о делах (верней – о болезнях). Извините за ламентации.

Нина, должен признать, что Вы замечательнейшая женщина! «Настолько» чудесная, что я «начинаю» питать к Вам «настолько» нежные чувства, что я «начинаю» опасаться (Вл<адислав> Фел<ицианович>,⁽¹⁾ можете эти дерзкие строки прочесть: после моего выздоровления согласен дать ему сатисфакцию). Нет, правда, о Вас у меня лучшие воспоминания. И напрасно Вы плачете, что мы не успели переговорить, как следует. Мало, но веско! Впрочем, встречаться с Вами и Вл<адиславом> Фел<ициановичем> каждый день хотел бы ужасно. «Лейдер» придётся подождать 6-8 недель. О приезде в Берлин сейчас не может быть и речи. Еду прямо в Кенигштейн (около Франкфурта) и там залягу.

Вместо больного «Дуки» мне ответила М<ария> И<гнатьевна>.⁽²⁾ Звала в санаторию в Фрейбург. Но профессор послал в Кенигштейн.

О Н<икити>не. Очень грустно слышать! хотя не мне, конечно, привыкать к Н<икитин>скому времяпрепровождению.⁽³⁾ Больно за З<ою>,⁽⁴⁾ а так Н<икити>н был и будет милейшим прохвостом. Очень прошу Вас насплетничать мне о нём побольше. Мой Серапионов долг доносить о его действиях конклаву. Обо мне не говорите ему ничего. Хочется его испытать: напишет он мне письмо или нет? (Не намекайте ему!) Борисова в плешь поцелуйте.⁽⁵⁾

Хотел я Вам прислать статью, но дальше первой страницы дело не пошло: не могу писать!

Владиславу Фелициановичу привет. Ещё раз: очень люблю Вас.

Лёва

Пишите чаще (пока на Гамбург, оттуда перешлют). Я ведь в санатории будудохнуть со скуки.

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 172-173.

⁽¹⁾ В. Ф. Ходасевич.

⁽²⁾ М. И. Будберг, в тот период – секретарь А. М. Горького.

⁽³⁾ Н. Н. Никитин вел себя в Берлине отнюдь не благообразно.

⁽⁴⁾ З. А. Никитина.

⁽⁵⁾ В. Б. Шкловский.

75. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому

26 июня 1923, Гамбург.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Вам, лёжа в постели. Температура сильно поднялась и какие-то боли. Всё, будто бы, из-за сердца. Послезавтра выезжаю в санаторию, но – уввы! – не во Фрейбург.

Профессора посылают меня в *специальную* санаторию в Кенигштейн около Франкфурта. Я ужасно хотел заехать сперва к Вам (близко от Фрейбурга), но и это мне запретили. Во всяком случае, я чрезвычайно благодарен Вам и Марье Игнатьевне за ваши хлопоты.⁽¹⁾

Пролежу я не меньше 4 недели, так что до августа заехать к Вам не смогу. Это самое горькое моё разочарование здесь.

А немцы мне очень нравятся. Чудесный народ, смешной. Я всё не могу решить: писать Вам то, что хотел рассказать, или отложить до свиданья. Писать гораздо труднее, да и выйдет хуже, а поговорить надо, о Серапионах главным образом. Ваши советы и воздействие (на некоторых) необходимы. Много радостного, но много и плохого я рассказывал уже Ходасевичу.

Кстати, Никитин сейчас в Берлине. «Гастролирует».

У меня масса литературных планов. Не знаю, как выйдет в санатории. В первую голову огромный киносценарий. «С философией».⁽²⁾

Привет и благодарность Марии Игнатьевне.

Если захотите написать мне, адресуйте пока в Гамбург. (Isestrasse 88, bei Wolf). Оттуда перешлют.

С уважением

Лев Лунц

26/VI 1923 г. Hamburg

■ **Неизвестный Горький** (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 150.

⁽¹⁾ Вероятно, имеются в виду хлопоты М. И. Будберг, которая подыскивала комнату Л. Н. Лунцу.

⁽²⁾ Речь идет о киносценарии «Восстание вещей».

76. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой

2 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус.

Кенигштейн им Таунус

2 июля 1923 г.

Милая Нина!

Только что узнал новость очень невесёлую. Закрыта французская граница, так что ни въехать сюда, ни выехать отсюда назад в Германию нельзя.⁽¹⁾ Надеюсь, что временно. Пользуюсь тем, что почта ещё идёт, и пишу Вам.

В начале у меня здесь было очень скверное настроение, т<ак> к<ак> врачи настрашали жестоко. Теперь, лёжа в постели и ничего, решительно ничего не делая, успокоился, стал сонным и ленивым, даже нервничать лень. Кормят здесь блистательно, уход чудный, я очень доволен. Одна беда – нет немцев: всё – русские евреи, довольно забавные.

Ой, тоскливо, Ниночка! Вспоминаю о Вас с чистой нежностью.

Одно меня всё беспокоит, и здесь я обращаюсь к Вашей и Вл<адислава> Фел<ициановича>⁽²⁾ помощи. Цена в этой санатории аховая. Отец платит за меня, не говоря ни слова. Но Бог знает, сколько времени мне придётся лежать здесь и всему есть мера. Я почти уверен, что из-за меня не поедет на курорт моя мама, которой лечиться надо уже 30 лет. Меня это очень тяготит. Напишите мне, будьте добрыми, не могу ли я отсюда зарабатывать чем-нибудь (согласен на любые писанья, только не на политические). Или, может, можно издать мои обе пьесы? Не сердитесь за коммерческое письмо.

Местность тут сверхъестественная – горы, разрушенные замки. Но – увы! – это только раздражает: ведь я в постели.

Пишите сюда – пожалейте тоскующего человека.

Целую. Лёва

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 173-174.

⁽¹⁾ Действия, связанные со вступлением в силу Версальского договора.

⁽²⁾ В. Ф. Ходасевич.

77. Л. Н. Луц – «Серрапионовым братьям»

4 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус.

4/VII, Königstein im Taunus,

6 ч. вечера, в постели.

Серрапионы!

Тоска разрушительная. Даже почта перестала прихо-

дить (не знаю, дойдёт ли до вас это письмо). Это всё французы стараются (я лежу в санатории в зоне французской оккупации).⁽¹⁾ Сперва поезда перестали приходить, потом закрыли границу (говорят, временно). Так что я даже выехать не могу.

Впрочем, мне не только выехать, но и встать нельзя. Я лежу целый день в постели. Доктора занимаются тем, что пугают меня и тщетно выгоняют из моего брэнного тела температуру. Между прочим, меня каждый день натирают с ног до головы пахучей водкой с ромом (Fransbranntwein),⁽²⁾ так что я лежу потом голый и благоухаю, как «Кавказский уголок».⁽³⁾ Обидно только, что Слонимского нет: понюхал бы. Кстати, и бутылка с этой настойкой стоит тут же на умывальнике.

От Никитина я ещё в Гамбурге получил идиотскую телеграмму из Берлина (мы с ним разъехались, он приехал в день моего отъезда). На мою открытку он мне не соблаговолил ответить. Сведения уже получаю о нём обычные: ведёт себя по-московски, нашёл соответствующую компанию (Дроздов, Алексей).⁽⁴⁾ У Виктора⁽⁵⁾ в течение первых 5 дней не был. Дальнейших сведений не имею. Жалуюсь Серапионовскому конклаву на него в порядке доноса (Зое⁽⁶⁾ письма не показывать.)

Венечка!⁽⁷⁾ Ты – ангел. Тебя никто не понимает. Я тоже не понимаю. Но уважаю. Пиши дальше так же, но лучше. Люблю сердечно. Вспоминаю нежно. Р. о.⁽⁸⁾ супругу, зятя, сестру – супругу зятя, племянницу.⁽⁹⁾

Миша Слонимский! Больше не могу – должен покаяться (впрочем, ты уже наверное знаешь). Некое письмо семейного человека с угрозой мордобоя: «А этому длинноносому еврею в рыжем пальто, который думает, что он неотразим...» и т. д. – это письмо я написал, то есть Зоя под мою диктовку. Ответа забрать не успел. Не сердись. Люблю. Расскажи и поклонись «ей».

Лидочка!⁽¹⁰⁾ Ночи становятся темнее, не правда ли?

Друзья! Я начинаю бояться, что мы с вами больше не увидимся – это всё доктора страшат. Врут! Я твёрдо по-

мню слова Виктора. Я ему рассказал про докторов, – он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Не верь им. Ты ещё жив».

А за границей всё-таки хорошо. Пишите на Гамбург.

Лёва

P.S. Все недостающие в письме знаки препинания поставит Лидочка. Я лежу в постели – мне не до того.

■ «Вопросы литературы», 1993, № IV, с. 241-242.

(1) По Версальскому договору территория Германии была оккупирована войсками союзников на пятнадцатилетний срок.

(2) «Французская водка» для натираний (*нем.*).

(3) Ресторанчики «на восточный манер», получившие популярность во время НЭПа.

(4) Писателя Дроздова, находившегося тогда в эмиграции и занимавшего враждебную по отношению к Советской России позицию, звали Александром, а не Алексеем.

(5) В. Б. Шкловский.

(6) З. А. Никитина.

(7) В. А. Каверин.

(8) Публикатор письма расшифровывает предположительно это сокращение как «радушно обними».

(9) Упомянуты, соответственно: Л. Н. Тынянова, Ю. Н. Тынянов, Е. А. Тынянова, И. Ю. Тынянова. Столь сложные родственные связи возникли из-за того, что В. А. Каверин был женат на сестре Ю. Н. Тынянова, который, в свою очередь, был женат на сестре В. А. Каверина.

(10) Л. Б. Харитон.

78. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу

7 июля 1923, Париж.

7 июля 1923 г. Париж

Дорогой Лев Лунц,

был прерван приходами Ариадны Скрябиной и Веры Шушаевой, теперь продолжаю. Должен сказать, что немцев действительно ругают понапрасну – они живут на окраинах, держат себя тихо и русским, т<о> е<сть> евреям, не

мешают. Деликатный народ. Не могу того же сказать о наших единоверных потомственных дворянах.

Очень рад, что ты себя так мило характеризуешь. С удовольствием замечаю, что не все русские занялись самообличением и не все впали в пессимизм. Слова твои о «человеке нормальном, умном, с мозгом» меня живо обрадовали. Ты не изменился за те два года, что я тебя не видел.

Нина замечательна.⁽¹⁾ Я ей выдал патент на трогательность, монополю на Европу (Западную), в России – ДУСЯ.⁽²⁾ Я с ней (с Ниной) очень подружился, главным образом на твоей почве. Но она мне давно не писала. А он пишет замечательные стихи.⁽³⁾

От Виктора⁽⁴⁾ имел письмо недели три тому назад. Ещё не ответил, из-за экзаменов. Тебе отвечаю тоже не сразу, из-за них же. Вчера кончились.

Зато началась жара. Лежу, как рыба, выброшенная на пыльную дорогу в полдень, ворочаю помутнелыми глазами, приоткрыв рот. Не помогает.

С Эренбургом ты мог не встречаться.

От Никитина я уже имел открытку. Впрочем, он её писал сам-три и в пьяном виде, – из ресторана. Пишет о семейном счастье, обретенном в Берлине, и зовёт приехать к нему. Жду подробностей.

Кстати о Зое.⁽⁵⁾ Познакомил её я, а ты уж потом примазался. Я же на балу устроил её с ним в зубоврачебной комнате, рядом с Викторовой, на диванчике.⁽⁶⁾ Кто её теперь утешает?!

Моя неделя: понедельник, семь утра, – экзамен, днём зубрёжка, вечером – кинематограф – Доглас Фэрбенкс. Вторник – зубрёжка. Среда – семь утра – экзамен. Днём – отдых. Вечером – Пти Казино, Олимпия (с Дитей и Колей Слонимскими).⁽⁷⁾ Четверг – устный экзамен, вечером – Шухаевы. Пятница – днём зубрёжка, вечером и ночью – бал. Суббота – экзамен, вечером театр. Воскресенье – матч бокса (мировой чемпионат).

Кстати о тебе. Ложись на шесть недель, а потом приезжай к нам. Решено. Если ты удержишься (лучше не надо)

так знай: я приеду в Берлин, как в прошлом году в конце сентября, поселюсь у Бахраха или у Виктора, останусь на октябрь, а потом вернусь сюда.

Кстати, лучше не кури. В Германии папиросы – дичайные. Кстати, где теперь Миша Слонимский и кто такая Рина Зелёная? От Сашки⁽⁸⁾ было недавно письмо. Мы регулярно переписываемся, я с Колей Слонимским, а он с Лидой.⁽⁹⁾ Что такое Николай Тихонов? Миша Зоценко очень хороший. Что Веня?⁽¹⁰⁾

НАПИШИ ВСЁ, ЧТО ЗНАЕШЬ

О

ДУСЕ,

иначе проклянута!!!

Почему ты в Берлине не пошёл к Ремизову?

Тут хорошие люди – Григ<орий> Леон<идович>,⁽¹¹⁾ Мочульский, Н. Слонимский, Кс<ения> Алекс<андровна>,⁽¹²⁾ Шухаевы и

– Я – (очень хороший, остальные похуже).

«Вне закона» читал, – очень понравилось, другим тоже. Первая половина лучше. Для сцены.

ПИШИ немедленно. ЖДУ писем. Если переписываешься с Ниной, сообщи её адрес и скажи ей, чтоб она мне написала.

Где ты теперь.

Все кланяются. Кланяйся всем. Жорж⁽¹³⁾ пишет Женичке.⁽¹⁴⁾ Я тоже.

Вот.

Целую.

Вова

P.S. Читал мою «Всю жизнь господина Иванова» в «Эпопее» № 4? Как твоё мнение?

<Приложение к письму:>

I

Я Вас не знаю, но хотела бы с Вами познакомиться, я тоже романистка, я была в Петербургском Университете только давно и уже все забыла и за мене пишет Познер.⁽¹⁵⁾

II

Я тоже но будучи художником не знаю писать,⁽¹⁶⁾ за неграмотностью. (Шухаева, Вера)

Володя спит и спросонья не знает что пишет. (Шухаев, Василий)

III

А я Вас знаю во всех подробностях – от мамы, от Саши, от Вовы – но не от Миши,⁽¹⁷⁾ ибо он свинья не признаёт братьев и не писал мне целый год. Очень жажду с Вами познакомиться – в октябре, в Париже...

Н. Слонимский

■ Лев Лунц. Завещание царя. München, 1983, с. 152-154.

⁽¹⁾ Н. Н. Берберова.

⁽²⁾ И. И. Каплан-Ингель.

⁽³⁾ В. Ф. Ходасевич.

⁽⁴⁾ В. Б. Шкловский.

⁽⁵⁾ З. А. Никитина.

⁽⁶⁾ В. Б. Шкловский жил в Доме Искусств в спальне бывшей хозяйки дома. По воспоминаниям мемуаристов, в соседних помещениях располагалось огромное количество гимнастических снарядов, назначение которых никто из новых жильцов не знал, возможно, потому комнату и приняли за зубоучебный кабинет.

⁽⁷⁾ Упоминаются Н. Л. Слонимский и, по-видимому, его жена.

⁽⁸⁾ А. Л. Слонимский.

⁽⁹⁾ Л. Слонимская, жена А. Л. Слонимского.

⁽¹⁰⁾ В. А. Каверин.

⁽¹¹⁾ Г. Л. Лозинский.

⁽¹²⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

⁽¹³⁾ Г. С. Познер, брат В. С. Познера, который в письмах фигурирует как Жорж.

⁽¹⁴⁾ Е. Н. Лунц.

⁽¹⁵⁾ Публикатор письма сообщает, что почерк, которым написан этот фрагмент, принадлежит В. С. Познеру.

⁽¹⁶⁾ Вслед за этой фразой текст написан уже другими лицами.

⁽¹⁷⁾ То есть от Ф. А. Слонимской, А. Л. Слонимского, В. С. Познера и М. Л. Слонимского.

79. Л. Н. Лунц – «Серапионовым братьям»

10 июля, 1923, Кёнигштайн им Таунус.

10/VII, Königstein im Taunus,

Серапионы!

вернее, Федин и другая мелочь, которая торчит в Питере. Только что отписал вам, но, получив первое ваше посланье, снова пишу.

Хорошо посланье! Федин написал несколько закончено-идиотских строк, а остальное выработало это несчастное дитя Лидочка.⁽¹⁾ Постыдился бы, Костя! И вообще, посоветовал бы тебе с большим рвением блюсти Лидочкину невинность и держать её подальше от Зои,⁽²⁾ женщины, прошедшей «сквозь огонь, воду и медные трубы» и вогнавшей в гроб двух мужей.

Кстати, о 2-ом муже.⁽³⁾ Этот подлец так мне и не пишет. Ни звука. Мне, умирающему!

Кстати, о моей смерти. Мне хуже за последние дни. Температура повысилась, ночью кошмары и проч. Завтра везут меня во Франкфурт к какому-то знаменитому профессору. Одна радость: каждые два часа ставлю градусник. Наслаждение! А Лида и Федин могут злиться сколько угодно.

Лиде письмо отдельное при сём.

Кончаю гигантский и гениальный сценарий.⁽⁴⁾ Лидочка, конечно, скажет, что это дрянь: «У вас, Лёва, так сценарий написан, что видно будет, как на экране героини говорят с еврейским акцентом».

С Мишиной мамой⁽⁵⁾ состою в жаркой переписке. Если он уже отогрел себе живот в Бахмуте, пусть тоже напишет.

В Книгоиздательстве писателей в Берлине выходят тома, тома, тома Никитина и Пильняка.

Читал здешних знаменитых прозаиков. Ну и дрянь! Хуже даже Всеволода⁽⁶⁾ и Никитина.

Тут в санатории такая кунсткамера русских типов, что ночи напролёт буду рассказывать, а вы будете лежать под столом от восторга и из-под стола делать заявки. Обидно мне, что я дал слово современной прозы больше не писать.

Уборные в Германии интеллигентные – культура!

Федин! Не давай в обиду Дусю!⁽⁷⁾ Её обижают.

Сколько времени пролежу – не знаю. Боюсь, что долго. Хватит.

Ваш Лёва

■ «Вопросы литературы», 1993, № IV, с. 242-243.

⁽¹⁾ Л. Б. Харитон.

⁽²⁾ З. А. Никитина.

⁽³⁾ Речь идет о Н. Н. Никитине.

⁽⁴⁾ Имеется в виду сценарий «Восстание вещей».

⁽⁵⁾ Ф. А. Слонимская.

⁽⁶⁾ В. В. Иванов.

⁽⁷⁾ И. И. Каплан-Ингель.

80. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой

14 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус.

Кенигштейн им Таунус

14 июля 1923

Милая Нина!

Жарко и вне и внутри – тяжело писать. Но Вам пишу. Получил Ваше послание и карточку с большим опозданием. (Зачем на Гамбург? Пишите прямо сюда).

Мне было одно время хуже, теперь опять по-старому. Температура сдаваться не хочет ни на одну десятую. Возили меня во Франкфурт, исследовали кровь – ничего не нашли. Чепуха. Загорел как чёрт, вот и вся поправка. Сколько ещё пролежу – не знаю. Надоело смертно.

Умоляю: если можете, пришлите книг! Только не стихи (не обижайтесь ещё раз) и не прозу вроде Никитина. Ну, да Вы сами знаете.

Ой, как я хочу Вас повидать!

В ответ на Ваше сообщение о «таинственной дворцовой интриге» заранее выражаю Вам благодарность и спешу сообщить, что здесь живёт некий кавказский князь, полковник Врангеля и б<ывший> миллионер. Так он мне рассказывает такие истории, что я ночью не сплю!..

Алексей Максимович⁽¹⁾ мне не отвечает! Что такое? Я огорчён. Кончил гигантский киносценарий. Гениально! Но где продать? Сюжет всемирный! Чудеса техники.⁽²⁾

А Вас и люблю и целую.

Лёва

Поклон Влад<иславу> Фел<ициановичу>.⁽³⁾

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 174-175.

⁽¹⁾ А. М. Горький.

⁽²⁾ Имеется в виду сценарий «Восстание вещей».

⁽³⁾ В. Ф. Ходасевич.

81. Н. Н. Никитин – Л. Н. Луццу

15 июля 1923, Берлин.

15-7-23. Берлин.

Лёвушка – милый, дорогой, неоценённый, душа моя, роза Ширази и очаг всех прелестей, прости меня пьяницу. Я – «сволочь» – ты прав. Мне нельзя писать, п<отому> ч<то> я не умею вовремя отвечать. Я ждал тебя в Берлине. Мне говорили, что проездом в Шварцвальд ты должен заглянуть и сюда. Потом мне сказали, что ты болен, я в это время собирался обратно и намеревался в Гамбурге нагрянуть к тебе, как снег на голову, без письма – сюрпризом. Сюрприз же вышел плохой, п<отому> ч<то> неожиданно я застрял из-за разных документов и прочих несчастий. В это же время уз-

наю, что из Гамбурга ты уже выехал. Адреса никто не знал. Вот вся история.

Поздравляю тебя. Читал «Беседу». Ты в удивительно чистой, академической компании.⁽¹⁾

Что с твоим здоровьем? Это очень опасно, надо лечиться. Я хUDEЮ от суеты, от толкотни, от жары, от неудач, от тоски по Зойке,⁽²⁾ от удач, от беспутства. Берлин – сплошной б...к. Каждый день думаю – когда же я отсюда выберусь. Вожусь здесь с Зайцевым и Ремизовым. Страшно жалею, что не застал Горького, мне кажется, что он на меня сердится. По-видимому – моя совместная поездка с Пильняком ему не нравится. Я человек тихий, – Пильняк – модник и рекламист. Мы люди – разные, мы сойдёмся в вагоне, в квартире, в кабаке, за рюмкой – но душой, по-видимому, никогда.

Лондон – обстоятельный город. В Англии жить удобно и спокойно. Если бы тебя поселить рядом с Британским музеем, ты бы остался там на всю жизнь. Я к несчастью этого ценить не умею. И не люблю музеев. Не потому, что не люблю культуры, а просто не понимаю вкуса вещей, разложенных аккуратно на полках, где смотреть можно, а изучать нельзя. Мне, чтобы понять, надо впиться зубами.

Запад – должен раздвинуть черепную коробку. Но сидеть здесь нельзя. Если не бывать в России, тут можно сдохнуть. В России – глухая китайская стена, Россия – ночь, но мы должны быть светляками, наше место там. Мне свободнее здесь, но я не чувствую стен, в которые можно было бы опереться, чтобы почувствовать сопротивление, потому всякий писатель здесь, как болван, с брошенными в стороны руками, но без напряжения.

Брат мой, ты, конечно, вернёшься на свою землю?

У Германии – чужое небо и чужая жизнь. Русские здесь, как клопы в уездной гостинице. К ним привыкли, но в несчастной жизни германского народа какие мы лишние, пустые, ненужные.

Был в Потсдаме. Чем-то напоминает Петергоф и царскосельские дворцы. Был в Свинемюнде. Это дикое северное море удивительно сиротский имеет вид. Когда я жил,

было холодно, ветер, – и в море купались только три, сошедших с ума, толстых немки. Тут же в ямках, закопавшись в песок, сидят молодые немцы с молодыми немками и занимаются о<нализмо>м. От этого уехал в море.

Лёвушка, серапион дорогой, напиши мне о Питере, о Зое, обо всём, только не бери с меня пример, а пиши сейчас же, чтобы письмо застало меня в Лондоне.

Твой *Ник.*

Mr. Nicolas Nikitin, 20, Handel Mansions. Handel Str. London W. C. 1.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 143-144.

⁽¹⁾ Имеется в виду № 1 журнала «Беседа» за 1923 год, где была опубликована пьеса «Вне закона».

⁽²⁾ З. А. Никитина.

82. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой

16 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус.

Кенигштейн им Таунус

16 июля 1923

Милая Нина!

Только что получил Ваше письмо о переводе «Вне закона». ⁽¹⁾ Третьего дня я уже Вам писал, так что сейчас ограничусь только «делами».

Во-первых, я очень польщён и тронут.

Во-вторых, с Уманским я подписал договор, по которому он обязан представить свой перевод до 1-го октября. ⁽²⁾ Но он уверял, что почти наверное закончит его гораздо раньше. Во всяком случае, я сегодня ему послал письмо с просьбой поторопиться. Было бы хорошо также, если бы Каплун сам написал. ⁽³⁾

У меня ничего нового. Проклятая температура не спадает. Пришлите книг, Бога ради!

Люблю. *Лёва*

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 175.

⁽¹⁾ Публикатор указывает, что имеется в виду перевод на испанский язык.

⁽²⁾ Речь идет о переводе пьесы «Вне закона» на немецкий язык.

⁽³⁾ Владелец издательства, выпускавшего журнал «Беседа».

83. Н. С. Тихонов – А. К. Воронскому

17 июля 1923, Петроград.

17/VII

Дорогой Александр Константинович.

Посылаю вам первому, как обещал, свою поэму.⁽¹⁾ Не пугайтесь подписи: первая песнь. Вторая песнь будет написана года через 3. А если и не будет вовсе написана, то всё же первая часть сохранит своё целое без всякой потери, так как в дальнейших песнях, конечно, материал будет другой и обработка и подход – тоже другие.

В поэме 295 строк. Я писал её почти 2 месяца. Ничем другим не занимался и поэтому переживаю сейчас самое затруднительное финансовое недомогание.

У меня было несколько соблазнов продать её в другие места (ко мне уже приходили), но я твёрдо помню обещанное.

Напечатайте её, если можно, в одном №, не дробя.

Что касается денег, то я очень, очень прошу вас выслать мне их поскорей, потому что без них обречён сидеть и остальную половину лета в Питере, в то время как все разъехались уже на отдыхи.

Если вы сможете выслать мне одновременно гонорар за всю, или даже, в крайнем случае, за половину поэмы, – буду очень благодарен.

Если же почему-либо поэма не подойдёт вам, то, пожалуйста, сообщите мне, Александр Константинович, как можно скорее, хотя бы через Костю Федина.

Всего хорошего. –

Всем привет *Николай Тихонов*

Ни в Москву, никуда выбраться не могу – денег нет.

Я всё забросил – сидел и писал. Думаю, что это лучшее, что я написал вообще. Может быть, ошибаюсь.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 588.

⁽¹⁾ Речь идет о поэме «Шахматы».

84. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому

20 июля 1923, Лондон.

20.7.23. London

Спасибо, дорогой Воронский, за хорошие известия. Я только что вчера приехал из Германии – и потому мой ответ на ваше письмо, как будто, несколько запаздывает. Причина этому, что я неожиданно задержался в Германии по разным официальным препятствиям. Вот приехал обратно. Лондон. Голова обалделая. Третьего дня меня чуть не расстреляли бельгийцы, приняв, очевидно, за советско-го шпиона.

Дело было так. Я поехал через Рур – конечно, чтобы посмотреть. Ехать стоило. Интересный запас впечатлений. Готовьте для меня страницы. Для этого стоило пережить часы, когда жизнь дрожала на ниточке. Отъехав от Берлина, я уже почувствовал неладное, но возвращаться было поздно. Сейчас всех подробностей передать не могу. Главное, что в Аахене меня высадили из поезда, арестовали, поиздевались, грозили расстрелом. До Аахена тысячу раз осматривали. Перед Намп'ом, где начинается рурская трагедия,⁽¹⁾ мне удалось пройти французские кордоны, ускользнув от их контроля, бросив на произвол судьбы вещи, но с Кёльна, по-видимому, меня решили подловить. И вот Аахен. Для Бельгии же мне достали бельгийскую визу. В Аахене – порядком меня потрепали, вдобавок не хватило несколько вещей, выбрался чудом. Старушечьими молитвами. Сло-

вом, когда я попал в Англию с парохода – сразу почувствовал всю благословенность этой страны. Остенде – Дувр – была моя последняя пересадка. Всего же я их сделал от Берлина до Лондона – пять.

Я взболтан – как хороший гоголь-моголь. Это для здоровья – плохо, для впечатлений – хорошо. В Россию очень хочу. И очень хочу Европы. Остался бы в Англии. Здесь тихо и хорошо жить и писать. Но надо в Россию – так <складываются> обстоятельства. Быть может, зимой – куда-нибудь поеду. А сейчас, в первых числах августа, думаю *nach Vaterland*.⁽²⁾

Искренний привет. Жму руку.

Ваш *Ник. Никитин*

P. S. Надо писать. Чтобы написать – надо отдохнуть от огромного багажа, навалившегося на меня с Европы. Мы писали малое. Надо большое. Две задачи – кончить малое. Готовиться к большому. Вот моя производственная программа. Мы невежи – надо учиться.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 589.

⁽¹⁾ Имеется в виду оккупация Рурской области Францией и Бельгией.

⁽²⁾ На родину (*нем.*).

85. К. А. Федин – Л. Н. Лунцу

20 июля 1923, Петроград.

Петербург, 20. VII. 1923.

Дорогой Лёва,

прежде всего прости, что это моё письмо – ответ на целых три твоих. Они лежат передо мной порыжевшие от солнца, покрытые пылью, и каждая буква их, скорбно искривленная укором, пронзает моё бедное сердце. Впрочем, вру – последнее письмо я только что получил и совесть моя мучится только за два.

Лёвочка милый! На нашей планете стало скучно. С тех пор, как одни вышли в люди и иначе как томами не печатают своих произведений, а другие – непризнанные – разъехались по заграницам, я постарел ещё лет на двадцать. Я волочу своё маститое тело с таким трудом, точно это не тело, а «Русская мысль» и «Русское богатство», комплектами за двадцать дооктябрьских лет. «Мамочка, пожалей своего бедного сына». ⁽¹⁾ Это, ей-богу, не под силу. У меня на столе – полтора пуда рукописей для «Круга», тяжеленный роман Келлермана в воздушно-легком переводе Лидочки, ⁽²⁾ геологические отложения писем и фунтов десять корректур моей «Кн<иги> и рев<олюции>» (кстати, на днях я вышло тебе нов<ый> № с дифирамбами твоему «Бертрану»). За последний месяц я тщетно пробовал писать – больше двух строк не выходило. Это гнусно. Лёвочка, не женись! Лёвочка, не рожай детей! Пусть это делает Миша Слонимский, он всё равно пропащий человек. Иначе ты не напишешь ни одного сценария, даже на жаргоне! Кончу о себе. Я – жалкий дачный муж. Щёки мои ввалились, у меня невралгия лицевого нерва и боязнь расстояний (не пространства!). По средам и субботам в шестом часу вечера на проспекте Володарского можно встретить человека с мешком за спиной, с чемоданами и сверточками в руках, иногда с детской ванной, иногда с ведром или корытом, одетого странно и небрежно. К шляпе его прикреплены карманные часы, циферблатом к лицу. По небритым щекам его стекает и падает на землю кровавый пот. Он стремительно догоняет трамвай. Подумать только, что этот человек ещё недавно был жизнерадостным, подающим (хотя бы правому крылу литературы) надежды молодым серапионом! До чего доводит иной раз семейная жизнь!!! Лёвочка, не женись!!!

Теперь о «мелочи». Письма твои читают все. Отвечать предоставляют мне. Я польщён, но полагаю, что Зоценко, Тихонов, Полонская и Каверин – иоркширские свиньи. Впрочем, не теряй надежды.

Зоценко всерьёз считает свою работу в юмористических приложениях стоящей. Тоже – дачный муж.

Тихонов написал замечательную поэму – «Шахматы». Я понял её с третьего раза. Это совсем по-новому и лучше.

Каверин кончил восточн<ый> факультет и, получив звание араба,⁽³⁾ уехал в Псковскую губернию, наверно, на практику. Задумал новую вещь – «Шулера».⁽⁴⁾ Не без участия Тынянова.

Груздев напечатал вторую большую статью в альм<анахе> «Петроград».⁽⁵⁾ Стал после этого ещё краснее. Нос в цвету.⁽⁶⁾

Об уехавших ничего не могу написать. Мишка⁽⁷⁾ молчит, вероятно, нет денег. Всеволод⁽⁸⁾ где-то ходит. Никитин прислал письмо, в котором, между прочим, такая фраза: «Что в России? Как ко мне относятся?» Я организовал анкету среди крестьянства, рабочих, интеллигенции во всех союзных республиках, чтобы выяснить, как, наконец, чёрт возьми совсем, Россия относится к Никитину! Пока ответов не поступало, и я ничего не мог ещё написать Никитину. На «Никитин в Берлине» делаю заявку! Лёвочка, друг! Пиши. Твои письма хорошие, Лида плачет над ними по ночам,* серапионов заставлю писать!

О смерти и прочих пустяках не думай. Поправляйся. Пользуйся европейскими уборными и толстей. Обнимаю тебя. Привет Алексею Максимовичу.⁽⁹⁾ Написал ему, что я послал ему ещё в апреле свою книжку⁽¹⁰⁾ в Сааров и письмо и жду ответа.

Твой Коист.

Привет всем честным людям и Виктору.⁽¹¹⁾

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 145-146.

⁽¹⁾ Ироническая отсылка к повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего».

⁽²⁾ Роман Б. Келлермана «Случай из жизни Шведенкля» (Пб., «Атенеи», 1923) вышел в переводе Л. Б. Харитон и под редакцией К. А. Федина.

⁽³⁾ В. А. Каверин окончил Институт живых восточных языков, где изучал арабский язык.

* Врёт! По ночам я сплю.⁽¹²⁾

(4) После нескольких переименований и переделок рассказ получил название «Большая игра».

(5) Упомянута статья «Утилитарность и самоцель».

(6) Замечательный цвет лица И. А. Груздева неоднократно становился предметом шуток «серапионов».

(7) М. Л. Слонимский.

(8) В. В. Иванов.

(9) А. М. Горький.

(10) Имеется в виду книга «Пустырь».

(11) В. Б. Шкловский.

(12) Приписка Л. Б. Харитон.

86. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу

21 июля 1923, Петроград.

21/VII.

Лёвушка, родной!

Рада Вашему письму, хоть и издеваетесь надо мной. Свинство прямо, хоть бы кто приласкал: вы смеётесь, Зойка⁽¹⁾ рассказывает о «Правде» и через силу старается сделать вид, что мной интересуется по-прежнему, Мишка⁽²⁾ раз написал, что любит – и как в воду канул. Одно утешение остаётся – высокий блондин.⁽³⁾ Но там семейные и служебные обязанности. И всё-таки мы с ним часто видимся и совсем хорошими приятелями стали. Мои истерики благополучно прошли вместе с весной, и я стала здоровым, спокойным, занятым человеком. Зойка ругает, что постарела душой. Не думаю, только, правда, не помню, когда смеялась в последний раз так, как случилось в прошлом году.

Прозы писать не собираюсь из товарищеской солидарности: с моим знанием русского синтаксиса я забила бы даже признанных наших правофланговых. Жаль серапионов, не стоит!

А перевожу серьёзно, и работа мне нравится. Только Федин очень придирчивый редактор.

Чадаев, действительно, из «Красной»,⁽⁴⁾ а потому без аристократического второго а.⁽⁵⁾ Мне он не нравится, и с Вашим определением могу согласиться, но Зойка протестует.

Сия великолепная женщина толстеет, чернеет и кружит правдинские головы, от шофера до «самого». <...> О серапионах писал Федин, я присоединяюсь к его оценкам. <...> Мишки нет, пить не с кем! Федин – человек положительный и добродетельный, и без Мишки держится твёрдо. Да, простите за неизящную бумагу, но нам далеко до Вашей европейской изысканности. Николай⁽⁶⁾ пишет так, что к сентябрю можно его ждать. Павлик Щёг<олев>⁽⁷⁾ совсем маститым стал. У Евг<ения> Ив<ановича> замечательно острая статья о рус<ской> прозе.⁽⁸⁾ Только я не совсем согласна с оценкой одного недурного писателя с голубыми глазами.⁽⁹⁾

Посылаю письмо Рины.⁽¹⁰⁾ Перед Мишиным отъездом мы были у Доминика.⁽¹¹⁾ Часа в 2 отправили Мишу на крышу.⁽¹²⁾ Привёз Рину. А письмо – у Зоценки в кармане, только что прочли все трое. Рина начала говорить о своих преследователях, Миша млел. «Особенно один, почтенный отец семейства, которому я написала такое удачное – правда, Миша? – письмо». Стали расспрашивать. Передала текст Давыдовского письма. Зоценко похлопывает по карману, Федин справляется, мужской ли почерк, удивляется любви к детям – совсем в стиле Лунца! Весело, замечательно, а бедный, Мишка в восторге даже пить забыл.⁽¹³⁾ Рина же относится настолько серьёзно, что, право, перестаю верить в её ум.

Ещё анекдот: Вам Ефим⁽¹⁴⁾ на немецкий пароход каравай заготовил, а Миша в Бахмут поехал со связкой баранок, кот<орые> в последний момент сообразил купить Зоценко, и впопыхах забыл положить в чемодан невыразимые, так и уехал с одними рубахами.

А Зоценко меня злит. Его обидчивость доходит до глупости, а эротические разговоры – до похабщины.

Тихонов рассказывает замечательные истории про медведей, поступающих в огородники к кавказским горцам. <...> Лёвка, пишите, когда будет охота. Поправляйтесь, пишите драмы, сценарии и даже повести. И на премьеру «Вне закона» – приезжайте к нам.

А без вас и Миши – Серапионов нет. Ориентируются на Федина – но этого мало.

Лида

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 147-149.

(1) З. А. Никитина.

(2) М. Л. Слонимский находился в это время в Бахмуте.

(3) К. А. Федин.

(4) «Красная газета».

(5) В отличие от фамилии русского аристократа П. Я. Чаадаева.

(6) Н. Н. Никитин.

(7) П. П. Щеголев, историк, сын П. Е. Щеголева.

(8) Имеется в виду статья Е. И. Замятина «Новая русская проза». Вероятно, Л. Б. Харитон читала статью в рукописи.

(9) То есть К. А. Федина.

(10) Е. В. Зелёная, актриса, приятельница «серапионов».

(11) Петроградский ресторан, называвшийся по имени его основателя.

(12) Ресторан на верхнем этаже гостиницы «Европейская».

(13) По всей видимости, рассказывается о розыгрыше, устроенном Л. Н. Лунцем. О том, что он сочинил некое письмо от чужого имени, где упоминался М. Л. Слонимский, Л. Н. Лунц говорит в письме от 4 июля 1923 года.

(14) Ефим Григорьевич, служащий в доме С. П. Елисеева, оставшийся там и после организации Дома Искусств.

87. Н. Н. Никитин – Л. Н. Лунцу

23 июля 1923, Лондон.

23. 7. 23. Лондон.

Прелесть моя, ты очень обрадовал меня серапионовским письмом. Отовсюду торчат твои косицы⁽¹⁾ и твой взъерошенный голос. Если бы я был в комнате один, я наверное бы плакал от твоего письма. Такая хорошая, путаная юность – ты напомнил мне своим голосом о Д<оме> И<скусств>, о наших бранях, о комнате с зеркалом, где сидели с Замятиным, о твоём рассказе про маски и голубую даму.⁽²⁾

Не кричи, пожалуйста, что надо у Европы учиться. Это все знают без тебя. Говоря, что Россия лучше других стран

(хотя я никак не могу припомнить – действительно ли говорил я это), я совсем не думал **бахвалиться**, – она мне роднее, милее, ближе. Я совсем не требую от себя абсолютной справедливости, ибо ни один народ её не хочет, ибо её нет. Для человека вообще в мире два выхода – утвердиться или на добре или на зле. Я утверждаюсь на добре. Я верю в **добро** моей страны. С тех пор, как я побывал в Берлине, меня не соблазняет умение рассуждать спокойно и здраво – т<о> е<сть> «объективная» точка зрения (Ходасевичская). М<ожет> б<ыть> мне ехать сейчас в Россию наиболее тяжело, чем тогда – когда я там жил, не выезжая. Но возвращаюсь я, умудрённый – здоровье страны не в отыскании её зла, а в нахождении добра. Т<о> е<сть>, м<ожет> б<ыть>, то, чего **требовали** (паршивое слово) большевики. Должен тебя предупредить, что эту мудрость я почерпнул, отнюдь не толкаясь в передних советских канцеляриях, я не был ни в одной, а насмотревшись на заграничную жизнь, вернее, присмотревшись к ней.

Русские – засевшие с Горьким – кто-то ведь около него да группируется, никогда этого не поймут, п<отому> ч<то> они живут, питаюсь отбросами. Мне очень часто приходится пояснять, это нехорошо. Отбросы – это эмиграция, и её атмосфера. При самых идеалистических мыслях, они всё-таки воняют нетерпимостью и ненавистью, и эмигрантская молодёжь (с ней мне приходилось сталкиваться) так же воняет тупостью, как наши комсомольцы. Нетерпимость эта разлита щедро даже в теперешнем Горьком. Так, например, он отказался поддержать своим мнением чудеснейшую английскую организацию PEN-club, в которой мы хлопотали.⁽³⁾ Эта организация международная и защищает профессион<альные> интересы писателей (авторизация, взаимн<ая> помощь и т. п.). Горький мотивировал мне тем, что вряд ли русские писатели, т<о> е<сть> живущие в России, могут столкнуться, они разных направлений – литерат<урных> и политических, т<о> е<сть> вообще будто у нас сплошная е..... Прости на простом русском слове. Такой аргумент я слышу в первый раз.

Соединяться для как<ой>-ниб<удь> нейтральной цели никогда никому не мешала разница в политических взглядах. А «заграничникам», по мнению Горького, PEN-club не нужен.

Эта политика – личная. Как и всё в пресловутом Берлине. Оспаривая это, я совсем, дорогой друг мой, не говорил о Европе. Если бы русское государство было богато, надо бы 50% молодежи посылать учиться на Запад. Те же петиметры, что возвращаются в Лондоне или в Берлине, никому не нужны.

Я измотался по Европе. 6 дней тому назад я проезжал через Рур и Бельгию. В Аахене меня чуть не расстреляли. Спасся необыкновенно чудесно и необыкновенно просто.⁽⁴⁾ Подробности расскажу потом, в Питере. На этих днях я возвращаюсь. Зоинька⁽⁵⁾ пишет, что хочет отдохнуть, я тоже, м<ожет> б<ыть>, куда-нибудь поедем на воздух. Я два года сплошняком живу в городе, утомился. Особенно утомляет Лондон. Эти дни я вздохнул, жил на Leigh-on-Sea, английский курорт, купался, ходил под парусами, купался с милыми англичанками – рыжими, как золотые рыбки.

Милый мой, не хандри. Жизнь долгая и хорошая впереди. О Пильняке верно. Чёрт с ним. Целую – твой

Ник.

P. S. В Берлине крутился – ты прав. В Лондоне же меня чуть не женили. Чур – молчать! Приезжай скорей к нам на Эрт<елев>.

P. P. S. Пиши теперь на Эртелев.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 149-151.

⁽¹⁾ См. примечания к письму 68.

⁽²⁾ Здесь подразумевается, по всей видимости, какой-то устный рассказ.

⁽³⁾ А. М. Горький был решительно против вступления российских писателей в эту организацию и после целой серии предпринятых им действий, его точка зрения возобладала.

⁽⁴⁾ Историю о чудесном спасении Н. Н. Никитин рассказывает в книге «Сейчас на Западе». Тем не менее многие сомневались, так ли всё происходило на самом деле.

⁽⁵⁾ З. А. Никитина.

88. И. Г. Эренбург – Л. Н. Лунцу

25 июля 1923, Гельголанд.

Книг сейчас нет. Буду в Берлине скоро – пришло.

Пишите мне на адре<с> «Геликона»:

Vambergerstr<asse> 7.

25/7

Дорогой д-р Лев Лунц,

Спасибо за письмо. Даже не находясь в санатории, я привык жить от почты до почты. Идеал: получать письма, самому не писать. Всё же могу сообщить Вам некоторые веселящие душу события. Я долго выбирал, куда нам ехать. Решил – остров Зельт: морские птицы, тюлени, прибор и пр. Приехали. Море нашли с трудом. В нём купался один немец. На берегу вывешивали курсы биржи. Узнав, что доллар <поднимается?> немец невероятно <разволновался?> и стал нырять, как рыба. Его вытащили и отпоили французским коньяком. Вместо моря имелись витрины ювелиров и меховщиков. В день приезда со мной случилось несчастье. Старое судно дает течь, как Вы сами знаете. А вот мои истлевшие брюки неожиданно дали две дыры, обнажив отнюдь не загоревшие ягодицы. Это было в шикарном кафе стиля бидермайер. Один из посетителей, старый немец в теннисных брюках абсолютно новых, ударил палкой об стол, так что чашечка в стиле бидермайера сломалась, и завопил: unverschämt!⁽¹⁾ Мы сюда приезжаем для erholung,⁽²⁾ а должны смотреть вместо моря на ..... иностранных босяков. И при этом ещё изымается куртка. Вы легко поймёте, что после этого мы покинули остров Зельт, так и не увидав ни морских птиц, ни тюленей.

Здесь, на Гельголанде, я купил себе клетчатые штанины для верховой езды (хотя остров любопытен тем, что на нём не имеется ни одной лошади) и изумрудные чулки. Я бодр и полон энергии. Остров, кстати, хороший. Доказательств? 1) всюду море, 2) я не знаю, сколько сегодня <стоит> доллар, хотя даже справлялся об этом. Насчёт кино спросите у Шкловского.⁽³⁾ В Германии я никого не знаю. Во Франции есть Delluc (автор книги о Чаплине). Если хотите, я могу Вас свести с ним. Я ничего не делаю. Рад буду получить от Вас письмо. Как здоровье? Что пишут Вам из Петербурга? Я давно не имел известий от Е<лизаветы> Гр<игорьевны>.⁽⁴⁾ Сердечный привет от Любви Мих<айловны>⁽⁵⁾ и меня.

Ваш Эренбург

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 151-152.

(1) Наглость, бесстыдство (нем.).

(2) Отдыхать (нем.).

(3) В. Б. Шкловский, кроме прочего, занимался в Германии и делами, связанными с кинематографией. Можно предположить, что Л. Н. Лунц справлялся у И. Г. Эренбурга, кому следует предложить киносценарии «Завещание царя» и «Восстание вещей».

(4) И. Г. Эренбург и Е. Г. Полонская познакомились в конце 1908, либо в самом начале 1909 года в Париже. Бурный роман перешел в дружбу, которая продолжалась до самой смерти И. Г. Эренбурга.

(5) Л. М. Козинцева-Эренбург.

89. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой

26 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус.

Кенигштейн им Таунус

26 июля 1923

Дорогая Нина!

Бесконечное спасибо за книги! Это я понимаю – друг!

Не писал Вам так долго, да и сейчас пишу только кратко и сухо, потому что хандрю и нервничаю. Вместо того, чтобы выздороветь, заболел ещё серьёзней. И сам чёрт ни-

чего не понимает. Так лежу на солнце целыми днями и развлекаюсь едой и меряньем температуры.

Единственное развлечение – книги и письма. И ещё одно единственное – здешняя кунсткамера пациентов. Лопните, – не поверите, что здесь за идиоты.

Уманский мне ответил. Он же написал Каплуноу. Перевод будет готов к 10 августа.

Ей-богу нечего писать. У меня ведь никаких новостей. Разве стоит писать о том, как раздражают меня газеты, где пишут, как в Петербурге на улицах пасутся коровы и где Волковысский⁽¹⁾ милостиво рассказывает о встречах с Блоком (гнусный «подвал»!).

Поклоны.

Целую. *Лёва*

Вспомнил массу питерских историй, которые забыл Вам рассказать. При встрече напомните.

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 175-176.

⁽¹⁾ Н. М. Волковысский был при жизни А. А. Блока одним из членов администрации петроградского Дома Литераторов.

90. А. Л. Слонимский – Л. Н. Луццу

1 августа 1923, Петроград.

1 авг. 1923. Петровский остров, балкон, деревья, котёнок на солнышке, Всеволод Иванов в голове неуёмной, потому что завтра лекция.

Милый Лёва, и мы тоже страшно любим и очень польщены вдвоём письмом, тем более, что Миша⁽¹⁾ – свинья, уехал и даже адреса не оставил. Зато и Бог его покарал, избрав для этой цели подходящее орудие в виде Сергея Нельдихена, который продал Мишино зимнее пальто к величайшему ужасу Ефима.⁽²⁾ И даже Анна Ивановна Ходасевич в панике. Вообще приезжайте, а то без Вас как-то слишком постно. Просвещаю железнодорожных учителей на летних курсах совре-

менной беллетристикой и главным образом серапионами, которых выдаю за пролетарских писателей чистой воды.⁽³⁾ Между прочим, раскаялся насчёт Всеволода Иванова — очень серьёзный мужчина. «Партизаны» совсем хороши: крепкий сюжет, да так неповоротливо, неторопливо движется. А «Цветные ветра» так к концу даже захватывают. Только слишком этой словесной густоты понапихано. А ещё обожаю Николая Тихонова. Так что рекламирую на весь Цектран.⁽⁴⁾ Вас ждут в Париже. Опишите мне Колю,⁽⁵⁾ как он вообще, и насколько прелестен, а также расскажите про Вову Познера. Есть ли у Коли Мишина склонность к женитьбе или наоборот? Кстати, Вам кланяется Славенсон⁽⁶⁾ и Московская здравница.⁽⁷⁾ На возвратном пути постарайтесь повидать маму: Goebenstrasse 14 bei Fr. Bading, Berlin W. 57.⁽⁸⁾

Мама ждала от Вас какой-то Мишиной рукописи с портретом и биографическим очерком. Просила меня написать Мишину биографию в 1 ½ листа, но у меня не хватает материала, а к Ефиму зайти нет времени. Лучше напишите Вы. Я пока что послал краткую заметку: героически попал под колесо: которое за то назвал чёртовым,⁽⁹⁾ очень любит жениться и пить водку, лежит большей частью на кровати, ходит за сюжетами к Егорову⁽¹⁰⁾ и пр.

Насколько серьёзен Ваш эпикардит?⁽¹¹⁾ Как скоро Вы можете от него избавиться? Когда собираетесь домой (т<о> е<сть> сюда)?

Спасибо за книжки, которые, конечно, мне передал не Миша, а Зощенко (Миша подарил бы их Нельдихену).

Вот Вам на всякий случай адр<ес> Коли: 10, rue Boulard, Paris XIV. Если мамочка будет передавать для меня германские марки, ради Бога не берите — они хуже всяких советских денег. Коле скажите, что он прелесть, а кстати, расхвалите и меня — я очень дорожу мнением заграничных родственников. Когда будете писать мне, обязательно поклонитесь и котёнку, а то Лида⁽¹²⁾ обижается. Имя — Дарзи, и цвет чёрный с белой жилеткой и белыми лампасами. Заумные имена: Лусси, Бусси и Гумызя. Обязательно не забудьте, а то Лиде вредно волноваться.

Профессор *Александр Слонимский*, автор комического у Гоголя и разрушитель *Эйхенбаума*,⁽¹³⁾ доктор жеста и мимики (*docteur es gestes*).

<Приписка Л. Слонимской>:

Сашка, как всегда, наврал Вам кучу ерунды. Но Вы не верьте! Возвращайтесь скорей смотреть на нашего маленького. Целуем Вас крепко.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 153-154.

⁽¹⁾ М. Л. Слонимский.

⁽²⁾ Ефим Григорьевич, бывший служащий С. П. Елисеева.

⁽³⁾ «Сералионовых братьев» критики относили к «попутчикам».

⁽⁴⁾ Цектран – Центральный комитет транспорта.

⁽⁵⁾ Н. Л. Слонимский.

⁽⁶⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

⁽⁷⁾ Публикатор письма указывает, что имеется в виду «Дом отдыха для писателей и ученых под Москвой».

⁽⁸⁾ Ф. А. Слонимская покинула Россию в ноябре 1922 года.

⁽⁹⁾ Обыгрывается название рассказа М. Л. Слонимского «Чёртого колеса».

⁽¹⁰⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

⁽¹¹⁾ Публикатор письма указывает, что автор создает каламбур, используя слова «эпистолярный» и «эндокардит».

⁽¹²⁾ Л. Слонимская.

⁽¹³⁾ А. Л. Слонимский критиковал некоторые научные положения, выдвинутые Б. М. Эйхенбаумом.

91. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому

5 августа 1923, Кёнигштайн им Таунус.

Königstein im Taunus, Sanatorium Dr.

Kohnstamm.

5/VIII 1923

Дорогой Алексей Максимович!

Не писал Вам так долго, потому что чувствовал себя оччень плохо. Теперь, кажется, выздоравливаю. Недели че-

рез две думаю выписаться из санатории. Исправилось и настроение: я снова ободрился и повеселел, а то было совсем приуныл.

Твёрдо надеюсь с Вами всё же повидаться до моего отъезда из Германии. На Испанию и Францию надежды плохи, так что скорей всего в октябре я вернусь в Петербург.

Оттуда мне пишут мало: большинство «братьев» разъехалось на лето. Федин просит узнать у Вас, получили ли Вы его книгу?⁽¹⁾

С Ходасевичами я в переписке. Последние стихи Влад<ислава> Фел<ициановича> меня уж просто ужасают: настолько они хороши! Что ж будет дальше, если он и впредь станет писать всё лучше и лучше?

Простите, Алексей Максимович, но писать о серьёзном не могу. Я так разленился и поглупел за эти шесть недель, что не только писать – читать разлюбил. Лежу на солнце и ем – целый день.

Всё ж написал большой сценарий. Не знаю, удастся ли пристроить: он очень труден технически для съёмки.⁽²⁾

Желаю Вам всего доброго,
до скорого свидания

Лев Луцц

■ Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 150-151.

⁽¹⁾ Имеется в виду книга «Пустырь».

⁽²⁾ Сценарий «Восстание вещей».

92. Л. Б. Харитон – Л. Н. Луццу

8 августа 1923, Петроград.

8/VIII.

Лёвка, родной мой, сейчас третий час ночи, только что разошлись серапионы и Евг<ений> Ив<анович>⁽¹⁾ – пили у нас пиво и ели арбузы по случаю Мишиного⁽²⁾ приезда из Бахмута на побывку. Притащил Федин Ваше письмо, чи-

тал его, и захотелось ответить сейчас. Чувствую себя, как секретарь по делам Лунца. Евг<ений> Ив<анович> просит передать привет, и чтоб писали ему хотя бы на мой адрес – иначе не доходят письма. Зощенко обиделся: почему ни в одном письме ни разу его персонально не упомянули? Он достал у Дуси⁽³⁾ Ваш адрес, собрался писать, написал даже, но письмо оставил в Сестрорецке. Кланяется. Смотрите, исправьте ошибку деликатно, а то мне влетит. Он выпустил в «Радуге» юмористические рассказы – скверное впечатление производит книжонка.⁽⁴⁾ А он – серьёзно к ней, гордится спросом. Мне за него, за его талант обидно. Евг<ений> Ив<анович> напечатал свою ту статью в «Русском искусстве»,⁽⁵⁾ ждёт ответных; едет на месяц в Крым. Людмила Ник<олаевна>⁽⁶⁾ на Нижегородской ярмарке. Веня⁽⁷⁾ в Ярославле у жены. Тихонов на днях едет в Новороссийск к своей, т<ак> к<ак> здорово хорошо продал Воронскому «Шахматы». Теперь о Мише. Приехал неожиданно, загорелый, пополневший, заявил, что ничего, кроме молока, в рот не берёт, что на юге – рай, пишет там в комнате, где галдят 5 Шварцев⁽⁸⁾ – и хоть бы что. Ночью лежит в степи и разговаривает на мировые темы: родился поросёнок с дефектом, нужна операция и т. д. Женщины – домашние хозяйки, на Рину⁽⁹⁾ смотреть не хочет, в городе ему душно. Писал он там много. Когда не стало денег, пошёл в «Кочегарку».⁽¹⁰⁾ Там его узнали по портрету из «Литер<атурных> зап<исок>»⁽¹¹⁾ и сразу дали солидный аванс, а потом предложили руководить начинающими писателями. И вот Мишка предпочитает генеральство в Бахмуте прозябанию в Питере (Питер его особенно возмущает своей неделовитостью по сравнению с Москвой) и во вторник уезжает назад. Зарок насчёт млекопитания был нарушен в силу обстоятельств. Но Мишка – как всегда – чудесный. А Зощенко я когда-то считала умнее. Мой высокий блондин,⁽¹²⁾ кот<орого> люблю нежно, скоро уезжает в отпуск, а потому пишите мне непосредственно: Бассейная 9, кв. 12, или на Эртелев, где живу уже около месяца. За последние 2 месяца я стала лучше, спокойнее, – действует работа,

кот<орую>, наконец, чувствую хоть немного настоящей. С Зойкой⁽¹³⁾ живём чудесно. Смотрели «Мабузе».⁽¹⁴⁾ «Калигари»⁽¹⁵⁾ лучше. А «Тарзан»⁽¹⁶⁾ – замечательная дрянь, от кот<орой> трудно оторваться. Вышел вторым изданием «Стрелковый»,⁽¹⁷⁾ вышел «Бунт» Никитинский без бунта <...>. Люди вокруг – всё те же. Вне «Атенея» часто вижу только Зою и Федина. С ним хорошо мне сейчас очень. А зимой с серапионами будет туго: ни Миши, ни Вас. Собираются <будем>, вероятно, у Никитиных. Он скоро приезжает. <...> Между прочим, часть Ваших рукописей у Андрея⁽¹⁸⁾ лежит, и Миша утверждает, что он должен был и не успел послать их Вам. <...> Да, в Пушк<инском> Доме выставка соврем<енной> литературы. У меня нашёлся Ваш автограф – статья «Почему мы Серап<ионовы> братья?». Федин советует дать её и портрет Ваш. Как Вы на этот счёт? Да, а Коля⁽¹⁹⁾ пишет замечательные письма: сравнительные диаграммы стоимости женщины в Берлине и Лондоне, хотя бы. А как ему в Аахене револьверами грозили? «Думал, что больше не увижу тебя. Таков закон военного времени!» Письмо оглашалось сегодня при всех, значит это не сплетня. <...> Федин просит, если знаете, сообщите адрес Горького курортный. Ему есть предложение от «Круга».

10/VIII.

Лёвушка, Давид уехал куда-то, кажется, в Гомель.⁽²⁰⁾ Перед отъездом написал Вам. Рукописи Ваши ещё в цензуре. Еф<им> Григ<орьевич>⁽²¹⁾ обещал раздобыть. Я адски нервничаю: у меня сейчас гонка с Келлерманом.⁽²²⁾ Конст<антин> Ал<ександрович> издевается, но отчасти сам виноват, т<ак> к<ак> затянул редактуру. Целует Вас и ждет настоящего письма в ответ на своё. И я также.

Целую Вас крепко и люблю.

Лидя

Бассейная, 9, кв. 12.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 155-157.

(1) Е. И. Замятин.

(2) М. Л. Слонимский.

(3) И. И. Каплан-Ингель.

(4) Упоминается книга «Юмористические рассказы».

(5) Статья «Новая русская проза».

(6) Л. Н. Замятина.

(7) В. А. Каверин.

(8) М. Л. Слонимский, Е. Л. Шварц, впоследствии И. А. Груздев жили в доме родителей Е. Л. Шварца.

(9) Рина Зеленая.

(10) Имеется в виду газета «Всероссийская кочегарка».

(11) Упоминается журнал, где были опубликованы автобиографии «серапионов» и статья Л. Н. Лунца «Почему мы Серапионовы братья».

(12) К. А. Федин.

(13) В этот период Л. Б. Харитон жила в квартире З. Д. Гацкевич, матери З. А. Никитиной.

(14) Фильм немецкого режиссера Ф. Ланга «Доктор Мабузе – король преступлений» (1922).

(15) Фильм немецкого режиссера Р. Вине «Кабинет доктора Калигари» (1919).

(16) Возможно, речь идёт о фильме режиссера С. Сиднея «Тарзан – повелитель обезьян» (1918). Но, скорее всего, упоминается роман Э. Берроуза «Тарзан», который вышел в 1922 году на русском языке.

(17) Книга М. Л. Слонимского «Шестой стрелковый».

(18) А. А. Кази, первый муж З. А. Никитиной.

(19) Н. Н. Никитин.

(20) Д. И. Выгодский был родом из Гомеля.

(21) Бывший служащий в доме С. П. Елисеева.

(22) Упоминается роман Б. Келлермана, который переводила Л. Б. Харитон.

93. М. Л. Слонимский – А. К. Воронскому

10 августа 1923, Петроград.

Дорогой Александр Константинович,
пишу вам откровенно, безо всяких «остранений» и фразов, письмо.

Дело такое:

в вашей, как редактора, власти два моих рассказа: «Ар-

тистка» (принятая вами, Пильняком и Фединым для 3-го альманаха «Круг») и «Сельская идиллия» (взятая вами на просмотр для 4-го альманаха «Наши дни»). Эти два рассказа – лучшие мои вещи. В них я оторвался от прежних тем (царская армия и пр.), и стиль в них чище и проще, и композиция занимательнее и сложнее. Рассказы эти оплачены полностью, и заинтересованность моя в их напечатании отнюдь не материальная, а чисто литературная.

Я надеюсь: можно не сомневаться в том, что «Артистка», принятая для 3-го альманаха «Круга» ещё в апреле, пойдёт, действительно, в третьем, а не в четвертом или четырнадцатом альманахе. Но о «Сельской идиллии» я беспокоюсь.

Скажу вам откровенно и просто: оторвавшись от прежних тем и целиком уходя в темы сегодняшней России, я нахожусь в том периоде, когда каждый удар (а непринятие рукописи, которую автор считает значительной, – удар) болезненно и губительно отражается на работе. Рассказы, о которых я говорю, – не под Пильняка, не под Замятина, не под кого, – они мои целиком. Именно потому, что подражательность отсутствует в них начисто, – именно поэтому я и отношусь к их судьбе с волнением. Ведь, скажем, невозможность печатания их означает неприемлемость меня как писателя. Политически они благополучны, но вдруг «Сельская идиллия» покажется вам «остранённой» (хотя «остранений» в ней меньше, чем где бы то ни было; она – живой быт Украины).

Словом: я нуждаюсь в моральной поддержке, чтобы уверенно идти дальше. Без неё я свихнусь. Моральную поддержку в данном случае можете оказать только вы. Эта самая поддержка – вот в чём: «Артистку» оставьте, как она была назначена, в третьем альманахе «Круга», а «Сельскую идиллию» напечатайте в «Наших днях». И тогда я с полной бодростью буду продолжать работу, а вам буду чрезвычайно благодарен.⁽¹⁾

Сейчас я наскрѐб денег и уезжаю снова на Донбасс, чтобы видеть то, что мне нужно, и писать. Я хочу писать о юге.

Донбасс, Украина – должны быть в литературе. Там наиболее остро стоят вопросы перестройки быта, и быт там наиболее фантастичен и странен.

Денег мне от вас не нужно. Мне нужно только одно: внимательное отношение к этому письму и моей просьбе. Я бы не писал с такой наглой откровенностью, если б не знал, что вы – внимательный и хороший человек и если б не так остро чувствовал, что именно теперь я нуждаюсь в поддержке, ибо я сдвинулся с места, увидел новые темы и почувствовал, что сила во мне есть и усталость преодолена.

Очень вас прошу, хотя вы завалены работой, урвите десять минут для ответа мне. Отпишите ваше мнение об «Артистке» и «Сельской идиллии» и успокойте насчёт их напечатания. Вам – хорошо, а я – волнуюсь.

Адрес мой такой:

Ст. Деконская (Донецкой губернии), рудник Либкнехта.
Доктору Льву Борисовичу Шварцу –
для М. Л. Слонимского.

Письмо, прошу, отправьте *заказным*. А то ведь станица Деконская – дыра, куда простое письмо может и не дойти. Пожалуйста. Ненапечатанные «Артистка» и «Сельская идиллия» мешают мне жить, а напечатание их не в «Круге» и не в «Наших днях» (или «Красной нови») меня никак не удовлетворит.

Пока не получу вашего ответа, буду волноваться. Жду.
Всего хорошего.

Ваш *М. Слонимский*

10/VIII-23 г.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 589-590.

⁽¹⁾ В изданиях, редактируемых А. К. Воронским, рассказы не появились.

17 августа 1923, Петроград.

Издательство «Атеней»

17 августа 1923 г.

Петербург, 6. Литейный 28.

Лёвка!

С 1-го октября оно (см. выше) издательство организует серию соглашательских альманахов⁽¹⁾ (Замятин, Федин, Зошенко, Каверин, Тихонов – словом, сам понимаешь). Никаких серапионовых братьев! Редактор – я – и крышка. Шли! Что-нибудь этакое незаконистое.⁽²⁾ 50 рублей гонорара с листа на улице не валяются.

Лёвка, милый, я тебя люблю и тоскую, как Зоя по Никитину. Целую! Шли! А ты альманахи уважай и, ради всего серапионовского, убедил Горького и Эренбурга **возможно быстрее** прислать рукописи. **От их рукописей колоссально много зависит.** Я им писал по два письма и трепещу, пока не получу от них ответа. Им **75 рублей гонорара** с листа. Ради всего серапионовского! И Ходасевич тоже. И вообще серьёзное дело. Я даже опять на юг уезжаю до 1 октября, дабы провести зиму без паники. Издательство меня содержит, да в октябре подготовит всё технически. Адрес мой: Станция Деконская (Донецкой губернии), рудник Либкнехта, доктору Л. Б. Шварцу,⁽³⁾ для меня.

М. Слонимский

<На полях>

Лёвка! Торопи Горького и Эренбурга! Торопи! Пусть шлют на адрес издательства. Гонорар заплатят немедленно без меня.

<Приписка Л. Б. Харитон. На полях>

Лёвушка, кончился перевод!⁽⁴⁾ Ура! Целую. Пиши. Я совсем одна осталась. Сегодня едет Миша, 24-го Федин приезжает.

Лида

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 157-158.

(1) Анонсированные издательством сборники «Атеней» в свет не вышли.

(2) Обыгрывается название пьесы «Вне закона».

(3) Л. Б. Шварц, отец Е. Л. Шварца, работал в больнице на соляном руднике имени Карла Либкнехта.

(4) Перевод романа Б. Келлермана.

95. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому

21 или 22 августа 1923, Корабль «Л. Краси».

..... В е ч е р ⁽¹⁾

на корабельных часах в кают-компании первая четверть после десяти. Эти часы – каждое утро после брэкфеста младший помощник капитана подводит по секстанту. Этот помощник – парень простой и глупый с лицом костромича, но с твёрдой английской фамилией – служил во время войны тральщиком – нынче торговый моряк. На нашем же судне есть другой такой митя – тоже с твёрдой английской фамилией – заика, а фигурой, речью и носом картофельным – телеграфист Ять из Чехова – кстати он ему родственник – «марконист» – это значит по нашему радио-телеграфист, а на английских судах это радио-офицер.

Я сейчас вернулся с кубрика – там матросы рассказывали анекдоты про Екатерину Вторую и трубочиста, про неё же и про матроса – настоящий народный эпос, говорил матрос Андрей, бежавший в 1909 году с «Рюрика», когда русская эскадра, делавшая визит в Англии, на обратном пути зашла в Барри, чтобы нагрузиться углем. Другой матрос, Меликов, – парнишка лет 22-х, рассказывал – как ночью снятся ему принцессы в белых платьях и как он их т о ч и т.

Вчера же говорили о политике, о советских паспортах, об интернационале и о «старой курве» – таким имечком пришлѣпнули они бывшую царицу-мать.

Ещё говорили о преимуществах махорки перед английским табаком, об американской жвачке чонгапуун и о ка-

баках Ист-Эндского дока в Лондоне, об индейских ножах – достающих до печени «одним поворотом»... –

В иллюминатор каюты заглянул сейчас «вперед-смотрящий» – вахтенный с капитанского мостика – приказывают мне закрыть иллюминатор занавеской, а то мой огонь выходит прямо на нос – на формаст и путает сигнальные фонари – небо моё, гляжу, чухонское – с белой, упавшей в самый край горизонта зарею, – плоские, как свечки, звезды – до Питера ещё 60 часов хода – высаживаемся мы в Кронштадте.

Днём я читал воспоминания Витте – третий том⁽²⁾ – это гораздо скучнее его политических мемуаров – его лирика, «литературная часть», философия не только скучны, а просто глупы, и даже странно, что этот башка, считавшийся умным, высоко-культурным человеком, философствует в своих мемуарах со всеми повадками генералов-мемуаристов из «Исторического вестника».

Балтика бьётся за бортом и причитает, точно унтер-офицерская вдова, – шумит, скандалит противной, тошненькой зыбью. Пильняк ползает по стене каюты с порошком для мора тараканов, их у нас множество, – напозавшись, и тараканы и клопы укладываются спать, моя машинка стучит, мешает им и Пильняку... укладываюсь и я, завтра напишу вам *деловую часть* письма.

Покойной ночи... хотя мы укладываемся тогда, когда вы наверное только встаёте для настоящей работы, наш же день начинается с 7 утра – первая наша утренняя беседа, после того, как нас разбудит староста, принёсший для мытья пресную воду.

25 августа 1923, Петроград

Деловая часть письма

Пишу просто, без обиняков – прямо по пунктам.

1. Нет ни монеты денег, совсем нищий, надо квартиру искать и переезжать и вообще жить – посему, Александр Константинович, выручите, а то погибну, просил я об этом Пильняка передать, передал ли он?

2. Получить деньги я могу с двух своих книг – изданной и издающейся – «Бунта» и «Полёта».

3. Так как первое издание «Рвотного форта» разошлось, то нынче можно выпустить второе, как и уговаривались мы весной. Всю повесть я переделаю – у меня уже составлен <план> переделки – остальной материал тоже подвергнется переделке, вообще вся книжка будет реконструирована заново, и её мы выпустим под новым заглавием с предисловием – это другой источник.

4. О ч е н ь в а ж н о е. От этого зависит моя литературная судьба. Напишите обо мне сами, что вы думаете, в ваших литературных записках в «Красной нови», статейкой. Мне трудно сейчас не иметь литературной и общественной реабилитации от той грязи, которой нас завалили, мне говорила жена, что вы что-то писали в этом смысле, касаясь «Кузницы». ⁽³⁾ Но надо отдельно.

5. Прикажете послать мне «Красную новь» – те номера с весны, что вышли, а также книжку вашу ⁽⁴⁾ и все новые Круговские издания.

6. Как дела в «Круге», кто новый туда вошёл, как Аросев – ему привет сердечный, какой план издательский у «Круга»?

7. Для «Красной нови» буду писать рассказы из цикла «Прелестной ягоды» («25 июля», «Пышма», «Шесть дней» и пр.). ⁽⁵⁾

8. Деньги следуемые, авансы, книги надо посылать по адресу, где я приткнулся пока на время, – это: Петроград, Эртеля 3, кв. 3. Адрес верный.

9. Что происходит с «Полётом» – в каком положении обстоит дело с ним – надо мне знать об этом твёрдо и поскорее.

10. Пусть дошлют мне остальные 15 авторских экземпляров – неужели они никак, кроме как оказией, сделать этого не умеют, а книги нужны мне до зарезу.

Всего, всего хорошего.

Ваш *Никитин*

До собрания!

Р. С. Пильняк говорил, что уходит из «Круга». Ну что же... Его дело.

25.8.23. П-бург

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 591-593.

(1) Начало письма не сохранилось.

(2) Имеется в виду книга «С. Ю. Витте. Воспоминания. Том 3. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849-1894)» (Берлин, «Слово», 1923).

(3) Имеется в виду статья «О группе писателей “Кузница”».

(4) Упоминается книга «На стыке».

(5) При книжной публикации этих рассказов «Прелестная ягода» названа уже не циклом, а романом.

96. Л. Б. Харитон – Л. Н. Луincu

31 августа 1923, Петроград.

31/VIII. 23.

Лёвушка, дорогой, давно от Вас нет ничего. Очевидно, поправка и хорошенькая девица делают своё дело, и мы, скучные питерцы, отходим на далекий план. Рада, что Вам лучше, и надеюсь осенью встретиться: Актеатры⁽¹⁾ открываются 1-го окт<ября>, так что особенно торопиться Вам нечего.

Ну-с, вышел мой перевод.⁽²⁾ Ввиду его, как выражается Зоя,⁽³⁾ «семейности» есть много недочетов. Я зла на Федина, и его счастье, что сидит в Москве (последний омут перед пасторальным раем у Соколова⁽⁴⁾ – кстати, женился на Лидии Ивановне⁽⁵⁾ и уже ждёт Никиту – одобрите!) Т<ак> к<ак> ни Федин, ни я картами не увлекаемся, а наш герой даже очень, – в переводе есть целый лапусусный абзац, и меня это злит ужасно, и я утверждаю, что вина редакторская. Ну, да чёрт с ним!

Приехал Николай.⁽⁶⁾ Ему Англия принесла пользу: посолднел, стал мягче, заносчивость куда-то исчезла, и, вообще, ужасно милый. С Зойкой они целуются, не стесняясь

временем, местом и окружающими. Счастливы так, что нас с Дусей⁽⁷⁾ чёрная зависть взяла. Было несколько достопримечательных моментов, бесконечные приёмы – особо «академики», особо серапионствующие (за отсутствием серапионов), особо – пьянствующие. О, Зоя Дмитриевна, чего только не вытворяли в Вашей бедной, но благородной квартире!⁽⁸⁾

Сейчас потихонечку успокаиваемся: ходим на службу, работаем и т. д. Я всё ещё живу у них: дома скучно. И вообще скучно: даже Груздев уехал в Бахмут. Миша⁽⁹⁾ там редактор исполкомского журнала, Женя Шварц – секретарь. Илья тоже что-то будет делать. Зощенко изредка появляется в Диске, но до Эртелева не доходит. Издал он препаришную книжонку юмореск,⁽¹⁰⁾ и мне за него стыдно: совершенно утратил в этом отношении чувство меры. Вернулся Веня⁽¹¹⁾ с новым, по словам Ильи, хорошим рассказом. Я его ещё не видела. «Атеней» затевает альманахи. Я в них не очень верю. Ополз завоёвывает положение: Эйхенбауму предложили редактировать серию историко-литературных выпусков, охватывающих последние 30 лет, в стиле пособий для высших учебных заведений, сами «Известия ВЦИК'а».⁽¹²⁾ С другой стороны – он, Томашевский и Юрий Николоевич⁽¹³⁾ приглашены к самому деятельному участию в историко-литературных сборниках⁽¹⁴⁾ под редакцией Модзалевского, Пиксанова и Оксмана.

Лёвушка, у меня кинороман с Павлом Щёголевым (у него есть контрамарки). «Интолеранс» – потрясающая картина, – осада Вавилона, все массовые сцены...⁽¹⁵⁾ словом, я очень жалела, что со мной Павел, а не Вы! А вторая часть «Мабузе» – тоска!⁽¹⁶⁾

Лёвка, я по-прежнему делаю глупости и вообще неправима. Вас люблю ужасно. Хочу видеть ужасно. Хочу, чтобы Вы меня ругнули. Серапионов до октября не будет. Приезжайте, родной! <...>

Поправляйтесь!

Лидя

У Мишки в Бахмуте есть настоящий лисёнок!

(1) То есть академические театры.

(2) Б. Келлерман «Случай из жизни Шведенкля».

(3) З. А. Никитина.

(4) К. А. Федин дружил с писателем И. С. Соколовым-Микитовым и часто гостил у того в деревне.

(5) Л. И. Соколова.

(6) Н. Н. Никитин.

(7) И. И. Каплан-Ингель.

(8) Упоминается квартира З. Д. Гацкевич, матери З. А. Никитиной.

(9) М. Л. Слонимский.

(10) Книга «Юмористические рассказы».

(11) В. А. Каверин.

(12) ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет.

(13) Ю. Н. Тынянов.

(14) Имеется в виду историко-литературный временник «Атеней», издававшийся под редакцией Б. Л. Модзалевского, П. Н. Сакулина, Ю. Г. Оксмана. Авторами временника были упомянутые Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, Ю. Н. Тынянов.

(15) Фильм американского режиссера Д. У. Гриффита «Нетерпимость» (1916).

(16) Фильм режиссера Ф. Ланга «Доктор Мабузе – игрок» (1922). В советском прокате фильм шел сильно перемонтированным.

97. Н. С. Тихонов – А. К. Воронскому

Конец августа – начало сентября (до 10) 1923, Новороссийск.

Дорогой Александр Константинович.

100 руб<лей> за поэму⁽¹⁾ я получил. Большое спасибо. Сiju в Новороссийске. Личные дела забросили меня сюда. Но я немного не рассчитал. Денег у меня, конечно, на обратный путь нет. Поэтому очень прошу вас, Александр Константинович, то, что осталось, дополучить мне за поэму, – выслать по следующему адресу: Новороссийск. Станичка Слепцовская 7 – до 10 сентября. После 10-го без денег моё положение будет очень затруднительным. Проклятая дорога съела всё. В Москву я прибуду на обратном пути.

У меня тысячи планов работы. Я очень хочу поговорить с вами об одном деле. Я хочу писать и роман «Русский Ким»,⁽²⁾ и поэмы целых две ждут меня, и для всего нужны материалы и выяснения. А теперь о некоторых ваших статьях. Я совершенно согласен с выдвинутой вами формулой неореализма. Несомненно основная ошибка писателей «Кузницы» в том, что они не могут найти и не ищут художественное воплощение своего мировоззрения. Если в каждом отдельном коммунисте развитие характера представляет целый процесс, совершенно индивидуальный и всё-таки связанный с общим ростом характера партии, – то не может пролетарский писатель, переняв приёмы литературных школ, механически влить в них себя. Это невозможно. Они хотят быть Белыми, Пильняка-ми, Блоками – это не нужно. Все школы – только подспорье, только школы. И я думаю, что выход тут наметился только такой: наиболее сильные из них попробуют, и я уверен, что им удастся, – сломав подражательную форму, прогреть её духом характера. Синклер не коммунист, т<о> е<сть> человек не партии, он выходец из класса, противопоставляемого пролетариату, и он же в данном случае доказательство того, как писатель, выйдя из традиций литературы своего класса, остаётся большим писателем. Значение его для Америки совсем иное, конечно, чем для России.

Писатели «Кузницы» или обнажают мировоззрение так, что оно проходит в лозунгах, или наоборот уходят в форму так, что их не отличить от обычных эпигонов. Отсюда их анекдотичность, поспешность, эпизодичность, но это – детская болезнь. Но разве не жалко, например, что Казину, поэту молодому и свежему, угрожает антропософия.⁽³⁾ И не потому, что антропософия – плохо, а потому, что это плохо для Казина. Он не Штейнер и не Белый. Никакой кризис культуры грозить ему не должен, и философия белых йогов ему и по характеру чужда.

Теперь о «На посту». Лелевич и Родов работают впус-тую. Работают неприятно. Они шельмуют своих же това-

рищей. Их вопль в книге ясен: отойдите в сторону – дайте нам занять место. И это ошибка. Никто и не пытается оспаривать у них их место. А достоинства и недостатки молодой литературы будут существовать и без них, раз эта литература жизненна. Хуже всего то, что нападение ведется не только в пределах критики, но и в несколько иных. Они штурмуют тов. Воронского – с лозунгом: долой попутчиков. Чудаки. Тов. Воронский отвечал не только Левевичам и Родовым в своей жизни, а попутчики – неизбежное явление в любой дороге. В том-то и дело, что люди из «На посту» никуда не идут, а сядут в <1 нрзб.> Леф! Приходится говорить, что се Леф, а не собака. Это пример людей, которые не с того начали. Будем им благодарны. Такое обнажение собственного характера помогает разобраться в окружающем. Неправильное у них: искусство сейчас из простой зауми и шаблона не выкроишь. Маяковский пишет под Демьяна Бедного – бедный футуризм. О том, что будет настоящего, я напишу вам или поговорю при встрече. Если у меня будут деньги, я приеду в Москву около 15 сентября. Письмо* беспорядочно до безобразия.

Пока всего лучшего.

Н. Тихонов

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 593-594.

(1) Речь идет о поэме «Шахматы».

(2) Роман написан не был.

(3) В. Казин слушал лекции, которые читал в литературной студии московского Пролеткульта А.Белый, приверженец антропософского учения.

---

* как оно мне представляется.

1 сентября 1923, Париж.

1 сентября 1923 г.

Париж

Caro amico⁽¹⁾ Лёвушка,

Ресторан «Познер» мне, к сожалению, не родственник, так что, в бытность мою в Берлине я не раз мог даже там даром пообедать, собирался избить, так как фамилию всё-таки поганят, но пожалел. Так что «Аптека Лунц» остаётся в одиночестве.

Как твоя печёнка? Всё ещё лежишь? Вставай и приезжай á Paris. В заштатном городе Париже жизнь тихая и патриархальная, – покою тебе будет вдоволь.

Я отнюдь не нахал. По двум причинам:

1) «неприличная открытка» была написана мною после обильных возлияний (кюммель⁽²⁾ etc.), совершённых по случаю свидания с Борей Гурвичем⁽³⁾ после долголетней разлуки. Кроме того, – накануне накачался. Результат: открытка. Порнографических нотаций тебе не читал.

2) Зою с Никитиным познакомил я, а ты, пользуясь её отсутствием, – хвастаешься. Впрочем, она бы и без нас познакомилась.

Вывод общий: «Lascia le donne e studia la matematica», как сказал Жан-Жаку один его знакомый, о чём он и повествует в своих «Конфессиях». ⁽⁴⁾

Нахал же, – ты!!! По одной причине: – о моей пьяной открытке рассказал Дусе. ⁽⁵⁾ Ты действительно угадал: я действительно переписываюсь с Колей Слонимским, который путешествует: Сан-Ремо, Берлин, Биарриц.

Постони мне о Дусе несколько подробнее, она мне почему-то давно не писала.

Я у моря уже месяц и ещё месяц (1 + 1 = 2). Книги: Grammaire italienne par L. Guichard agrégé de l'Université et La Voix le Combat par Ch. Ledoux, champion d'Europe des poids coq. Quando arriverà à Parigi potremo parlare la dolce lingua italiana и изобью тебя по всем правилам. Ничего кроме этих

книг не читаю, купаюсь, плаваю, езжу их велосипеды, боксирую, ем, сплю, удивляюсь своей зимней глупости.

Поеду ли в Берлин, не знаю. Где Никитин? Думаю, что поеду, если ничто не помешает. Как твои планы? Что из России?

Что ДУСЯ?

Привет Женичке⁽⁶⁾ и родителям: Наши кланяются.

Целую, В. П.

P.S. Если хочешь, чтоб приехал, успокой Германию. Раутуйте, православные, независимо от вероисповедания.

■ Лев Лунц. Завещание царя. München, 1983, с. 156-157.

(1) Дорогой друг (*итал.*).

(2) Сорт ликера, первоначально производился в Голландии.

(3) О ком идет речь, установить не удалось.

(4) То есть книга Ж.-Ж. Руссо «Исповедь».

(5) И. И. Каплан-Ингель.

(6) Е. Н. Лунц.

99. Н. Н. Никитин – Л. Н. Лунцу

25 сентября 1923, Петроград.

25. 9. 23.

Лёвка – милый и дорогой, вновь соединившиеся супруги шлют тебе послание. Идёт второй медовый месяц после заграницы – мы всё так же счастливы, конца нет – а потому, милый, прости за задержку в ответе.

Наши сутки состоят из 24 часов.

Ночь начинается в 1 ..... и продолжается до 12 дня. В 1 час дня мы завтракаем и целуемся, и ложимся «отдохнуть» до 3-х. В три – мы читаем газеты и работаем до 5-ти. В 5 дня мы обедаем, а после обеда целуемся и ложимся опять «отдохнуть» до 6 ½. В 6 ½ мы уезжаем в редакцию, оттуда куда-нибудь на вечер, а в 1 час ночи опять ложимся, чтобы «отдохнуть».

У Зои толстеет живот. Не знаем, что такое... Удивлены. Говорят, что это Nord-Ost, т<о> е<сть> от ветра надуло флюс, пока ещё не заметно, но ведь у женщин на этот счёт имеются особые предчувствия, как у собак собачий нюх.

Моя фамилия теперь не Никитин, а Рурский, или Никитин-Рурский. Это потому, что я заваливаю Петербург очерками о Руре.⁽¹⁾ Эта фамилия уже прошла во всех инстанциях. И Зою зовут Зоей Рурской. На старость для кафешантана годится.

Так, брат Лунц, женись. И у тебя будет семейная идиллия. Ты будешь творить, а рядом будет сидеть этакая жёнка и штопать твои носки. А то ещё так: ты творишь – а она подойдёт ангелом и упрётся подбородком тебе в голову, а ножкой в живот, на женском языке это называется блаженством, а ты в таком положении изволь творить.

Женись, брат Лунц, женись. Будешь часто подбегать к телефону и слушать, как любовники вызывают твою жену, и ты из европейской вежливости должен послушно исполнять их просьбу, и мучиться муками отелловой ревности, видя, как она часами висит на телефоне.

Женись, брат Лунц, женись. Она будет обижаться, что ты не подносишь ей каждый день свежих цветов, что делал когда-то на жениховском положении и тысячу раз в день будет спрашивать тебя – любишь ли ты или нет.

Женись, брат Лунц, женись. На второй месяц она станет требовать от тебя зернистой икры и солёных огурцов, а ты должен быть заботлив и внимателен к ней, если бы она даже спросила птичьего молока или коровьих ягод.

Женись, брат Лунц, женись, даже если жена будет иметь готовую тещу, потому что – женитьба вещь совершенно необыкновенная, люди перерождаются, становятся тихими и скромными.

Меня ты не узнаешь: не пью, не увлекаюсь и не занимаюсь романтикой, сочинительство бросаю, п<отому> ч<то> для солидного человека неприлично заниматься сим вздорным занятием.

Женись, братик Лунц, женись. Жена разгонит всех твоих друзей, я уверен, что из-за козней моей супруги все серапионы разъехались... один Зоценко пишет «мелочишку» в «Вороне»⁽²⁾ и ангажирован на «Крышу»⁽³⁾ куплетистом. Ну, да он не в счёт.

У меня растёт животик. Жена очень гордится этим и, когда хочет похвастаться солидностью своего мужа, всегда демонстрирует это гостям. Вот ты не женат, и некому демонстрировать твоих прелестей.

Целую тебя крепко-накрепко, только бы не увидела она, а то письмо по независящим обстоятельствам не дойдёт к тебе... Ах, Лёвка, какие у жён есть штучки, женись, Лёвушка, женись... точно от столпотворения вавилонского.

Твой *Николай*

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 160-162.

⁽¹⁾ Очерки о зарубежной поездке, составившие впоследствии книгу «Сейчас на Западе», первоначально печатались в петроградской периодике.

⁽²⁾ То есть журнал «Красный ворон».

⁽³⁾ Имеется в виду известный ресторан.

100. З. А. Никитина – Л. Н. Лунцу

25 сентября 1923, Петроград.

Лёвка, чудный – он, как водится, половину наврал. Ну, ничего – это он «творит». Быть может он и проводит время таким образом, или проводил с кем-нибудь в Англии, а я так целый день не бываю дома, ибо занята по горло.

А всё-таки женись, Лёвка! Женитьба вещь распрекрасная. Пусть муж и устраивает сцены по приходе домой, а зато, как хорошо, когда о тебе думают, заботятся и есть, кому сказать капризным тоном: «Икры хочется».

Пусть каждый раз при телефонном звонке я вижу его входящим с победоносным видом и говорящим: «Полюбовничек к телефону просит». Зато, когда оказывается,

что это звонила женщина, и ему только от сумасшедшей ревности послышался мужской голос, он два часа ползает на коленях и умоляет о прощении.

А в общем, Лёвушка, чудно живётся. Мы занимаемся акробатикой, поём, хохочем, целуемся – а к весне у меня будет девочка. Раздумываем, как назвать: Зоя или Павла. Если мальчик, то имя ему будет: Рвотный форт.⁽¹⁾ Не хочу мальчика!

Женись Лёвушка. Я крепко тебя целую, но так как тебя поблизости нет, я поцелуй передаю мужу.

Люблю!

Твоя Зоя Рурская

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 162-163.

⁽¹⁾ Обыгрывается название повести Н. Н. Никитина.

101. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу

27 сентября 1923, Петроград.

Лёвушка, дорогой мой, счастлива, что Вы поправляетесь, что наконец узнала о Вас правду. А то только слухи ходили о Вашей болезни. Все поручения исполнила, всем о болезни сообщила, все собираются писать. <...> Хочу по обыкновению написать Вам полную хронику серапионовских событий – она бедная получится. Не вернулись ещё Федин, Иванов (у него новая дочь, уверяют, что «Дельфина»⁽¹⁾) и Миша⁽²⁾. Мишка соскучился по Вас, редактирует журналчик а ля еженедельник «Красной»⁽³⁾ и в остальное время спит (Мишка утверждает, что последнее – клевета Ильи); там же, в Бахмуте, Женя Шварц; ему о Вас пишу. Хандрит Илья, загоревший и похорошевший.⁽⁴⁾ Тихонов привёз с юга чудесные стихи. Кроме прочих достоинств – понятны с первого разу. Веня говорит, что окончательно убедился в правильности Ваших теорий, всё такой же чудесный задира. Вчера в Москву приехал Виктор.⁽⁵⁾ Вот ко-

го ужасно хочу узнать поближе. Полонская стала писать очень скверные стихи – даже неловко как-то. Зощенко настолько ушёл в мелочи, что страшно. Пополнел, похорошел – совсем штабс-капитан.⁽⁶⁾ Мне его жалко. Коля процветает в «Петрограде» – журнал при «Правде».⁽⁷⁾ Пишет возмутительные фельетоны о Руре. Как всегда, чудесный малый, пока дело не касается общественных отношений, – и в узко серапионовском, и в широком литературно-публицистическом масштабе. Зойка⁽⁸⁾ – красива очень, счастлива до неприличия, меня забыла, как только я ей не нужна стала (я не ропшу, сама, вероятно, поступила бы так же). Эх, Лёвушка, наша бабья дружба до первого мужчины! А я – по-прежнему верна серапионовскому ордену безбрачников (остались только мы с Вами да Илья с Мишей!). <...> Сейчас говорила по телефону с Дусей. Бедная девочка срезалась по химии.⁽⁹⁾ Мы с ней очень полюбили друг друга, Лёвушка.

Меня несколько раз перебивали – я пишу на службе. Поэтому, Лёвушка, в качестве письма я не уверена.

Буду писать Вам, не дожидаясь ответа.

Часто хочется поболтать с Вами так просто, по душам (не беспокойтесь, не на жилеточные темы), но немножко боюсь – обрежете.

Лёвка, а я Вас всё-таки ужасно люблю.

Лида

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 163-164.

(1) Мемуаристы вспоминают – В. В. Иванов, то ли всерьез, то ли в шутку, говорил, что собирается назвать новорожденную дочь Дельфиной, именем, которого, по его выражению, «ни в каких святцах не сыщешь». Намерение своё он в жизнь не воплотил.

(2) М. Л. Слонимский.

(3) То есть «Красной газеты».

(4) Причина такого состояния – то, что статьи, которые писал И. А. Груздев в Бахмуте, не подходили для газеты.

(5) В. Б. Шкловский вернулся в Россию в сентябре 1923 года.

(6) Звание М. М. Зощенко, которое он получил во время Первой мировой войны.

⁽⁷⁾ Публикатор письма указывает, что Н. Н. Никитин «в то время был членом редколлегии журнала “Петроград”».

⁽⁸⁾ З. А. Никитина.

⁽⁹⁾ И. И. Каплан-Ингель училась в университете на факультете биологии.

102. Д. И. Выгодский – Л. Н. Лушцу

27 сентября 1923, Петроград.

Петроград, 27 сент. 1923 г.

Лёвушка, дорогой, ты теперь на привилегированном положении; потому пишу тебе, не дожидаясь ответа на предыдущие письма.

У нас уже открывается сезон, съезд в полном разгаре. Приехал после заграничных странствий Никитин, вернулся с юга Тихонов, приехал Груздев. Ждём на этих днях Федина и Мишу Сл<онимского>. Вероятно, приедет на этих днях и Виктор.⁽¹⁾ От него была телеграмма из Риги, что он едет в Москву. Оттуда, вероятно, наведается и сюда.

Я тоже, как все приличные люди, путешествовал, но дальше Гомеля не собрался. Побыл там месяц и вернулся на старое – т<о> е<сть> на новое пепелище. Не помню, писал ли я уже тебе о том, что покинул Дом Искусств и построил себе особняк на Моховой.⁽²⁾ Вообще это вошло в моду. Квартирой обзавёлся Юрик Султанов,⁽³⁾ обрабатывает сейчас квартиру и Мариэтта,⁽⁴⁾ к которой – incredibil⁽⁵⁾ – приехал настоящий муж – большой чёрный человек, который говорит по-армянски, по-турецки, по-персидски, по-азербайджански и вообще по-кавказски.⁽⁶⁾

Вышел уже еврейский альманах,⁽⁷⁾ одновременно с письмом постараюсь послать его тебе, если почта не будет чинить препятствий к вывозу такой драгоценности. Кстати, добрый еврей Клейнман на днях очень просил тебе кланяться. Он всё такой же добрый и пухлый, каким, очевидно, ему суждено быть до 120 лет. А Лившиц всё также обещает «завтра» и даёт не раньше, чем послезавтра. Я бы его

крепко выругал, но, во-первых, он всё-таки еврей, во-вторых, он кормит меня уже целый год.

Очень хотелось бы знать подробно о тебе, как себя чувствуешь, что делаешь?

У меня лично нового мало. Перевёл одну пьесу Голла (Iwan Goll – «Methusalem»⁽⁸⁾). Она пойдёт в «Театре Новой Драмы». Последнее время занялся почти исключительно античной поэзией, зачитался греческими поэтами и пришёл к выводу, что Марциалы, Овиды и пр. должны им пятки чесать. Впрочем, заканчиваю всё же Арс Аманди.⁽⁹⁾ Перевёл один роман Ибаньеса, кажется, буду переводить ещё один. Это пока единственная дань романистике. Кстати, Дмит<рий> Констант<инович>⁽¹⁰⁾ лишён профессорского звания и оставлен внештатным преподавателем. Когда ты приедешь, ты получишь его кафедру.

Что ты успел написать за это время? Платят ли что-нибудь? Пиши, если сможешь, обо всём подробно. Мой адрес ныне такой: Моховая, 9, кв. 1.

Не забывай меня, Лёвушка. Низко кланяюсь твоему почтенному семейству. Моё семейство, которое грозит в самом непродолжительном времени расшириться (так говорят те, кто видит Эмму), приветствует тебя. Приветствует и Люся,⁽¹¹⁾ которая тоже приобщилась к моему семейству и поселилась в одной из многочисленных комнат моего дома.

Давид Выгодский

<Приписка Э. И. Выгодской>

Лёвушка, дорогой, вполне напрасно уехали из России, лучше русского еврея никого не найдёте. Очень по Вас скучает бывшая тридцатая квартира. А мы уже приобрели особняк на Моховой, думаем жить широко, обзаводимся уже не котятками, а зверятами покрупнее. Миша Слонимский без Вас увял окончательно. А что у Вас? Не забывайте Давида (а я сама уже как-нибудь не забудусь). Верная Вам

Эмма Давид-Исааковна

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 165-166.

(1) В. Б. Шкловский.

(2) Шуточное преувеличение. На самом деле Д. И. Выгодский с женой поселились в бельэтаже дома, который до революции занимал какой-то генерал.

(3) Ю. Н. Шуганов, знакомый «серапионам» еще по Дому Искусств.

(4) М. С. Шагинян.

(5) Невероятно (*исп.*).

(6) Я. С. Хачатрянц, педагог и переводчик.

(7) В этом альманахе увидели свет рассказ Л. Н. Лунца «Родина» и переводы Д. И. Выгодского.

(8) Имеется в виду сатирическая драма И. Голля «Мафусаил, или Вечный буржуа» (1919).

(9) «Наука любви» Назона, переведенная Д. И. Выгодским, так и осталась неизданной.

(10) Имеется в виду Д. К. Петров, профессор Петроградского университета.

(11) О ком идет речь, установить не удалось.

103. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой

30 сентября 1923, Гамбург.

Гамбург. 30 сентября 1923.

Дорогая Нина,

простите, что я Вам так долго не писал, но, как видите, и сейчас ещё должен письмо диктовать. Мне теперь гораздо лучше, недели через две собираюсь встать с постели и вообще всё хорошо.

Что с вами всеми? Кто куда уехал и куда собирается? Меня это чрезвычайно интересует, в частности – что с Борисовым?⁽¹⁾ Что с моей статьей «На западе»?⁽²⁾ Погибла?

Почему Дука⁽³⁾ на меня сердится? Упорно не отвечает. Спросите его!

Как встану, напишу сам и по-настоящему, а диктовать не умею, простите.

Поклон Влад<иславу> Фел<ициановичу>.⁽⁴⁾

Целую. *Лёва*

<Приписка Н. Я. Лунца, на обороте страницы>

Отец Лёвы благодарит Вас за внимание и очень просит писать Лёве почаще, но не манить его в Россию, так как это его очень волнует.

С уважением *Н. Лунц*

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 176.

Письмо написано рукой Н. Я. Лунца – после нескольких ударов паралича Л. Н. Лунц мог только диктовать.

⁽¹⁾ Вероятно, Л. Н. Лунц еще не знал, что В. Б. Шкловский благополучно вернулся в Россию.

⁽²⁾ Так в первоисточнике. Возможно, это описка, допущенная Н. Я. Лунцем.

⁽³⁾ А. М. Горький.

⁽⁴⁾ В. Ф. Ходасевич.

104. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому

7 октября 1923, Петроград.

П-бург. 7.10.23.

Дорогой Александр Константинович –

Спасибо за письмо и за сообщение. Пишу короткую записку – сейчас спешно заканчиваю книгу «Разговоры на Западе»,⁽¹⁾ это моя отчетная работа за лето, туда включена серия моих фельетонов в «Петроградской правде» – «Путешествие в Рур» (шесть статей), – пользовавшиеся огромным успехом в партийных кругах и на заводах Питера.

Но для статьи «О себе» – завтра эту книжку прерываю и сажусь писать вам.⁽²⁾ Напишите мне: можно ли для «Прожектора» рассказ «Тайна мистера Бэкиш» – английский импрессионизм – о море и шквале, о том – что такое жена, а что любовница. Порнографии никакой, всё свято. Если тема подходит – напишите немедленно, тогда пришло вам. Если нет – тоже пишите немедленно, тогда подберу другое.

Завтра сажусь за статью для «Круга».

Обнимаю вас крепко –

Николай

Р. С. Из Берлина пишут, что там купили мой «Бунт». Не пишете ли вы что-нибудь о «Бунте»?

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 595.

⁽¹⁾ Окончательное название книги – «Сейчас на Западе».

⁽²⁾ Имеется в виду статья для сборника «Писатели об искусстве и о себе».

105. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой

7 октября 1923, Гамбург.

Гамбург. 7 октября 1923.

Милая Ниночка,

два дня бился над тем, чтоб написать самому Вам письмо. И можете ли себе представить – не смог! Не слышу звуков и не вижу слов: чепуха получается. Приходится сначала учиться письму, я не шучу! А, в общем, мне лучше, хотя всё долго придётся возиться. Всё заикаюсь – и другие последствия болезни. Восьмую неделю лежу в больнице. Надоело!

А у меня к Вам дело. Как только приедете в Италию, черкните мне, как там можно устроиться и т. д. и т. д. Дело в том, что родители собираются послать меня после выздоровления в Италию: для вящего выздоровления. Месяца на два, на три. Так что если не в Берлине, так в Италии мы всё-таки, может быть, по-настоящему встретимся. Так что пишете, сколько надо презренных лир в месяц и т. п. И вообще пишете с дороги.

Я задумал две такие пьесы, что сам плачу от умиления. Как встану – напишу: обдумал всё до мельчайших подробностей.⁽¹⁾

А пока до свиданья. Как я Вам уже писал – не умею диктовать. Когда снова научусь писать, разражусь чудовищной эпистолой. Поцелуйте Влад<адислава> Фел<ициановича>.⁽²⁾

Лёва

(1) Вероятно, речь идет о пьесе «Город Правды».

(2) В. Ф. Ходасевич.

106. А. Л. Слонимский – Л. Н. Лунцу

8 октября 1923, Петроград.

Дорогой, милый и хороший, прехороший Лёва, обнимаю и целую Вас по случаю Вашего выздоровления. И Лида⁽¹⁾ тоже – с моего разрешения – целует Вас нежно в обе щеки. Поправляйтесь скорей и возвращайтесь – все без Вас очень скучают. Даже бородатый украинец умилился, узнав о Вашей болезни, и обещает приготовить Вам пачку особенно надушенных папирос, когда Вы вернётесь. Хотел было послать Вам «Технику комического у Гоголя», чтобы Вы меня больше не трогали, да побоялся, как бы там одно примечание насчёт Эйхенбаума не повредило Вашему здоровью. Очень жалко, что Вас не будет в декабре, когда у нас ожидается приращение семейства. Вы бы посоветовали, как его назвать. Т<ак> к<ак> теперь можно брать имена не из святцев, то я хочу назвать сына «25 октября». 25 октября Александрович – это звучит гордо. А уменьшительное будет Двадцатьпяточка или просто Пяточка. Да: должен Вам сообщить крайне неприятное для Вас известие... Вы соберитесь с духом, чтобы мужественно выдержать удар: Вас вычеркнули из списков научных сотрудников 2-го разряда Российского Института Истории Искусств,⁽²⁾ и виной этой жестокости не кто иной, как злодейский Виктор Максимович.⁽³⁾ Тщетно я отстаивал Ваши права на это высокое звание, доказывая, что Вы на моих глазах в Сандомуче⁽⁴⁾ теряли на всех столах Бальзака, с остервенением сокращали «Жакерию» и даже писали к ней учёное предисловие (масса эрудиции: «Проспер Мериме родился в .....»). Но Виктор Максимович, в ответ на всё красноречие, усумнился, насколько Вы вообще дорожите Вашим званием. Впрочем, не отчаивайтесь: В<иктор> М<аксимович> вы-

разил убеждение, что Вы по возвращении будете восстановлены в своём звании.

Возвращайтесь! Миша сделался редактором «Атенея» (т<о> с<сть> Утевского)⁽⁵⁾ и будет печатать полное собрание всех Серапионов. Вот видите как хорошо! Продиктуйте несколько слов ко мне – очень рад буду услышать Вашу интонацию и почувствовать Ваш жест. Напоминаю адрес: Петровский пр., 2, Институт народного образования.

Ваш А. Слонимский

<Приписка Л. Слонимской>

Милый Лёвушка, если бы знала, что Саша сейчас Вам отправляет письмо, то написала бы отдельно и побольше, а пока тороплюсь сказать Вам, что страшно рада Вашему выздоровлению, очень без Вас скучаю, хочу скорей Вас увидеть и показать своего маленького. Пишите непременно.

Ваша Л. С.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 167-168.

⁽¹⁾ Жена А. Л. Слонимского.

⁽²⁾ Л. Н. Лунц был отчислен из Института Истории Искусств в связи с его отъездом за границу, как значилось в соответствующем документе.

⁽³⁾ В. М. Жирмунский.

⁽⁴⁾ Санаторий Дома Ученых.

⁽⁵⁾ Л. С. Утевский, владелец издательства.

107. В. А. Каверин – Л. Н. Лунцу

9 октября 1923, Петроград.

Петроград. 9/Х. 23 г.

Дорогой Лёвушка!

Я виноват перед тобой, дружище, но мне показалось, что ты несколько холодно простился со мной и поэтому я ждал твоего письма или приписки и не хотел писать первый. Я тебя люблю, дорогой мой, и поэтому был ужасно огорчён, услышав, что ты нешуточно болен. Вчера я видел

Лиду Хар<итон>. Она говорила, что теперь ты должен был уже встать. Выздоровливай скорее, друже, не отлеживай з.....ы под заграничным одеялом.

Я скучал по тебе, последние месяцы особенно. Чёрт возьми, ты оказался прав насчёт сцепки эпизодов, мотивированности каждого момента, динамичности развертывания и прочей дряни. Больше того – я пустил в трубу мою фантастику – всё это крапленые карты – авторская рука единственная мотивировка событий, а стало быть, они ничем не мотивированы, к дьяволу.

За лето я написал «Шулера Дьё».⁽¹⁾ Понимай фамилию по-французски (Dieu).⁽²⁾ Много возился, кое-что вышло, но, в общем, только наметился путь к некоторым эксцентрическим фигурам и к России. Не стоит писать об этом, если напечатают, пришлю непременно.

Что тебе писать о друзьях? Я летом уезжал под Ярославль, на Волгу и никого не видел. Когда вернулся, не застал ни Тихонова, ни Федина, ни Слонимского. Первый в Новороссийске, второй в Смол<енской> губернии, третий в Бахмуте, куда недавно отправился и Илья.⁽³⁾

Все они пишут. Не знаю, писал ли тебе кто-нибудь о поэме Тихонова «Шахматы». Он много работал над ней, и вышла, по-моему, любопытная штука. В ней он сам себя обезоружил тем, что не употребил ни одного из своих выигрышных приёмов, изменил даже синтаксис, не воспользовался ни намёком на динамичность своих прежних стихов – вещь абсолютно неподвижна – и всё-таки сумел написать, по-моему, исключительную вещь. Вообще он чудный малый, Коля, и никто из нас не работает так честно, как он.

Костя кончает роман.⁽⁴⁾ Он по-прежнему редактор «Круга». Мишу⁽⁵⁾ я давно не видал, читал его последний рассказ «4-ая ставка», – ни рыба, ни мясо – так себе. Как будто лучше «6-го стрелкового», хотя цифрой и меньше. Илья написал прекрасную статью, вдруг выпустил когти из толстой ж... и обругал целую кучу писателей. Называется «Утилитарность и самоцель». Очень остро и умно написано. Боюсь, что сообщаю тебе старые новости, дружище.

Мне почему-то кажется, что этой зимой литературный фронт оживится. Чувствуется какой-то напор и свежесть.

Вчера впервые увидел Никитина после его поездки. Он выпустил нечистую книгу, «Бунт», половина в ней неприкрытая дрянь и халтура. Ему ужасно вреден успех. То, что он чувствует себя известным писателем обходится ему дороже его славы. Он собирается писать Алтайскую (против ожидания, не английскую) повесть. Если не сорвётся – то всё у него будет ладно. Ужасно интересно, что теперь пишет Всеволод?⁽⁶⁾ Он в Ялте, никому не пишет и, говорят, приезжать не собирается.

Зоценко уединён, молчалив по-прежнему и много халтурит.

Правда ли, что приезжает Виктор?⁽⁷⁾ Видишься ли ты с ним <?> Что пишешь, как живёшь, собираешься ли к нам, Лёвушка?

Мы с Лидой (Тыняновой) вспоминаем тебя на каждой тарелке, сковороде или сахарнице.⁽⁸⁾ Лида кланяется тебе и целует. Мы живём с нею чудесно и не жалеем, что поженились, честное слово.

Тебя все вспоминают часто. Соломенные Лида Хар<итон>, Дуся и Анна Ив<ановна>⁽⁹⁾ в особенности. Не собираешься ли ты жениться? Если да, то напиши мне заранее, чтобы я мог исподволь приготовить твоих жён к печальному для них известию.

Впрочем, всё это ерунда, прости за глупости и т. д. Я жду от тебя письма – как Бог свят честно отвечу.

Моя книжка вышла⁽¹⁰⁾ – от этого пострадает только один человек на земном шаре и этот человек я. Если ты меня любишь, то два человека на земном шаре и второй – это я.

Поздно. Я иду спать. Может быть, завтра я напишу тебе всякую всячину о том, как нужно нам писать, по-моему. Я кое-что насчёт этого думал. Пока целую тебя крепко, друж.

Твой *Веня*

Мой адрес: Петроград, Проспект Карла Либкнехта,
дом 32, кв. 18. Зильбер.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 168-170.

(1) Рассказ впоследствии получил название «Большая игра».

(2) Бог (*фр.*).

(3) И. А. Груздев.

(4) Имеется в виду будущий роман «Города и годы».

(5) М. Л. Слонимский.

(6) В. В. Иванов.

(7) В. Б. Шкловский.

(8) При публикации письма В. А. Каверин уточнил, что, уезжая, Л. Н. Лунц подарил им с женой всю свою посуду.

(9) И. И. Каплан-Ингель и А. И. Ходасевич.

(10) Сборник «Мастера и подмастерья».

108. В. В. Иванов – К. А. Федину

10 октября 1923, Ялта.

Ялта, Чукурларская, 12

Дорогой Костя,

как здравствуешь ты, твоя дочь и жена? Кланяйся.

Моя же дочь растёт и пухнет, мешает писать и думать.

Жена просит написать 3 м<есяца> и 10 д<ней> = 18 ф<унтов>.

Жена прочитала и обиделась, просит опровергнуть не вес, – а мешанье. Да! Пишу пьесу и боюсь.

А в литературе российской – насколько я вижу – огромная чепуха, ерунда и свалка. Скучно и не хочется писать.

Скажи – почему тебя нигде не видишь печатно, бросил, что ли. А тут в последнем № 5 «Кр<асной> нови» Воронский идиотскую статью наката⁽¹⁾ и о тебе ни звука. Не понимаю. Как наши круговские англичане,⁽²⁾ скоро ли Никитин напишет английский кол?⁽³⁾ Нет, братишки, ей-богу, я здорово здесь постарел, и возвращаться мне не хочется – а нужно.

Сейчас кончаю «Северосталь» – т<о> е<сть> не сейчас,

а через месяц. Спешу, пыхчу, разные умные мысли в голове (по моим размерам, конечно), ни копыа денег, долги и ещё всяческие страсти – вплоть до выпивок в пещерах <...>

Друг мой, напиши мне хорошие слова и перечисли тех умных людей, которых ты встречаешь.

Море стало холодное, купаться нельзя, – я окончу роман, схожу в горы и приеду в Питер. А не закончив романа, мне нельзя ехать, нужны деньги, поеду в Сибирь, в Китай, в Италию, надо дочери приданое.

О всяких своих приключениях расскажу дома, а приеду я в ноябре и привезу на компанию ведро вина. Бочоночек есть такой с крантиком, отвернёшь – и течёт густое, как пильняковский рассказ и вкусное присутствие Шкловского. Где его буйная головушка?

Всеволод

10 октября 1923 г.

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 589.

⁽¹⁾ Речь идет о статье «Искусство как познание жизни и современность (К вопросу о наших литературных разногласиях)».

⁽²⁾ То есть Б. А. Пильняк и Н. Н. Никитин.

⁽³⁾ Обыгрывается название рассказа Н. Н. Никитина.

109. В. В. Иванов – П. Л. Жаткину

12 октября 1923, Ялта.

12 октября. Ялта.

Дорогой Пётр! Читал сейчас у Томаса⁽¹⁾ твоё письмо. Холодно тебе? А мне гнусно, не пишется. Не купаюсь. Написал всё же несколько рассказов, а роман кончать не хочется⁽²⁾. Надо бы ехать в Питер, а тут: обокрали меня вдрызг... Посду в первых числах ноября в Москву. Тебе – телеграмму об этом. Зиму же думаю прожить на юге. Вернес, семья моя будет там. Скучаю по твоим белобрысым во-

лосам, а в общем – ялтинская осенняя весна тяжелее зимы. Не советую тебе жить здесь в октябре! В общем – через месяц – на Харьковском вокзале. Целую.

Всеволод

■ Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. «Советский писатель», М., 1975, с. 108.

⁽¹⁾ Т. Г. Рагинский-Карейво.

⁽²⁾ Роман «Северосталь».

110. Л. Н. Луниц – З. А. и Н. Н. Никитиным

12 октября 1923, Гамбург.

Дорогие супруги Дурские!

В жизни не видел более нахального письма, чем Ваше. «Женись, брат Луниц, женись!» Да, тебе хорошо говорить это, Никитин! <...>

Уважаемые супруги! Как я уже писал Серапионам, я по настоящему разучился писать – «аграфия» называется болезнь. Две недели – учился сначала. Вам – письмо первое, так что не сердитесь за грязь и не смеяться над орфографическими ошибками.⁽¹⁾

Разводись, брат Никитин, разводись. Тут в больнице такие сестры есть... уа! есть за что ухватиться. Особенно, одна, что каждые четыре часа градусник мне в некоторое место вставляет... Разводись, снова холостую, весёлую жизнь поведём, право!

Выходи снова замуж, Зоя, выходи! Что, в самом деле, всего второй муж, а это в 21 год! Стыдись! Пошли Колю к чёрту, а я уже берусь высокого брюнета раздобыть... Разводись, право!

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 163.

Черновик письма; письмо, по-видимому, не было отправлено.

⁽¹⁾ Так в тексте.

111. В. А. Каверин – Н. Я. Лунцу

15 октября 1923, Петроград.

Петроград. 15/Х. 23 г.

Многоуважаемый г-н Лунц!⁽¹⁾

К Вам пишет один из друзей Вашего сына. Вчера я получил крайне тревожное сообщение о его болезни. В течение долгого времени никто из наших общих знакомых не имеет от Лёвы никаких известий. Всё это заставляет меня затруднить Вас своим письмом и просить Вас сообщить мне о его здоровье.

Лёва – мой лучший друг, его здоровье и жизнь дороги мне бесконечно, Вам понятна поэтому моя тревога, и Вы, я надеюсь, исполните мою просьбу незамедлительно. Ещё раз простите за затруднение, причиняемое Вам этим письмом.

В. Каверин

Мой адрес: Петроград, Проспект Карла Либкнехта д. 32, кв. 18. В. Зильберу.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 171.

⁽¹⁾ Вероятно, автор письма с отцом Л. Н. Лунца знаком не был.

112. Л. Н. Лунц – К. А. Федину

17 октября, 1923, Гамбург.

17/Х, Hamburg, Eppendorferkrankenhaus.

Милый Костя!

Пишу тебе, потому что ты первый написал мне (ох, как давно!) из серапионов. Серапионы же в массе – свиньи. Впрочем, я всегда это знал.

Костя, люблю и вспоминаю тебя с нежностью. Хороший старикан. Надеюсь, что после Соколов-Микитовского отдыха⁽¹⁾ ты снова раздобыл и стал серапионовским Антиномем.⁽²⁾ А то когда я уезжал, ты имел довольно-таки дохлый вид.

А я начинаю хандрить. До сих пор крепился 4 месяца, но дальше, кажется, не выдержу. Уж совсем хорошо со мной было, а теперь опять ухудшение. Снова был лёгкий паралич языка и, главное, температура поднялась. Правда, малюсенькая, но этого достаточно, и я могу каждую минуту ждать новых припадков с головой.

А Бог с ним!

Сильно интересуется меня, как подвигается твой роман.⁽³⁾ Он и Венины кунштюки⁽⁴⁾ – единственное, что меня интересуется из Питерской Литературы. Кончаешь? Свёл концы с концами? Я, между прочим, начал писать до болезни статью о серапионах, но дальше тебя не пошло – совестно стало: так расхвалить.⁽⁵⁾

Получил сведения, что пьеса моя не идёт.⁽⁶⁾ Огорчён, но не обескуражен. Как встану, начну новую пьесу и, кроме того, одна ещё обдумана – и всех будет ожидать та же участь: «подозрительно»! Если бы только было что зарабатывать, а терпения у меня хватит! Я – не Никитин!

Обещал ты, Костя, мне «Книгу и революцию» и рецензии о «Бертране». Что-то не вижу.

Супругу и дочь поцелуй. Тёще передай, что она права была, посылая меня скорей за границу. В России, без мамы, я бы умер. Нет лучше мамы!

Поклонись ещё. Желаящим серапионам покажи письмо. Жду, милый!

Лёва

Передай письмо Тихоновым. Забыл его адрес.

■ «Вопросы литературы», 1993, № IV, с. 244.

⁽¹⁾ К. А. Федин с середины августа до начала октября 1923 года гостил в деревне, где жил И. С. Соколов-Микитов.

⁽²⁾ Прекрасный греческий юноша, обожествленный после смерти.

⁽³⁾ «Города и годы».

⁽⁴⁾ То есть сочинения В. А. Каверина.

⁽⁵⁾ Статья Л. Н. Лунца не только не была закончена, но и не получила названия. Впоследствии публиковалась под условным названием «О родных братьях».

⁽⁶⁾ Пьеса «Бертран де Борн».

18 октября 1923, Париж.

18 октября 1923 г.

Париж

Дорогой Лёвушка,

итак наконец ты снова овладел своими пятью чувствами и вернулся из внебытийственного состояния (см. Андрей Белый) на эту землю. Приветствую с приездом. Некоторые потусторонние привычки у тебя всё-таки ещё остались, так, например, деликатность выражений; то, что у вас, в Трансценденталии называется аграфией, у нас на Земле зовется безграмотностью. Но я не смеюсь, я скорблю. До чего дошла русская литература, если её лучшие представители не могут отличить «т» от «л»! О твоей болезни я узнал от Жоржа Иванова,⁽¹⁾ который жил в одном пансионе с какими-то твоими знакомыми или родственниками, что-то вроде аптеки Рабиновича. Точно не знаю. Кроме того, в «Руле» была помещена статья следующего содержания:

«Небезызвестный писатель из так называемых “Серапионов” Лев Лунц, заболел воспалением мозга на почве увлечения левыми течениями, как в литературе, так и в политике. Не следует удивляться этому происшествию, наоборот оно должно послужить грозным предостережением тем из наших эмигрантских газет, которые ещё не убедились, что не в республике спасение России. Вся наша многострадальная родина больна воспалением мозга. Мать наша Россия, тебя насилует кучка немецких наёмников. В твоей крови омочены руки их, и таковые же тех писателей (или мнящих себя оными), которые ей поддакивают. Поэтому не удивительно, что один из большевицких молодцов, выехав за границу к своему “буржуазному” родителю немедленно заболел болезнью очень характерной для современного состояния России. Мы видим, что конец близко. Белый конь уже пасётся, хотя пока он только ребёнок!»

Григория Леонидовича⁽²⁾ увижу на днях и передам.

Жорж Иванов будет у нас сегодня вместе с Адамовичем и Одоевцевой. Тоже передам.

Приезжай в Париж после Италии, как можно скорей. Саро Феличе видерти.

Передай привет органу твоего тела, восставшему от восьмимесячного сна к новой и оживлённой деятельности. Желаю ему всяческих успехов в свойственной ему области. Пиши, пиши, пиши.

Отвечай, хотя бы коротко, но немедленно. Кланяйся своим родителям от моих родителей, твоей сестре от моего брата, себе от меня и наоборот.

Целую с нежностью.

Твой В. П.

■ Лев Лунц. Завещание царя. München, 1983, с. 157-158.

⁽¹⁾ Г. В. Иванов.

⁽²⁾ Г. Л. Лозинский.

114. «Серапионовы братья» – Л. Н. Лунцу

Октябрь 1923, Петроград.

<Н. Н. Никитин>

Дорогой Лёвка, брат-серапион, вступив во вторую половину труднейшего и ожесточённейшего нашего пути, между шхер, рифов и прочих морских штук, шлю: – 1-ое: объятие, морским узлом; 2-ое: канат – для того, чтобы бить серапионов; 3-е: об остальном скажут серапионы.

Зоя⁽¹⁾ больна.

Николай

<М. Л. Слонимский>

Лёвушка, я тебя очень люблю. Видел Виктора в Москве.⁽²⁾ Он о тебе рассказывал. Серапионы собрались все, кроме Всеволода. Всеволод пишет великосветский роман.⁽³⁾ У него в Крыму какая-то княгиня. К серапионам вернётся вряд ли. Послал тебе журнал «Забой», орган До-

нецкого губкома. Редактор для издевательств я.⁽⁴⁾ Лёвка, я тебя чрезвычайно люблю.

М. С.

<К. А. Федин>

Лёвушка, жалко, что тебя нет, что ты один, а нас, академиком, много. Хорошо, что ты поправляешься.

Целую крепко в уста и в лоб.

Твой Конст. Ф.

<Приписка К. А. Федина>

Зачеркнула Лида из ревности.

К. Ф.

<М. М. Зощенко>

После Федина невозможно. Федин романы пишет. После него мой стиль пропадает.

Лёвушка! Ли –

Лай!

Целую нежно и всё такое. А сын мой, Валька, умеет говорить – Люнец.

Миша Зощенко

<И. А. Груздев>

Милый Лёвушка. Люблю тебя бесконечно и скучаю безмерно. Очень рады тому, что ты поправляешься. Лёвка, ты бы обхотался, если бы видел Слонимского в роли провинциального редактора. Я имел счастье наблюдать в Бахмуте. Милый Лёвка, не сердись на нас. Мы тебя помним и всегда вспоминаем.

Твой Илья

<В. А. Каверин>

Дорогой друже! Не пишу тебе, что люблю, ты это сам, Лёвушка, знаешь. Будь здоров, золотой мой, поправляйся хорошенько. Пиши. У меня вышла книжка.⁽⁵⁾ Сегодня её послал тебе. Не знаю, дойдёт ли. Жду от тебя письма. Целую крепко.

Твой Веня. Лида кланяется.⁽⁶⁾

<Н. С. Тихонов>

Дорогой друг! Прости, что я молчал долго. На днях я пишу тебе большое, но подробное письмо. Живу всё там же и тем же. Вспоминаю тебя очень, очень... Читаю твои вещи друзьям и знакомым. Ты – великолепный человек, Лёвушка, береги себя... Осень в этом году очень рабочая и хорошая. Серापioni мобилизовались снова, после летнего отдыха. Подробности в письме. Привет от Маруси.⁽⁷⁾

Твой Николай Т. –

<Л. Б. Харитон>

Лёвка, милый, дорогой, люблю и целую. Мишка тоже. Пишу длинное письмо.

Лида

<М. Л. Слонимский>

Целую тебя ещё раз и ещё.

Миша Слотим.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 171-172.

⁽¹⁾ З. А. Никитина.

⁽²⁾ Вернувшись из эмиграции, В. Б. Шкловский поселился в Москве.

⁽³⁾ Возможно, слова «великосветский роман» относятся не к литературному произведению В. В. Иванова, а к какой-то реальной любовной истории.

⁽⁴⁾ «Забой» был основан как альманах и лишь в 1968 году получил статус журнала. На первых порах работа над альманахом была коллективной, однако редактором значился М. Л. Слонимский.

⁽⁵⁾ Сборник «Мастера и подмастерья».

⁽⁶⁾ Л. Н. Тынянова.

⁽⁷⁾ М. К. Неслуховская.

115. Н. С. Тихонов – Л. Н. Луццу

Октябрь 1923, Петроград.

Милый Лёва,

Я был растроган совсем, получив твои каракули, ста-

рый грешник. Да, Лёва, – это было свинством: я тебе не писал. Но я всё помнил: и старуху, у которой я выставил окно, и нашу комнату, в которой теперь чудит, кажется, Чудовский, и коридор, и конец коридора, и все наши полные заговоры и разговоры. Как можно забыть Лёвку. Даже когда я лазил по горам – этим летом – но подробности ниже. Одним словом, Лёвка, целую тебя и сжимаю в объятиях и желаю самого лучшего. А теперь я буду рассказывать тебе обо всём, буду кляузничать, как последняя торговка, чтобы ты узнал всё, всё – ты Серапионовский аванпост (форпост), одним словом – ударная группа Серапионов, которой придётся в ближайшем будущем говорить и делать ещё больше, чем она говорила и делала до сих пор.

Так слушай – пусть исцелятся все твои язвы.⁽¹⁾

Wake! For the sun, who scatter'd into flight.⁽²⁾

Островитяне.⁽³⁾

Сергей Колбасьев делал прогулку по Афганистану.⁽⁴⁾ Растолстел, как кабульский боров – поздоровел – привез 1001 рассказ, афганские подтяжки, брюки, анекдоты. В общем, богатый человек и уже уехал снова: в Гельсингфорс на 1 год. Жди от него письма. Верочка⁽⁵⁾ – слушай, Лёва, – Верочка на днях подарит ему маленького афганца, ребенка, который ещё до появления на свет без визы проехал в Азию, обратно, в Финляндию и т. д. Чудо конструктивизма.

Сергей настроен очень хорошо. Мы сидели с ним у печки, пили портвейн и говорили, как нанятые. Недоставало тебя, Лёва. На месте Сергея любой из нас написал бы целую книгу о бое баранов, о бое соловьев, о беге слонов, об эмире-шофере, об этой афганской сутолоке, а я боюсь, что он не захочет писать.

Елизавета Полонская – если бы ты видел её портрет в Пушкинском Доме на выставке. Это – императрица – величие и спокойствие.

Она написала поэму: «В петле», которую не берут печатать, потому что она левой левого. Шура Мовшенсон организует сверх-театр: Пятели касок – т<о> е<сть> ваятели масок.

Костя Вагинов худеет, как воробей. Я его очень люблю. Смотрит на всё спокойно. Глаза у него, как у мухи – гранёные, и видит он всё перевёрнутым под 1000 углов. Пишет сейчас мало.

Я – Лёвка, я отлично провел лето. Был в Токсове, в Карелии, как пышно пишет Шагинян – бессмертная Мариэтта, был на Кавказе, ел фрукты, жрал фрукты, уписывал фрукты, бараны, армянская водка, море, а горы, а горы, а горы.

Лёвка, почему не было там тебя. Какие гречанки, какая кефаль, какие пёстрые сволочи из туземцев – одно удовольствие. Писал, использовал юг до последнего: так и назвал стихи: «Юг». Летом написал первую часть поэмы «Шахматы». 300 строк. Все ругают за сложность. Не могу без сложности. Ты – западник. Ты поймёшь. Такой композиции нет в русской поэзии, а брань на шее не повисает, – как говорят русские туземцы. Одни стихи мне уже вернули, заплатили деньги и вернули. Другие стихи вернули с извинениями: если редактор ничего не понимает, то как же поймёт аудитория. Весёлые ребята, Лёва. Один Воронский храбро, не читая, взял печатать. Хвала ему.

Теперь: Всеволод Иванов. – В Ялте. Родилась у него дочь. Он колебался, как её назвать: Скумбрия, Кефаль или Дельфин. Выбрал последнее: Дельфина. Крёстный у него Рагинский!! (На коленях адмирал). Крёстная – Стырская... Написал рассказ из жизни великосветских людей: баронесса Кора кроет всех графов матом и торгует «Известиями». <Два слова неразборчиво>. Но у него хороший рассказ: «Долг», в «Красн<ой> нови», – совсем другой.

Веня Каверин: Веня – мой друг и союзник, проклятый западник – он пишет одну за другой великолепные вещи: «Бочку» и «Шулера Дё». Здорово пишет, обалдетно пишет. И тоже сложен, трехэтажен, непонятен «аудитории» – Лёва, ты бы пораздовался, если бы услышал «Шулера». У него там такие курильни, тюрьмы в бреду и игра на Владимирском, в клубе, где он усадил за стол всех серапионов, что пальчики оближешь. Веня – молодец. Быть ему русским Фаррером или Честертоном.

Что говорить о Мише. Он лазил под землю, организовал солёный, подземный журнал «Забой», и приглашает в него Горького, Рабиндранат Тагора и Ромен Роллана сотрудничать. «Подземный забой» – как это тебе нравится? Он говорит, что почувствовал себя пролет<арским> писателем и написал повесть «Машина Эмери».

Костя Федин хорошеет. Кончил первую часть романа: читал. Хорошо. Немного стиль в иных местах отдаёт спокойной стариной – но это ничего. На такой роман руку поднял храбрый муж – во цвете и силе. Добро ему. Дочка сго уже прыгает.

Миша Зоценко – маститый и почтенный, горд и по-прежнему томен. Сын его уже знает, сколько стоит червонец ежедневно. Он отец серьёзный. Пишет большую повесть. Не знаю, что выйдет.

Коля Никитин – редактор – персоне – вершина, заказывает рассказы и стихи, ещё ничего не читал из написанного. Фельетоны его «Путешествие в Рур» можно с лёгкостью пустить путешествовать к центру земли. Лёва – серьёзно, фельетоны – плохи. И плохо то, что там не мысли хромают, и не стиль, а наоборот: всё гладко – но всё ростом в 2 вершка и газетно – только газетно, и всё впопыхах и с ветерка, с чужих слов. Бедный Коля! Пильняк хитрей, Пильняк, отбросив всякий «белый» стиль,⁽⁶⁾ написал пару хороших, честных фельетонов об Англии и за это его грызут газеты – но я не хочу писать тебе о Пильняке...

Илья, – моё письмо кончается, и я вижу, что я не рассчитал места. Илья – золото, Илья всё тот же пурпурный палимпсест.⁽⁷⁾

Лёва, милый, я о многом по недостатку места не мог написать. Напишу в следующем. Зарабатываю я плохо, и мои финансы ходят, как волки, с оскаленной пастью и рыскают.

Маруся здорова.

Ну, goodbye for the present, my friend.⁽⁸⁾

Не удивляйся. Я зубрю английский и уже перевожу Геннисона и Омар-Хаяма.⁽⁹⁾

Н. Тихонов

Адрес мой: Зверинская, 2, кв. 21. Ради Аллаха, напиши, что получил письмо, Лёва, – милый. Помнишь, как ты ночевал у нас?

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 173-176.

(1) Как указывает публикатор письма, это «первая строка поэмы “Робайат” Омара Хайяма в переводе Эдуарда Фицджеральда».

(2) Проснись! Ради солнца, пустившегося наутек (*англ.*).

(3) Группа «Островитяне» впоследствии некоторыми исследователями рассматривалась как своеобразное поэтическое отделение группы «Серапионовы братья».

(4) С. А. Колбасьев в 1923 году работал переводчиком в советском посольстве в Афганистане.

(5) В. Г. Семенова, жена С. А. Колбасьева.

(6) То есть стиль, имитирующий стиль Андрея Белого.

(7) И. А. Груздев имел замечательный, «девичий» по словам В. А. Каверина, румянец. В шутке обыгрывается название каверинского рассказа.

(8) Пока прощай, мой друг (*англ.*).

(9) По всей вероятности, имеются в виду не стихи самого Омара Хайяма, а английское их переложение, сделанное Э. Фицджеральдом.

116. Е. Г. Полонская – Л. Н. Луццу

Осень 1923, Петроград.

Лёвушка. Я, конечно, свинья, но всё-таки пусть у вас будет письмо и от свиньи.

Ужасно была огорчена вашей болезнью и тысячу раз собиралась писать вам (Лида⁽¹⁾ – свидетельница), но по малодушию и лени ничего не вышло.

Нужно придумать аппарат, нечто среднее между кассой «Националь» и беспроволочным телефонофотосейсмографом. Вы меня понимаете. Это облегчит существование и вполне заменит романы в письмах.

Лёвушка, милый. Я вас очень люблю. Из серапионов вы самый серапионистый. Следующим по степени серапионистости идёт Федин, но вы серапионее его. Федин, да и все прочие стали великими и маститыми, а Никитин тот даже

редактирует «Петроградскую правду». А Всеволод⁽²⁾ – тот пишет великосветские романы.

Но вы, Лёвушка, не огорчайтесь и не жалеете о том, что усхали из Питера. У вас теперь жизнь поинтереснее. А здесь учиться нельзя, надо давать рассказы в «Красную ниву» и в «Красный ворон». А также в «Красную дрезину».⁽³⁾ Вчера вечером вспоминали вас со Шварцом Антоном. Говорили о клубе (желательном) и о кинематографе. Вспомнили «Кровавого вампира, или Привидение на башне». Замечательная была фильма.

Кланяются Вам Шварцы, Мариэтта,⁽⁴⁾ брат мой.⁽⁵⁾ А я целую вас и прошу очень на меня не сердиться. Теперь уже всё будет по-другому.

Ваша *Полонская*

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 177.

⁽¹⁾ Л. Б. Харитон.

⁽²⁾ В. В. Иванов.

⁽³⁾ Автор иронизирует над названиями современных журналов. В действительности, просто «Дрезина», приложение к газете «Гудок», выходившее в 1923-1924 годах.

⁽⁴⁾ Имеются в виду А. И. и Е. Л. Шварцы, М. С. Шагинян.

⁽⁵⁾ А. Г. Мовшенсон.

117. Л. Б. Харитон – Л. Н. Луницу

20 октября 1923, Петроград.

Лёвушка дорогой, рада письму, рада старому здоровому его тону. Выкурились! Писать скоро выучитесь, конечно, и тогда напишете свои пьесы так, чтобы их в последний момент не запрещали. Были готовы эскизы Анненкова, Вивьен разработал роль, Тиме должна была играть Клару – и всё рухнуло.⁽¹⁾ Эскузович ездил в Москву – не помогло. А в Праге сезон в русском театре открылся «Вне закона»; знаете ли Вы об этом? Но огорчаться не стоит, Лёвушка: это воля судьбы не допустить первого представления без

автора. <...> А теперь скучно. <...> Но за последние 2 недели было 2 хороших вечера: Серапионы у Миши.⁽²⁾ Первый раз читал Федин (он, кажется, серьёзно обижен, что в ответ на его летнее письмо Вы ограничились двумя словами в общем письме – не пишите ему об этом только!). Новая глава из романа мне понравилась меньше старых. Это – «Детство Мари»,⁽³⁾ попытка последовательно описательного рассказа о её жизни с рождения до первого серьёзного столкновения с одним из героев. Федин лучше показывает, чем рассказывает. Вчера читал Венья⁽⁴⁾. Рассказ о шулере Дьё, не знавшем, что он бог, и побеждённом гениальным шулером-человеком, с попыткой спуститься в Петербург, в реальный быт. Быт получился вроде угла Бассейной «7-й Рождественской»,⁽⁵⁾ пивной на Лиговке с сапожником, похожим на его лейпцигских героев и т. д. Но есть там бред в курильне опиума – замечательный. А, в общем, рассказ удивительно недоделанный и как всегда – ни одного живого человека. Не сердитесь, что вдаюсь в такие разговоры? А то Федин недавно заявил у Зои⁽⁶⁾ полушутя, но с оттенком серьёзности, что нужно возродить тот героический период братства, когда женщины робко и благоговейно внимали говорящимся истинам, а потом делали своё дело – кокетничали. Теперь же, мол, они пытаются, играть роль в братстве. Говорилось это гл<авным> обр<азом> по адресу Зойки, которая пренаивно и бессознательно, упоённая космическим триумфом, заявила как-то, настаивая, чтобы собирались у неё: «Так Вы завтра читаете? Смотрите же, не забудьте захватить рукопись!» Лёвушка, только не выдавайте меня! Я грешна: меня возмутила мысль, что собираться будут у Николая, кот<орому> наплевать на Серапионов и кот<орый> почти не бывал на субботах в прошлом году. Ну вот, я Вас, кажется, уже посвятила во всё, что здесь делается – в зале заседаний и в кулуарах. Теперь среды у Миши, при керосине, без чужих. Хорошо удивительно. После чтений Миши, Федин и я ходили пить пиво. Только скучно как-то. В прошлом году разговаривалось как-то живей. Миша как всегда всем доволен, Зоценко

возмущается, что люди перестали театрализоваться, стали слишком сами собой, Федин полон мировой скорбью – она заразительна, увы! Нужны Вы! Зощенко находит, что Вы единственный по-настоящему спаивали (не поймите превратно) Серапионов. Я обиделась за Мишу и Конст<антина> Ал<ександровича>. Но, что правда – Вы единственный, кот<орого> все совершенно бескорыстно и по-настоящему любили, единственный всем близкий, даже ближе Миши. К тому же без Вас некому пополнять разбитые кадры «девиц»!⁽⁷⁾

<...> Из Берлина тяжёлые письма. Отец просто гибнет.⁽⁸⁾ <...> А, собственно говоря, здесь ничего хорошего. Я всё мечтаю о каком-либо авантюрном случае, кот<орый> перенёс бы меня вдруг на палубу океанского парохода, в джунгли Индии, в пустыни Тибета или в небо-скрёбы Нью-Йорка. Нет, последнее хуже: хочу к нетронутым людям, к нетронутой природе. (Вчера, между прочим, я ныла по телефону Дусе, что не могу сидеть в 4-х стенках, что меня тянет в самую гущу города – напр<имер>, в кафе «Двенадцать»). Это на тему о моём постоянстве.

Моё «всё-таки»⁽⁹⁾ относится к Вашим весенним свинствам и издевательствам. А почему это Вы любите меня «всё-таки»? <...> Лёвушка, дорогой, не сердитесь на сумасшедшее письмо: я очень давно не болтала. Поправляйтесь, пишите. Ваше письмо вчера было оглашено в порядке дня. Лёвушка, родной, пишите.

Лидя

Зощенко показал мне черновик письма к Вам, кот<орое> ему некогда переписать: его здорово заедают дельги.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 178-180.

⁽¹⁾ Для предполагаемой постановки драмы «Вне закона» Ю. П. Анненков писал декорации. Главные роли готовили Л. С. Вивьен и Е. И. Тиме.

⁽²⁾ М. Л. Слонимский.

⁽³⁾ Впоследствии эта глава из романа «Города и годы» получила название «Каменная маркграфиня».

⁽⁴⁾ В. А. Каверин.

⁽⁵⁾ Так в тексте.

⁽⁶⁾ З. А. Никитина.

⁽⁷⁾ Н. К. Чуковский вспоминает: «...при серапионовом братстве был, так сказать, официально установлен особый институт – серапионовы дамы. Это были девушки, которые сами ничего не писали, но присутствовали на всех серапионовских собраниях».

⁽⁸⁾ Б. О. Харитон после недолгого пребывания в Берлине переехал в Ригу.

⁽⁹⁾ Имеется в виду фраза из письма Л. Б. Харитон: «Лёвка, а я Вас всё-таки ужасно люблю».

118. Л. Н. Лунц – М. М. Зощенко и М. Л. Слонимскому

22 октября 1923, Петроград.

22 октября 1923

Миша Зощенко и Миша Слонимский!

Пишу вам заодно. Но только – с кого начать? Начну с Зоца, чтоб не обиделся.

И. Зощенко, милый! Помнишь, когда я в прошлую зиму болел, ты часто приходил ко мне, садился в кресло, курил махорку, – мы чесали языки, как старые бабы: сплетничали. Лежал я тогда в конуре, паршиво было и грязно, но было душевное, скажем, утешение в лице друзей и знакомых. А тут лучшая в Европе больница, и хоть помирай с тоски. А ещё помнишь, как мы строили против Мишки пакостные козни?⁽¹⁾ Я, кстати, от нечего делать, выдумываю новые свинства – против того же красавца. Приеду – убью его совсем! И даже ругаться с тобой согласен, лишь бы посмотреть на тебя. Немного таких, о которых так тоскую – я эмигрантским нытьём пока не заразился. Говорят, у тебя вышли юмористические рассказы. Пришли, если можно. Ты помнишь, я их ценил очень и, в противовес многим, отнюдь не видел в этом умаления таланта. Плюнь на мудрых хулителей – им только Достоевского и подавай – просто смеяться не умеют. Где работаешь: всё в «Дрезине»? Или

появилась какая-нибудь «Водокачка»?⁽²⁾ Серьёзное написал что-нибудь, вру – большое? Серьёзное – всё. Так пришли книжку. И без жульничества. А то ребята всё пишут: «выслал тебе книжку», а на деле шиш. На почту ссылаться нечего. Валерию скажи, что «Люнц» кланяется. Поцелуй ручку супруге.

II. Слонимскому. Миша, ну, Миша! Да проснись. – Кто там? – Лунц. – Который час?⁽³⁾ – Ей-богу, я не знаю, о чём писать: переполнен воспоминаниями и радостью, что говорю – хотя бы письменно – с Тобой! А сколько мы с Тобой переговорили! Помнишь ту идиотскую ночь, когда мы вдвоём писали пьесу для «Кривого зеркала»?⁽⁴⁾ Ведь ничего глупее и ужаснее выдумать нельзя было, а как мы смеялись. Это потому, что мы вдвоём умели чудесно и говорить, и смеяться, и, главное, молчать. И даже плакать... Ведь сколько я смеялся над тобой, ругал тебя, издевался, а ты хоть бы раз сделал мне свинство! Ты отвечал, как настоящий друг, и я впредь обещаю продолжать в том же духе, потому что я издевался любя, и все воспринимали это так же... Хватит лирики – я вчера отправил Лиде⁽⁵⁾ отчаянное письмо. Так ты не верь ему и скажи Лиде, чтоб не верила. Вчера я был в миноре. Всё не так плохо. «Положение отчаянно – будем веселиться»...⁽⁶⁾ А ты, милый? Как «Жена есаулы Рвоты»? Всё ещё на именах с ума сходишь? И всё ещё «названием» убиваешь героя? («Фонарь», «Копыто», «Колесо» и т. д.)⁽⁷⁾ А быт какой? военный, почтмейстерский, кочегарский? Ну-ну, не сердись! Я ведь далеко, так что не нужно перделывать из-за меня названия...

Целую крепко. *Лёва*

■ В. Каверин. Вечерний день. Письма. Встречи. Портреты. М., 1982, с. 46-48.

⁽¹⁾ То есть против М. Л. Слонимского.

⁽²⁾ Обыгрываются названия современных журналов.

⁽³⁾ Вышучивается привычка М. Л. Слонимского поздно просыпаться и подолгу лежать в постели.

(4) Знаменитый театр малых форм.

(5) Л. Б. Харитон.

(6) Популярная серапионовская поговорка.

(7) Для ранних произведений М. Л. Слонимского характерны странные имена персонажей и экспрессивные, слегка странноватые названия.

119. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу

31 октября 1923, Париж.

31 октября 1923 г.

Париж

Дорогой мой Лев,

Получил твоё письмо сегодня утром и отвечаю, как видишь, немедленно. Ты теперь, кажется, единственный человек в Европе, с которым я переписываюсь регулярно. Был Ремизов, но он на днях переезжает сюда.⁽¹⁾ Так что только ты да уехавший сегодня утром в Соединённые Штаты Коля Слонимский. Я спал по этому случаю сегодня только три часа, – до трёх сидели в кафе с Колей и Мочульским, а в семь уже надо было встать. Я за эти два года отправлял Колю по Франции, в Германию, в Бельгию, в Италию, в Испанию и в Португалию. Теперь отправил его на тот, Новый Свет. Поэтому (прочти письмо с начала) отвечай на мои письма независимо от настроения по возможности в тот же день. Будет «Переписка двух Душ (созвучных)».

Фаина Афанасьевна приехала сюда утром, на жительство.⁽²⁾ Адрес её: 10, рю Булар (Б, У, Л, А, Р, Д) XIV. Говорили о тебе много и подробно. Она первый человек, сообщивший мне какие-то реальные сведения о Д У С Е. Не то, что разные люди, называющие себя друзьями и из ревности не пишущие ничего о самом главном.

Фамилия актёра Камерного театра, с которым мы здесь докладывали о Серапионах – Александр Оленин.⁽³⁾ Адрес театра: Тверской бульвар, двадцатые номера, кажется, 29 или 23. Дойдёт и так.

Желаю тебе поскорей выздороветь и начать снова курить. Я курю, но не помогает. Летом написал поэму «песен

в двадцать пять» (т<о> е<сть> 200 строк). С тех пор, ни хтс. Желая тебе написать пьесу и без папирос.⁽⁴⁾ Между прочим, кажется, Оленин не очень серьёзный человек. Он от себя говорил с тобой о пьесе⁽⁵⁾ или от имени Таирова?

Сознаюсь, прозы никогда не писал. Всегда хотел, всякую поэму собираюсь сначала писать в прозе, но потом ничего не выходит. Почему ты это спрашиваешь? Сознайся, Лёва, ты всё ещё пишешь стихи?

Здесь Эльза Триоле, та сама которая Аля и которой «Цоо или письма не о любви или Третья Элоиза».⁽⁶⁾ Сестра Лили Брик. Ты её знаешь? Она мне вчера сказала, что получила письмо из Москвы от Лили, в котором та пишет, что Витя⁽⁷⁾ благополучно добрался до Москвы и уже читает лекции. Дай ему Бог здоровья!

Миша Слонимский в России. Где, никто не знает, ни мать, ни брат, ни сестра. А ты? Что у тебя вообще из России? Есть ли какие-нибудь письма? Ходасевичи уезжают в Италию, может быть, уже уехали. Нина,⁽⁸⁾ кажется, на меня обижена. Потому и не пишет. Я ей написал дипломатическую ноту.

Жоржик Иванов, и Жоржик Адамович, и Жоржик Одошцева кланяются тебе.⁽⁹⁾

Григория Леонидовича⁽¹⁰⁾ видел на днях, он мне о тебе ничего не говорил. Кс<енин> Ал<ександровны> в этом году (учебном) ещё не видел.

Все наши тебе кланяются, в том числе и я.

Привет родителям и Женичке.⁽¹¹⁾

Целую.

Если я был ангелом и сразу ответил тебе, это значит, что и ты должен подражать мне.

Ещё раз целую.

Твой В. П.

■ Лев Луниц. Завещание царя. München, 1983, с. 159-160.

⁽¹⁾ А. М. Ремизов приехал в Париж 5 ноября 1923 года.

⁽²⁾ Ф. А. Слонимская.

(3) Сведениями об А. Оленине комментатор не располагает.

(4) Л. Н. Лунц был страстным курильщиком.

(5) О какой пьесе Л. Н. Лунца идет речь, неизвестно.

(6) Э. Триоле под именем Аля описана в книге В. Б. Шкловского, правильное название которой «Зоо, или Письма не о любви».

(7) В. Б. Шкловский.

(8) Н. Н. Берберова.

(9) Автор письма иронизирует над неразлучным трио – Г. В. Ивановым и Г. В. Адамовичем (которых звали за глаза Жоржиками) и И. В. Одоевцевой.

(10) Г. Л. Лозинский.

(11) Е. Н. Лунц.

120. М. Л. Слонимский – Л. Н. Лунцу

2 ноября 1923, Петроград.

Милый Лёвушка, я тебе писал из Бахмута и из Питера три письма. Судя по письму к Саше,⁽¹⁾ ты получил только одно. Впрочем, Веня,⁽²⁾ Лида,⁽³⁾ Федин, – все, кто имеет от тебя письма, – немедленно пускают их по линии.

Серapiоны, как это ни странно, существуют крепко. Отчасти это потому, что в литературе дела сейчас – мутны и неясны. Федин романа не кончил, но новые главы есть. Я выяснил, что больше всех люблю Федина, Зоценку и тебя.

Лето я провёл в Бахмуте. Основал и редактировал журнал «Забой» (издевайся!), лазил по шахтам, ходил по заводам. Вставал в 6 (!) часов утра и шёл с рудника в Бахмут пешком (12 вёрст). Назад вечером – тоже пешком (12 в<ёрст>). Но на 4-ый месяц так мучительно затосковал не по Петербургу, а персонально – по тебе, Зоценке и Федину, что сбежал почти нелегально. В Москве встретил Виктора,⁽⁴⁾ который всё мне рассказал о тебе (я ничего не знал). Лёвушка, я теперь старый сентиментальный человек. Я не пью, сижу сплошь дома, работаю, говорю о пользе просвещения и о тебе думаю с самой катастрофической нежностью. Пиши мне! Больше всего боюсь изменения отношений. Я ехал в Питер, и за Харьковом вдруг испугался. Представил себе, что вот я приезжаю, а Федин отолстел в

семейном быту, Зощенко – тоже, тебя нет – и мне ткнуться некуда. В Бахмуте в пьяном виде я сделал предложение одной очень хорошей девице. Очнулся под портретом Лажечникова. В Москву ехали вместе – и роман закончился в ресторане «Прага». Рина Зелёная вышла замуж за богатого коммерсанта, 40 лет отроду, так этому коммерсанту и надо: не будь другой раз богатым.

Лёвушка, имей в виду, что я теперь стал тобой, а Зощенко – мной. Это не моё мнение, а общекоридорное. Я хожу в галошах и шубе, ставлю градусник, не признаю спиртных напитков, работаю – а Миша Зощенко вваливается ко мне в 3 часа ночи с кепкой на затылке, приплясывает, напевает что-то нечленораздельное и рассказывает о своих многочисленных романах. Я слушаю, как ты: снисходительно и научно.

Написал повесть «Машина Эмери» (попробуй-ка – поиздевайся!). Это тебе не лопата!⁽⁵⁾ Сюжет завинчен до отказа и смещение плоскостей, утопически-фантастической и бытовой. Совершенно непохоже ни на что предыдущее и, несомненно, самое лучшее, что я написал. Будет напечатано в альманахе «Атеней». «Четвёртая ставка» – дрянь невероятная. Написана в отчаянии, для денег, после того, как Рина обчистила меня в игорном клубе до нитки. Вообще, из-за Рины я весной написал массу дряни и страдаю, когда эта дрянь вылезает теперь в печать. Лёвушка, ты – гениальный человек. Так и знай. Это моё глубокое убеждение. Ганя Шварц говорила, что театр «Новой Драмы» собирается поставить «Бертрана».⁽⁶⁾ Пока – собирается только. Ежели будет определённое решение – сообщу. А Венька погибнет, если его будут хвалить за его фокусы. Всякий фокус позволителен, если в основе лежит новая остроумная интересная мысль (см. для примера «Вне закона», рассказы Гофмана и пр.). У Веньки – один фокус. Мысли остаются у него в голове. Он не умеет их переложить на бумагу. Это оттого, что он отрекается от быта, не умея осилить его. Нужно уметь описывать быт. Нужно отречься от быта, изучив его и зная до глубины, как Замятин после «Уездного». Тогда по-

лучается серьёзная, настоящая, остроумная и бьющая в цель фантастика. Венька знает не человека, а гомункулуса. Он не может изобразить ни одной живой эмоции. Ему нужно сначала научиться изображать человека, а потом приняться за иронического, каверинского (а не гофманёнов-стивенсоно-замятинёного) гомункулуса. Фокусом и ловким налётом можно взломать несгораемый шкаф, но не литературу. Я считаю, что Веньке нужно учиться быту для того, чтобы, не срываясь, писать фантастику. А то получается, что он протестует против быта потому, что не знает его и не умеет его изображать. Этак он сорвётся совершенно. Нехорошо, молодой человек, в наши годы иначе поступали писатели. Видишь, какой я стал старый, сентиментальный человек. Чтобы прикрепиться к одной мысли, нужно её выбрать и отбросить остальные, изучив их до тонкости. Тогда получается настоящее и убедительное, а не ерунда. Ну, ладно, Лёвка, целую тебя в градусник и люблю панически.

М. Слонимский

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 180-182.

⁽¹⁾ А. Л. Слонимский.

⁽²⁾ В. А. Каверин.

⁽³⁾ Л. Б. Харитон.

⁽⁴⁾ В. Б. Шкловский.

⁽⁵⁾ Шутка построена на противопоставлении названий сочинений М. Л. Слонимского «Машина Эмери» и «Лопата Еремея».

⁽⁶⁾ Пьеса «Бертран де Борн» так и не была поставлена.

121. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу

10 ноября 1923, Париж.

10 ноября 1923

Париж

Дорогой друг и Лёвушка,

Получил твоё письмо ещё вчера и до сих пор (2 ч. утра сегодняшнего дня) не отвечал. Причина уважительна: сю-

да приехал Алексей Михайлович Ремизов. Был вчера у них, сейчас иду опять. Он такой же востроносый, говорит шёпотом, вообще разводит панику. Теперь он будет жить в Париже. Чёртиков отправил в Россию, кроме двух: одного русского и одного немецкого, – на разводку.⁽¹⁾

Спасибо тебе Лёвушка, за то, что ты наконец ответил мне о ДУСЕ.⁽²⁾ Она, значит, такая же трогательная, как всегда, как раньше, когда ей было шестнадцать лет. Она самая хорошая, самая трогательная, самая несовершеннолетняя в мире. Есть несколько женщин, которых я очень люблю: Нина Ходасевич в Берлине, Вера Шухаева в Париже, но самая первая и «вообще», это конечно ДУСЯ. Влюблён ли я в неё теперь не знаю, может быть, нет. Уже больше двух с половиной лет, как из России, больше года, как не имел от ДУСИ писем. Я знаю наверно, что в тот день, когда бы увидел её, снова бы в неё влюбился. Она самая-самая хорошая. Я её люблю по воспоминаниям. Когда я подумаю о ней, или получу о ней письмо, как от тебя вчера, я никого не могу видеть, ничего не могу делать, ДУСИ-НО имя меня выбивает из быта надолго. Она, пожалуй, для меня и Лаура, и Прекрасная Дама,⁽³⁾ и всё, что хочешь. Я её слишком высоко поставил, чтоб осмелиться быть в неё влюбленным. Если б я получил от неё письмо с просьбой вернуться, я бы завтра же уехал в Россию. Но письма от неё нет, не будет. Я боюсь ей писать, боюсь, что она мне теперь совсем чужой человек, вернее, что я ей чужд, о чём писать после такой разлуки? Я не знаю можно ли ей говорить: ты. И потом слишком тяжело вспоминать.

Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria.⁽⁴⁾

Тебя я никогда не ревновал к Дусе и вообще никого к ней не ревновал, опять-таки из моего к ней отношения. Конечно, лучшее воспоминание из России, – о ней.

Фаина Афанасьевна⁽⁵⁾ тебе собиралась написать, вероятно, уже написала. Когда напишешь «красавцу» Слонимскому, передай ему конфиденциально от меня, что он сволочь. Кланяйся Лидочке Харитон, – ты же меня с ней познакомил.

Вот написал тебе о самом главном, кажется, тебе одному. Впрочем, это не секрет. А ДУСЯ – совсем отдельная. Пиши, Женичке⁽⁶⁾ и всем ото всех привет.

Целую В. П.

■ Лев Лунц. Завещание царя. München, 1983, с. 161-162.

⁽¹⁾ Всякого рода чертиков и других фантастических существ обязательно вспоминают мемуаристы, описывая жильё А. М. Ремизова, в том числе и парижское. Утверждение автора письма, что А. М. Ремизов, уезжая из Берлина, отправил своих чертиков в Россию, вряд ли верно, хотя известно: покидая родину, он оставил на хранение коллекцию своих игрушек М. М. Шкапской.

⁽²⁾ И. И. Каплан-Ингель.

⁽³⁾ Упомянуты Лаура – героиня лирики Ф. Петрарки, и Прекрасная Дама – героиня лирики А. А. Блока.

⁽⁴⁾ Нет худшего несчастья, чем вспоминать о счастливых временах в годину невзгод (*итал.*).

⁽⁵⁾ Ф. А. Слонимская.

⁽⁶⁾ Е. Н. Лунц.

122. В. С. Познер – Е. Н. Лунц

10 ноября 1923, Париж.

10 ноября 1923

Париж

ЖЕНЕ ДЛЯ ЛЁВЫ.

Так как, очевидно, Лёва одинаково неспособен писать и читать, мне приходится писать Жене, что вынуждает меня внимательно относиться к содержанию письма, и бережнее употреблять выражения. Женя, чтоб тебе было легче, даю тебе указания, как читать. (Ты садишься у изголовья больного, молча смотришь и медленно разворачиваешь письмо, и начинаешь читать спокойным басом): Дорогой Лёвушка, (пауза)

Я был очень обеспокоен (ускорение темпа) известиями о твоей болезни. В берлинских газетах писали чёрт знает что (читай Бог знает что). Я уже собирался писать твоей сестре, как вдруг (радостный голос) получил твоё письмо, написанное неуверенным почерком ребёнка (прочти Лёве,

но сама не забывай). Слава Богу, теперь всё в порядке, и ты скоро выздоровеешь (пауза). Я всё так же здоров и очарователен (прочти Лёве и запомните оба). Надеюсь, что болезнь не подействовала на твои умственные способности (Лёве не читай, но сама запомни).

Сюда понаехало массов всякой берлинской св..., др..., публики. (Не спрашивай у Лёвы, что значат эти слова). На улицах раздаётся только русская речь (тон сатирический, с лёгким налётом грусти). Не хватает только тебя (тон грустный с лёгким налётом сатиры). Надеюсь, что ты немедленно по выздоровлении приедешь сюда, тем более, что теперь в Германии жизнь не дешевле, чем здесь.

(Поправь подушку, подогни одеяло и спроси, не устал ли и не хочет ли пить, когда скажет, что не устал, а наоборот, слушает с живым интересом, продолжай). Здесь уже Пуни, Ж. Иванов, Ж. Адамович, Одоевцева.

Я пока ещё ничего не делаю, занятия начинаются только в половине ноября. Моё путешествие в Германию отменено. (С грустью). Как же я тебя увижу? Обязательно (тоном категорического императива) приезжай сюда. Жирмунский уехал в Россию. Здесь Григ<орий> Леон<идович>,⁽¹⁾ Кс<ения> Алекс<андровна>, Мочульский. И конечно (с нескрываемой радостью)

– Я –

Кроме этого, в Париже ничего нового. В театрах идут различные пьесы, названия которых упомянуть не могу, по Жениной причине (скромно и стыдливо отвернись, немного покрасней). Сюда переезжает Фаина Афанасьевна Слонимская.

Переписываешься ли ты с Ходасевичами? Я махнул на Нину⁽²⁾ руками. Она упорствует в своём молчании (лирическая пауза).

Ну вот, кажется, всё (весёлым и развязным голосом). Пиши поскорей и побольше. Я тебе напишу, не дожидаясь ответа. Делай то же самое. Кланяйся родителям. Все наши кланяются. Кланяйся Женичке. (Последнее прочти с нежностью в голосе). Всего лучшего.

И приезжай. До скорого.

Твой (маленькая пауза)

Вова (большая пауза)

■ Лев Лунц. Завещание царя. München, 1983, с. 162-163.

⁽¹⁾ Г. Л. Лозинский.

⁽²⁾ Н. Н. Берберова.

123. К. А. Федин – Л. Н. Лунцу

11 ноября 1923, Петроград.

Петербург, 11. XI. 23.

Дорогой Лёвушка, ты совсем растрогал мою тещу своим воспоминанием о её советах. Она убивается о тебе больше Лиды⁽¹⁾ и чуть не плачет, когда я говорю о тебе. Жена тебе кланяется, дочь мою ты не узнал бы – ходит, говорит, хохочет, как самый весёлый серапион. Словом, если бы ты был здесь, наверно дневал и ночевал у меня, т<ак> к<ак> сердце твоё не устояло бы перед чарами моей дочери.

Плохо, старик, что ты хандришь. По твоим письмам мы наблюдаем отсюда за тем, как ты поправляешься, и нас беспокоит больше всего твоё настроение, потому что в выздоровлении брэнного твоего тела мы не сомневаемся. Ерунда, старик, всё пройдет, пройдет и скверная твоя т^о, и всяческие головные болезни. Главное – не падай духом, не теряй вкуса к спору, смеху, издевательствам и прочим превосходным вещам, до которых ты такой охотник. Поправляйся же, Лёвочка, вставай. Я глубоко верю в то, что лучший для тебя кур⁽²⁾ – деревня, хорошая, глухая, покойная деревня, хорошие, толстокожие, простые люди, по возможности – полное отсутствие врачей и санаторной обстановки. Замучили, кажется мне, тебя всякие режимы, рецепты, эксперименты и чужие люди. Не знаю, так ли это, но мне думается – так. Ещё один совет – послушай старика! – до поры до времени тебе не следует работать, особенно – писать. Откуда тебе взять такое зверское количество нерв-

ной энергии после нервной болезни? А ведь что бы мы ни писали, мы пишем нервами. Повремени, оправься. Будь покоен. Вернётся всё, что у тебя было, и рост твой, рост драматурга Льва Лунца! – впереди. Главное – не торопись (в прямом и переносном смысле), у тебя тяжёлый багаж («Вне закона»), его хватит, пока ты поправишься, а там будет видно. Не думай, что нужно чересчур часто напоминать о себе – это удел Никитиных, – и не бойся, что воображение, темперамент и мастерство изменят тебе. **Поправляйся**, это прежде всего.

Журнал «Кн<ига> и рев<олюция>» с дифирамбами тебе вышлю непременно. Теперь трудно пересылать бандероли. Но я устрою. У Серапионов стало хорошо, если не считать почти систематического отсутствия Никитина. Но никто не жалеет о нём. Иванов не вернулся ещё из Крыма и – бог знает – какую позицию займет, когда вернётся. Следующую Среду посвящаем серапионам: Илья⁽³⁾ говорит обо всех и каждом – «итоги», – а мы рассказываем о том, чем каждый из нас обязан Серапионам. Вечер интимный, дружеский и проч. Хорошо. Мой роман движется медленно. Как я тебе говорил, концы сведены уже давно. Я осуществляю прочный и цельный план. Но осуществляю со своей медлительной осторожностью. *Sicher ist sicher.*⁽⁴⁾ Что делать, я не Эренбург. То, что написано после твоего отъезда, одобрено Серапионами и прочими пигмеями. Но теперь меня мучит тема для рассказа в духе «Сада». Это после микитовской нирваны. Вот куда следовало бы съездить тебе на поправку, в Кочаны, Смоленской губернии! Хорошо там до одури! Напишу скоро «Тишину», пришло тебе. Пусть твой батюшка отдохнёт душой и скажет, как после «Сада» – есть ещё на земле нашей порядочные писатели! Целую тебя, жду писем. Ото всех друзей сердечный привет тебе, старикашка!

Твой *Константин*

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 183-184.

(1) Л. Б. Харитон.

(2) Курс лечения, от немецкого слова «kur».

(3) И. А. Груздев.

(4) Что верно, то верно (*нем.*).

124. В. А. Каверин – А. М. Горькому

12 ноября 1923, Петроград.

Петроград. 12/XI–23

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович.

М. Слонимский передал мне, что вы спрашиваете у него обо мне и просите прислать мою книжку. Спасибо вам сердечное за память и доброе ко мне отношение.

Одновременно с этим письмом я посылаю вам мою книгу.⁽¹⁾ Я недоволен ею. Большинство рассказов запоздали печатью, устарели и по общему, кажется, приговору неприятны до крайности.

Возможно, что мне действительно не удавалось прояснить самый замысел рассказа, основное его ядро – как вы мне однажды указывали на это.

Летом я был занят работой над новым рассказом «Шулер Дьё» (этот Дьё – dieu⁽²⁾). Когда я его выработаю окончательно, то непременно пошлю его вам (если можно) и буду просить отзыва о нем. Я положил довольно много труда на этот рассказ и писал честно, не позволяя себе играть словом или действием.

Все меня ругают, и мало-помалу я начинаю терять критерий для того, что хорошо и плохо в моих рассказах. Успеха не имею никакого и, кажется, это к лучшему.

Серапионовы братья – живы. Некоторые из нас достаточно определились, имеют большой, почти всегда заслуженный успех и, к сожалению, очень поддаются его влиянию. Особенно Никитин, который начинает писать всё хуже. Должно быть, вы знаете о романе Федина («Города и годы»), поэме Тихонова («Шахматы») и других вещах значительных и интересных.

Я не пишу вам о здешней литературной атмосфере. Всё труднее становится печатать лучшее, что могут написать многие из нас. Нужна литература ясная, простая, точная. Вероятно вам известно всё о Лёве Лунце.

Он самый лучший мой друг, и мне без него бывает подчас скучно и трудно работать.

Однако ж я, кажется, держусь довольно крепко и гну свою линию. Что из этого выйдет, бог весть.

Ещё раз большое спасибо вам за память.

С уважением и любовью *В. Каверин*

Мой адрес: Проспект Карла Либкнехта, д. 32, кв. 18, Птрг.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 175-176.

⁽¹⁾ Сборник «Мастера и подмастерья».

⁽²⁾ Бог (*фр.*).

125. Е. И. Замятин – Л. Н. Лунцу

13 ноября 1923, Петроград.

СПб.2 13-XI-1923.

Hamburg.

Erppendorferkrankenhaus.

Herrn L. Lunz

Дорогой Лев Лунц. Во первых строках – я Вас очень люблю – хотя Вы и забыли великого русского языка: нельзя (как Вы) писать «любезная метрша» – нет такого слова, а надо писать: «любезная метресса» (которая Вас приветствует). И во вторых: плакал над Вашим прахом, когда прочитал Ваше письмо. Так Вас жалко было, так жалко: курить нельзя! Без курева мы, табашники – прахи.

Я прокуриваю не менее четверти всех своих богатств – и потому ещё кой-что строчу. За лето и осень написал два рассказа. Один – большой, листа в два – трудный, чёрт!

(действующие лица: червяк, мужики, красноармейцы, существа на некой звезде; заглавие: «Рассказ о самом главном»). Другой – маленький, но неприличный, вроде «Еразма»⁽¹⁾ (писано летом, а в жару – как Вам известно – блудный бес силён). И ещё – статью («О литературе, революции, энтропии и о прочем»). Думаю, что эта статья окажется верблюдом (Воронский – статья для «Круга» – будет игольным ушком). На роман мой здесь цензура «гузном села».⁽²⁾

Собираюсь подражать великому Лунцу – и скоро сяду за пьесу. Обидно, что «Вне закона» – оказалась вне закона: хорошая пьеса, дай Бог здоровья автору!

Невинность мою и нравственность очень оберегают и потому заграничных писем я аккуратно не получаю – не получил и Ваше первое письмо. Пишите через Лидочку.⁽³⁾

Без Вашего надзора Никитин совсем что-то засукинствовал, Зошенко издрезинился;⁽⁴⁾ Слонимский и Федин – цветут. Федин, явно, не хочет застрять «на пересадочной станции» – как я предсказывал ему в статье.⁽⁵⁾ Об этой моей статье – ругался Свентицкий в приложении к «Кр<асной> газ<ете>»: обиделся за Семёнова.

Метресса,⁽⁶⁾ я, Мишка⁽⁷⁾ и Ростислав⁽⁸⁾ – ждём Ваших писем.

Е. З.

<Приписка Л. Н. Замятиной>

Дорогой Лев Натанович, ну, скоро Вы приедете к нам? Вашу пьесу «Вне закона» берёт кинофирма «Русь». Экземпляр пьесы отослан в Москву.

Л. З.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 184-185.

⁽¹⁾ Речь идет о рассказе «Русь» и повести «О том, как исцелен был отрок Эразм».

⁽²⁾ Роман «Мы» вышел на английском языке в 1924 году.

⁽³⁾ Л. Б. Харитон.

⁽⁴⁾ Намек на активную работу М. М. Зошенко в юмористических изданиях, в том числе в журнале «Дрезина».

(5) Имеется в виду статья «Новая русская проза».

(6) Л. Н. Замятина.

(7) По всей вероятности, М. Л. Слонимский.

(8) О ком идет речь, установить не удалось.

126. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу

24 ноября 1923, Париж.

24 ноября 1923

Париж

Дорогой Лёвушка,

Отвечаю тебе немедленно. Коля Слонимский в Рочестере. Стараюсь писать длинно и весело. Не знаю, что из этого выйдет. Настроение паршивое. Раньше, справа и слева, был Коля. Теперь никого. Я в грустях. Вот, кажется, всё. !Кланяйся Лидочке Харитон!

Преподаю англичанке, Miss Elsie Johnston, русскую медлительную речь. Она уже читает и понимает первый урок Берлица, только никак не может произнести «коричневый». Говорит «коричечивый». А потом: «коробкая коротка». Коля Слонимский в Рочестере. Он уже говорит: «I don't speak English». Из чего видно насколько русские (евреи) (!кланяйся Лидочке Харитон!) талантливее англичанок.

Я тоже – соплю, носом – насморк. На недавно бывшем балу, на котором я выпил полторы бутылки шампанского, не почувствовав от этого никаких неудобств, мой confrère Бальмонт, напившись, бил жену и запустил стаканом в одного студента, коему раскроил лоб. О, tempora! О mores!⁽¹⁾ Фаина Афанасьевна⁽²⁾ более утомительна, чем очаровательна. Коля Слонимский в Рочестере. Я собираюсь написать Дусе, из-за которой я к тебе никогда не испытывал никакой celos, выражаясь языком нашего друга и учителя, Г. Л. Лозинского.

Видел недавно Ксению Александровну. Она взяла твой адрес со смущённым лицом, потупив взоры.

Коля Никитин снова в России. Меня огорчает, что он изменял своей жене, а нашему другу, Зое⁽³⁾, на всех перекрёстках двух европейских столиц. !Кланяйся Лидочке Харитон!

Когда будешь писать «красавцу»,⁽⁴⁾ сообщи ему от моего имени, что он, по крайней мере, сволочь. Мог хотя бы в письма тебе вложить записку мне. Известное дело – пижон! Коля Слонимский в Рочестере. За две недели я имел от него четыре ($2 + 2 = 4$) письма. А с ним я на «Вы».

Мне осточертел университет и большинство моих знакомых. Хоть бы влюбиться. Я стою у радиатора и грею руки. Вспоминаю как, три года тому назад, я грел пальцы о кастрюлю, на кухне. В кино видел снег. В Петрограде – тоже. !Кланяйся Лидочке Харитон!

Мама предсказала мне не виселицу, а нечто другое. Она заверила меня, что я останусь (!) пастухом и что к двадцати одному году у меня из правой ладони вырастет кнут. Приятная перспектива. Также говорят, что я пророс, – корнями. Коля Слонимский в Рочестере. Он знает таблицу логарифмов наизусть и у него из ладони ничего не вырастет. Корни он извлекает в любой степени.

После долгого молчания Нина Берберова прислала мне письмо на восьми языках с нежными чувствами, восклицательными знаками и орфографическими ошибками. Она, в конце концов, вероятно, тоже переедет сюда. Выписывайся из гошпиталя и приезжай! Не будь эгоистом! Пиши поподробнее и подлиннее! Не заикайся! Положение отчаянное. Коля Слонимский в Рочестере. Будем веселиться! !Кланяйся Лидочке Харитон!

Целую всех в частности.

Мои тоже.

В. П.

■ Лев Лунц. Завещание царя. München, 1983, с. 166-167.

(1) О времена! О нравы! (*лат.*)

(2) Ф. А. Слонимская.

(3) З. А. Никитина.

(4) М. Л. Слонимский.

127. А. М. Горький – В. А. Каверину

25 ноября 1923, Берлин.

В. Зильбер

Ругают вас или хвалят – это должно быть совершенно безразлично для вас. Поверьте: я говорю так не потому, что меня тридцать лет ругают и хвалят и что это стало привычно мне и уже не трогает, нет, – я всегда относился равнодушно к хуле и похвале. Ни то, ни другое – ничему не учат, вот что я знаю и в чём убеждён.

У вас есть главное, что необходимо писателю: талант и оригинальное воображение, этого совершенно достаточно для того, чтоб чувствовать себя независимым от учителей, хулителей и чтоб свободно отдать все силы духа вашего творчеству. Наперекор всем и всему оставайтесь таким, каков вы есть и – будьте уверены! – станут хвалить, если вы этого хотите. Станут!

Книжку⁽¹⁾ вашу ещё не получил. Рассказ о «Шулере» жду с нетерпением. Тема – трудная, хотя и кажется лёгкой; тема требует осторожности, отрицает грубость. Этакие вещи я бы писал с юмором и – с печальной улыбкой. Ибо – он шулер по роковой необходимости. Но – вы меня не слушайте!

О романе Федина⁽²⁾ – ничего не знаю, «Шахматы» Тихонова тоже неизвестны мне. Тихонов для меня уже и теперь выше Есениных всех сортов.

Я был бы очень благодарен вам, если б вы время от времени писали мне о новостях и людях литературных, а так же и о себе самом.

Лунца я, к сожалению, не видал. Это серьёзный и большой писатель, а Никитин – в опасном положении и, боюсь, из него ничего не будет. Что Зощенко? Слонимский?

Возвращаясь к вам лично, прежде всего желаю вам бодрости духа и веры в себя. Остальное – приложится. Как вы живёте? Трудно? Не надо ли вам денег? Я мог бы достать. Не стесняйтесь: мы должны жить дружно, нам необходимо помогать друг другу.

Пишите мне по адресу:

Berlin, Kurfürstenstrasse, 79. Verlag «Kniga».

Как ваш арабский язык?⁽³⁾ Видите Шкловского? Каков сей мальчик и что делает?

Всем братьям – сердечный привет!

Крепко жму руку

А. Пешков

Завтра еду в Чехословакию, в Татры; у меня рецидив туберкулеза, плюю кровью. Здесь жить дорого, тяжело. Немцы – странные люди, очень! Поразительна их духовная нищета и грубость. Невероятно тяжело их политическое положение и совершенно изумительно их терпение. А я думал, что нет народа терпеливее русских. «Век живи, век учись и глупо умрёшь», – как сказал недавно один немецкий учёный, любитель русских поговорок.

25.XI.23. Berlin.

А. П.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 176-177.

⁽¹⁾ Сборник «Мастера и подмастерья».

⁽²⁾ Роман «Города и годы».

⁽³⁾ В. А. Каверин одновременно учился в Университете и в Институте живых восточных языков.

128. Е. Г. Полонская – Л. Н. Лунцу

25 ноября 1923, Петроград.

Лёвушка, посылаю новейшую, сочиненную мной Серапионовскую «Славу».⁽¹⁾

В нэпа четвертый год⁽²⁾ кто

Станет писать без аванса?!

В честь Серапионовых братьев то

Я начинаю стансы.

Вулкан Фузи-Яма извергнул дым,
Земля затряслась в Иокогаме:
Всеволод Иванов занял Крым
Верхом на чёртовой маме!

А славный наш Зошенко в тот же час
(Друзья, гордитесь отныне!)
Немедленно въехал на Парнас
На небольшой «Дрезине».

Большие места для широких натур,
Будь сапожник иль граф ты, –
Николай Никитин Via Рур
Стал редактором «Правды»!

Лунц взял Берлин, и хоть разбит,
Отчасти был при этом,
Но он поправится и победит
Прочие части света!

Все титулы Федина кто сочтёт,
Все главы в его романе?
Везде ему воздают почёт –
В Москве и в Нахичевани.

Груздев Илья высоко вознесён –
Плод еженощных бдений, –
Рекомендует учебники он
Трудшколам второй ступени.

Старое старится, молодое растёт...
Кто же теперь поверит,
Что Веня Каверин вновь перейдёт
Из мастеров в подмастерья?⁽³⁾

В странах наземных царит капитал...
В небе – чин херувимский...
Идеологию отыскал
Лишь под землею Слонимский...

Скромность же всех добродетелей мать
И дочь хорошего тона:

Знаю, Полонскую будут ругать
Здорово Серапионы.

КОНЕЦ.

Лёвушка, крепко жму руку. Выздоровливайте!

25/XI. 1923.

Ваша Е. П.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 186-188.

⁽¹⁾ Известны три «Серапиновских оды», сочиненных Е. Г. Полонской. Публикуемая здесь «Слава» в чистой рукописи носит название «Стансы» и датирована автором 1 февраля 1924 года.

⁽²⁾ Новая экономическая политика стала осуществляться в 1919 году.

⁽³⁾ Обыгрывается название книги В. А. Каверина «Мастера и подмастерья».

129. Л. Н. Лунц – К. А. Федину

29 ноября 1923, Гамбург.

29/XI, 17/X, Eppendorferkrankenhaus, Hamburg.

Милый, милый Костя!

Ты прости, что я с таким опозданием отвечаю тебе: разумеется, был опять очень болен, – ужасные боли, морфий и т. д. За припадком – страшная слабость: несколько дней я спал насквозь. Теперь всё вернулось на старый план... до следующего припадка.

Нет, старый мой оптимист. И я был оптимистом, да надоело. Мне явно хуже и хуже. И ты ошибаешься, если думаешь, что меня замучили лекарствами, – единственное лечение моё: *покой*, но покой до того абсолютный, что в любимую уборную ходить нельзя. Правда, когда мне хуже, – начинают «исследовать»: от пяток до маковки. В последний раз каждые полчаса ставили градусник в задний проход. Уж на что я любитель градусников, а и то взвыл. Вообще, я «взвываю» теперь часто и по пустякам, нервен. И это ещё ничего. Гораздо хуже, что я понемногу впадаю в

апатию, всё мне тогда равно, и температура, и газеты, и книги. Этой апатии боюсь как огня, потому что смеяться при ней не смеется. А без смеха жить не хочу.

Ну, хватит бессвязных сетований. Все кругом говорят, что рано или поздно я встану. Пусть так. Предположим.

И ещё ты не прав насчёт моего «писанья». Нервами мы пишем или не нервами, я не знаю, но знаю, что если б я не писал в течение месяца, каждый день, мою пьесу, задуманную два года назад, вылежанную до конца, до невозможности не писать, меня прямо по ночам знобило: пиши, пиши!.. – так если б не эта пьеса, я бы свихнулся от отчаянья.⁽¹⁾ Это была самая радостная моя работа. Что вышло? Сам не знаю: или блестяще (как задумано), или бездарно. Последнее скорее – не по зубам мне тема. Сейчас я знаю пьесу наизусть и поэтому судить о ней не могу: отлёживается. Когда будет готова, вышлю тебе для серапионов. На напечатанье, по своему обыкновению, не надеюсь по причинам, лежащим «по ту сторону добра и зла». Впрочем, кой-какие перемены и уступки на этот случай я сделаю. Я уж знаю, что Воронский скажет: «Подозрительно». Посвящается Евгению Ивановичу.⁽²⁾ Это тоже подозрительно, придётся изъять.

Очень радостно мне было читать твои строки о «братьях». Я бесконечно рад, что вы не только не расклеились, но, по-видимому, расцветаете вовсю. То, что Иванов откололся, меня только радует, это хитрая и недобрая бестия, но Колька Никитин меня огорчает. Я не могу, фактически не могу представить себе серапионов без него. Он прохвост, но ему дадут по носу, осадят, и он, поджав нос, вернется к нам. И всё это с самыми лучшими намерениями. Он хороший парень, только дурак, что бегаёт за «bella gloria»,⁽³⁾ а та лягается больно.

Держитесь дальше от Москвы. Ненавижу этот город. Для меня Москва хуже самой последней чужбины. Это не «мать русских городов», а «бл... русских городов».

Анекдот. Мать моя прочла «Вне закона», сняла очки и изрекла: «Чепуха. Слишком короткие абзацы – нечего чи-

тать. Другое дело – он хороший мальчик». Вот пророчес-
твуй после этого в своём отечестве!

Тёще нежнейшие приветы и благодарности. Пусть не
плачет надо мной. Моя мама говорит, что всё равно, если
я и выздоровею, то кончу на виселице. Жёну поцелуй. А
дочь... ну, тут и слов нет. Целуй взасос и в шейку, как я де-
лал с сестрёнкой. Самое сладкое место.

Целую.

Лёва

Меня начинают забывать: не отвечают на письма. Не
только Никитины и Давид,⁽⁴⁾ но и Веня.⁽⁵⁾ И, наконец, Ли-
да, Лида не пишет:⁽⁶⁾ или она сердится на меня? За что?

■ «Вопросы литературы», 1993, № IV, с. 245-246.

⁽¹⁾ Пьеса «Город Правды».

⁽²⁾ Е. И. Замятин.

⁽³⁾ «Милая слава» (*лит.*).

⁽⁴⁾ Д. И. Выгодский.

⁽⁵⁾ В. А. Каверин.

⁽⁶⁾ Л. Б. Харитон.

130. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу

6 декабря 1923, Петроград.

6/XII. 23.

Лёвушка, дорогой, Вы не сердитесь, что давно не писа-
ла. Тут разное было. Ваше письмо застало меня в очень
унылом состоянии: помимо обычной скуки-тоски угнетало
меня здоровье. <...>

Серапионы. Мишкой вновь выкинут лозунг «положе-
ние отчаянное». У Конст<антина> Ал<ександровича>⁽¹⁾
на небритом лице такая мировая скорбь, что даже Полон-
ская пугается. Никитин почти не ходит, а когда появляет-
ся, то ощущают его, к<a>к элемент весьма посторонний.
Идут разговоры о взаимном невнимании и непонимании.

Фронты – Зошенко, Слонимский; прослойка Федин – Груздев, Каверин. Катастрофа произошла на чтении «Мудрости» Зошенки. Рассказ, написанный стилем «Аполлона и Тамары»⁽²⁾, ещё утонченным, – прекрасный. Но Илья,⁽³⁾ восхитившись, сравнил с «Господином из Сан-Франциско»⁽⁴⁾ по теме; Зошенко обиделся сейчас же; Тихонов подлил масла в огонь, начав рассказывать повесть Грина, где человек тоже умер, но не так; Веня⁽⁵⁾ удивлялся, как это Зощ<енко> «из такой дряни замечательный рассказ сделал», у Миши⁽⁶⁾ была т° 38,6 и взять на себя роль не пришедшего Федина – сгладить углы, он не мог,⁽⁷⁾ а Коля Ник<итин> вообще зевал. Словом, трагедия. После этой среды разговаривали во всевозможных сочетаниях; соби-рался «уходить из Серапионов» Зошенко, Веня... Вчера, на собрании, Федин мрачно и отечески начал дебаты о корне зла. Я рада одному – невероятно часто склоняется слово «Лёвка». Кончилось благополучно: все за одного, один за всех; читать всё не халтурное; относиться внимательнее к работе друг друга; не обращать внимания на Николая. Он – пишет о Волховстрое,⁽⁸⁾ едет на процесс ГУМ'а в Москву,⁽⁹⁾ редактирует «Петроград». Это – вроде «Солнца России», и там 4 редактора: Семёнов, Садофьев, Матвеев (секретарь «Правды») и Ник<итин>. Ждём, что скоро будет назначен цензором: Зойка⁽¹⁰⁾ недавно единолично зарезала рецензию Ильи⁽¹¹⁾ по цензурным причинам. Словом, забавные вещи делаются. Книги Вам все посылали, и никто не виноват, если не доходят. Вообще же это сейчас трудно: 3 разрешения, заявления и т. д. <...>

Лида

<Приписка М. Л. Слонимского>

Лёвка, времена – жуткие, поэтому Серапионы сплотились. Никитин безнадежно болен, Зоя – тоже. Надежд на выздоровление, по-моему, никаких. А впрочем, дай Бог, пророчества мои и неправильны. Вчера поссорился с Венькой. Здорово хороший малый, но ему нужно писать бытовые рассказы. Илья купил галоши и не снимает их даже в

комнате: боится, что украдут. Алексей Толстой – толстый хороший барин. Вообще, все хорошие, Кольку с Зосей жалко и я их люблю, и времена – жуткие. Чёрт знает что такое. Лида выходит замуж за Альтшулера.⁽¹²⁾ Лёвушка, в Петербурге жить нельзя. В январе поеду в Златоуст.

Миша

<Приписка К. А. Федина>

Миленький Лёвочка, ты напрасно меня бранишь (т<о> е<сть> ты бранишь всех, стало быть, в том числе и меня) – я тебе не так давно написал отеческое письмо. Целую тебя и обнимаю.

Ты очень хороший, настоящий и единственный Серапион! Все остальные – суррогат.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 188-189.

(1) К. А. Федин.

(2) Повесть М. М. Зощенко.

(3) И. А. Груздев.

(4) Рассказ И. А. Бунина.

(5) В. А. Каверин.

(6) М. Л. Слонимский.

(7) К. А. Федин, как самый старший и наиболее авторитетный из всех, зачастую утихомиривал на серапионовских собраниях вспыхивающие страсти.

(8) Название города Волхов (существовало до 1940 года), где в 1921-1926 гг. сооружалась Волховская ГЭС.

(9) Имеется в виду судебный процесс по делу о злоупотреблениях в ГУМе.

(10) З. А. Никитина.

(11) И. А. Груздев.

(12) О ком идет речь, установить не удалось.

131. А. М. Горький – В. А. Каверину

13 декабря 1923, Мариенбад.

Вен. Зильберу

Я получил вашу книжку⁽¹⁾ – спасибо! – внимательно

прочитал её, но – похвалить не могу. Не сердитесь на меня и верьте, что моё отношение к вам совершенно ограждает вас от излишней придирчивости старого литератора, не чуждого, вероятно, известной доли консерватизма. Не сердитесь и спокойно выслушайте следующее: несмотря на определенно ощутимую талантливость автора, несмотря на его острое воображение и даже – порою – изящество выдумки, – вся книжка оставляет впечатление детских упражнений в литературе, впечатление чего-то не серьёзного. Может быть, это потому, что вы отчаянно молоды и, так сказать, играете в куклы с вашей выдумкой, что, в сущности, было бы не плохо, обладай вы более выработанным и богатым лексиконом. Но – языка у вас мало, он сероват, тускл и часто почти губит всю вашу игру. Вам совершенно необходимо озаботиться выработкой своего стиля, обогатить язык, иначе ваша, бесспорно интересная, фантастика будет иметь внешний вид неудачной юмористики: ваши темы требуют более серьёзного и вдумчивого отношения к ним. Возьмём пример: четверо людей играют в карты; между ними – вне игры – драматическая коллизия, играя, они скрывают друг от друга свои подлинные отношения, но фигурам карт эти отношения известны, и короли, дамы, валеты, вмешиваясь в отношения людей, сочувственно, иронически, враждебно обнажают, вскрывают истинные отношения людей друг к другу, в картах тоже создается ряд комико-драматических коллизий, и вместо четырех существ – уже восемь увлечены борьбою против закона, случая, против друг друга; забава, игра превращается в трагикомедию, где фигуры карт спорят друг с другом и против людей.

У вас содержание этого рассказа⁽²⁾ неясно, запутанно, не понимаешь, – зачем всё это написано? И так почти везде, по всей книге.

Я не повторю достаточно истрёпанного указания на вашу зависимость от Гофмана, я очень уверен, что вы – писатель, у которого есть очень много данных для того, чтобы стать независимым, оригинальным. Но для этого надо ра-

ботать, вы же, кажется, работаете мало, – в книге не чувствуешь восхождения к более совершенному ни в языке, ни в архитектуре рассказов.

Затем: мне кажется, что вам пора бы перенести ваше внимание из области и стран неведомых в русский, современный, достаточно фантастический быт. Он подсказывает превосходные темы, например: о чёрте, который сломал себе ногу, – помните: «тут сам чёрт ногу сломит!», о человеке, который открыл лавочку и продаёт в ней мелочи прошлого, – человек этот может быть антикваром, которого нанял Сатана для соблазна людей, для возбуждения в них бесплодной тоски о вчерашнем дне.

Милый друг, вы должны чувствовать, что я пишу вам не как «учитель», эта роль всегда была противна мне, и я никогда никого не учил, кроме себя, но, к сожалению, делал это «вслух». Пишу я вам как товарищ, как литератор, органически заинтересованный в том, чтоб вы нашли вашу таланту форму и выражение вполне достойные его.

Здесь, в Европе, наблюдается истощение, анемия литературного творчества, здесь – общая и грозная усталость, здесь очень процветает словесное фокусничество, а у людей серьёзно чувствующих возникает всё более острый интерес к русской литературе. Посему: «не посраим земли русской!» Надобно работать. Вам, новым, это особенно необходимо. Я хотел бы, чтоб всех вас уязвила зависть к «прежним» – Сергею-Ценскому, М. Пришвину, Замятину, людям, которые становятся всё богаче словом, я имею в виду «Преображение» Ценского и «Кашееву цепь» Пришвина, и Замятина – статью в «Русском искусстве», статью, в которой он сказал о вас много верного.⁽³⁾

У всех вас – неладно с языком. Федин пишет: «...жутко ей *от посящейся* в снежных саванах головы вихрастой», нелепо связывая и путая два глагола *поситься* и *относиться*. Погоня за образом приводит его к таким неудачам: «золотые языки свечек метались, как привязанные на цепь звери». Он употребляет такие сочетания слогов, как «и ихли». И вообще с русским языком обращаются зверски: Шагинян Мариэтта сочиняет: «подливку, настоенную на

сковородках», у нее «литература, общественность, даже наука, в чём нельзя сомневаться, объединились с небывалым подъёмом», а «комендант закусил рюмку водки масляной, проколотой вилкой». За её роман «Перемена» ей следовало бы скушать бутерброд с английскими булавками. У Пильняка над Северным морем летает «кондор», – это уже от невежества.

Итак, сударь, вот я вас изругал. Подумав, почитав свою книжку, вы, я думаю, согласитесь: ругаю справедливо. Затем – верьте, что мне очень дорога ваша работа и ваш талант.

Крепко жму руку. Всем братьям – привет. Не забывайте меня. Живу я сейчас в Чехословакии, Мариенбад, Отель «Máxhof». Мариенбад – летний город, сейчас две трети его домов стоят пустые, с заколоченными окнами, а я, Ходасевич и моё семейство живём одни в четырехэтажном доме, занимая четыре комнаты из 62 пустых. Очень тихо!

Всего доброго!

А. Пешков

13.XII-23.

«Marienbad», но так как я не знаю сколько времени проживу здесь, то лучше всего писать мне: Berlin. Verlag «Kniga». Kurfürstenstrasse, 79.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 177-179.

⁽¹⁾ Сборник «Мастера и подмастерья».

⁽²⁾ Речь идет о рассказе «Щиты и свечи».

⁽³⁾ Автор письма говорит о статье «Новая русская проза».

132. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой

13 декабря 1923, Гамбург.

Гамбург. 13 декабря 1923.

Нет, милая Нина, я на Вас даже не сердился за Ваше молчание: меня понемногу все друзья забывают – пишут

всё реже и реже. Но, получив Ваше письмо, от всей души простил и... смеялся. Эх вы, горе-итальянцы! Я-то за эти два месяца, вспоминая вас обоих, завидовал: Италия, а они в Праге мучились! Но ничего: всё хорошо кончается и с хорошими друзьями в Мариенбаде лучше, чем в Неаполе без оных.

Ниночка, я страшно изменился за это время. Я злой, нервный, не смеюсь, ем всё хуже, худею. Подумайте, я до сих пор валяюсь в больнице и когда наконец выйду – неизвестно. Во всяком случае, до весны и разговору быть не может. А я уже 6 месяцев в постели!.. За последнее время стало хуже: чуть ли не каждый день боли то тут, то там, иногда – страшные, вспрыскивают морфий. Но это ещё не беда: самое скверное – моё настроение. Я совершенно пал духом: не пишу, не читаю почти, – лежу и злюсь. Самые печальные мысли лезут в голову – не верю в выздоровление.

Ну, хватит скулить. И мне хотелось бы с вами всеми повидаться, но пока это, конечно, невозможно. Из Петербурга письма всё реже и реже: всем надоела моя болезнь. Не забывайте меня, хоть Вы. Пишите.

Да, дело. Я в октябре-ноябре, до хандры, написал пьесу небольшую.⁽¹⁾ Как «Беседа»? И можно прислать её почтенной редакции?

Передайте привет Влад<иславу> Фел<ициановичу>. Я его называю теперь «Пушкинским завхозом».⁽²⁾

И привет Ал<ексею> Макс<имовичу> нежнейший. Надеюсь, он на меня не сердится, как я боялся (?).

Привет. *Лёва*

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 177-178.

⁽¹⁾ Пьеса «Город Правды».

⁽²⁾ Обыгрывается название книги В. Ф. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина», фрагменты из которой увидели свет в периодике.

14 декабря 1923, Петроград.

14/XII. 23.

Дорогой Лёвушка и сердечный мой друг!

За что ты ругаешь меня, свиная рожа? Клянусь честью Серапиона – я тотчас ответил тебе на письмо и ты не получил его, вероятно. Ты не веришь мне? Ей-богу, поверь, дружище. Не только написал, но успел даже обидеться, что ты мне <не> отвечаешь. Баста! Теперь буду писать тебе за-казным и чтобы ты отвечал мне, чёртов сын.

Серапионовская хроника.

1. Мишка С<лонимский> оживлён, мало спит и пишет всё лучше. Сам про себя говорит, что никто лучше его не знает бы-та. Он написал «Машину Эмери». Если на одну чашку весов положить название, а на другую рассказ, то первая перевесит. Впрочем, я пристрастен. Последнее время он всё толкует, что он разгадал меня до точки и знает что мне нужно. Никак не могу понять, что он разгадывал и что мне нужно. Я ему всё со-ветую упражняться в фантастике. Он не хочет, чудак.

2. Костя⁽¹⁾ всё тот же – умный, твёрдый, ясный и благо-родный человек. Я люблю его крепко. Роман его имеет ус-пех – хотя ещё не напечатан. Он читает его чудесно. Дамы, с непривычки, дрожат от силы голоса.

3. О Никитине нечего писать. Он испаскудился, зало-жил себя, как дурак, за пустой успех и ужины в ресторанах. А выкупа никакого пока нет – пишет всё хуже. Рассказы об Англии – бездарь. Отношение к нему ребят – холодное и презрительное. Он редко бывает у нас и в последний раз на интимном серапион<овском> собрании о нем говорили, как о чужом и чуждом человеке.

4. Зошенко замкнулся в себе, упорно ищет нового пути для работы и недавно прочёл прекрасный рассказ – «Муд-рость». Стилистически необыкновенно тонко. Но сделано из дряни – вот что здорово. Сказ он оставил, но ничего столь же сильного взамен – другой плотной формы, ещё не

дал и колеблется, по-моему, «Мудрость» – переходный, но прекрасный рассказ.

5. Тихонов пишет тебе – верно в тот же час, как и я. Сейчас он был у меня – говорили о тебе. Твои письма передаются из рук в руки, и Тихонов сейчас принёс мне твоё письмо к нему. Не пишу о нём, – он работает, как штыком, – и ты сам всё о нём знаешь.

6. Полонская немного болела – теперь здорова, давно уже не читала у нас. Не знаю, пишет ли она сейчас.

7. Илья⁽²⁾ разошёлся – пишет и хорошо пишет. В его статьях появилось настоящее фельетонное искусство. Знаешь, такой фельетон, не слишком быстрый на ноги, но всё же живой и, главное, умный.

Остались мы с тобой, дружище. Я почти ничего не знаю о тебе за последнее время – ты что-то глухо пишешь. Напиши мне о драме, кот<орую> ты написал;⁽³⁾ если можно, то пришли её Серапионам. Что думаешь о дальнейшем? Скоро придёт наше время, Лёвушка. Здесь в литературе разброд, сумятица, неразбериха и поверх всего всплывает – что, как ты думаешь? Авантюрный роман, рассказ, повесть – чёрт его знает что, но тяга к движению, к смене эпизодов, к интересу сюжетному по преимуществу. Пока это идёт от кино, быть может, но я убеждён, что это не случайно. И что ценнее всего – это то, что авантюра идёт снизу, бьёт прямо с улицы. Госиздат заказывает авантюрные романы. Не пройдёт и двух лет, как эта вялая, как карамора, литература сдохнет и тогда мы повоюем.

Почему ты ещё в больнице, сукин ты сын? Чтобы выздороветь в два счета, слышишь! Жду от тебя письма. Подбодри меня, дружище, я устал, много работаю (нужно кончать университет). Последние 3-4 месяца, ничего, кроме фельетонов, не писал.⁽⁴⁾ Всё же у меня хватает ещё злости, чтобы наплевать на проклятую размазню Пильняковщины и Ивановщины. И ведь оба кондовые таланты! Ну, будь здоров, дорогой друже. Пиши мне. Я тебя сильно люблю, ты ведь знаешь. Лида и Юрий Ник<олаевич>⁽⁵⁾ кланяются и целуют.

Твой *Веня*

Адрес: Проспект Карла Либкнехта д. 32, кв. 18, мне.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 190-191.

⁽¹⁾ К. А. Федин.

⁽²⁾ И. А. Груздев.

⁽³⁾ Имется в виду пьеса «Город Правды».

⁽⁴⁾ В этот период В. А. Каверин опубликовал несколько статей и рецензий в периодике.

⁽⁵⁾ Л. Н. и Ю. Н. Тыняновы.

134. А. М. Горький – Л. Н. Лунцу

20 декабря 1923, Мариенбад.

Дорогой мой Лунц!

Показала мне Н<ина> Н<иколаевна>⁽¹⁾ Ваше письмо, и я очень огорчён настроением Вашим. В чём дело? Нет ли в болезни Вашей влияния, задерживающего борьбу с нею, нет ли самогипноза? Именно эту мысль вызвало у меня Ваше унылое письмо. Одним из наиболее действительных средств победить болезнь служит желание выздороветь, – я говорю серьёзно. Нельзя отрицать значения воли в борьбе организма против болезни, это скажет Вам любой доктор.

Мне очень грустно знать, что Ваше здоровье не в порядке. Я так рад был, что Вы перебрались за границу, был уверен, что здесь Вы начнёте много и хорошо работать, напишете превосходные вещи. И – вот Вы написали это тяжелое письмо, удивительно не похожее на человека, каким я Вас привык видеть.

Впрочем – в письме есть строчка, которая говорит, что Вы что-то написали, – пьесу?⁽²⁾ Не пришлёте ли посмотреть? Буду очень рад.

А теперь – позвольте сердечно пожелать Вам здоровья и бодрости духа. Берберова торопит, надо послать письмо сегодня же.

Всего доброго!

А. Пешков

20.XII.23

(1) Н. Н. Берберова.

(2) Имеется в виду пьеса «Город Правды».

135. В. А. Каверин – А. М. Горькому

20-21 декабря 1923, Петроград.

Петроград. 20/ХІІ-23 г.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

Благодарю вас за вашу сердечность и за внимание, которого я не заслужил.

С многим из того, что вы пишете о моей книжке, – не могу не согласиться. В прошлом письме я, кажется, писал вам о том, что и сам считаю её детской, рядом экзерсисов на темы, которые заслуживают лучшей участи. Правда, я не «играл в куклы» с выдумкой, наоборот, я был максимально серьёзен и даже потрясён работой, но, м<ожет> б<ыть>, это и в самом деле нужно объяснить моим возрастом. Вы правы, разумеется, касательно языка – я владею небольшим лексиконом. <...> В этом отношении я работаю уже давно и, признаться, меня глубоко огорчило, что касательно языка, вы не отметили в рассказах никакого успеха. Мне казалось, что «Хроника гор<ода> Лейпцига» написана более искусственным языком, чем, напр<имер>, «Столяры». Может быть, это и не так.

Вы позволили мне писать вам как старшему товарищу. Поэтому я позволю себе написать вам всё, что у меня на сердце. Вы пишете о быте, о том, что он даёт ценный материал, на который мне, в частности, должно бы обратить внимание. Этот совет – простите – не нов, уже два года официальная литература проходит под этим знаменем, и под этим знаменем вокруг «Петроградской правды» недавно объединились питерские писатели.⁽¹⁾ Быт – это как раз та соломинка, на которой держится современная литература – Пильняк, Никитин, Иванов – и которая своими

корнями исходит от – будем говорить правду – отживших литературных форм – Ремизова и Белого. Эта соломинка рухнет и очень скоро, потому что со всех сторон уже встают писатели, которые принесут с собою то, что важнее материала – новые литературные формы. Пусть эти писатели – Лунц, Леонов, Антокольский (те, о которых пишет Замятин)⁽²⁾ наконец, слабее силами и мастерством слова; они послужат почвой, на которой новая литература создаст высокие таланты, пусть на бытовом, пусть на отвлечённом материале. Это, б<ыть> м<ожет>, далеко впереди, и эти ласточки ещё не сделали весну – но я убеждён, что эта весна настанет. Раньше так думали только Лунц и я; но недавно я писал ему, что у нас уже есть единомышленники, заявившие себя если не талантом, то способной писательской рукою. Всё это растёт снизу. Замятин с глубоким вниманием и любовью следит за этим. Он и сам мало-помалу отходит от ремизовщины <...>

Кстати о темах: нужно думать, что новое течение принесёт на своих волнах и новые темы, и я не думаю, чтобы значительное место в них было отведено быту. Мне кажется, что в литературу легко входит только быт отстоявшийся, а не разметённый в куски – как быт современный. Ведь самая лучшая в рус<ской> литературе бытовая вещь «Война и мир» написана по документам. Сейчас дело летописцев, а не художников. Художники современности возникнут, б<ыть> м<ожет>, через 50 лет.

Простите меня за некоторую самоуверенность. Без неё как и без твёрдости трудно работать дальше.

Последнее время я много работал по университету – пишу работу по древней рус<ской> литературе, исследую «Сказание о Вавилонском царстве». Это – превосходная древнерусская повесть XVI-XVII века – как чудесно писали в старину, как полновесно и ярко!

Эта работа отвлекла меня за последнее время от литературных занятий. Теперь, на рождестве, я думаю поработать над «Шулером Дьё» (я не посылаю вам этого рассказа, потому что первая редакция его в результате меня само-

го не удовлетворила). Мысль о создании характера сейчас меня глубоко увлекает. Вы не находите, что за последнее время никто не пытался дать характер? а ведь эта задача сейчас чрезвычайно интересна.

Сердечное вам спасибо за вашу заботливость и внимание, за предложение денег. Покамест я не нуждаюсь ни в чём, но если когда-нибудь со мною что-либо случится, я не замедлю воспользоваться вашим добрым ко мне отношением.

Серапионы – живы, пишут и работают по-прежнему. Настроение общее в литературе легко определить словом – разброд, – но среди разброда уже есть на чём остановиться взгляду. В газетах писали, что вы должны скоро приехать в Россию. Есть ли здесь хоть немножко правды? Если есть, вот было бы хорошо!

Скоро, вероятно, напечатают мою «Бочку» – снова не о России, но кажется с ясным содержанием. Я непременно пришлю её вам, как и «Шулера», когда он будет готов.

Вы пишете, что в Европе – грозная усталость. Этого нельзя сказать о нашей литературе. От нашего хаоса можно ожидать целого мира.

21/XII.

Я перечитал своё письмо и вижу, что не вполне прав. С первого взгляда мне показалось, что вы зовёте нас к Пришвину и Ценскому. Но ведь вы зовёте состязаться с ними. Вы правы, конечно. Пора твёрже становиться на ноги, больше работать, пора осознать себя и бросить вызов старой литературе. А для того, чтобы это сделать, *нужно* быть богаче словом, *нужно* обогатить стиль, *нужно*, чтобы наши пороховницы были полны порохом.

Простите, если где-нибудь я резко выразился или сказал не то слово.

Благодарю вас за ваши письма.

Сердечный привет Владиславу Фелициановичу,⁽³⁾ если он меня помнит.

Всего доброго.

Ваш В. Каверин

В вашем первом письме вы сообщаете печальные вести о вашем здоровье. Верно эта беспокойная жизнь в Германии так дурно отразилась на нём. Я вам писал тотчас же по получении первого письма, но, верно, вы ничего не получили, потому что во втором вашем письме вы ничего не пишете о здоровье. Напишите теперь непременно, дорогой Алексей Максимович! Я спрашивал у Слонимского, но он тоже ничего больше, чем я, не знает о вас. Все Серапионы этим встревожены.

Ещё раз всего, всего доброго. Поправляйтесь скорее.

В. К.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 180-181.

⁽¹⁾ Имеется в виду не сама газета «Петроградская правда», а выходившая в качестве приложения к ней «Литературная неделя».

⁽²⁾ Отсылка к статье Е. И. Замятина «Новая русская проза».

⁽³⁾ В. Ф. Ходасевич.

136. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу

25 декабря 1923, Петроград.

25/ХІІ. 23.

Лёвушка дорогой,

Сегодня 2 года – первый день Рождества. «Всемирная литература». ⁽¹⁾ Стили перепутались, и традиционный вечер будет по-прежнему 7-го, хотя празднуют все сегодня. ⁽²⁾ <...> Лёвушка, с Новым годом! Вам – здоровья, мне – освобождения. Собираемся кутить. Грандиозная встреча у Никитиных: Серапионы, Замятин, Щёголевы и присные. Если судить по Зойкиным именинам – особого веселья не предполагается. А именины были замечательные (хоть это и свинство, но ужасно хочется посплетничать). Итак, были все: Майские, ⁽³⁾ Ионовы, ⁽⁴⁾ Баскаков, ⁽⁵⁾ затем «попутчики» в лице братьев, и не-попутчики, как Ев<гений> Ив<анович>, ⁽⁶⁾ Жак, ⁽⁷⁾ Яков Лившиц. Дамы блистали красотой

(Агути),⁽⁸⁾ лакированной обувью (все!) и молодостью – Валентина Андреевна Щёголева. Т^ак к^ак сговориться публике было трудно, все сочли долгом напиться, к ужасу Зои Дмитриевны.⁽⁹⁾ Миша⁽¹⁰⁾ и Женя Шварц выбрали своей резиденцией ванную комнату (перед этим Миша объяснялся в любви всем жёнам ответственных работников). <...> Павел Елисеевич, пытаюсь танцевать шимми, разбил два шкафа.⁽¹¹⁾ Веня⁽¹²⁾ и Тихонов играли роль санитаров. Жак мрачно поглощал имевшиеся на столе продукты питания и пытался портить Дусю⁽¹³⁾. Сергеев Семёнов появлялся как раз там, где не был нужен. Илья⁽¹⁴⁾ и Павлик,⁽¹⁵⁾ сидя в стороне, издевались над окружающими. Затем, я безуспешно пробовала научить Илью целоваться. <...> Да, Мишка танцует фокстрот с Валентиной Ходасевич, и ни о чём другом говорить не может.

Лёвушка, а я скучаю. У Серапионов, как всегда, что-то не клеится. Каждый тянет в свою сторону. Даже встречаются вне сред мало. Такое у меня создаётся впечатление. Мишка злится на Федина за его осёдлость и прочность. А я иногда ему в этом завидую. <...>

Лида

Лёвушка, выучитесь моему адресу: Эртелев, 17, или Басейная, 9, а не наоборот.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 132-133.

⁽¹⁾ Имеется в виду не издательство, а литературная студия при нём, где складывалась группа «Серапионовы братья».

⁽²⁾ Юлианский календарь, которым пользовались в России, был заменен календарем григорианским, отчего и возник отсчет «по старому» и «по новому» стилю.

⁽³⁾ Семья И. М. Майского, историка, впоследствии дипломата.

⁽⁴⁾ Семья И. И. Ионова, издательского работника.

⁽⁵⁾ См. примечания к письму 72.

⁽⁶⁾ Е. И. Замятин.

⁽⁷⁾ Я. Л. Израилевич, друг В. Б. Шкловского, всеобщий знакомец.

⁽⁸⁾ Прозвище Л. П. Эйзенгардт-Миклашевской.

⁽⁹⁾ З. Д. Гацкевич, мать З. А. Никитиной.

⁽¹⁰⁾ М. Л. Слонимский.

⁽¹¹⁾ П. Е. Щеголев был необыкновенно тучен, что и обыгрывает автор письма.

⁽¹²⁾ В. А. Каверин.

⁽¹³⁾ И. И. Каплан-Ингель.

⁽¹⁴⁾ И. А. Груздев.

⁽¹⁵⁾ П. П. Щеголев.

137. Л. Н. Луц – А. М. Горькому

28 декабря 1923, Гамбург.

Hamburg. Больница, 28/XII

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам за Ваше письмо, оно меня ободрило. В последние дни мне немного лучше, улучшается и настроение. Вообще же я, действительно, приуныл: уже свыше 6 месяцев в постели. Но раздражает меня не это, а то, что болезнь не движется. Я впервые болею хроническим недугом, и терпение моё истощается. А лечить меня нельзя: покой, только покой!

Если б я был немного старше или моложе! А то гибнет самое лучшее время в жизни. У меня столько планов, и все плесневеют под одеялом. Писать в постели я не умею, да к тому <же> работать серьёзно мне не рекомендуется. Правда, я в октябре написал пьесу, но ею не доволен: погубил хорошо задуманную вещь. Я её всё правлю. Недели через две «решусь» и пошлю её Вам.⁽¹⁾

А, в общем, всё не так страшно: я не разучился ещё смеяться.

Главная моя отрада – письма из Петербурга. Серапионы хорошо работают, особенно Федин и Зильбер. Никитина отбила от нас Москва, он пишет прескверные фельетоны в «Правде» и ведёт себя по-пильняковски. Жалко его: ему же будет хуже.

Ещё раз спасибо, Алексей Максимович, за письмо. До скорого (верю!) свиданья.

Лев Луц

■ Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). М., 1994, с. 152.

⁽¹⁾ Речь идет о пьесе «Город Правды».

138. Л. Н. Луц – Н. Н. Берберовой

28 декабря 1923, Гамбург.

Гамбург. Больница. 28 дек. 1923.

Нет, Ниночка, из-за меня волноваться не следует. Я ещё жив и не разучился острить. Во всяком случае, среди больничных немцев слышу за первого остряка. Вообще, мне лучше. Приехал отец из Южной Америки, растормошил меня. Умирать в ближайшее время не намерен. Ещё увидимся!

Пьесу Вам пока не посылаю. Боюсь! Я обдумывал её два года, всю душу, так сказать, вложил в неё и – кажется – она не удалась. «Кажется» потому что я уж не судья ей: я знаю пьесу чуть ли не наизусть. Но через недели две всё-таки пришлю её.

Получил экземпляр «Вне закона» по-немецки. Здорово переведено.⁽¹⁾ И вообще, превосходная вещь, кто бы мог подумать!

Известия Ваши о Н<икити>не, к сожалению, правильные – он совсем сбился с пути. Остальные Серапионы хорошо работают. И все «плодятся»: к весне ожидается целая когорта молодых Серапионят.

Ну, к сожалению, к моему соседу пришла жена – начали целоваться и мешают писать. Привет Влад<иславу> Фел<ициановичу>.⁽²⁾

До свидания. Целую Вашу ручку.

Лёва

Пожалуйста передайте письмо Ал<ексею> Макс<имовичу>,⁽³⁾ я не знаю его адреса.

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 178.

⁽¹⁾ Возможно, Л. Н. Лунц, обрадованный самим фактом, что пьеса переведена, необъективен и чересчур высоко оценивает работу переводчика. Так, о переводе романа «Города и годы», сделанном тем же Д. А. Уманским, К. А. Федин, в совершенстве владевший немецким языком, сказал – «более чем плох».

⁽²⁾ В. Ф. Ходасевич.

139. Е. Г. Полонская – Л. Н. Лунцу

29 декабря 1923, Петроград.

Лёвушка, с Новым годом, с новым счастьем. Целую Вас дружески. Я не забыла, что мы с вами пили «на ты», но полагаю что «ратификация» ещё не последовала. Но я вас люблю и «на Вы».

Очень хотелось бы мне посмотреть, как идёт ваша трагедия в Вене. Здесь все огорчены снятием «Вне закона». Особенно Вивьен, который говорит, что всю жизнь мечтал о такой роли. А что за новая пьеса? Я утешаюсь тем, что когда-нибудь и «Вне закона» и «В петле»⁽¹⁾ будут узаконены. Получили ли вы серапионовские стансы и что о них скажете. А знаете ли что я пишу драму. Да, да!

Брат⁽²⁾ жмёт вашу лапку, особенно неопикуемый немец. Поправляйтесь!

Е. Полонская

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 133-134.

⁽¹⁾ Поэма Е. Г. Полонской.

⁽²⁾ А. Г. Мовшенсон.

140. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу

3 января 1924, Петроград.

З/Л-24.

...Мы за Лёву Лунца пьём

И за Витю Шкловского!⁽¹⁾

Дорогой Лунчик, ещё раз с Новым годом! Встречали за-

мечательно: у Ник<олая> Сем<ёновича>,⁽²⁾ Опояз,⁽³⁾ Серапионы, Шварцы,⁽⁴⁾ Ев<гений> Ив<анович>⁽⁵⁾ и чады и домочадцы Мар<ьи> Конст<антиновны>.⁽⁶⁾ Дон-Жуаны вроде Мишки⁽⁷⁾ плакались на отсутствие женщин стиля Агutti,⁽⁸⁾ супруги Никитины, встреченные без подобающего почета, удалились рано, но по-моему было чудесно, как бывает только у Тихоновых. За Ваше здоровье пили не меньше 3-х раз. Тынянов читал частушки. Марья Конст<антиновна> выпила и всем говорила «правды». Это было превесело. Илья⁽⁹⁾ дал мне слово написать Вам. Был на встрече и Соколов-Микитов с Лидией Ив<ановной>. Через 2 м<еся>ца у них будет ребенок. С ним мы немедленно подружились. Вот это я понимаю: удивительное сочетание интеллигента с «живым человеком». Лёвушка, у Федина рецидив язвы. Ходит худой и зелёный, с сумасшедшими волчьими глазами.

Лёвушка милый! Только что открыла новогодний № «Жизни иск<усства>». Поздравляю Вас! В Одессе поставили «Вне закона»!

«В поисках революционного матерьяла Одес. Драм. Театр остановил свой выбор на произведении молодого автора Льва Лунц «Вне закона», при чём в задачу театра вошло, видимо, дать нечто революционное и в самой постановке. Революционное в постановке выражается прежде всего в уничтожении рампы и перенесении части действия в зрительный зал, в применении конструктива площадок и лестниц при крайней условности прочей декорации. Надо отметить, что массовые сцены сделаны безусловно хорошо, костюмы живописны и моментами (1 акт) зрительный зал действительно заражался жизнерадостностью актеров, затрачивающих массу сил и энергии. Артист Корнев весьма удачно балансировал между комическим и трагическим в изображении роли Алонзо».

Это – всё <...>

15/Л.

Письмо залежалось – и хорошо, пошло теперь вместе с новым. <...> Папа мой, наконец, устроился в какой-то ев-

рейской газете на русском яз<ыке>, в Риге. Зовёт в гости. Можете быть спокойны: дальше Феодосии я летом не уеду. Живых людей не много, и на моём пути они не попадают-ся. <...> Серапионы, т<о> е<сть> Миша, Федин и отчасти Николай⁽¹⁰⁾ (когда не занят новыми друзьями и семейным очагом) пьют. Есть такая «Карусель»,⁽¹¹⁾ из кот<орой> хотели сделать что-то вроде «Бродячей собаки».⁽¹²⁾ Говорят, хорошо расписано, хорошо кормят, бывают нэп'ы и цвет богемы. Серапионами предположено возродить там вторники, устраивать до 12 ч<асов> н<очи> литерат<урные> чтения с публикой по рекомендации. По-моему, чепуха. Ничего не выйдет. Лишний повод выпить после 12-ти час<ов>. <...> О 1 февр<аля> были разговоры.⁽¹³⁾ Либо семейное, а ля прошлый год, торжество у Фебина, либо холостая выпивка. <...> Писем для Ев<гения> Ив<ановича> уже месяца полтора не было.⁽¹⁴⁾ Лёвушка, Вас Серапионам не хватает очень. И мне. <...> Коля зачастил на Серапионы ходить. Про него, бедного, написали недавно в «Ж<изни> иск<усства>»: «Читал сценарий пролетарский писатель Ник<итин>». Говорят, позеленел и пошёл объясняться к Гайку,⁽¹⁵⁾ но дошёл только до порога. Он усиленно читает в Доме Печати (открылся в Центр<альном> Клубе Просвещения).

А, в общем, – скучно. Лёвушка, родной, пишите. Вы сейчас единственный человек, с кот<оторым> я поддерживаю корреспонденцию. На меня со всех сторон нарекания.

Лидя

<Приписка К. А. Фебина. На полях>

Дорогой Лёва, клянусь, что на днях напишу много. Целых две недели у меня гостил неотразимый Соколов-Микитов. Я пил. За твоё здоровье тоже.

К. Ф.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 134-136.

⁽¹⁾ Строки из частушки, написанной к новогоднему празднику, о котором речь идет в письме 143.

⁽²⁾ Н. С. Тихонов.

(3) О ком конкретно из членов Опяеза идет речь, неизвестно.

(4) Скорее всего, А. И. и Е. Л. Шварцы. Возможно, они были с женами.

(5) Е. И. Замятин.

(6) Н. С. Тихонов и М. К. Неслуховская занимали две квартиры в доме на улице Зверинской. В одной из квартир жила семья М. К. Неслуховской.

(7) М. Л. Слонимский.

(8) Л. П. Эйзенгардт-Миклашевская.

(9) И. А. Груздев.

(10) Н. Н. Никитин.

(11) Артистическое кабаре «Карусель» открыто в 1923 году.

(12) Литературно-артистическое кабаре, одно из самых популярных мест дореволюционного Петербурга.

(13) То есть о том, как справлять очередную годовщину «Серапионовых братьев».

(14) Е. И. Замятин просил присылать адресованные ему письма на имя Л. Б. Харитон.

(15) Г. Г. Адонц, редактор журнала «Жизнь искусства».

141. К. И. Чуковский – Л. Н. Лунцу

7 января 1924, Петроград.

Милый, милый Лёвушка! Поздравляю Вас с Новым годом. Помните ли Вы ещё Петербург? Здесь сейчас хорошо: снег мягкий и добрый, мороз деликатный. Как-то так случилось, что, чуть Вы уехали, Ваша слава воссияла в Петербурге. На днях видел Лаврентьева, режиссёра Большого театра.⁽¹⁾ Он говорил мне о Вашем «Вне закона»: вот это пьеса! ох, какая пьеса! Замятин утверждает, что изо всех «Серапионов» Вы самый талантливый. Я спорил, возражал, не помогло.

Кланяйтесь, пожалуйста, Вашей маме. Передайте, пожалуйста, ей от всей нашей семьи самые горячие приветы. Дай ей Бог, чтобы её милый сыночек Лёвушка поскорее выздоравливал – и был бы счастлив! Папе тоже кланяйтесь от нас, если только в Буэнос-Айресе он не забыл о нашем бытии. Экий у него талант к путешествиям. Мне в Ольгино и то съездить трудно.

Литературных новостей у нас целая куча. Приехал Алексей Толстой, обосновался здесь и сразу всем полюбился. Семья у него большая, зарабатывать нужно много, и вот он пишет обеими руками. У меня с ним отношения наилучшие, несмотря ни на что.⁽²⁾ Я написал довольно ядовитый памфлет о Горьком.⁽³⁾ На днях он появится. Если Вам интересно, пришлю. Детских книг я написал столько, что скоро сделаюсь Чарской в штанах.⁽⁴⁾ Ольга Форш написала отличный роман.⁽⁵⁾ Она живёт теперь в Царском. Это теперь такая мода: там теперь обитают Сологуб, Ив<анов->Разумник, Голлербах, Форш и Маршак. Целая колония.

Ну до свидания. Люблю Вас. *Чуковский*

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 136.

⁽¹⁾ Имеется в виду Большой драматический театр.

⁽²⁾ А. Н. Толстой опубликовал за границей адресованное ему частное письмо К. И. Чуковского, где содержались нелестные характеристики известных литераторов. В связи с этой публикацией К. И. Чуковскому пришлось публично объясняться.

⁽³⁾ Вероятно, речь идет о статье «Две души М. Горького».

⁽⁴⁾ Обыгрываются фамилия известной детской писательницы Л. А. Чарской и название поэмы В. В. Маяковского «Облако в штанах».

⁽⁵⁾ Речь идет о романе «Одеты камнем».

142. Н. К. Чуковский – Л. Н. Луццу

7 января 1924, Петроград.

Милый Лёва!

Прости, что я тебе не писал. Сумасшедше занят. Со времени твоего отъезда перевёл с английского два романа по 15 листов каждый, написал 20 стих<отворений>,⁽¹⁾ перешёл на второй курс и съездил в Одессу. Но главное – жениховствую. Невеста моя Марина Николаевна Рейнке – помнишь ещё когда говорил о ней? Но об этом пока помалкивай.

Как ты, родной? Пиши чаще и подробней. Моё нежное сердце тоскует по покинувшим меня друзьям. А ведь я человек привязчивый, люблю вас, сволочей, искренне и нежно – вы даже не подозреваете как. Вова Познер покинул меня, Нина Берберова тоже, Лёва Лунц тоже. Колбасьев приехал было из Афганистана, да ненадолго – уехал в Гельсингфорс. Кстати: у Миши родился от его брата Александра племянник⁽²⁾ – как раз в ночь на Рождество Христово. Мишка уверяет, что он тут не при чём. У Колбасьева ожидается ребенок, у Никитина с Зойкой – тоже. Вообще литература рожает. Серапионцы процветают. По наблюдениям моим, со стороны, Никитин несколько отпадает от них. На заседаниях бывает редко. Зоя никогда не бывает.

У нас дома – прелесть Мурочка.⁽³⁾ Знает наизусть все детские папины сочинения и терроризирует ими весь дом. Представь себе, что я вот уже полгода как недурно зарабатываю переводами и курю собственные папиросы. Да что там говорить, всё равно не поверишь.

Как твоё здоровье? Поправляйся, не забывай нас, пиши. Целую.

Коля Чуковский

Привет твоим. Твоя «Вне закона» с успехом идёт в Одессе.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 137-138.

⁽¹⁾ Автор письма начинал свою литературную деятельность как поэт и переводчик.

⁽²⁾ Сын А. Л. Слонимского, племянник М. Л. Слонимского.

⁽³⁾ Младшая дочь К. И. Чуковского.

14 января 1924, Петроград.

14/I-24

Дорогой Лёвушка!

Я очень обрадовался твоему письму, хотя ты и называешь меня, старый интриган, ослиной ягодицей. Где ты вычитал в моём письме, что я язвлю насчёт Кости?⁽¹⁾ Я Костю люблю и уважаю и так же верю в него, как и ты. Не сообщая тебе на этот раз обычной «Серапионовской хроники». Ничего нового, кроме того, что Слонимский научился бесподобно танцевать шимми и фокстрот, а Зоценко выпустил новую книжку, которую я ещё не читал.⁽²⁾

Юрий⁽³⁾ пишет тебе о «комитете изучения живой литературы»⁽⁴⁾ – это симпатичная история. Кто писал тебе о моих успехах? Всё это наглая ложь, потому что всё время, до самого Рождества, я занимался, как дьявол, и не написал ни строки, кроме халтурного рассказа «Манекен Тутертага»,⁽⁵⁾ в котором твой опытный глаз мигом узнал бы передетого Шваммердама и который годится только на подтирку... Зато последний месяц я писал с утра до вечера – перedelывал и расширял летний рассказ «Шулер Дьё», о котором до тебя дошли какие-то слухи. Он был плох, недосказан, смутен – теперь я поставил всё на землю, наплевал на фантастику и, воспользовавшись, между прочим, этим говённым шулером, написал «Эдвина Вуда»⁽⁶⁾ – листа в 2 ½.

Поздравь меня – я переехал в Россию, писал о кабаках и игорных притонах в Питере и т. д. и, извини дружище, посадил в последней главе за стол в клубе тебя (под твоей фамилией) среди Федина, Тихонова, Виктора⁽⁷⁾ и Эдвина Вуда. Если ты не хочешь, напиши и я вычеркну. Сегодня Замятин хвалил мне этот рассказ, и я чувствую себя на коне – он, б<ыть> м<ожет>, напечатает его в журнале, который затевает Тихонов А. Н. – из «Всем<ирной> литер<атуры>». Кстати сегодня он просил меня просить тебя непременно прислать для печати твою пьесу.⁽⁸⁾ Журнал в высшей

степени почтенный – там будет Горький, Замятин, Пильняк и прочие сливки общества.⁽⁹⁾ Присылай скорее, дружочек.

Читал ли ты его (Замятина) статью в «Русском искусстве»⁽¹⁰⁾ – там он тебя, Леонова (? мало его знаю) и меня считает «единственной» надеждой новой рус<ской> литературы. «Билеты дальнего следования» и проч. Словом, ещё 3-4 года, и мы с тобой покажем кузькину мать бессюжетникам. Эдвин Вуд сделан по твоему рецепту, склёпан плотно, кажется, – ни одного немотивированного действия, сюжет поставлен во главу угла.

Меня чертовски огорчает твоя болезнь, но я надеюсь твёрдо, что скоро уж ты встанешь, ёлки зелёные. Мы довольно симпатично встретили Новый год (с Новым годом, Лёвушка!) Пели частушки, сочинённые Юрием.

Пропиваю я сегодня
Платьице исподнее.
Настроенья у меня
Очень новогодняя.

Ник. Никитин посетил
Англию инкогнито
И Европа вся дрожит
В рог бараний согнута.

Эх который Михаил
Десять дам покорил?
Тот, который с круглым глазом,⁽¹¹⁾
Иль который пишет сказом?⁽¹²⁾

Что-то Шварц имеет вид
В первый раз влюблённого.
На каком-то *soirée*⁽¹³⁾
(У Никитина на Зоиных именинах)
Целовал ИONOва.

Времена что-то настали
Вовсе нонче куцые
Братцы Федина прикрыли
(Ещё не совсем прикрыли, но собираются)
С «Книгой» с «революцией».⁽¹⁴⁾

На «Шахматы» Тихонова:

Всем поэтам шах,
Всем издателям мат,
Шахматисты все читают,
Ничего не понимают.

На опоязцев:

Борис Михалыч Эйхенбаум
Пишет том в два месяца
Или он иль Виноградов⁽¹⁵⁾
Кто-нибудь повесится.

Если хочешь развлеченья
Ты пройди по Невскому.
Хочешь знать стихосложение
Иди к... Томашевскому.⁽¹⁶⁾

Было ещё на кого-то, не припомню.

Кончалось:

Эх налейте вина,
Вина запьянцовского!
Мы за Лёву Лунца пьем
И за Витю Шкловского!

И, честное слово, мы хорошо выпили за тебя, Лёвушка!
Ну, больше писать нечего, дорогой. Жду писем и пьесы от
тебя. Привет от Лиды сердечный (это моей жены Лиды, а
не Харитон). Поправляйся, дружище.

Целую крепко. Твой *Веня*.

Ещё на Слонимского:

Мих. Слонимский овладел
Формами большими.
Танцевал он фокстрот,
А танцует шимми.

Почему ты ни беса не пишешь о себе? Пиши больше и не
отделывайся, с. с., тремя словами. Антокольский⁽¹⁷⁾ в

письме тебе кланяется. Это славный, талантливый мальчик и нашего толка.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 138-141.

(1) К. А. Федин.

(2) О какой книге М. М. Зощенко идет речь, неизвестно.

(3) Ю. Н. Тынянов.

(4) См. примечания к письму 144.

(5) Имеется в виду рассказ «Манекен Футерфаса».

(6) Рассказ впоследствии получил название «Большая игра».

(7) В. Б. Шкловский.

(8) Пьеса «Город Правды».

(9) Речь идет о журнале «Русский современник».

(10) Статья «Новая русская проза».

(11) М. Л. Слонимский.

(12) М. М. Зощенко.

(13) Вечеринка (*фр.*).

(14) Последние номера журнал «Книга и революция» вышли в 1923 году, однако о закрытии журнала еще не было известно.

(15) В. В. Виноградов.

(16) Б. В. Томашевский.

(17) П. Г. Антокольский.

144. Ю. Н. Тынянов – Л. Н. Лунцу

14 января 1924, Петроград.

Дорогой Лёвушка!

Большое Вам спасибо за теплоту по моему адресу. Много о Вас думаем, вспоминаем. Чувствуется очень часто Ваше отсутствие. Пили за Ваше здоровье в новогоднюю ночь. Организуется теперь в Институте ист<ории> иск<усств> живое дело – «Комитет по изучению соврем<енной> литературы»⁽¹⁾ – и опять о Вас вспоминали. Это доказывает, что мы 1) крепко за эти годы сдружились, во 2) – но и во-вторых тоже много хорошего.

Поправляйтесь, дорогой друг. Очень хочу узнать от Вас, наконец, что Вы одолели болезнь, пишете и т. д. И я лет восемь назад был болен 5 месяцев подряд, плакал и

начинал забывать о здоровье. Всё это прошло, и у Вас пройдёт.

Если Вам интересно знать об «Опоязе», то он работает, больше вглубь, чем вширь (ибо Вы не узнали бы теперь учёной литературы – все стали формалистами и кричат: «и я» – даже по-немецки: I-a!) Эйхенбаум у нас стал Августом Шлегелем, пишет много, интересно и изящно. Я печатаю не очень изящную книгу «Проблемы стихотворного языка». (Название принадлежит издателю, который испугался «Стиховой семантики»). Выйдет в феврале, вероятно, – и я Вам пошлю. Витю,⁽²⁾ к сожалению, до сих пор не видали, а переписка после стольких лет – это то же, что питание продуктами карточками вместо каши. Дочка моя стала к моему ужасу поэтессой – начала кубо-футуризм, а потом через Северянина пришла к Надсону. Теперь сочиняет главным образом под Надсона. Она Вас помнит, – только что сказала: «который у нас концертом управлял» (т<о>е<сть> «кино»)⁽³⁾ Ну, целую Вас. Поправляйтесь. Напишите мне.

Ваш Юрий

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 141-142.

⁽¹⁾ Правильно – «Кабинет современной литературы».

⁽²⁾ В. Б. Шкловский.

⁽³⁾ В. А. Каверин вспоминал, что один из серапионовских «киносансов» проходил в квартире Ю. Н. Тынянова.

145. А. М. Горький – В. А. Каверину

15 января 1924, Мариенбад.

Дорогой Каверин,

говоря о «быте», я был очень далёк от мысли подтвердить литературу Пильняка и К°, хотя сам и являюсь «бытовиком». Но я ведь хорошо и всюду вижу, что эта школа, во всех её разветвлениях, сделала своё дело и давно уже не имеет сил питать как духовные запросы художника, так

равно – я надеюсь – и духовные интересы читателя. Должна отмереть и «словотворческая» литература Ремизова, тоже сыгравшая свою, очень значительную роль, обогатив русский словарь, сделав язык наш более гибким, живым.

Но я думаю, что «быт» нужно рассматривать как фон, на котором вы пишете картину и, отчасти, как материал, с которым вы обращаетесь совершенно свободно. Нужно также помнить, что быт становится всё более быстро текучим и что быт XIX века уже не существует для художника, если он не пишет исторический роман. Для художника вообще не существует каких-либо устойчивых форм, и художник не ищет «истин», он их сам создаёт. Ведь и у вас игра в ландскнехт⁽¹⁾ – черта бытовая, но, вообразите, что карты тоже играют людьми, играющими в карты, и вы тотчас же вышли за черту реального быта, вообразите человека, который реально – вполне одинок и одиночество понуждает его создать себе сложную «бытовую» обстановку силою только фантазии своей. Создал и – верит реальности создания своего – понимаете?

Этот человек – вы, это – художник. Это очень хороший «герой» в то же время. Всё, что написал Л. Толстой, он написал о *себе*, так же, как Пушкин, Шекспир, так же, как Гёте.

Вам особенно не следует бояться быта и нет нужды отрицать его, ибо у вас есть все задатки для того, чтоб легко превратить тяжёлое «бытовое» в прекрасную фантазию. В конце концов – все великолепные храмы наши создаются нами из грязной земли.

В заключение: я думаю, что пришла пора немножко и дружески посмеяться над людьми и над хаосом, устроенным ими на том месте, где давно бы пора играть лёгкой и весёлой жизни. Мы достаточно умны для того, чтоб жить лучше, чем живём, и достаточно много страдали, чтоб иметь право смеяться над собой.

Мне всё кажется, что вы – из тех, кто должен хорошо понимать это. Несмотря на вашу молодость, которая, впрочем, никогда не порок. Будьте здоровы, дорогой Каверин.

А. Пешков

15.I.24.

Ходас<евич> посылает вам привет, Берберова – тоже.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 182.

⁽¹⁾ Имеется в виду эпизод из рассказа «Щиты и свечи».

146. А. Л. Слонимский и С. Я. Маршак – Л. Н. Лунцу

22 января 1924, Петроград.

22 января 1924

Милый Лёва, приветствую Вас из недр осиротелого Сандомуча!⁽¹⁾ Тот же Маршак, та же Клавдия Ивановна⁽²⁾ – но нет больше величавых королей, торжественно возносящих чайник из кухни, ни беснующихся дофинов, ни его престарелых поклонниц, для которых весь он был «восторг и песнопенье». Праздная деревянная корона валяется на буфете, и память о величии былого (конечно, не щёголевского)⁽³⁾ сохраняется только в истрёпанных анналах, писанных рукою лучшего из дофинов.

Сегодня исполнилось ровно 4 недели, как я стал серьёзным отцом семейства. Пяточка родился 25 декабря, пока что мы называем его Вовочкой – из понятного уважения к таланту Вовы Познера. Голос у него довольно громкий, с назальной окраской (как у маршаковского козла); интонирование ещё слабое (как у Эйхенбаума). Он сейчас очень занят конструированием пространства и времени и пачканием пелёнок. Поэтому и вид такой серьёзный, что я даже конфужусь.

А Вы как? Поправляетесь? Напишите: Петровский пр., д. 2. Последнее Ваше письмо произвело колоссальный эффект. А что касается «величины и мощи», то прошу не выражаться!! Впрочем, мамочка действительно прелесть.

Возвращайтесь поскорей! Маршак Вас сделает детским писателем! Он занимается омолаживанием и даже такого солидного писателя, как Миша, превратил в воробейчика (см. Мишин рассказ «Марка святой Елены» в журнале

«Воробей» на марксистской подкладке). Мне он дал тему: «Байрон и железные дороги» для детей до 6-недельного возраста.

А теперь вот Вам:

Невероятные происшествия в Детскосельской⁽⁴⁾ Санатории Дома Учёных («Сандомуче»)

или:

Техника комического у Слонимского и Маршака
(Пустельга с голосами)

Спит спокойно замок Сандо
Сандо – Сандо –
Сандомуч.
В нём подъезды и веранда
Запираются на ключ.

Но однажды в Сандомуче
Был такой ужасный случай:
У Слонимского А. Л.
Кто-то в комнате храпел...

Он от храпа пробудился,
Удивился, рассердился,
Стал искать и здесь и там,
Но подумав, убедился,
Что во сне храпел он сам!

Тихо дремлет замок Сандо –
Сандо – Сандо –
Сандомуч.
В нём подъезды и веранда
Запираются на ключ.

Но однажды в Сандомуче
Был такой несчастный случай:
У Слонимского А. Л.
Целый день живот болел.

Взяв касторки десять унций –
По примеру Лёвы Лунца, –
Вышел ночью он на двор
И полез через забор.

Мы, узнав про эту драму,
Дали в Питер телеграмму:
«Привезите из Кубу⁽⁵⁾
Нам клистирную трубу!»

Неприступен замок Сандо –
Сандо – Сандо –
Сандомуч.
В нём подъезды и веранда
Запираются на ключ.

Но однажды в Сандомуче
Был такой печальный случай:
Самуила Маршака
Долго мучила тоска.

Испытав мученья ада,
Вызвал он из Петрограда
В середине января
Своего секретаря.

Секретарь-то был весёлый,
Только с ним не однополюй.
Вот так штука! А к тому ж
У неё имелся муж...

Вот что было в замке Сандо –
Сандо – Сандо –
Сандомуч,
Где подъезды и веранда
Запираются на ключ.

Привезла она в портфеле
Корректур на две недели
И тяжёлый чемодан –
М. Слонимского роман,

С фантастическим сюжетом,
Поучительный при этом,
Усыпляющий детей
Сложной фабулой своей –

Чтобы маленький племянник
Обходиться мог без няnek

И, прослушав первый том,
Засыпал спокойным сном...

Это было в замке Сандо –
Сандо – Сандо –
Сандомуч,
Где подъезды и веранда
Запираются на ключ.

Но Маршак и секретарша
Были несколько постарше,
И Слонимский Михаил
Их отнюдь не усыпил.

Но статейка Жени Шварца
Усыпить могла бы старца...
Вдруг при чтеньи корректур
В Сандомуч влетел Амур.

Шаловливый и крылатый,
Облетел он все палаты
И прицелился тайком
В секретаршу с Маршаком...

Дни летят, бегут недели,
А в редакторском портфеле
В безнадежном забытьи
Спят рассказы и статьи...

Вот что было в замке Сандо –
Сандо – Сандо –
Сандомуч,
Где подъезды и веранда
Запираются на ключ...

Post scriptum:

Позабыв каноны формы,
Написали сущий вздор мы.
Разыгравшийся Пегас
Вероломно сбросил нас
У формального шлагбаума
Гражданина Эйхенбаума! ⁽⁶⁾

Приветствуем и целуем, ждём поэтического ответа с рифмой, мелодикой, кадансом и с пеонами в установленной пропорции.

Ал. Слонимский, С. Маршак

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 142-146.

(1) Санаторий Дома Ученых.

(2) Вероятно, кто-то из обслуживающего персонала или медиков.

(3) П. Е. Щеголев был редактором журнала «Былое», на этом и построен каламбур.

(4) Санаторий находился в Детском селе (прежнее название – Царское село).

(5) Правильно – ПетроКУБУ, то есть Петроградская Комиссия по улучшению быта ученых.

(6) Б. М. Эйхенбаум был одним из представителей формальной школы в литературоведении.

147. Л. Н. Лунц – К. А. Федину

23 января 1924, Гамбург.

23/1, Гамбург, больница.

Милый Костя!

Поздравляю тебя и прочих серапионов с третьей годовщиной братства. Посылаю тебе при сём «Хождение по мукам»⁽¹⁾ для прочтения на празднестве. В последнее время я невероятно разгневался и никак не мог написать эту глупость. Наконец собрался в последнюю минуту – скомкал и испортил. Ну, какова ни есть – прочтите.

У меня всё по-старому. Надеюсь всё же к XXV-летнему юбилею серапионов выздороветь.

Да! Дошли до меня слухи, что вы, несчастные, собираетесь праздновать годовщину на холостую ногу, без жён. Считаю долгом выразить своё негодование. Надеюсь, это не так. Наши годовщины тем и хороши были, что по-семейному праздновались, без всякой шушеры. Нет вам, в противном случае, моего благословенья!

Вспомните меня 1-го.⁽²⁾ А я-то уж наверное... увы! увы!

А ты, старый грешник, пиши. И другим передай, чтоб не забыли.

Жена, дочь, тёща – всем поклоны.

Целую.

Луиц

■ «Вопросы литературы», 1993, № IV, с. 247.

(1) Речь идет о сатирическом рассказе Л. Н. Лунца, в котором он предсказал судьбу каждого из «серапионов».

(2) То есть справляя очередную годовщину «Серапионовых братьев».

148. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу

24 января 1924, Париж.

24 января 1924

Париж

Дорогой

Лев Натанович,

моё молчание необъяснимо, неизвинимо, – и прости !...! Целый год не писал я тебе!! Сколько событий произошло с тех пор! Веку исполнилось двадцать четыре года, мне исполнилось девятнадцать, умер Ленин, родился Владимир Александрович Слонимский, женился Яков Лунц – !*Sic transeunt gloriae mundi!*⁽¹⁾ А я-то думал, что Ленин бессмертен, Слонимский девственен, Лунц холост.

Яков Натанович был у нас дважды и умилил меня сходством своим с тобой. А-проpos: ты великий писатель, у тебя должно быть много фотографий, пришли мне какую-нибудь покрасивее. А-проpos, твоя статья «На Запад» – очень хорошая и совсем правильная, хотя она не статья, а речь!⁽²⁾ Только зачем упоминать Пьера Бенуа и Клода Фаррера? Это – писатели третьестепенные. Мак-Орлан тоже так себе. У французов – Жарри и Аполлинер «Эрзиарх»,⁽³⁾ (с которого скатан «Julio Jurenito»). А главное – англичане, – Joseph Conrad и G. K. Chesterton. Читал ли ты первого: «Victory» и второго: «The Club of Queer Trades»?⁽⁴⁾ Вот эти – настоящие.

Новостей мало. Выхожу сравнительно немного, занимаюсь ожесточённо, кончить дабы. Ремизовым тяжело живётся, что вполне понятно, принимая во внимание тургеневскую девушку⁽⁵⁾ – Серафиму Павловну.⁽⁶⁾ Одоевцева и Иванов опять было поженились и уехали на юг, но он оттуда скоро прилетел. Там очевидно был какой-то скандал. Он обокрал кого-нибудь или заболел чем-нибудь? – теперь они не раскланиваются. Иванов устраивается к первой жене. Здесь Эльза Триоле (третья Элоиза), – танцует средне. Витя⁽⁷⁾ в Москве, читает лекции. Приехали Зайцевы, Осоргины,⁽⁸⁾ на днях ожидают Алданова.

Григ<орий> Леон<идович>⁽⁹⁾ по-прежнему хромает и говорит по-французски, как Anatole France.

Я занимаюсь кинематографом, – технически и теоретически. Мне надоело вообще, стараюсь влюбиться, вспоминаю тебя.

?Какая жена у твоего брата?

?Как Женичка⁽¹⁰⁾ и родители?

?Что слышно из России?

У меня ничего.

!Пиши!

Наши кланяются.

!Пиши!

Привет твоим

!Пиши!

Целую тебя

Вова

■ Лев Лунц. Завещание царя. München, 1983, с. 167-168.

(1) Так проходит земная слава (*лат.*).

(2) Л. Н. Лунц прочитал свою статью 2 декабря 1922 года на очередном собрании «серапионов».

(3) Речь идёт о рассказе Г. Аполлинера «Ереснарх».

(4) Упоминаются роман Д. Конрада «Победа» и сборник рассказов Г. К. Честертон «Клуб удивительных промыслов».

(5) Наричательное название мечтательной, романтической особы.

(6) С. П. Ремизова-Довгелло.

(7) В. Б. Шкловский.

(8) То есть семьи писателей Б. К. Зайцева и М. А. Осоргина.

(9) Г. Л. Лозинский.

(10) Е. Н. Лунц.

149. Л. Н. Лунц – К. И. Чуковскому

24 января 1924, Гамбург.

24.I.

Возлюбленный мэтр, ментор и
учитель жизни, Корней Иванович!

Тронут Вашим милым письмом. Не сомневался, что Вы не забудете меня, хотя и не сомневался, что Вы, злой человек, будете спорить с Замятыми.⁽¹⁾ А я, назло Вам, взглядов своих не переменял и в бреду, при 41°, кричал, что Чехов плохой драматург! Да, да, да! Мой папа, который Вам нежно кланяется, уверяет, что всё это потому, что меня мало драли в детстве. А мама вздыхает: «Почему у всех дети, как дети, а мои – это черти?» Вероятно, Марья Борисовна⁽²⁾ говорит то же самое. Единственное утешенье, что мамы наших мам употребляли те же выраженья.

Я написал новую пьесу, страшно умную и плохую.⁽³⁾ Женя⁽⁴⁾ тоже собирается писать и, конечно, тоже пьесы. Это свинство. Точно мы – Слонимские, где каждый ребенок уже при рождении заносится в Венгеровский словарь.⁽⁵⁾

Был бы весьма тронут, если б Вы прислали мне, больному ученику,⁽⁶⁾ Ваши новые произведения. Но это, кажется, очень трудно...

Жаркий поклон Марье Борисовне и всем младенцам.
Спасибо!

Лёва

■ Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979, с. 322.

(1) См. письмо 141.

(2) М. Б. Чуковская.

(3) Пьеса «Город Правды».

(4) Е. Н. Лунц.

(5) Подавляющее большинство членов семьи Слонимских были профессиональными литераторами. В связи с этим и упомянут составившийся С. А. Венгеровым «Критико-биографический словарь русских писателей и учёных. От начала русской образованности до наших дней», шесть томов которого выходили с 1886 по 1904 год.

(6) В литературной студии Л. Н. Лунц сначала посещал в занятия, которые вел К. И. Чуковский, и лишь затем перешел к В. Б. Шкловскому.

150. «Серапионовы братья» и их друзья – Л. Н. Лунцу

1 февраля 1924, Ленинград.

1/II. 1924. После ужина.

<Е. Л. Шварц>

Лёвушка, милый! Только по подлости, я не написал тебе до сих пор длинно. Твой рассказ произвёл впечатление бомбы,⁽¹⁾ начинённой свежей... как бы это сказать? атмосферой, допустим. Короче – частью ржали, частью задумывались. Напишу тебе длинно. Пока – полон почтения к твоей уважаемой голове.

Почтительный *Шварц*

<И. И. Каплан-Ингель>

Лёвушка, миленький! Все пьяны и я тоже, поэтому не удивляйся. Шварц коварный соблазнитель, не верь ему. Все по тебе сучаем, пили за твоё здоровье. Рассказ чудесен. Лёвушка, целую.

Дуся

<Л. П. Эйзенгардт-Миклашевская >

Я не пьяна. Очень Вас помню. Без Вас Серапионы потеряли половину колорита (если не весь). Вы давали тон своим вдохновенным взглядом. Хоть и мало Вас знаю, но рада видеть, как все Вас любят и говорят о Вас. Спасибо за хороший рассказ. Кроме Вашего письма и телеграммы,

ничего сегодня не читали. Но мы удовлетворены вполне.
Слонимский польщён. Нежно целую.

Агути Миклашевская

<В. Г. Шкловская-Корди>

Целую милого Лунца, всё жду обещанного отдельного письма.

Василиса Георгиевна

<Е. И. Замятин>

Милый Лунц. То, что Федин читал – Ваше – сегодня – было очень хорошо. Может быть, Вы и лежите, но не стойте на месте. Серапионы сидят – в луже: посадил их Альфонс.⁽²⁾ Пусть Вам сами расскажут.

Целую Вас. Метресса⁽³⁾ – тоже.

Е.З.

<М. М. Зоценко>

Лёвушка, милый, самый хороший человек в моей жизни. Целую тебя нежно и... и на днях пишу тебе обширное послание. Если не напишу – подлец я и последняя собака.

Последняя собака Зоценко

<В. А. Каверин>

Дорогой мой дружок, пишу пьяный вдрызг и не своим почерком, люблю тебя от всего сердца, милый мой, и отдал бы много из моей жизни, чтобы видеть тебя сейчас и расцеловать, как брата, самого любимого, самого чудесного из нас.

Твой до самого сердца.

Веня

<И. А. Груздев>

Милый Лёвка! Виноват перед тобой Илья, целует тебя и приветствует... Негодяй!

Илья

<В. Б. Шкловский>

Лёвик, я цел, тебя целую. Твой
рассказ очень хороший.⁽⁴⁾

Виктор Ш.

<Д. И. Выгодский>

Міо саро! Те гуіего, те ато.⁽⁵⁾
Я пьян по-русски.

Давид

<М. К. Неслуховская>

Лёвочка, милый. Мы Вас все помним и любим. Дай Бог
Вам быть снова здоровым и вернуться к нам.

М. Тихонова

<Н. С. Тихонов>

Золото моё! Лёва. Если когда-нибудь напишу действительно что-нибудь эпическое – виной будешь ты. Целую тебя во все глаза и уши. Довольно валяться, старина. Меня обижают, Лёва, без тебя. I am very well⁽⁶⁾ – так ты можешь когда-нибудь – ей-богу, это так.

Старый бандит

Н. Тихонов

<председатель общества?> 120 мертвецов.

<Е. Г. Полонская>

Лёвушка. Поздравляю Вас, дорогой, с трёхлетием нашим. В будущем году встретим этот день вместе и я напишу Вам медицинское свидетельство о том, что Вы здоровы и пригодны к военной службе, кроме того, рецепт на одну бутылку денатурата и оду «На выздоровление Лукулла»!⁽⁷⁾

Лиза

<М. С. Шагинян>

Лёвушка, родной! Приветствую твою субъективную точку зрения насчёт мужей и собственных жен. Я тоже. Яков Самсонович приехал,⁽⁸⁾ всё в порядке и по армяно-Моисеевым заповедям. Почерк такой от седьмого градуса.

Что Яков Самсонович существует, подпись свидетелей.
Целую и крещу.

Твоя тётя (*Мариэтта*)

<М. Л. Слонимский>

Лёва, милый, мне дали писать тебе восемьдесят восьмым. Моё мнение о тебе разновсегда сказал, ты – гениальный человек.⁽⁹⁾ Я тебе писать могу только с необыкновенным почтением, как Льву Толстому: единственный человек, которого я признаю своим учителем – это ты, ибо ты – не евнух. Передаю дальнейшее Валентине Ходасевич. Лёвушка, я тебя люблю.

М. Слонимский

<В. М. Ходасевич>

Лёвушка, дорогой, Вы, очевидно, знаете, что Ваше имя гремит по всей западной и восточной Европе. Заочно я изменяю своё, – я влюблена в Вас, сознаюсь в этом, хотела бы участвовать в несостоявшейся постановке вместо Юрия Анненкова – «Вне закона» гениальная пьеса.

Валентина Ходасевич

<Я. Л. Израилевич>

Лёвушка, я лишился невинности – очень жалко – чего-то не хватает. Яков Самсонович тоже существует.

Жак

<К. А. Федин>

Дорогой мой,

Я не могу выразить своих чувств: ведь я – человек эмоциональный! Обнимаю и целую тебя, как первую свою любовницу... ты понимаешь, что после того всё – ложь. Милый мой, какая жалость, что ты не с нами!!.. Лида⁽¹⁰⁾ говорит, что она любит тебя больше, чем я, но она – женщина. Милый, милый! Агутья врёт, что читали только твоё. Читали также и прекрасный гротеск (не театральный) Каверина:⁽¹¹⁾ этот до сих пор варит Гомункулуса.⁽¹²⁾ (Это Лида по-

правила меня: я написал – гомункулоса, она говорит – лю-са). Целую. Лида не даёт мне жить!!

<Л. Б. Харитон>

Лёвушка, дорогой, любимый, сегодня Вас не хватает очнь. Длинное письмо будет потом, сейчас я пьяна и люблю Вас больше всех на свете.

Лида

<Д. С. Федина>

И я Вас часто вспоминаю, милый Лёвушка, а Вы-то меня совсем забыли.

Д. Федина

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 158-160.

⁽¹⁾ Имеется в виду рассказ «Хождения по мукам».

⁽²⁾ То есть Н. Н. Никитин, которому в «Хождениях по мукам» предсказана подобная карьеру.

⁽³⁾ Л. Н. Замятина.

⁽⁴⁾ В оригинале текст В. Б. Шкловского написан «вверх ногами».

⁽⁵⁾ Мой дорогой! Люблю тебя, люблю тебя (*исп.*).

⁽⁶⁾ Мне замечательно (*англ.*).

⁽⁷⁾ Отсылка к стихотворению А. С. Пушкина.

⁽⁸⁾ Я. С. Хачатрянц.

⁽⁹⁾ Так в тексте.

⁽¹⁰⁾ Л. Б. Харитон.

⁽¹¹⁾ О каком произведении В. А. Каверина идет речь, неизвестно.

⁽¹²⁾ Намек на тематику ранних рассказов В. А. Каверина.

151. К. А. Федин – Л. Н. Луццу

2 февраля 1924, Ленинград.

Петербург,⁽¹⁾ 2. II. 1924.

Дорогой, милый Лёвушка,

Пишу с похмелья, под живым впечатлением вчерашнего вечера. Твои «Хождения» произвели на всех непередаваемое действие. Все говорят, что ты был центром юбилея. Виктор,⁽²⁾ который приехал так же вовремя, как твоя теле-

грамма,⁽³⁾ считает, что ты «оправдал» весь вечер. Словом, нет возможности передать тебе всех похвал и восторгов. Моё личное мнение: «Хождение» осмыслило наше братание на трёхлетии, придало ему нужность, ещё раз дало всем понять, что «мы не товарищи, а братья».⁽⁴⁾ Отсутствие на вечере Ник. Никитина, с которым я, и со мной все серапионы, поссорились и... разошлись, несколько не повлияло на настроение, м<ожет> б<ыть>, даже улучшило его. Всеволод,⁽⁵⁾ приехавший из Москвы нарочно к юбилею, по причинам, которых не может понять сам, не явился. Сейчас был у меня, читал твою рукопись, хохотал до упаду. Плачется, что не пришёл и не знает, как взглянуть в глаза серапионам. Чудак! Но он хороший, настоящий человек. Подумай, что продав в Москве собрание сочинений (шесть томов, 60 печ<атных> листов!),⁽⁶⁾ он приехал сюда в страшном пессимизме, ходит по салонам, как Чацкий, говорит, что «всё пыль и прах» и скучает. Не нравится ему решительно всё и к нам он сейчас ближе, чем в 21-ом году. Думаю, что со временем это будет новый Слонимский...

Мы поражены твоей осведомлённостью. Кто тебя снабжает всеми нашими сплетнями? Уж не Лида ли?⁽⁷⁾ Жена моя допытывается, когда и где родился у меня сын, и я боюсь, что она обольёт Лидочку серной кислотой. Блондинка Ходасевич не даёт покоя Мише,⁽⁸⁾ изнывая в мрачных предчувствиях: кто же эта брюнетка, сидящая у него на другой коленке? Виктор спросил у Зошенки: «ты разве сильно играешь?», на что Миша потупил глаза.⁽⁹⁾ Всё наше губернское болото переволновалось после твоих разоблачений в «Хождениях»... Вчера вечером писалось тебе коллективное письмо, но все были пьяны, и я не знаю, какова судьба этого манускрипта. Кажется, его подобрала Лида, в этом случае я могу быть вполне спокоен: он дойдет по назначению...

Для меня «Хождения» радостны ещё и тем, что все наши опаски насчёт твоего здоровья теперь совсем отпадают. Ты – прежний неотразимый Лунц, ничто не изменилось к худшему, болезнь будет бита. Пора было бы тебе спра-

виться и с температурой и вообще со всем тем, что держит тебя ещё в больнице. Напиши подробно, что же именно с тобой, как протекает всё это, что говорят врачи? Непременно.

Да, забыл поздравить и тебя с трёхлетием братства. Обнимаю, целую крепко, желаю всего доброго, милый, славный друг.

Не сердись, что редко пишу. «Жена, дети...» Кстати, поручения твои относительно семьи честно исполнил и дочь расцеловал, как ты просил – в засос. Она у меня озорная, весёлая, лукавая девчонка и непоседлива больше, чем ты.

Мы с тобой разошлись в оценке Ник<итина> и Всев<олода>. Я уверен, что ты переменял бы свой взгляд, если бы повидал Николая. Отпадение его от нашего лона так же естественно, как отпадение болячки, которая засохла. Никто не сожалеет, что он не с нами, потому что с нами он не был с тех пор, как bella gloria⁽¹⁰⁾ повела его туда, куда никто, кроме Всеволода, идти не мог, органически не мог.

Пришли обязательно свою пьесу,⁽¹¹⁾ будем читать её и, если возможно, напечатаем. Хорошо?

И ещё раз дай обнять тебя крепко.

Твой *Константин*

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 161-163.

(1) Новое название города еще не вошло в обиход.

(2) В. Б. Шкловский.

(3) Об этой телеграмме сведений нет.

(4) Призыв из статьи «Почему мы Серапионовы братья».

(5) В. В. Иванов.

(6) Первое собрание сочинений В. В. Иванова увидело свет в 1928-1931 гг.

(7) Л. Б. Харитон.

(8) М. Л. Слонимский.

(9) Автор письма упоминает некоторые эпизоды из рассказа «Хождения по мукам».

(10) См. примечания к письму 129.

(11) Пьеса «Город Правды».

2 февраля 1924, Ленинград.

Милый Лёва,

Я большая худая свинья, я не писал тебе столько времени. Но зато сейчас напишу тебе подробно и обстоятельно. Ты знаешь, что было вчера. Вчера было 1 февраля. Сегодня я опохмеляюсь. Твой рассказ восхитителен,⁽¹⁾ твой рассказ – пуля – если бы тут был один человек, про которого ты написал, что он Альфонс, – этот человек был бы убит на месте. Но его не было... Слышишь, Лёва, – он не пришёл на годовщину Серапионов, но он не единственная клякса на нашем пироге. Не было Всеволода.⁽²⁾ Он тоже не пришёл. Лёва, ты сделал пророческий поиск в будущее. Но если всё будет так, как ты предсказал, – я заряджу ружье осколками чернильницы и выстрелю себе в лоб. Книга Миши (Слонимск<ого>) запрещена цензурой.⁽³⁾ Цензорша сказала: «У вас, что ни коммунист, – то идиот. Это не полагается».

Жёны Опояза⁽⁴⁾ обиделись на нас за то, что мы не пригласили их и арестовали мужей. Разве это порядок, Лёва. Унизь их, пожалуйста, своим презрением.

Веня⁽⁵⁾ написал «Стивен'а Вуд'а».⁽⁶⁾ Это рассказ про неудачного сыщика, неудачного шулера, неудачного шарлатана. Радуйся, ты – «На Запад».⁽⁷⁾ Это сюжетно до последнего винтика.

В воскресенье мы будем громить натуралистический, педагогический, шовинистический, бытовой роман в кружке при Институте истории искусств.

Ты знаешь, Ник. Ник<итин> выбежал из комнаты на последнем собрании с воплем и с тех пор забаррикадировался в «Правде». Зоя⁽⁸⁾ выставлена аванпостом.

Всё это очень ни к чему и скверно вместе.

Вот пошёл народ нынче: маленький и не простой.

Виктор⁽⁹⁾ здесь, он пополнел, округлился, блестит, как новый автомобиль. Замечательный человек. Ему единственному ты не мог определить ближайшее будущее. Это

немножко трудно. Он был редактором сельскохозяйственной газеты: в июле, и когда гуси начинают метать икру – «град отгоняется продолжительными ударами в сковороду».⁽¹⁰⁾ Я люблю Виктора. Он сентиментален, как собака. Это хорошо. Пробудет он в Питере (который теперь стал Ленинградом) несколько дней. «Am Zoo» – запрещено к печати...⁽¹¹⁾

Живём мы все по своим берлогам. Не скучно, не весело – всего понемногу. Толстой здесь облинял и его можно подбирать ложками – так он размяк.

Ждём Эренбурга. «Великий имитатор»⁽¹²⁾ прибудет через неделю.

А тебе, старику, как будто и довольно валяться. Что это ты выдумал в самом деле?

Лёвка, когда мы увидим тебя? Без тебя нет ни веселья, ни соли, ни сахару. Наш стол стал пресен, как подошва, вываренная трижды – «Прости невольный прозаизм».⁽¹³⁾

Я лично замыслил побег. Я удираю с первыми весенними ласточками, а может, кошками, а может, лучами, чёрт их разберёт – одним словом, я уезжаю на Восток.

Громадная эпическая орясина укладывается в голове. На 4.000 метров. Довольно Питера, довольно жёлтой бумаги, питерских журналов, скверных лент в кино и «изжёванных» людей. Здесь все писатели стали похожи на рабкоров.

Я писал раньше, <что> мне говорили: у вас один сюжет и никакой музыки, теперь говорят: у вас одна музыка и никакого сюжета.

Все скулят и тихо барахтаются. Даже Израилевич захандрил. Одна Мариэтта ходит весело и торгует Джимом Долларом.⁽¹⁴⁾ Дом Искусств – старая пресная галоша. Разве он может жить, когда нет Лёвы. Во что бы то ни стало, выздоравливай! Во что бы то ни стало – пиши. Только вспомни: ты один полемизировал (я перечитываю всё твои статьи), ты один определял – ты и Виктор умели отвечать, когда надо горячо и в точку. Виктор стал москвичом, а ты – ты валяешься и страдаешь. Что же это такое?

Напиши, пожалуйста, что ты слышал о Серапионах у себя. Какие до тебя доходят слухи? Читал ли ты что-нибудь моё за границей? Не слышал ли чего о Колбасьеве? Он, кажется, в Берлине.

Это неверно, что я основал о<бщест>во инвалидов и покойников.⁽¹⁵⁾ Вчера я дал твою статью «Что такое Серапионы»⁽¹⁶⁾ для информации (выдержками) в Армению. Какие у тебя планы? Что ты думаешь делать?

Дуся⁽¹⁷⁾ бывает у меня. Я очень с ней подружился. Коля Чуковский возрос и философствует. Костя Вагинов никак не может издать книгу своих стихов. Илья⁽¹⁸⁾ преподаёт на курсах среднего состава милиции историю.

Новый год встречали у меня. Было 40 человек. Пили твоё здоровье. Всеволод Иванов приехал на днях сюда. 10-го уезжает в Китай. Держал себя сначала, как Чацкий, собирал кружок вокруг себя и говорил: вы все пресмыкаетесь! Вы все пыль – за 11 журналов можно всех купить и расплатать – потом стал Хлестаковым и укладывает чемоданы. Отрастил баки, потолстел – пишет неровно: написал роман («Северосталь»), повесть, 6 рассказов и пьесу – гротеск в 4-х действиях.⁽¹⁹⁾ Как тебе нравится эта производственная программа?

Веня будет завтра у меня. Буду говорить о тебе. Меня многие ругают... Я очень рад – пожалуйста. Пиши, Лёва – ничего – ты отлежишься и вскочишь. Вот тогда затрещали черепа наших врагов.

Виктор хочет основать журнал. Это будет не чета «Беседе». Кстати, что Нина Берберова? О ней ни слуху ни духу. Ходасевича стихи печатаются здесь рядом с Ионовым, Эредия, Садофьевым. Ого! Вот букет!

Ну, всего хорошего, мой хороший, милый Лёва. Целую тебя всюду.

Н. Тихонов

2/II 1924 г.

Муська⁽²⁰⁾ потребовала, чтобы я приписал: она тоже обнимает тебя и целует трижды.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 163-165.

(1) Рассказ «Хождения по мукам».

(2) В. В. Иванов.

(3) Публикатор высказывает мнение, что «речь идет о сборнике рассказов «Машина Эмери»».

(4) То есть литераторов, входивших в ОПОЯЗ.

(5) В. А. Каверин.

(6) Рассказ в последствии получил название «Большая игра».

(7) Отсылка к одноименной статье Л. Н. Лунца.

(8) З. А. Никитина.

(9) В. Б. Шкловский.

(10) Отсылка к рассказу М. Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету».

(11) Книга В. Б. Шкловского «Zoo, или Письма не о любви» вышла в том же году в издательстве «Атеней».

(12) Каламбур построен на соединении заимствованного у Ф. М. Достоевского словосочетания «Великий инквизитор» и определения «имитатор», данного И. Г. Эренбургу в книге В. Б. Шкловского. Кроме того, в романе И. Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» есть глава «Великий инквизитор вне легенды», а сам Хуренито именуется «великим провокатором».

(13) Отсылка к роману в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

(14) Упоминается роман М. С. Шагинян «Месс Менд», опубликованный под псевдонимом Джим Доллар.

(15) Отсылка к рассказу Л. Н. Лунца «Хождения по мукам».

(16) Публикатор считает, что здесь имеется в виду статья «Почему мы Серапионовы братья».

(17) И. И. Каплан-Ингель.

(18) И. А. Груздев.

(19) Пьеса «Алфавит».

(20) М. К. Неслуховская.

153. И. И. Каплан-Ингель – Л. Н. Лунцу

5 февраля 1924, Ленинград.

Собирались у Федина, много ели и все были навеселе, хотя и в приличных размерах. Никто, кроме Веньки,⁽¹⁾ ничего не читал, и твоё послание было гвоздём вечера. Все пришли в неопикуемый восторг (выпито было много), хототали страшно, даже аплодировали в особо удачных мес-

тах (о Кольке Никитине), а может быть и кричали ура (кричать-то кричали, а по какому поводу и что именно – не помню). Ты – гениален, Лёвушка. Так здорово, так здорово про Лиду⁽²⁾ – совершенно изумительно. Все лежали под столом.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 161.

Фрагмент письма, полный текст в печати не появлялся.

⁽¹⁾ В. А. Каверин.

⁽²⁾ Л. Б. Харитон.

154. М. Л. Слонимский – Л. Н. Лунцу

15 февраля 1924, Ленинград.

15/II-24 г.

Милый Лёва, тебе, конечно, писали о годовщине серапионовской и о прочих весёлых и грустных вещах. Серапионы, как это ни странно, живут несмотря ни на что. И, как это ни странно, Всеволод⁽¹⁾ лучше Никитина. Я долго этому не верил, но пришлось поверить. Во всяком случае, поминал тебя ежесекундно в первую неделю ссоры с Никитиным, ибо всё-таки ты и я были к нему, пожалуй, ближе всех.

Лёва, рассказ твой – гениален.⁽²⁾ Где твоя новая пьеса?⁽³⁾ Ты ведь написал её. Пришли – мы тебе отпечатаем в каком-нибудь органе почтенном и гонорар вышлем.

А рядом – Дуся.⁽⁴⁾ И сейчас начнётся dancing: фокстрот, шимми и уанстэп. Лучше всего – вальс-бостон.

В Дусиных и Лидочкиных семейных кругах ты одобрен и подписан к печати – единственный из серапионов. Остальные брошены в редакционную корзину.

Лёвушка, если мне удастся набрать двадцать червонцев, – я поеду за границу. Проездом в Бразилию заеду в Гамбург. Не могу же я год не видеть тебя!

Правнук Пушкина (мой племянник, сын Сашин) тебе кланяется.⁽⁵⁾ Он – мне по щиколотку. Очень странное зре-

лице. Лёва, я тебя люблю и ты меня любишь (заявляю нагло). Пиши! Приезжал Виктор.⁽⁶⁾ Толст необыкновенно, но и работает в «Дрезине». А у меня на днях выходит книжка, которую шлю тебе для издевательства.⁽⁷⁾ Куда сгиб Ал<ексей> Макс<имович>?⁽⁸⁾ Я ему – три письма, а он мне – ни слова. Рассердился? На что?

Зошенко – дивный.

Целую во все места.

М. Слонимский

Пиши Ленинград, а не Петроград на адресе.⁽⁹⁾ Срезаю часть Лидинога и своего письма, т<ак> к<ак> они, черти, на толстущей бумаге написали, а у меня денег на вторую марку нет.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 166-167.

⁽¹⁾ В. В. Иванов.

⁽²⁾ «Хождения по мукам».

⁽³⁾ Пьеса «Город Правды».

⁽⁴⁾ И. И. Каплан-Ингель.

⁽⁵⁾ Это не шутивное преувеличение. Н. К. Чуковский вспоминает: «Александр Слонимский женился на правнучке сестры Пушкина».

⁽⁶⁾ В. Б. Шкловский.

⁽⁷⁾ Сборник «Машина Эмери».

⁽⁸⁾ А. М. Горький.

⁽⁹⁾ Город был переименован в Ленинград постановлением 2-го съезда Советов СССР от 26 января 1924 года.

155. Н. С. Тихонов – Б. Л. Пастернаку

15 февраля 1924, Ленинград.

Дорогой Борис Леонидович!

В Петербурге господствует седой провинциализм. Литература или трясёт жидкими ребрами на диванах редакций, отарзаненных⁽¹⁾ и опрощённых, или сделалась однодумкой, сидящей у моря и ждущей погоды.

Но море сейчас во льду, а погода – в нетях – каждый день – новое. Отдельные поэтические кружки похожи на церковные кружки – звяканье медяков, падающих с религиозной отчётливостью на их дно, регистрируется верующими для укрепления неофитов.

Единственное утешение – у каждого желающего есть своя комната, где он может читать, что хочет, и говорить, о чём говорится.

Известия о литературных явлениях мы находим в «Вечерней биржевке», то бишь, в «Красной газете», рядом с бюллетенями обсерватории и курсом червонца, или – или где-нибудь в стороне.

А между тем время и пространство вслушиваются друг в друга. Борис Леонидович, – вы написали поэму.⁽²⁾ Больше того, вы читали её в Москве.

Вы знаете, что каждое новое появление ваше на страницах журналов встречается с особым вниманием.

Сейчас обретение целой поэмы – уже само по себе событие большой важности.

Но вы, так редко балующий нас своими посещениями, – и на этот раз не измените своего правила.

Вас нельзя встретить ни в одном питерском журнале, в большинстве московских – то же.

Значит – остается одно, Борис Леонидович, – я должен оговориться – я не имею понятия о величине поэмы и о том, где она будет напечатана.

Но уже и кратких сообщений о ней довольно для того, чтобы я просил вас: на каких угодно условиях пришлите её мне – я обязуюсь вернуть вам экземпляр в самый кратчайший срок, в целостности и сохранности – но я должен прочесть её.

Я сейчас по уши закопался в поэмы. Я работаю сразу над тремя вещами. Для одной – из-за отсутствия точного материала нить рвётся ежеминутно – но я еду весной на Восток – венчать его с Россией. Благодарнейший материал.⁽³⁾

Вторая – «Шахматы» – ругаемая и подруживаемая всеми. Она требует продолжения. С ней легче. Время работа-

ст за меня. Более компактного хаоса, чем эта поэма, не было и не будет.

Но третья вещь должна быть самой ясностью. Я перечитываю и рву написанное и снова пишу и снова уничтожаю. Или я или она. Вдвоём нам не будет места и отдыха. Я её выживу из памяти.⁽⁴⁾

Понимаете, Борис Леонидович, до чего мне хочется видеть вашу поэму. Я знаю из неё четыре строки – 4!! – Я знаю, что моя просьба громоздка – но я буду благодарен за себя и за будущее потомство (без иронии), если получу её.

В Питере живых людей надо искать днём с прожектором, а поэм не найдёшь ни с каким освещением.

Я сижу, как дерево в снегу, – я закопан в поэмы, в английский язык, в изучение Востока и всё сразу и всё вдруг. Я не скучаю, но иногда мне нужно услышать настоящий голос, пересекающий пространство и организующий время.

Я жду вашего голоса.

Я жду вашей поэмы, Борис Леонидович, как только я кончаю свою, – первый экземпляр я вышлю вам.

Привет вашим близким.

Крепко любящий вас *Ник. Тихонов*

15/II 1924

Адрес мой: Ленинград – Зверинская 2, кв. 21. Николай Семёнович Тихонов.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 667-668.

⁽¹⁾ Слово произведено от названия романа Э. Берроуза «Гарзан», пользовавшегося успехом у публики, несмотря на малые художественные достоинства.

⁽²⁾ Поэма «Высокая болезнь».

⁽³⁾ За дополнительным материалом для поэмы «Красные на Араксе» Н. С. Тихонов ездил на Кавказ.

⁽⁴⁾ Речь о поэме «Лицом к лицу».

18 февраля 1924, Париж.

18 февраля 1924

Париж

Дорогой сын мой и брат Лев Лунц,

не отличаясь обидчивым характером, не буду возражать тебе на некоторые намеки личного характера, замеченные мною в твоём долгожданном и наконец полученном письме, каковое принесло мне и радость, и огорчение, а именно: радость, потому что мне было приятно узнать, что ты меня не забыл, и огорчение, ибо я опечален твоей продолжающейся болезнью, о которой ты мне, по своему обыкновению (из скромности или из забывчивости) ничего не сообщаяешь, что меня весьма беспокоит, хотя брат твой, Яков,⁽¹⁾ и рассказал подробно о твоём физическом состоянии, о моральном же я сужу сам по твоим редким, но милым письмам, которые читаю даже тогда, когда они написаны Фаине Афанасьевне,⁽²⁾ женщине почтенной и шумной, приходящей к нам поделиться выдающимися событиями своего существования, которое в Париже вообще не слишком весело, в доказательство чего могу привести себя, запутавшегося в фразе, коюю не способен кончить.

Меня очень огорчает Колино поведение. Об истории этой, т<о> е<сть> о письме серапионов читал, но не понимал, в чём дело. Что с Колей⁽³⁾ случилось, очевидно, ему надо было выслужиться. Вообще, нахамил. Это меня с его стороны не очень удивляет и люблю я его не меньше прежнего, но нос у него всегда был вострый и шмыгающий. Мне здесь о нём рассказывали двое: лондонец Бакши⁽⁴⁾ и берлинец Бахрах,⁽⁵⁾ с которыми Коля пьянствовал в вышеупомянутых городах. Они оба его очень хвалили. Я тоже. Не собирается ли он вновь за границу? Но возвратимся к нашим баранам. Вижу, что, в общем, ничто не изменилось в отношении быта. Меня очень интересует одна маленькая и незначительная подробность. Пишут они что-нибудь или только подписывают? Не знаешь ли ты? Читал «Моло-

дую Россию».⁽⁶⁾ Средняя Мишина «Артистка»,⁽⁷⁾ хороший, к моему удивлению, Федин, совсем плохой Никитин. Кто стал совсем невыносим, это Пильняк. Я начал было читать, но ничего не понял и бросил. Там 60 страниц написаны одной фразой. Повеситься можно. И скучища смертная. Что ты пишешь?

Послал Серапионам поздравление на их Новый год, боюсь, опоздает.⁽⁸⁾ Где учится Веня и чему?⁽⁹⁾ Нет ли у тебя новостей О ДУСЕ?⁽¹⁰⁾

Никто ничего о ней не знает. Меня все давно забыли. Может, ты счастливее меня. Я писал Коле Чуковскому, но он хранит гордое молчание.

Постараюсь достать и послать тебе Жарри и Аполлинера. Теперь я свирепо работаю, занят в университете, скоро экзамены. Так что, не сердись, если пишу реже. Но сегодня я ангел, получил твоё письмо час тому назад. Ты скажешь, что я мог ответить на пятьдесят пять минут раньше, но я всё ж на самом-то деле не ангел!

Насчёт Честертона ты не прав. Прочти «The Club of Queer Trades»!⁽¹¹⁾ Что ты его читал? Исторические романы Конан-Дойля читал. Очень хорошие. Читал ли ты «Чёрную стрелу» Стивенсона? Фаррер же, – horribile dictu!⁽¹²⁾ – старая калоша. Русские его любят, как французы любят Гребенщикова.

Напиши всё-таки о себе поподробнее и поскорее. Как существует Женичка?⁽¹³⁾ Поклонись ей и родителям (т<о> е<сть> папе, маме и брату) от меня и ото всех. ПИШИ! ПИШИ! ПИШИ!

Написано на машинке для вящей убедительности и удобного чтения.

Целую

Вова

■ Лев Лунц. Завещание царя. München, 1983, с. 169-170.

(1) Я. Н. Лунц.

(2) Ф. А. Слонимская.

(3) Н. Н. Никитин.

⁽⁴⁾ А. Бакши.

⁽⁵⁾ А. В. Бахрах.

⁽⁶⁾ Сборник, вышедший в Берлине, где были представлены советские писатели.

⁽⁷⁾ Ошибка автора письма, рассказ М. Л. Слонимского называется «Актриса».

⁽⁸⁾ То есть поздравление с очередной годовщиной образования группы «Серапионовы братья».

⁽⁹⁾ В. А. Каверин окончил Институт живых восточных языков и Ленинградский университет.

⁽¹⁰⁾ И. И. Каплан-Ингель.

⁽¹¹⁾ «Клуб удивительных промыслов».

⁽¹²⁾ Страшно сказать! (*лат.*)

⁽¹³⁾ Е. Н. Луц.

157. Л. Н. Луц – К. А. Федину

19 февраля 1924, Гамбург.

19/II, Hamburg, больница.

Милый, старый Костя! Твоё письмо, по обыкновению, растрогало меня и умилило. Ты не сердись, дорогой, ты единственный из серапионов, к которому я чувствую не только братские чувства, но и сыновьи. Единственный, к которому я отношусь с полным уважением, так что ты можешь даже при случае прикрикнуть на меня – испугаюсь и... послушаюсь. Ты, повторяю, не обижайся, я это любя, я о тебе всегда вспоминаю с благодарностью и нежностью.

Видно, мои «Хождения» действительно попали в точку – я получил кучу писем, датированных 2-ым февралём. Ну, я очень рад, хотя никто не написал мне толком, как праздновали 1-ое. Одно ясно – пьяны вы все были основательно: сужу по коллективному письму.

О Никитине. За несколько дней до получения ваших писем я имел счастье прочесть в здешних г... газетах всё «ваше» воззвание с соответствующими комментариями.⁽¹⁾ Родственники и знакомые приставали, не давали покоя, что сие значит. Вся здесь идиотская публика зашипела. Ну, на них наплевать, но я, признаться, тоже смутился. Дело не

в воззвании и не в отдельных подписях – каждый имеет право подписывать что ему угодно, – а в том, что там стоит наша марка, серапионовых братьев, а этого мы всегда избегали. Выходит, что *всякий брат должен* принять это воззвание. Это насилие и неправда.

Поэтому я искренно обрадовался, получив от Лидочки⁽²⁾ известие, что это дело Никитина. Но как, почему? – не знаю! Подробности?! Делай со мной что хочешь, Костя, я всё-таки ощущаю его как брата, несмотря на всё его хамство. Брат всегда остаётся братом; ты, например, или Слонимский, вы можете насмерть переругаться со мной, я могу вас ненавидеть, но братьями вы для меня останетесь. Таков и Никитин. А Всеволод⁽³⁾ *для меня*, лично, чужой человек, «пришедший со стороны», использовавший нас как трамплин, чтобы вскочить выше.

Он нас никогда не любил, нами не интересовался. Впрочем, это моё мнение.

Пьесу⁽⁴⁾ мою вам не пришлю. Пока, во всяком случае. Её надо ещё переделывать и переделывать, а я не только писать, но и читать едва могу – из-за лени, апатии. Два месяца мне было всё лучше и лучше, почти нормальная температура, никаких болей, я снова вознадеялся, – и разом всё к чёрту!

Опять Fieber,⁽⁵⁾ жесточенная боль, слабость. Я даже не огорчился. Просто притупилось всё во мне, наплевать! Убедился, что болезнь моя будет продолжаться годами. Врачи говорят, что я должен выздороветь, но когда – неизвестно. Хорошая перспектива! Эх, никогда мне, видно, не быть «аптекарем».⁽⁶⁾

Да! На днях будут переливать кровь из отца в меня. Таким образом я унаследую его литературные вкусы – можешь радоваться, автор «Сада».⁽⁷⁾

Поклон жене, теще. Поцелуй негодницу-дочь.

Пиши, когда настроение будет, но не забывай.

Целую.

Лёва

(1) Имеется в виду заметка «Пролетарские писатели памяти тов. Ленина», под которой среди прочих стояли и подписи «Серапионовых братьев».

(2) Л. Б. Харитон.

(3) В. В. Иванов.

(4) Пьеса «Город Правды».

(5) Лихорадка (нем.).

(6) Фраза отсылает к одному из эпизодов рассказа «Хождения по мукам».

(7) Отцу Л. Н. Лунца очень понравился рассказ К. А. Федина «Сад».

158. Е. И. Замятин – Л. Н. Лунцу

21 февраля 1924, Ленинград.

СПб. 21-II-1924.

Дорогой, знаменитый, европейский Лунц! Мы, азиаты – расцветаем: на днях Тихонов⁽¹⁾ приехал из Москвы и привёз разрешение на журнал – толстый, как Щёголев. Имя ему: «Русский современник».⁽²⁾ В редакции: заграничной – Горький, в России – Тихонов, я, А. М. Эфрос и может быть Чуковский? Издание – бесповоротно частное. Четыре дня уже как сижу по уши в рукописях и заседаниях по журналу, забыл, чем пахнет снег. Первый № выйдет в конце марта: «Воспоминания о Ленине» Горького и его же рассказ; может быть – мой роман (если его проволокут через все заставы);⁽³⁾ рассказы Леонова (очень хороший писатель, Серапионам утрёт нос), Пастернака, Пильняка; письма Достоевскому, мемуары Станиславского; статьи Шкловского, Эйхенбаума, Тынянова, Радлова, А. Бенуа und... А в конце – «Паноптикум печальный» («открыт паноптикум печальный» – Блок) – по совести, весёлый. Паноптикум будет вести Прутков, Растопырка или ещё какая-нибудь одна личность;⁽⁴⁾ Вы, Лунц, должны быть – носом, пальцем, фаллосом – чем хотите в этой личности. Я слушал Вашу юбилейную эпопею серапионам – она превосходна. В «Паноптикуме» будут вы-

ставляться удачные изречения великих и малых людей (вроде «подковынности на все четыре ноги»), будут литер<атурные> пародии, фантастическая литературная хроника и прочее. Подсыпайте, Лунц. Затем: будет и серьезная литературная хроника (после «Паноптикума») – о русской литер<атуре> и иск<усстве> – давайте материал сюда. Ещё: у Вас могут выйти статьи типа «Querschnitt»,⁽⁵⁾ небольшие, острые – стр<аницы> по 2-3; шлите. И, наконец: рассказ, пьеса. – Будьте здоровы и не культивируйте гигантских пальцев.⁽⁶⁾ Об истории с Ник. Ник<итин>ым и о том, как сер<апионы> сели в лужу – вероятно, знаете. Пишите.

Е. З.

<Приписка Л. Н. Замятиной>

Привет и любовь от меня, Миши⁽⁷⁾ и Растопырки! Мы помним Вас всегда и жалеем, что Вас нет с нами. Поправляйтесь скорее и окончательно и приезжайте в Россию. Жить скучно как-то, нет хороших книг, нет театра, пусто.

Л. З.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 167-168.

⁽¹⁾ А. Н. Тихонов, издательский работник.

⁽²⁾ Журнал выходил в 1924 году, но прекратил свое существование на четвертом номере.

⁽³⁾ Роман «Мы».

⁽⁴⁾ В конце концов, этот замысел был осуществлен как цикл заметок под названием «Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева». Материал собирали самые разные литераторы, обрабатывал его Е. И. Замятин.

⁽⁵⁾ Обзоры (*нем.*).

⁽⁶⁾ Публикатор письма указывает, что «у Лунца изредка опухали руки и ноги».

⁽⁷⁾ Вероятно, М. Л. Слонимский.

24 февраля 1924, Ленинград.

24/II.24

Лёвущка, Ваше последнее письмо послано почти месяц назад, и это свиństwo. Я сознательно на него не отвечала, т<ак> к<ак> наши письма встречаются в пути и происходит путаница. Но видно от Вас не дожидаться ответа. По письму Жени⁽¹⁾ к Лиде Чук<овской> знаю, что Вам лучше, и рада ужасно.

После 1-го Вам писали; Вы, вероятно, знаете всё, и повторять не хочется. Серапионы en masse⁽²⁾ невероятно скучны. Я регулярно пропускаю вторники⁽³⁾ – необходимо для восстановления моей нервной системы. Да и вообще пустовато стало: двух-трёх почти всегда нет. Зоценко заболел серьёзно – процесс в лёгком, нужно уезжать. Миша⁽⁴⁾ фокстротит с Вал<ентиной> Ходасевич и ругает меня – вместо Вас. Жак Израилевич уезжает в Париж с чем-то вроде жены. Илья⁽⁵⁾ читает историю милиционерам и рассказывает о них анекдоты. <...> Федин написал «Тишину». Вроде «Сада», только людей больше и написано ещё лучше, чище. Миша и Илья разругали, как попытку вернуться к прежнему. Быт, деревня, «дикий» барин, старая любовь... Совсем Тургенев, нет, даже Бунин.

2/III.

Лёвущка, родной, получила Ваше письмо. Господи, когда же это кончится с Вами? Каждое письмо – и радость мне и печаль. Мы считали после Жениного письма, что Вы на верном пути к выздоровлению, а тут опять старое. <...> Лёвущка, Никитинская история так и осталась не выясненной. Вот факты, как их знаю я: в пятницу у Ник<итин>а была пьянка по поводу приезда Пильняка. Часов в 10 – звонок по телефону. Семёнов⁽⁶⁾ предлагает присоединиться к резолюции, позже помещённой в газете.⁽⁷⁾ Начинаются разговоры. При мне Конст<антин> Ал<ександрович>⁽⁸⁾ говорит Зое:⁽⁹⁾ «Передайте, что присоединяться не

будем, обсудим и завтра сообщим, как и что». (Перед тем, кто-то, чуть ли не Николай,⁽¹⁰⁾ предложил немедленно назвать по телефону фамилии всех присутствующих для присоединения их). Через ½ часа Семёнов явился в гости, и был изруган Всеволодом,⁽¹¹⁾ после чего смущённо ретировался. На след<ующий> день Миша и К<онстантин> А<лександрович> составили заявление, кот<орое> и подписали все серапионы (персонально, а не братством) и многие другие. Миша при Коле передал заявление Баскакову,⁽¹²⁾ и последний уверил, что оно будет напечатано после космистского.⁽¹³⁾ Вечером, часов в 10, К<онстантин> А<лександрович> звонил Баск<акову>, нельзя ли задержать резолюцию, т<ак> к<ак> союз хочет выступить организованно. Б<аскаков> ответил, что полоса уже свёрстана (это в 10 час<ов> вечера!). Тогда К<онстантин> А<лександрович> просил присоединить имя Вяч<еслава> Яковл<евича>,⁽¹⁴⁾ и это Б<аскаков> обещал сделать. На след<ующий> день появилось Вы знаете что. Я вечером была у Ник<итиных>; при мне Коля страшно волновался. Зоя говорила, что произошла путаница, в кот<оторой> виноваты сами, гл<авным> обр<азом> К<онстантин> А<лександрович>. В тот же день Князев⁽¹⁵⁾ говорил Всеволоду, что слышал разговор Б<аскакова> с кем-то из Никитиных, и что результатом этого ночного разговора и явилась резолюция. Я этому не верю, не хочу верить. До вторника Колю никто не видел. На собрании, во вторник, его спросили, что он знает по этому поводу. И вот тут-то он повёл себя глупо. Сначала он ничего не знал. Потом оказалось, что К<онстантин> А<лександрович> своим звонком спутал Баск<акова>, потом, что писатели сами виноваты, вели какую-то торговлю. Словом, он кого-то оправдывал. Тогда Конст<антин> А<лександрович> сказал ему, что он поддержал провокацию, а Коля обозвал его хамом и ушёл. Когда Миша в коридоре сказал ему, что нужно просто выяснить дело, Коля провозгласил знаменитую фразу о дрызгах в столь тяжелый момент.⁽¹⁶⁾ И всё. Миша утверждает, что эта история, т<о> е<сть> присоединение

фамилий, была санкционирована Зоей. Через неделю после этого я попыталась поговорить с ней. Она ответила, что у неё своё сложившееся мнение, что нужно говорить всё или молчать, а т<ак> к<ак> 1-ое невозможно, остаётся второе. У них в доме о серапионах не говорят. Я изредка бываю; Коля меня сторонится. С Зоей говорим, как дамы с визитом друг у друга. Зоя по делу с К<онстантином> А<лександровичем> встречалась. Коля ещё ни разу. С остальными отношения мало знакомых людей. Только Елиз<авета> Григ<орьевна>⁽¹⁷⁾ после этой истории переложила гнев на милость и стала к ним лучше относиться. Ей, как и мне, жаль Колю. Всё-таки это его совсем должно было выбить из колеи. Он делается иногда plus royaliste que le roi,⁽¹⁸⁾ конечно, не в разговорах за столом Зои Дмитр<иевны>.⁽¹⁹⁾ Просто как-то вдруг прорвалась нелюбовь К<онстанина> А<лександровича> к Коле, и все поддержали его. Им друг с другом – серапионам с Колей – больше не столковаться.

Мне жаль, что я не читала В<ашего> письма к К<онстантину> А<лександровичу>. Это потому – Лёвушка, милый, дайте жилетку! – что на вторники я больше не хожу. <...> Здоровье – швах. Худею, температура, с осени не перестаю кашлять и т. д. Не знаю, где начало – в нервах или в лёгких. И то и другое не в порядке. Устаю очень. Врачи говорят, что месяца на 2 нужно уехать поправляться. Написала отцу в Ригу, жду ответа, хочу ехать к нему. Это было бы прекрасно во всех отношениях: мне необходима новая обстановка, новые люди. Только ведь я дура: мне всегда нужно к кому-то привязаться, и тут – крышка. <...> Здесь Эренбург. Сейчас был Миша с ним.

Дуся была в Союзе Драм<атических> Писат<елей>. Одесса – на Украине, т<о> е<сть> вне сферы их действий. Пиотровский собирается в будущем сезоне предлагать Большому Драматическому Театру «Бертрана».

Лидя

<Приписка М. Л. Слонимского>

Лёва, моя судьба – присоединиться к девицам. С Дусиного письма ничего нового не произошло. Книжка у меня в «Атенее» выходит.⁽²⁰⁾ Пришлю. Эренбург приехал.

М. С.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 168-171.

⁽¹⁾ Е. Н. Лунц.

⁽²⁾ В массе своей (*фр.*).

⁽³⁾ То есть собрания «Серapiroновых братьев».

⁽⁴⁾ М. Л. Слонимский.

⁽⁵⁾ И. А. Груздев.

⁽⁶⁾ С. А. Семенов.

⁽⁷⁾ Упомянуется публикация «Пролетарские писатели памяти тов. Ленина».

⁽⁸⁾ К. А. Федин.

⁽⁹⁾ З. А. Никитина.

⁽¹⁰⁾ Н. Н. Никитин.

⁽¹¹⁾ В. В. Иванов.

⁽¹²⁾ См. примечания к письму 72.

⁽¹³⁾ То есть членов литературной группы «Космисты».

⁽¹⁴⁾ По всей вероятности, В. Я. Шишков, который был в дружеских отношениях с серapiroнами, кроме того, он и К. А. Федин некоторое время были соседями по квартире.

⁽¹⁵⁾ В. В. Князев.

⁽¹⁶⁾ Публикатор указывает: Л. Б. Харитон в одном из неопубликованных писем Л. Н. Лунцу «сообщила, что Никитин сказал: “Мне гнусны ваши дразги мелкие, когда такая смерть”».

⁽¹⁷⁾ Е. Г. Полонская.

⁽¹⁸⁾ Большой роялист, чем король (*фр.*).

⁽¹⁹⁾ З. Д. Гацкевич, теща Н. Н. Никитина.

⁽²⁰⁾ Имеется в виду книга «Машина Эмери».

160. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову

4 марта 1924, Ленинград.

Дорогой Друг,

начну с твоих поручений. Выполнить их тотчас после получения твоего письма, конечно, не удалось. Гонорар надо

было получить в твёрдой валюте – пришлось подождать. Об имении сделан доклад Союзу.⁽¹⁾ Результат его вполне благоприятен. Прилагаю к этому письму два удостоверения, которыми можешь воспользоваться в нужных случаях по своему усмотрению. Придётся оповестить членов Союза (я это сделаю – вывешу объявление) о том, что они *фактически* могут воспользоваться Кисловским домом. Может быть, ты получишь по этому поводу два-три запроса, не поленись ответить. Я докладывал о действительном положении дома (т<о> е<сть> об отсутствии оборудования, удобств и прочем), и тем не менее Правление «охотно приняло к сведению», что есть такое божье место, куда писатель может поехать отдохнуть и полениться. Я, однако, не думаю, чтобы на деле нашлось много охотников. Первый из них – я. Но, милый мой, *грустно* мне признаться, что не могу, *не в силах, не в состоянии* выехать в Кочаны теперь. Послушай, что случилось со дня твоего отъезда отсюда. Во-первых, меня снял с жалованья «Круг» – нет денег, сокращается работа и пр. Это – $\frac{3}{5}$ моего бюджета. Во-вторых, закрыта «Книга и революция», и я переведён секретарем в редакцию журнала «Звезда». Заработок остался прежний (очень маленький для моей семьи), но работы прибавилось, особенно теперь, когда надо налаживать дело. Бросить его сейчас не могу: это единственный источник, иначе халтура и проголодь, гадость. Задача моя – протянуть до лета, окончить роман, уехать. Я ещё не ясно вижу, как сложится обстановка, удастся ли отвезти семью к тебе, в деревню и пожить некоторое время там или нет. Я только непременно хочу вырваться за границу, в Норвегию или ещё куда-нибудь. Это необходимо. «Смотаться», как ты говоришь. И потом – надо, *непремению надо окончить роман*, потому что нельзя же топтаться на одном месте, как бы оно ни было хорошо. Надо всё время двигаться. Не даром в разгар выдумок, трюков, на какие я только способен (у меня будет вполне толковый роман, с началом и концом, на русском языке, но весь он – опыт, попытка, проба, и я устаю от него, хотя и вписываюсь в него), в разгар экс-

периментальной работы над собой и своей сущностью, приходит желание написать «Тишину». Я окончил её, она вышла, по-моему, удачной и вовсе не сухой, как показалось тебе. Серапионы были сбиты с толку: не могли уяснить себе *теоретически* – отход ли это к окостеневающей форме Бунина, измена – стало быть – роману или только этап, веха на пути к новой форме. Разговору было много. А мне захотелось тем временем написать новые «заметки» о твоей деревне, в каком-то новом преломлении, не в рассказе, а в очерках, связанных одной общей аналогией с «полюсом», с путешествиями в неведомое, с «Седовыми». Мысль ядовитая, ты её в этакое кратком объяснении не поймёшь, я пришло тебе заметки. Всё это не потому, что я как-то теоретически осуществляю что-то, делаю или не делаю какую-то там литературную линию <...> Всё это к тому, что надо кончить роман, отдать ему всё, что у меня есть экспериментаторского, непокойного, пусть пососёт, возьмет, пусть оставит меня запахам дня. Надо много работать, надо сидеть дома. Вот почему я и не думаю, не могу думать, как будет летом. У меня расчёт: к 1-му августа я должен окончить работу, написав за 5 месяцев 7-8 листов. Тогда с 1-го августа я свободен и *у е з л а ю!* Ты не сердись на меня, ешь блины в одиночку, пей самогон за моё здоровье, отдыхай на снегах, ходи по глухарям, бей их вовсю, радуйся!

5. III. Тебя, вероятно, пора уже поздравить с детёнышем (пока дойдёт письмо). Ну, каково чувствуешь себя теперь? Как жена? Как прошли роды? Переменилось ли настроение? Или всё ещё тоскуешь? Эх, старина, больно мне было читать твоё письмо – больно и хорошо в то же время, потому что правда, вероятно, что мы с тобой «аристократы», «порода», которая вся в тоске, в постоянном желании куда-то уйти и как-то по-настоящему пожить. У нас есть «главное», на которое наплевать даже нашим близким, а мы оттого всегда в какой-то грусти. А потом – мы лентяи; свойство вовсе не столь распространённое и благодетельное, ибо ленивый больше смотрит, стало быть, и больше

видит. И я по тебе, как ты по мне, скучаю... У «огонька» был раза два всего, и оба раза... с женой! Она поняла, кажется, что это не «дурно», что у «огонька» хорошо говорить душа в душу. С Пинегой⁽²⁾ заходил в пивнушку, но денег мало, и мы были мрачны... Как-то всё туго складывается, неудобно, неприятно. Серапионы порвали с Никитиным, поводом послужил я, обозвав его на нашем собрании нехорошим словом. В «Звезде» я не самостоятелен, какой-то «технический» секретарь, и мне надо оттуда уходить. Держит жалованье... Здесь Эренбург, читал вчера у серапионов. Плохо. Ничего *настоящего*, всё схемы, формулы, стилизация, плохой вкус, подделка. Ты прав, что нужно какую-то новую форму (тебе это слово не по душе, не в нём, однако, дело), может быть – дневник – это лучше. Жалко, что решил бросить нашу «переписку», я думаю, что из неё могла получиться славная книжка. Писать можно и о действительности – *почему нет?* Надо описывать не *отношение* наше к действительности, а *преломление* её в нас, её *самое* через наши души.

Сегодня сумбур в голове, в душе, сумбур в этом письме. Ничего как-то не хочется и даже слов простых, чтобы сказать тебе, как дружен ты мне, дорог и *приятен*, это совсем по-звериному! – нет. Я рассыпаюсь на песчинки от усталости, недовольства. И, милый, поверь, мне недостаёт как раз той «выдержки», какую ты мне приписываешь.

Обнимаю тебя, не сердись, что не еду, не могу, *не могу!*
Твой *Константин*.

Одновременно посылаю тебе ценным письмом 2 *червонца*. Это от «*Красного журнала д<ля> всех*». «Воробей» взял из твоего материала только одну вещь, другие не подошли, просит прислать ещё. В своё время я получил от «Воробья» 1 ½ черв<онца> и взял себе.

Кланяйся Ваське, Максиму. <...>

Как хорошо в твоём письме про волков!

Пиши, *пиши!* Поклон Сергею Никитичу и Марии Ивановне,⁽³⁾ жене и тётушке.

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 52-54.

⁽¹⁾ И. С. Соколов-Микитов предлагал устроить в бывшей усадьбе, которая принадлежала его дяде, «дачу-колонию», где могли бы отдыхать писатели.

⁽²⁾ Н. В. Пинегин.

⁽³⁾ С. Н. и М. И. Соколовы, родители И. С. Соколова-Микитова.

161. И. И. Каплан-Ингель – Л. Н. Лунцу

8 марта 1924, Ленинград.

Читал на Серапионах Илья Эренбург. Было чрезвычайнo торжественное собрание, говорили шёпотом и все были очень вежливы. У Эренбурга удивительно симпатичная внешность и он совсем не зазнаётся. Читал отрывки из романа «Любовь Жанны Ней».⁽¹⁾ Совершенно Диккенс. Серапионы благоговейно слушали, хвалили, Груздев и Федин интересовались судьбой героев и вообще все были страшно вежливы, а когда он ушёл – начали крыть, особенно Зощенко, и разоблачили совершенно.

■ «Новый журнал», книга № 82, Нью-Йорк, 1966, с. 152-153.

Фрагмент письма, полный текст в печати не появлялся.

⁽¹⁾ Чтение происходило 4 марта 1924 года.

162. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому

12 марта 1924, Ленинград.

12.3.24. Ленинград

Дорогой Александр Константинович. Так давно не писал вам, что становится страшно. Я совсем засиделся в Питере, приезжают сюда разные хлопцы, говорят о Москве, ибо сами из Москвы, да всё никак не двинуться самому: связался с тысячью всяких дел, так что никак не урваться.

За этот год прошло кажется так много, что сразу всего этого не вспомнишь – эта ужасная и дикая баталия «напостовцев», ваши статьи в «Красной нови», весь этот гам и бой – будто преддверие литературных сражений. Что же – всё это очень хорошо, это признак *жизни*. Вы писали верно, честно, без барабанов, без трескотни, живущей минутами, не делая лихих набегов, а крепко, как уверенный в своих прогнозах критик и литератор. Тот, кто хватается, может быть, за ваши частичные ошибки, тот из-за деревьев не видит леса. Ваш долг, по-моему, и перед литературой и перед революцией – выполнен и хорошо, и честно. Часто, в пылу борьбы ещё, хотелось мне написать вам пару строк, но что-то мешало, и вот теперь, когда слегла эта шумиха и будада и когда кончилась лягня, а лягающие перессорились, – хочется мне позвать вам руку.

Что делал я? Редактировал «Ленинград»,⁽¹⁾ писал рассказы, переделывал «Полёт», писал отчасти в газете, писал можно сказать отчётную работу за лето, за свою летнюю поездку, – чтобы выпустить книжку «Сейчас на Западе», её я вам при сём посылаю заказной бандеролью. Успех книжки для издательства был совершенно неожидан, она разошлась у них в три дня, без остатка, так что даже я не успел сполна получить свои авторские экземпляры. В ней меньше искусства, но больше правды. Издана она не так, как бы мне хотелось, но сейчас при полном её расходе горевать об этом, конечно, не приходится. Издавать её второй раз в издательстве «Петроград» – мне бы не хотелось, уж очень там халтурно. И потому у меня к вам просьба, – прочтите книжку, и если она вам понравится, устройте её второе издание в Москве, издавать её нужно теперь же, книжка вся уйдет без остатка, за это ручаюсь. А эту книжку переиздать необходимо, она имеет помимо вообще интереса чисто читательского, т<ак> к<ак> написана живо, и большое служебное значение. Устройте её, где хотите, на вас я надеюсь.

Второе – что с «Кругом»? У москвичей я всегда справляюсь о вас и о «Круге». Про вас мне говорят, что вы хво-

раете, а в «Круге» дела исправились. Так ли это? «Ленинград» скоро кончается, и у меня не будет постоянного пристанища. У меня нет ничего, жить невыносимо трудно на гонорары, хворает жена, месяца через два будет ребёнок, роды и прочие трагедии, нет ни копейки, а надо много-много денег. Осенью мы с вами говорили о переиздании «Рвотного форта». Таким образом – я переделываю «Форт», изменяю его, выбрасываю одиозные сцены и вставляю новые, потом из книжки вставляю всё остальное, то что фундаментально и ценно, к этому добавляю «Полёт». Всё это могу я сдать в апреле в «Круг». Александр Константинович, могу я на это надеяться в данный момент?

Вот два основные дела.

Третье – для «Красной нови». Ещё с осени я задумал повесть. Называется «Русское действо».⁽²⁾ Пишется это просто, ясно, отчётливо. Будет она листа 4-5. Сейчас виднеются уже концы. К весне я её тоже кончу. Она – спокойная и радостная. Она даёт мне большое удовлетворение. Правда, я никогда не писал так. Самый строгий мой критик – жена; от неё мне всегда попадало больше, чем от других. Теми сценами, которые я читал ей, она осталась довольна и просит только об одном – чтобы я не торопился, не захватался. Её я предназначаю – обязательно для «Красной нови». Когда вы прочтёте – я думаю, я даже уверен, что вы тоже согласитесь со мной. Поэтому извещаю вас об этом.

Устройте мои дела эти – иначе я погибну, честное слово. И напишите мне подробно ответ. Крепко вас обнимаю, целую крепко. –

Ник. Никитин

Р. С. Поругался с «Серапионами».

Почему даже в рецензиях сводит личные счёты А. А.?⁽³⁾ Будет ли выходить № 3 «Круг», а также «Писатели о себе»?⁽⁴⁾

Второй экземпляр «Сейчас на Западе» посылаю на случай для издательства.

Отпишите обо всём скорей.

Адрес: Эртелев, 3, кв. 3. Ленинград.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 599-600.

(1) Как указывает публикатор письма, ответственным редактором журнала в это время был Г. И. Сафаров. Следовательно, утверждение Н. Н. Никитина надо понимать не буквально.

(2) Произведение с таким названием в печати не появлялось, возможно, из-за того, что оно осталось незаконченным.

(3) А. Я. Аросев.

(4) Имеется в виду сборник «Писатели об искусстве и о себе».

163. Л. Н. Лунц – К. А. Федину

22 марта 1924, Гамбург.

22/III, Hamburg, больница

Друг Константин!

Не бойся – вот тебе моя пьеса.⁽¹⁾ Прочти её на серапионах. Пьеса философская до чёртиков и потому неудачная. Всё же прочтите и обсудите. И – прошу тебя: пришли мне отчёт о прениях – точный. Не бойся огорчить больного: литературное честолюбие у меня давно притупилось. Гораздо больней мне будет, если ты, щадя меня, ограничишься общими фразами. Пиши всё настоящими, хорошими, смачными словами, каковыми мы угощаем друг друга на заседаниях.

Костя, со мной плохо. Весна пришла, а болезнь ни с места. Я сплю целый день, писать, читать не могу. Я ржавею, Костя!.. Не могу больше – хочу на улицу, гулять, двигаться!..

Ой, плохо!

Не забывайте меня, черти!

Целую.

Лёва

Р. С. Бунин – замечательный писатель!..

Пристроить пьесу, конечно, невозможно. Если же, по-твоему, дело не так безнадежно, – попробуй. Хотя бы к Воронскому.⁽²⁾

Наиболее криминальные места обведены квадратными скобками. Название тоже надо будет переменить – напр<имер>, «В Россию!».

Л.

■ «Вопросы литературы», 1993, № IV, с. 259.

⁽¹⁾ Пьеса «Город Правды».

⁽²⁾ В изданиях, редактируемых А. К. Воронским, пьеса не появилась.

164. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу

31 марта 1924, Париж.

31 марта 1924

Париж

Мой друг, мой брат, мой Лёва, мой вообще, в состоянии ли ты понять, почему я не писал тебе так долго, почему я так редко писал тебе, почему я пишу тебе теперь, почему я буду писать тебе отныне часто? Со мной случилось событие. Не пугайся, я не женился, не влюбился, не сошел с ума, не написал ничего гениального. Со мной случилось событие, не столь шумное, но неизъяснимо более приятное, чем вышеперечисленные матримониально-психопатологические возможности. Дело в том, что я... нет, я не могу тебе так, просто, сообщить этого, я... неужели ты не догадываешься, да нет! я не должен родить, я не стал летчиком, я не изобрел пороха, но зато я...

– КОНЧИЛ университет –

!ты понимаешь, ты должен понять моё настроение.

Я не писал тебе, зане готовился к экзаменам! – французская литература! – сдавал их, – !письменные и устные! – сдал их и ныне есть *licence des lettres*.⁽¹⁾

Вот чувствуешь, брат мой, разделяешь мои чувства?

Брат твой, Яша, в Париже, живёт в пансионе с женой, которую я ещё не видел, даже издали. Яша был у меня два раза, я собираюсь к нему на днях. Он очень милый и вообще похож на тебя.

Не стыдно ли тебе, что ты не писал мне из лени. Я понимаю, по уважительным обстоятельствам (!!), но из лени! О, темпора, о...⁽²⁾

Жизнь моя отныне пойдёт, и даже уже идёт, – так. Главная цель – заработать деньги, что совершенно необходимо. Средствами брезгаю. Работаю в областях литературной, журналистической, кинематографической. Собираюсь на три месяца в Англию, на полгода в Соединенные Штаты, потом в Россию. Пока же, –

– по вторникам и пятницам занимаюсь боксом,

– по первым и третьим воскресеньям езжу на велосипеде,

– по вторым и четвертым воскресеньям занимаюсь греблей,

танцую когда попало,

завожу иностранные знакомства, –

– имею уже наличность –

двух ирландок, двух американцев, одного

перувианца, одного индуса, одного чеха,

одного шведа, одного немца, одного итальянца,

двух сербов, не считая евреев, французов и

француженок, –

хожу на спортивные состязания,

собираюсь писать роман (вероятно в стихах),

романизуюсь с барышнями и дамами, которые меня любят,

романизуюсь с барышнями и дамами, которые меня не любят,

корреспондирую в различные журналы –

– ЛЕФ (Москва), Het Overzicht (Anvers), Noi

(Roma – Marinetti), Manomitre (Lyon), и т. д.

живу, как могу.

Я собираюсь каждый день написать ДУСЕ⁽³⁾ и, наверно, ссгодня-завтра соберусь, но вероятно, – она мне не ответит. Если ты с ней переписываешься, попроси её, во имя твоей с нею дружбы, ответить на моё письмо. Буду тебе признателен по гроб.

Зоя была очень хорошая. Я её люблю.

Спор о новейшей литературе прекращаю, считая, что переспорил тебя.

С Яшей я в лучших отношениях.

Целую тебя нежно

Благодарный

Влад. Познер

■ Лев Лунц. Завещание царя. München, 1983, с. 171-172.

(1) Свидетельство об образовании, диплом.

(2) Фрагмент крылатого выражения на латыни: «О времена, о нравы!»

(3) И. И. Каплан-Ингель.

165. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу

7 апреля 1924, Ленинград.

7/IV.

Лёвушка, друг, спасибо, что не забыли. А я попрекнула было Вас, т<ак> к<ак> письмо запоздало. Но пьесу слушали и без Вашей просьбы.⁽¹⁾ Серапионы поручили мне написать Вам о всех разговорах. Слушали внимательно, говорили много и – Вы это знаете – неодобрительно.

Веня⁽²⁾ и Тихонов, как им полагается, сейчас же стали искать литерат<урную> традицию. Веня вспомнил Метерлинка, Тихон<ов> – «Царь Голод»⁽³⁾ и кино. Оба указывали, что, несмотря на кажущуюся злободневность темы, она не современна, что Вы смело (это Венино) продолжаете традиции 1912 г. Тихон<ов> говорил, что Вы допустили философскую ошибку, Ваш город – патриархальный примитив, неясна работа. Какая работа?

Мишам⁽⁴⁾ не понравилось, что слишком откровенно Вы философствуете, действуют обнажённо и схематично идеи. Это – и тут главный и общий упрек – получилось не сценично. Вы взяли не свой (Вашим они считают книжный) материал – к тому же слишком отвлечённый для пьесы, взяли очень большой масштаб, а впечатление получилось оперное. Полонская и Федин говорили, что смешение двух стилей, двух языков – быта и пафоса, – не удалось, режет слух. Зоценко назвал пьесу «пролетарской пьесой для эмигрантов». Форш говорила, что она будет очень интересна, как историческая вытяжка из настроений, интересная массовая инсценировка. Всем очень понравилось по замыслу начало. Как кто-то сказал, «как люди прут через Гоби». ⁽⁵⁾ Вениа говорил, что это новый Ваш эксперимент, после сюжета, формы – тема, и потому интересно, заслуживает большого внимания. Особых прений не было, соглашались все.

Лёвушка, кажется всё. Не сердитесь, что отрывочно. Вы знаете, как братья разговаривают, по 3 одновременно. Я честно прислушивалась ко всему и, не щадя «бедного, больного калеку», пишу, что слышала. А теперь, можно мне? Из мелочей – Ваша знаменитая пронзённая пара не вышла, она как-то не вошла в пьесу, так и осталась на холмике. ⁽⁶⁾ А всё – здорово интересно по теме, по сюжету даже, т<о> е<сть> по тому, что я знала раньше. Но как-то не убедительно. Ни комиссар, ни город правды. Не договорённые они у Вас. Ну, больше на эту тему не хочу, потому что не знаю, как примите. Ещё выругаете менторшей. Одно дело разговаривать и смотреть в глаза, другое – писать (ещё одна пропись). Пьесу в тот же день передала Евг<ению> Ив<ановичу>. ⁽⁷⁾ Кстати, поищите другого контрагента, т<ак> к<ак> недели через 2 меня здесь не будет: вылетаю из «Атенея» с 2-месячным окладом ликвидационных и уезжаю на поправку в Крым. Рада ужасно. Такая лихорадка бьёт, что еле-еле досиживаю здесь эти последние дни. По дороге остановка в Харькове. <...> А. Пиотровский просит написать Вам, что Больш<ой> Драм<атический театр> открывается осенью «Бертра-

ном». Хочет списаться с Вами по поводу последнего монолога. Я велела Зое⁽⁸⁾ дать ему Ваш адрес.

Ещё событие. Я объяснилась с Никитиными, и отношения у меня с ними опять наладились. Всё-таки люблю их. На некоторые вещи, конечно, обращать внимания нельзя. Я теперь твёрдо знаю, что Ник<итин> в этой истории не при чём. Участию Зои я не верила никогда, но спросить её прямо не решалась. Как всегда всё стерлось. Коля и К<онстантин> А<лександрович>, встречаясь по делу в «Звезде», называют друг друга на вы и по отчеству, остальные с ним говорят, как со знакомым. У меня же отлегло, когда я его выругала, и теперь опять бываю у них.

<...> Слушайте, Вы не находите, что мой хвалёный стиль испортился сильно за год нашей переписки?

На свете нет человека скучнее и ненужнее Ильи Груздева.

Когда мы встретимся с Вами, произведём переоценку Серапионов. Особыми симпатиями пользуются Миши. Была на собрании, когда читали Вашу пьесу и чудесную поэму Тихонова.⁽⁹⁾ Это было моё рождение. Потом все ушли, а оба Миши, Федин, Дуся⁽¹⁰⁾ и я сидели у Миши до утра.⁽¹¹⁾ Пили, ели, разговаривали. Теперь опять не пойду к Серапионам долго – до осени.

Лёвушка, дорогой, не забывайте.

Лидя

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 172-174.

⁽¹⁾ Речь идет о чтении пьесы «Город Правды» на собрании «Серапионовых братьев».

⁽²⁾ В. А. Каверин.

⁽³⁾ Упоминается пьеса Л. Н. Андреева «Царь Голод» (1908), драматургия которого была подчеркнута символична.

⁽⁴⁾ М. М. Зощенко и М. Л. Слонимский.

⁽⁵⁾ Как отмечает публикатор письма, такого эпизода в пьесе нет, и тут сконтаминированы два различных фрагмента.

⁽⁶⁾ Имеется в виду один из эпизодов пьесы.

⁽⁷⁾ Е. И. Замятин.

⁽⁸⁾ З. А. Никитина.

⁽⁹⁾ Скорее всего, речь идет о поэме «Лицом к лицу».

⁽¹⁰⁾ И. И. Каплан-Ингель.

⁽¹¹⁾ Серапионы продолжали собираться в комнате М. Л. Слонимского.

166. В. А. Каверин – Л. Н. Лунцу

13 апреля, 1924, Ленинград.

13.4.24

Дорогой Лёвушка!

Извини, дружище, что не писал тебе так долго. Заели университетские дела. Зато теперь, когда почти всё кончено, некуда себя девать и что-то скучновато. Как ты живёшь, друже? Совсем забыл меня, должно быть, чёртов сын! А я тебя помню и часто думаю о тебе – сегодня ночью, например, ты мне приснился с седой головой и с горящими глазами.

Лида Харитон, должно быть, пишет тебе о Серапионах. Я реже стал видеть их всех – с головой ушёл в филологическую работу, не писал не строки. Очень хочется писать, хотя башка вымотана до последней нитки. Устал ужасно. Ребята же пишут по-прежнему – не хуже и не лучше. Только Коля Тихонов работает неустанно, барахтается из стороны в сторону и пишет прекрасно. Его последняя поэма «Лицом к лицу» – вещь почти совершенная. Написана простым и ясным языком. Лучшие места – прощание с балладой, кино <неразборчиво>.

Я скажу ему, чтобы он послал тебе эту штуку, Лёвушка. Здорово сработано – гораздо лучше «Шахмат».

Мишка, конечно, Мишка и пишет в каждом <рассказе?> то же самое.⁽¹⁾ Нет у него захвата, самая рука как-то скудна и невысока.

Костю вижу раз в год, ему, кажется <неразборчиво>, он кончает роман.⁽²⁾ Виктор⁽³⁾ пробыл здесь 2-3 недели. Читал «Зоо» и держал речь о мемуарной литературе. Он как-то немного обточился, уже меньше зацепляет, стал глаже.

Словом, всё – то же, дорогой друже. Не хватает только тебя – мне не хватает.

7.5.1924. Пишу после большого перерыва – извини, родной мой, что не отправил вовремя письмо. Всё какая-то суетня вокруг. Вчера узнал, что ты прислал что-то очень грустное письмо. Держись, будь тверже, дорогой друже, – мы ещё потанцуем с тобой во славу сюжетной литературы. Вчера почти все Серапионы были в сборе. Приехал Всеволод⁽⁴⁾ (не шути с ним, он написал гротескную пьесу в 5 действиях и 9 картинах⁽⁵⁾) – и даже Никитин вернулся в родное серапионовское лоно – он за время отсутствия округлился, вошёл в сок, ещё два-три года, и он станет «душкой-мущиной» – кругленьким, как швейцарский сыр. Как-то чужд он мне – никак не могу его принять душевно. А Всеволод стал забулдыгой и пьёт.

Вспоминали мы тебя, Лёвушка, и очень жалели, что тебя нет с нами. И какой дьявол засел в тебе, что ты не можешь послать его к его родной матушке!

Задумал ли что-нибудь новое? Мы читали здесь твою пьесу – задумано здорово, но сделано как-то очень символистично и потому расплывчато. Чёрт его знает – теперь как-то хочется тронуть руками, ощутить самый вкус. Ты, мне кажется, должен был бы заострить пьесу и сделать её более вещественной. Впрочем, не принимай всерьёз – нам нужно с тобой крепче поговорить, чем это можно сделать в письме. Я же ничего не пишу уже давно – всё переделывал старую «Бочку» (помнишь?) и «Шулера», которого в конце концов, ограбив Сергея Колбасьева, назвал «Большая игра». Ну, будь здоров, родной мой и дорогой Лёвушка! Целую тебя крепко-накрепко. Не выпускай своего руля, держись крепче. Твой *Веня*.

Лида моя тебе кланяется и целует.⁽⁶⁾

■ В. Каверин. Литератор. Дневники и письма. М., 1988, с. 18-20.

(1) М. Л. Слонимский.

(2) Роман «Города и годы».

(3) В. Б. Шкловский.

(4) В. В. Иванов.

(5) Речь идет о пьесе «Алфавит».

(6) Л. Н. Тынянова.

14 апреля 1924, Ленинград.

14 апреля

Милый Лёва, давно не писал Вам, но это не от бесчувствия, а совсем наоборот. Мы Вас вспоминаем каждый день, беспокоимся о Вашем здоровье. И Вы не сердитесь, а напишите: главное, о здоровье. Право же, скучно без Лёвы Лунца! Запреснело, заплеснело, Никитин отращивает животик, Каверин тынянится, а Мишка⁽¹⁾ орёт Донбассом, вслед за Женей Шварцем. Приезжайте! Выздоровливайте! Маршак сделал из меня детского писателя для «Воробья». Печатается мой рассказ (!! «Паровой конь» – с фабулой (честное слово!) и с персонажами (мистер Крэн, дядя Джим, Момми, Мэри, тетушка Грэль), из английской жизни (1825 г. – первый поезд) и даже с куплетами (верьте совести!). Есть даже названия глав под Диккенса или Ж. Верна: 1) О чём поспорили мистер Крэн и дядя Джим, 2) Дедушка дилижанс и шалуны каретки, 3) Каретки поют весёлую песенку, 4) Коровы виноваты, 5) Дядя Джим празднует победу. Ей-богу, даже отдельное издание будет – с иллюстрациями! Мишка в панике забился с головой под одеяло и лежит целый день. Кладёт на себя метки, чтобы не перепутали. Его мучат кошмары: все газеты и журналы переполнены Слонимскими, пишущими рассказы. Д. Слонимский, У. Слонимский, Р. Слонимский, А. Слонимский, К. Слонимский, Э. Слонимский, и даже V. Слонимский⁽²⁾ – и ещё какая-то непристойная буква. Буквы коверкаются, кривляются, ломаются, прыгают на потолке, по стульям. Он в ужасе вопит: М. Слонимский! М. Слонимский! Одновременно получают грозные иеремиады и нежные увещания из Европы и Америки по поводу его свинповедения. Мариэтта⁽³⁾ по утрам, став в позу, отчитывает его полчаса и уговаривает не быть альфонсом. Лида Харитон предостерегает от дурной болезни. Мобилизовано целое благотворительное общество на предмет его обращения на путь истины, посылающее два раза в день по увещателю. Миша

впопыхах сделал нам три визита подряд, исполнял роль заместителя крёстного на крестинах, при чём выпивал нижнюю губу от старания не уронить младенца. Чтобы показать свою любезность, встретив Лиду⁽⁴⁾ на чтении Эренбурга в Инст<итуте> Иск<усств> предложил ей два билета на это самое чтение. Вообще всячески старается реабилитироваться.

А маленький – это целая поэма. Улыбочки, утренние улыбочки – я их чувствую непрерывно, при всех деловых и неделовых разговорах, как нечто самое главное. Мне досадно, что дети – это бытовое явление – и вообще, что – чтобы иметь детей кому ума не доставало.

Милый Лёва, ещё раз: поправляйтесь! И напишите точно о своём здоровье! Адр<ес>: Петровский пр., 2 Институт Нар<одного> Образования.

Ваш Ал. Слонимский

Пишу Вам в окривелом состоянии: воспаление радужной оболочки, боль в виске, вообще гадость. Всё моё творчество поэтому одноглазое, и Вы не судите строго!

У Зои Никитиной тоже ожидается детёныш. Я уже имел собеседование с Никитиным по этому поводу и объяснял, что в самом банальном – Америки.

Лида кланяется и целует Вас! Маленький посылает улыбочку.

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 174-176.

⁽¹⁾ М. Л. Слонимский.

⁽²⁾ Автор письма иронизирует над тем, что многие из Слонимских стали литераторами. Кроме того, здесь налицо игра – инициалы первых пяти «Слонимских» складываются в слово «ДУРАК», инициал «Э», по всей вероятности, следует воспринимать как выкрик-дразнилку, инициал «V», скорее всего, графически изображенные «рожки», которые также относятся к дразнилкам.

⁽³⁾ М. С. Шагинян.

⁽⁴⁾ Жена А. Л. Слонимского.

168. В. В. Иванов – П. Л. Жаткину

19 апреля 1924, Москва.

19 апреля. Москва.

Милый Петр... Я вот на Пасху в Крым собираюсь поехать. Буде поеду – я тебе телеграфирую. Очень скучно весной писать – я сейчас переписываю повесть, и ещё глыбищей огромной надо мной – мой роман.⁽¹⁾ А в общем всё так же. Не веселее. Скучные новости, милый... Всё ж таки за это время написал три рассказа, но это не веселит меня, вот вчера в «Накануне» статья есть – обо мне – прямо международным писателем называют. А я прочел и хоть бы хны!.. Целую крепко. Пиши.

Всеволод

■ Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. «Советский писатель», М., 1975, с. 109.

⁽¹⁾ «Северосталь».

169. Л. Б. Харитон – Л. Н. Луницу

20 апреля 1924, Харьков.

20.IV.24.

Лёвушка дорогой, я уже в Харькове – 3-ий день. Устала ужасно от всех встреч, разговоров, новых улиц, старых друзей. Но хорошо мне очень. Ужасно приятно быть с людьми, которые совсем не думают о том, что сказал Садофьев и куда посмотрел Евг<ений> Ив<анович>.⁽¹⁾ Но уже скучаю по Дусе.⁽²⁾ Проводили меня, кроме своих, Дуся, Андрей⁽³⁾ и Анатолий Душкин⁽⁴⁾ с Мусенькой.⁽⁵⁾ Зойка⁽⁶⁾ через месяц рождает – большая, тяжёлая. Лёвушка, пишите в Феодосию, Крым, Лютеранский пер., д. 3. Что я Вам писала о пьесе?⁽⁷⁾ Вы не сердитесь за откровенность. Здесь яркое солнце, набухшие почки, летние платья. Мне очень хорошо.

Лида

(1) Е. И. Замятин.

(2) И. И. Каплан-Ингель.

(3) Публикатор указывает: «Андрей Кази – сводный брат З. Д. Гацкевич», то есть матери З. А. Никитиной. Возможно, это и так. Однако надо добавить, что А. А. Кази был первым мужем З. А. Никитиной.

(4) О ком идет речь, установить не удалось.

(5) Сестра А. А. Кази.

(6) З. А. Никитина.

(7) Пьеса «Город Правды».

170. Н. С. Тихонов – Б. Л. Пастернаку

25 апреля 1924, Ленинград.

25.4. Ленинград

Добрый день, дорогой Борис Леонидович. Никакого не может быть даже разговора о том, что я имею сердце на вас, – вероятно, Анна Андреевна⁽¹⁾ или гиперболический Виктор⁽²⁾ мои простые слова – о том, что вы долго не даёте никакой вести о себе, – пересказали с каким-нибудь оттенком, не лишённым образности.

Я вас очень люблю и поэтому когда-нибудь подыму сердце – с кем же и воевать, как не с теми, кого любишь, – но это уже не в плане какой-либо обиды, а в движении работы и радости. Вы один из тех немногих, с кем можно говорить о нашем труде нашими словами, обходясь без литературных адвокатов и адвокатствующих литераторов.

Поэму вашу, несмотря на аттестацию, жду с нетерпением.⁽³⁾ Стих, как иноходец, узнаётся на ходу.

Что касается моих стихотворений, то следить за ними, читая из месяца в месяц «Красную новь» и другие – не красные «нови», – дело совершенно пропащее и убыточное.

В журналах я за год печатался не больше 5-6 раз, и то, чем я дорожу до некоторой степени, я покажу вам лично по приезде в Москву. А приеду я не позже 10 мая и обязательно.

Стихи же, печатавшиеся, – печатались по причинам и в условиях, сходных с вашими, даже не подменяя слабоволие – рассеянностью.

Единственное исключение за прошлый год, т<о>е<сть> со времени «Браги», составляют «Шахматы». Как их ни ругали все последними словами, я люблю их дикое и тёмное нагромождение. Почему? – не знаю. Я их люблю так же, как люблю смотреть на отряхивающихся от холодной ванны собак, с мокрой взвихренной шерстью, громадными глазами, опирающихся на лапы так, точно они впервые почувствовали их под собой.

У меня на руках есть цикл стихов о Юге, в них я попробовал повеселиться, – то же и в последней поэме «Лицом к лицу». В ней я подсчитал все зубоскальства балладного тона и сюжетные преискуранты и убедился, что они износились и обнаглели. Я развалил поэму и повеселился при этом.

Может быть, как отряхивающаяся мокрая собака, – не знаю. Не кажется ли вам, Борис Леонидович, что слишком серьёзно, слишком серьёзно и тяжело, с мрачностью пишутся стихи за последнее время. Мне захотелось хохотать и улыбаться без спросу и без ограничения. Если это лишний грех – тем лучше. «Юга» ещё не знают в Москве. Если вам скажут, что моя поэма никуда не годится, – не верьте, если будут хвалить её за «хороший тон», – не верьте. Сами можете не читать.

Она – опыт вивисекционного порядка. Было слишком большим искушение искромсать сюжет так, чтобы он помнил долго, – и я его справил в мясорубку.

Конечно, это не поэма, а всё та же отряхающаяся собака.

Я вас очень хочу видеть – и в Москву хочу – побродить. Я не читал ни одного вашего стиха после «Тем и вариаций»,⁽⁴⁾ несмотря на упорнейшие розыски в журналах и альманахах. Я скучаю без ваших стихов – серьёзно – *по-настоящему*.

Здесь гостит Волошин. Он похож на жирный, волошский орех, со скорлупой, которую не берет молоток. Заст-

рахованный от грехопадения орех. А его «История русской интеллигенции» по Овсяннико-Куликовскому для школ I ступени – то бишь поэма о России⁽⁵⁾ – вполне прекрасна и «коктебельна». Средство для страдающих бессонницей. Почему не жить ореху? – Он жёсток и питателен, как мука Нестле и передовица «Известий». Если он переложит шестистопным ямбом «Капитал» Маркса, Демьян⁽⁶⁾ будет сконфужен бесповоротно.

Как прошёл вечер «Литературное сегодня»,⁽⁷⁾ с Ахматовой? – Что касается литературной шестерни, в которую вы не «вставились», – то в Питере и при желании этого нельзя было бы сделать. Здесь даже разбитое литературное колесо не сразу отыщешь. – Стоит ли жалеть об этом.

До скорого свидания.

Крепко жму вашу руку

Н. Тихонов

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 670-671.

(1) А. А. Ахматова.

(2) В. Б. Шкловский.

(3) Речь идет о поэме «Высокая болезнь».

(4) Книга стихов Б. Л. Пастернака.

(5) Поэма М. А. Волошина так и называется: «Россия».

(6) То есть поэт Демьян Бедный.

(7) Вечер состоялся 17 апреля 1924 года в помещении Московской консерватории.

171. Е. И. Замятин – Л. Н. Лунцу

7 мая 1924, Ленинград.

Великий Лев Луңц!

Передо мной № 1 «Сибирских огней» за 1924 год, там – статья Я. Брауна о «группе Серапионовых братьев» – и о великом Лунце, конечно, о «Вне закона» и «Бертран-де-Борне». Известно ли Вам, гражданин, что Ваш «Бертран»

объявлен в репертуаре Большого Драм<атического> Театра на след<ующий> сезон? Должен сознаться, что это случилось, несмотря на все мои козни, ибо я усиленно убеждал Болдраму, что «Бертран» никуда не годится по сравнению с «Вне закона» и советовал поставить именно «Вне закона». На что получил ответ, что «Вне закона» – вне закона и есть, и тут ничего не попишешь.

Раздражённый неудачами своих происков, а также исходящим от Вас запахом лаврового листа, я решил подражать Вам, великий Лунц – и скоро разрешусь двойней: пишу две пьесы, одну для 1-й Студии Моск<овского> Худ<ожественного> Театра, другую – может, для них же, а может, ещё для кого. Одну пьесу меня заставили сделать угрозой, что взломают моих «Островитян»⁽¹⁾ и вытащат из них пьесу; для другой я сам совершил кражу со взломом у Лескова⁽²⁾ – из этой штуки выйдет, кажется, что-то очень забавное.

А засим – современничаем. Нелёгкое это дело. Смотрит на тебя прелестное этакое дитя сернячьими глазами – ну, так бы и расцеловал – а вместо этого возвращаешь ей рукопись. Или это: какво писать излюбленному Лунцу, что с его, зачатой во время путешествия на больничной койке, пьесой – ничего сделать нельзя?⁽³⁾ А «Путешествие»⁽⁴⁾ – пишите и присылайте; думаю, выйдет интересно – и не вне, а в законе.

Ну вот... впрочем, «ну вот» плагиат: это формула Миши⁽⁵⁾ – неизменная – когда он отсидит у меня свой срок, собирается уходить, глядит на свои браслетные часы: «Ну вот. Пора двигаться». И знает, что я знаю эту формулу, и всякий раз страдает невыносимо – ибо новой формулы (вот уже год) придумать не может. Несчастный канонист!

Федин занят детоводством и романом.⁽⁶⁾ С Ник. Никитиным у братьев соитус, кажется, помаленьку налаживается.

Затем прощайте. Метрша,⁽⁷⁾ Миша и Ростислав⁽⁸⁾ Вам поклоняются.

Ваш Е. З.

(1) Имеется в виду пьеса «Общество почетных звонарей», созданная по повести Е. И. Замятина «Островитяне».

(2) Пьеса «Блоха», написанная по мотивам произведения Н. С. Лескова «Левша (Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе)».

(3) Пьеса «Город Правды».

(4) Рассказ «Путешествие на больничной койке».

(5) М. Л. Слонимский.

(6) Роман «Города и годы».

(7) Л. Н. Замятина.

(8) О ком идет речь, установить не удалось.

172. Е. Г. Полонская – Л. Н. Лунцу

20 мая 1924, Ленинград.

Лёвушка, дорогой. Вы обо мне забыли и поделом, так мне и надо. Но я вас всё время держу в памяти и в сердце. Меня страшно огорчает Ваша болезнь, но я всё-таки думаю, что Вы во многом преувеличиваете её. Было бы дикой нелепицей думать, что вы не поправитесь, что она не прекратится. Скажу Вам, как врач, что нужно хотеть выздороветь – воля к жизни лучшее средство против инфекции. Вы должны выздороветь, как должны были кончить университет. Помните? Со скрежетом зубным и во что бы то ни стало. Выздоровливайте и приезжайте сюда – я готова снова выпить с вами на брудершафт.

Знаете ли вы, что я написала пьесу и посвятила её Вам? Пьесу я уже сожгла, но посвящение осталось – я перенесу его на новую пьесу, и так до 7 раз. Ваш «Город Правды» очень понравился Сергею Радлову, которому я дала его читать, Папаригопуло и моему брату.⁽¹⁾ Радлов хочет ставить его в Народном Доме. Отвечайте, согласны ли? У нас здесь вышел камуфлет с Никитиным, но примирение уже состоялось и он возвратился в лоно. Зоя же перенашивает младенца Никитинского – боюсь, что он родится сразу в очках.

Лида Харитон женилась, женился также и Коля Чуковский, за что и был проклят Корней Ивановичем и Марьей

Борисовной⁽²⁾. У Виктора же Шкловского имеет родиться ребенок согласно всем правилам сюжетосложения. Имя ему будет Опояз если мужского и Формалина если женского окажется полу.⁽³⁾ Ещё родился новый прозаик, по фамилии Бабель, весьма приятный, еврей. Серапионы его ругают, а я одобряю весьма. Ребята наши серапионовские все вышли в большой свет, за исключением Ильи⁽⁴⁾ и Веньки.⁽⁵⁾ А я стала знаменитой детской писательницей – образец Вам посылаю.⁽⁶⁾

Сын мой растет и развивается весьма. Черпает знания из календарей и жизни. Вчера он объявил мне, что Пушкин очень хороший поэт и прочитал в виде доказательства:

Насильно Зубову мила

Старушка дряхлая жила,

Приятно... понаслышке блудно.⁽⁷⁾

Мама, что такое блудно?! А брат мой таких вопросов не задает, он всё знает сам и даже преподаёт в И.С.И.⁽⁸⁾ А я Вас крепко-крепко целую и надеюсь скоро увидеть. Может быть, поеду за границу. У Вас на днях будет Шура Векслер (помните ли её?!).

Ваша *Е. Полонская*

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 178-179.

⁽¹⁾ А. Г. Мовшенсон.

⁽²⁾ К. И. и М. Б. Чуковские.

⁽³⁾ Обыгрываются название Общества изучения поэтического языка (Опояз), одним из главных действующих лиц которого был В. Б. Шкловский, и приверженность его формальному методу в литературоведении. Родившегося вскоре сына назвали Никитой.

⁽⁴⁾ И. А. Груздев.

⁽⁵⁾ В. А. Каверин.

⁽⁶⁾ По всей вероятности, речь идет о книге «Зайчата».

⁽⁷⁾ Стихотворный набросок, посвященный Екатерине II.

⁽⁸⁾ Институт сценического искусства.

Конец мая(?) 1924, Ленинград.

Дорогой Натан Яковлевич, пишет Вам Слонимский, Лёвин товарищ. Не стану говорить о том, как потрясла меня и серапионов смерть Лёвы. Вы знаете, чем был для нас Лёва, никто из нас никогда не забудет его, для каждого из нас он жив. Но нужно сохранить его живой образ. Поэтому мы решили издать сборник его памяти, куда войдут статьи и воспоминания всех близко знавших Лёвушку: Замятина, Чуковского, серапионов и пр. Вы писали Дусе Каплан о том, что за границей появился ряд некрологов. Хотелось бы иметь их тут, чтобы включить в сборник наиболее значительные статьи. Федин писал Вам и послал статьи и заметки, появившиеся тут о Лёвушке. Вы, наверное, получили уже? Надо бы также иметь сведения о постановке «Вне закона» в Берлине (для библиографии) и о статье Горького к «Вне закона» и в «Беседе». У нас одно стремление – сохранить навсегда живой образ Лёвушкин, а собрать материалы нужно сейчас. Издание сборника – дело ближайшего года.⁽¹⁾

Вот по этому поводу – о материалах – я решил обратиться к Вам за советом. Да, признаться, я хотел ещё сказать Вам и Лёвушкиной маме (сколько мне Лёва рассказывал о Вас!), что мы, серапионы, <два слова неразборчиво> Вас всей душой и всем сердцем участвуем в Вашем горе: мы потеряли родного брата. Давно я хотел написать Вам, но всё не решался: ведь мы с Вами почти незнакомы.

С осени в Больш<ом> Драм<атическом> Театре идёт пьеса Лёвушкина «Бертран-де-Борн». Я напишу Вам о первых спектаклях. «Вне закона» шла только пока в Одессе.

Крепко и горячо жму Вашу руку.

Ваш М. Слонимский

P. S. Адрес мой: Ленинград. Ул. Герцена (б<ывшая> Морская), д. 14, кв. 30а. До середины сентября я могу оказаться в отсутствии, но я буду держать связь через Дусю Каплан.

⁽¹⁾ Книга в свет не вышла.

174. Л. Б. Харитон – Н. Я. Лунцу

5 июня 1924, Феодосия.

Феодосия. 5/VI.

Многоуважаемый г-н Лунц,

Только вчера, случайно встретив петербуржцев и получив у них петербургский журнал, узнала я о Вашем огромном горе.⁽¹⁾ Простите меня, это может показаться нескромным, но мне хочется написать Вам, сказать, как близко мне Ваше горе, какая большая утрата для меня Ваш Лёвушка.

Как ни была я подготовлена целым годом его болезни, всё нарастающим волнением в его письмах, наконец, отчаянным криком последнего письма: «пишите, пока не поздно!» – я не верила. И сейчас, когда я знаю, что его нет уже почти месяц, когда я знаю, что мои письма опоздали, что Лёва не прочел их – я не могу освоиться с этой мыслью, мне всё время хочется взяться за перо, мне хочется крикнуть ему – Лёвушка, дорогой, это неправда, Вам просто временно хуже... А передо мной стоят в чёрной рамке слова статьи Федина: «Лев Лунц умер... Прощай, брат!» И как нарочно всё сложилось так, что из-за своего переезда из Питера я вовремя не смогла получить его письма, я не смогла ему дать того, что было в моих силах – дружеского привета из далёкого родного города.

Я здесь одна сейчас, я не знаю даже того, что знают наши друзья в Петербурге. И я решаюсь просить Вас об очень большом: когда Вы сможете, когда Вам это будет не слишком тяжело, напишите мне о его болезни, о его последних днях. Я хочу знать, как умирал Лёва. Я ведь знаю, как он жил. Лёвушка и смерть! Так странно и больно – эти два слова рядом. Лёвушка живой, бодрый, радостный. Лёвушка, в котором было столько искры, столько какой-то общей талантливости, столько веры в жизнь, в себя, столь-

ко подлинного драматургического таланта. Ведь он был младшим среди своих друзей,⁽²⁾ но всю последнюю зиму, когда всевозможные напасти и нелады сыпались на серапионовых братьев, имя Лунца всегда приводилось, как веский аргумент: Лунц сказал бы так... Лунц отнёсся бы вот как... И это отношение Лунца считалось правильным, верным, часто давало тон общему решению.

Я вспоминаю сейчас первый серапионовский спор, на котором я присутствовала. Лёва с мальчишеской, почти детской горячностью протестовал против какого-то довольно безобидного, но всё же компромисса с совестью. И вот эта удивительная его духовная чистота, такая молодая, такая прекрасная сделала то, что Лёвушка, юный, житейски неопытный мальчик, стал мне большим, нужным другом. Его отношение было для меня мерилom. Лёва одобрил – хорошо, выбрал – я не права. А сколько радости, сколько жизни он вносил с собой! Без Лунца стали серыми наши вечера. Он зажигал всех окружающих – такая уж у него удивительная натура была.

<...> Он эти дни неотступно со мной – то живой и весёлый, как в первое время, то в кровати в Доме Искусств, зимой. Каждый раз, когда он ложился – у меня появлялся Коля Чуковский, и я проводила у Лёвушкиной постели длинные вечера. Сколько мы переговорили тогда. Он иногда впадал в отчаяние, но потом сейчас же возвращалась бодрость, вера, и Лёвушка ждал поездки за границу, с нею – здоровья.

Натан Яковлевич, очень прошу Вас, напишите мне о нём! Я очень люблю Лёвушку, он мой самый большой и верный друг.

С глубоким уважением,

Лидия Харитон.

Мой адрес: г. Феодосия, Крым. Лютеранская ул., д. 3.

Как больно, что часть его рукописей так и не удалось получить с Петроградской таможни! <...>

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 179-181.

(1) В № 22 журнала «Жизнь искусства» за 1924 год был помещен некролог Л. Н. Лунцу, написанный К. А. Фединым.

(2) Самым младшим из «Серрапионовых братьев» был В. С. Познер.

175. Н. Я. Лунц – Н. Н. Берберовой

12 июня 1924, Гамбург.

12 июня 1924 г.

Гамбург. Изештрассе 81.

Многоуважаемая и дорогая Нина Берберова!

Простите, что я так называю Вас, но я не знаю Вашего отчества, кроме того, Лёвинька Вас всегда так называл, а он Вас крепко любил.

Спасибо за весточку о себе. Я всё время хотел о Вас слышать, надеюсь ещё когда-нибудь повидаться с Вами.

Я ещё должен поблагодарить Вас за Вашу статью в «Днях»: (1) из всех статей, посвящённых нашему дорогому голубчику, Ваша всего ближе нам с женой. Яков Натанович, наверное, Вашего письма не получил, а то он ответил бы. Что касается карточки, то последней является та, которая помещена в № 5 «Беседы». Я думаю, что она у Вас есть, но если бы, паче чаяния, Вы её не имели бы, я могу её Вам выслать сейчас же и если хотите вместе с книжкой.

Если итальянский перевод «Вне закона» напечатан, (2) то будьте любезны сообщить, где я мог бы его выписать.

Буду очень счастлив знать, где Вы обретаетесь время от времени. Авось сумею попасть к Вам. А если бы Вам пришлось как-нибудь попасть в Гамбург, то мы будем счастливы видеть Вас у себя.

Желаю Вам всего хорошего
преданный Вам

Натан Лунц.

■ «Опыты» (Нью-Йорк), 1953, № 1, с. 179.

⁽¹⁾ Имеется в виду некролог, написанный Н. Н. Берберовой.

⁽²⁾ Перевод, выполненный итальянским славистом Э. Ло Гатто, был опубликован отдельной книгой в 1925 году с предисловием А. М. Горького.

176. Е. Г. Полонская – Н. Я. Луццу

20 июня 1924, Ленинград.

Дорогой и многоуважаемый Натан Яковлевич.

Благодарю Вас за письмо от своего имени и от имени всех Серапионовых братьев. Мы хотели написать Вам немедленно, как только получили известие о смерти Лёвы, но не посмели, боясь, что это письмо будет только лишним напоминанием о тяжёлом Вашем горе. Вы знаете и без того, чем был для нас всех Лёвушка – настоящим братом и более, чем братом. В тяжёлые годы он поддерживал в нас бодрость духа – он был душой нашего братства.

Мы решили, и я думаю, что Вы ничего не будете иметь против этого, издать осенью две книги, посвящённые его памяти.

1 – книгу статей о Лёве, в которую войдут статьи: Горького, Замятина, Чуковского, Шкловского и всех серапионовых братьев.

2 – книгу, составленную из всех имеющихся на руках произведений Лёвы, как напечатанных, так и ненапечатанных.

Если у Вас имеются сведения о том, где находятся те или другие рукописи, не откажите написать об этом мне. Не оставил ли Лёва какого-нибудь списка всего написанного им, или не говорил ли об этом устно?

Ваши поручения я срочно выполню и письмо Ваше покажу братьям завтра же. Сегодня, я хочу отправить Вам этот ответ, чтобы Вы знали, что Ваше письмо получено и что всё будет сделано в точности.⁽¹⁾

Передайте Лёвушкиной маме, что я низко кланяюсь ей и разделяю с ней её горе. Лёвушка так часто рассказывал

нам о ней, когда жил в Доме Искусств. Видно было, что он горячо её любил, и мы все полюбили её вместе с ним.

Примите моё искреннее уважение.

Е. Полоцкая

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 182-183.

⁽¹⁾ Публикатор указывает: Н. Я. Лунц просил выслать все, что связано с жизнью и творчеством сына, – книги, фотографии, а также некрологи, напечатанные в России.

177. А. М. Горький – В. А. Каверину

21 июня 1924, Сорренто.

Рассказы присылайте: теперь «Беседа» допущена в Россию, и гонорар будет издателем увеличен. Разумеется, что рассказы, которые пойдут в «Беседе», уже нельзя печатать в других периодических изданиях.

Да, Лунца страшно жалко. В 5-й книге «Беседы» будет напечатана его последняя пьеса.⁽¹⁾ Необходимо собрать и издать всё, написанное им.

Для того, чтоб мне писать о нём, я должен иметь пред собою его вещи – не можете ли вы прислать мне «Бертрана»,⁽²⁾ «Обезьян»,⁽³⁾ «Вне закона»?

Буду очень благодарен.

Всего доброго, тороплюсь отправить письмо.

А. Пешков

21.VI.24. Sorrento.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 182-184.

⁽¹⁾ Пьеса «Город Правды».

⁽²⁾ Пьеса «Бертран де Борн».

⁽³⁾ Пьеса «Обезьяны идут!».

178. В. А. Каверин – А. М. Горькому

22 июня 1924, Ленинград.

22/VI-24.

Дорогой и многоуважаемый
Алексей Максимович!

<...> Я уже влез с головой в мой роман⁽¹⁾ (роман ли?) и пишу с утра до вечера.

«Бочка» моя наконец выкатилась в свет (не вспомню, писал ли я вам об этом рассказе), и я жду отзывов – разумеется, ругательных. Здесь насчёт новой литературы – тихо. Серапионы разъехались на лето; за последнее время никто не писал ничего нового – кроме Тихонова, который работает неустанно, и Федина, который медленно, раздумчиво, осторожно кончает «Города и годы».

Все другие – молчат (это ещё хорошо) или пишут хуже, чем писали (Никитин, который совсем выдохся на своём материале, и Иванов, который начал терять себя на чужом).⁽²⁾

Из новых журналов – «Русский современник», известный вам, – и больше, кажется, ничего. Здесь Шкловский; он много пишет, ещё больше печатает и единственный из русских писателей приезжает в Питер за деньгами. «Сентиментальное путешествие»⁽³⁾ наконец здесь выходит.

Я посылал вам оттиск «Бочки» – не знаю, получили ли вы (я как-то перепутал адрес).

Когда будет готов роман, – непременно и в первую голову пошлю его вам, дорогой Алексей Максимович!

Больше никому не верю – никто про самого себя не знает, как пишет и что делает.

Все как-то потеряли свою дорогу – пишут по инерции и без прямой к тому необходимости. Русскую книгу становится трудно читать – это, по-моему, перед чем-то новым.

Будем ждать и работать (и барахтаться – без барахтания – ничего не выйдет).

Ну, всего доброго и сердечный привет.

Ваш В. Каверин

<...>

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 184.

(1) Повесть «Конец хазы».

(2) В это время В. В. Иванов писал в соавторстве с В. Б. Шкловским роман «Иприт».

(3) Книга В. Б. Шкловского.

179. В. В. Иванов – Н. И. Анову

26 июня 1924, Москва.

Москва, 26 июня 24 г.

Милый Николай Иванович, душевнейше рад получить от Вас цидульку. И получил кстати... О себе Вы сообщаете мало, а что же я напишу Вам – сию, пишу романы, пью с Сергеем Есениным и даже имею желание его обогнать. Вот и всё. Имеется у меня дочь возрастом в один год и соответственно этому такого же роста. Жена живёт в Крыму, а я бросил свою питерскую квартиру и осенью имею желание перебраться в Москву на широкое житьё в смысле квартирном.

Теперь о Вас, милый Николай Иванович. О вас будет такая игра: в Москве службу очень тяжело достать, но так как Вы писатель, то кое-что возможно было бы соорудить, печатать рассказы и прочее. Но здесь невозможное дело с квартирами, чудовищное дело. Достать ничего нельзя и сделать тоже. Я живу в одной паршивой (по моей вине, правда) комнате и тщетно ищу второй год квартиры. По ордеру достать невозможно, а так нужно за три комнаты заплатить отступного чуть ли не больше ста червонцев. Таких денег жалко, да и трудно достать.

Такие-то дела! Если у Вас есть желание приехать погостить осенью в Москву и посмотреть осенний сезон – милости прошу, давайте споемся, я к тому времени устроюсь с квартирой и ко мне можно будет приехать. Из Питера я уехал потому, что город приобрёл сугубо провинциальный вид⁽¹⁾ и необычайно сух. И помимо всего, там туго с деньгами, доставать их тяжело...

Теперь же разрешите поцеловать Вас, милый друг, и не скачайте ради бога. Привет супруге.

Всеволод Иванов

■ Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. М., 1975, с. 55.

⁽¹⁾ Столица была перенесена в Москву, что сказалось и на внешности города, и на ритме городской жизни.

180. Н. Я. Луц – «Серапионовым братьям»

Июль–июль 1924, Гамбург.

Вы знаете, как бесконечно наше горе, и Вы поймёте, что много я Вам на этот раз писать не сумею. Может быть, со временем удастся больше написать. Лёвушка почти 9 месяцев лежал в постели и хотя очень терпеливо переносил болезнь, почти всегда веселил всех окружающих, но часто впадал в отчаянье. В последний день, утром 9 мая, он ещё много говорил со мной о литературе, политике, играл в шахматы и был очень счастлив, так как я в тот день собирался взять его домой. В 1 ч. дня он хорошо пообедал, но вслед за тем опять получил эмболию мозга, сейчас же впал в беспамятство и, не приходя в сознание, скончался на расвете 10 мая... Для нас с матерью свет погас...

Прошу передать всем его друзьям, Серапионовцам и другим, что он до последнего часа бесконечно их любил и стремился к ним. День 1 февраля, их праздник, он нервничал весь день и ночью не спал.

Хоронили его 12 мая, было много народу, говорили речи, но никого из его друзей, кроме нас несчастных, разве только А. Векслер, незадолго перед тем приехавшая из России. И ходим мы к нему на могилку и вспоминаем, вспоминаем...

Что касается манускриптов, то кое-что осталось, но пока у меня нет сил подойти к ним и разобраться. Мы с женой совершенно разбиты и никак не можем начать нор-

мально существовать. Завтра уезжаем на пару недель в Швейцарию, авось это хоть немного восстановит наше душевное равновесие. По приезде немедленно разберусь и пришло Вам всё существенное.⁽¹⁾

■ «Новый журнал», книга № 83, Нью-Йорк, 1966, с. 183.

⁽¹⁾ Публикатор указывает, что текст составлен из фрагментов нескольких писем, адресованных различным лицам.

181. А. М. Горький – К. А. Федину

6 июля 1924, Сорренто.

Дорогой Федин, я получил письмо от Слонимского, он предлагает мне написать статью о Лунце. Я уже пробовал сделать это, но – не сумел. Не вышло. И – вижу – не выйдет. Не знаю почему.⁽¹⁾ Принуждён отказаться от участия в сборнике и сожалею об этом.

Я мало знал, мало наблюдал Лунца, но мне он и лично нравился – своей скромностью, серьёзностью, и как на литератора я возлагал на него большие надежды. Талант чувствовался в том, как он смотрел на людей, в его хороших глазах. Какая бессмысленная смерть!

Как живёте вы, что делаете? Давно уже не имею писем ни от одного из вас – впрочем, на днях писал Зильбер, но, так сказать, «деловое» письмо, не о литературных работах ваших, что меня глубоко интересует. Может быть, вы напишете, что делается вами и другими Сер<апионами>, в каком вы – и др<угие> <отношении> – к «Русс<кому> современнику», кто такой Леонов, нет ли новых «начинающих» и т. д.?

Буду очень благодарен. Жму руку.

А. Пешков

6.VII.24. Sorrento.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 472-473.

⁽¹⁾ А. М. Горький, однако, написал заметку «Памяти Л. Лунца».

182. К. А. Федин – А. М. Горькому

16 июля 1924, Ленинград.

Ленинград. 16.VII.1924. Литейный, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович,

только что распечатал ваше письмо и – как всегда, когда прикасаюсь к чему-нибудь, связанному с вами, – разволновался. Это очень хорошее чувство, и приходит оно очень редко. Я отодвинул в сторону свой роман, который начал угнетать меня,⁽¹⁾ и *бросился* писать вам. Наверно, у меня сейчас смешной вид: я сижу один в пустой, громадной квартире и улыбаюсь. Письмо выйдет глуповатым, но мне хочется как-нибудь передать вам моё взволнованное хорошее чувство.

Я собирался сто раз написать вам и всё откладывал. Хотелось «выступить отчётно», рассказать о том, что сделал за эти годы, и «приложить документ» – книжку. Вообще – похвастаться. Ну, о себе – в конце.

Жалко, что вы не можете написать о Лунце. Мы собирались выпустить небольшой сборник статей о нём, чтобы отметить его значение для молодой – «начинающей» – русской литературы. Ваша статья предназначалась для этого сборника. Лунца никто не заменит. Не только для Серапионов. Ведь Серапионы – малая толика в новой пажити «братьев» по искусству. Все они слушали с любовью неистовые призывы Лунца к новой сюжетной новелле, к новому романтическому театру. Я прилагаю к этому письму заметку, написанную мною в тот день, когда пришло известие о смерти Лунца. В ней мне не нравится предпоследняя фраза. В тот момент, когда на нас свалилась эта смерть (странно, мы ждали её со дня на день, но она всё-таки ошеломила нас), мне казалось, что она сплотит нас. Но это случилось, может быть, на один вечер. Конечно, каждый из нас переболел по-своему утрату. Но мы связаны теперь прошлым и личной дружбой, а не той литературной поручкой, которая скрепила в своё время братство. Мы не распались, потому что Серапионы существуют вне нас. Одно

это имя, живущее своей жизнью, держит нас вместе, помимо нашей воли, а для некоторых и против воли. Вероятно, так когда-то некоторых писателей держало вместе имя декадентов или символистов. Ведь не случайно, что мы не сумели выпустить больше одного серапионовского альманаха, в то время как каждый из Серапионов издал по две, по три, по десяти книг. И даже смерть кого-нибудь из нас, как смерть Лунца, вырвав из жизни личного друга, вырвав брата, ничего не изменит в «литературном обществе Серапионовы братья». Это общество дифференцировалось, братья стали подрастать, приобретать привычки, оттачивать характеры. Мы часто бываем вместе, мы любим бывать вместе, но наши встречи обусловлены привычкой, дружбой, необходимостью, *но не потребностью*. Потребность жить и работать в братстве исчезла с условиями и романтикой голодного Петербурга.

Я говорю обо всём этом с болью, как скажут вам об этом Слонимский, Зощенко, Каверин, Тихонов, сказал бы Лунц. Для Никитина Серапионы были только трамплином. Всеволод⁽²⁾ в глубине души относился к нам не как к братьям, а как к сыновьям.

Это – не панихида. Я верю в Серапионов. Каждый из нас или все вкупе что-нибудь сделаем в литературе. Мне просто грустно, что мы... что я не могу написать вам: Серапионы крепнут с каждым часом!

Теперь по очереди обо всех.

Слонимский выпустил новую книгу – «Машина Эмери». Для него – новые темы, новый материал. Он увлёкся «производством», второе лето ездит в Донецкий бассейн. На днях вернулся в Петербург, привёз кучу записей, сел писать. Начал роман.⁽³⁾ Каверин пишет тоже роман, впервые делая попытку ввести в рассказ русский живой материал и почти отказываясь от схематики.⁽⁴⁾ Сюжет, конечно, авантюрный. Зощенко вынужден по-прежнему писать для юмористических журналов. Это ему, очевидно, вредит, он устал, износился. В книгу, которую он вскоре выпускает, войдут два новых рассказа в духе «Аполлона и Тамары» –

сентиментальные и немного стилизованные. У Тихонова изумительные стихи. Работает он неустанно, добивается, отказывается, идёт упрямо и стремительно, как конь. Пастернак, Маяковский уже позади. Он теперь один, на воле, весёлый и крепкий. Почитали бы вы в наших журналах, – какое множество появилось «подтихоновцев», – везде и всюду «Баллады». А Тихонов давно уже бросил все эти песни про гвозди, пакеты и отпускных солдат и живёт «на доходы» с популярнейших своих прекрасных поэм, над которыми тоже смеётся. Жалко, что вы, кажется, не знали Тихонова. Удивительный человек. Всеволод написал ещё роман – «Северосталь». Судьба этого произведения горька: он переделывал его раза три, а от него требуют новых и новых поправок. К сожалению, никто из нас не читал этого романа. Всеволод живёт большей частью в Москве, наезжает сюда редко, летом катается по югу. Говорят, что он написал очень хорошую повесть о похождениях портного – в необычном для него стиле и духе.⁽⁵⁾ О Никитине мне лень говорить. Разве что – недавно у него родился сын. Впрочем, ещё: он выпустил книжку под названием «Сейчас на Западе», где с лёгкостью необычайной рассказывает об англичанах, немцах и бельгийцах, которых он видел из окна вагона и гостиницы в прошлогоднюю свою поездку. Книжка может поспорить разве только с «Английскими рассказами» Пильняка, который тоже съездил в Англию и «изучил» в корень всю западноевропейскую цивилизацию...

К «Рус<скому> совр<ременнику>» Серапионы относятся сдержанно. Он не то чтобы академичен, а как-то сух, строг и в то же время неровен. Есть много наивностей. В отделе критики самые живые люди засыхают, потому что чувствуют накрахмаленное окружение. Пока ещё есть надежда на то, что журнал выровняется. Однако... какие же мы «современники» Кузьмы Пруткова, Щедрина и даже Андреева? Я дал рассказ «Тишина» для одного из ближайших номеров; пойдёт, вероятно, в № 3. Это – единственный рассказ, написанный мною во время работы над романом.

Написал я его после житья в Дорогобужских дебрях, в деревне, где ещё жгут лучину и верят одним колдунам. Он вышел чуточку старомодным, вроде «Сада». Я отдыхал на нём от тряски и ухабов романа, в котором ещё не всё отстоялось и многое не отстоится вообще.

Этот роман занимает меня целиком вот уже почти два года. Сейчас я оканчиваю его, в августе сдаю в набор. Выйдет он осенью, сразу книгой. Кое-какие главы будут напечатаны в журналах, но целиком провести роман в журнале не удастся. Название его – «Города и годы». Материал – война и – отчасти – революция. На три четверти роман германский: действие развивается в немецком городишке, на фоне обывательского «тыла». Я до такой степени влез в Германию, что сплошь и рядом не пишу, а «перевожу» с немецкого, думаю по-немецки и чувствую. Когда перехожу на русскую землю, к русским людям, к русской речи – испытываю непреодолимые трудности: чужой материал! Я попробовал в этом романе сдвинуть пласты общественного материала механикой авантюрно-романического сюжета. Но я – не Каверин, не часовщик и не математик, и – вероятно – расчёты мои очень часто неверны: то чересчур много общественности и мало авантюры, то наоборот. Композиция – самая трудная на свете вещь. На первый взгляд в большом романе («Города и годы» будут по объёму листов 17) легко спрятать концы в воду, а на деле, наверно, всякая лишняя косточка торчит и выпирает корявой стрехой.

Как только выйдет книжка, пошлю вам, дорогой Алексей Максимович, и буду просить о подробном сужденье – оно мне очень дорого.

Леонов – москвич. Я не знаю его. Всеволод говорил, что он – славный парень. Вышло три его книжки: «Петушинский пролом», «Туатамур» и «Деревянная королева». Первая – сказ. Вторая – повесть о Чингис-хане, сделана *очень* хорошо: рассказ о России, какой её нашёл азиатский победитель, – его словами, сквозь его глаза. Третья – в духе Гофмана, но слабо. Знаю ещё о Леонове, что он – зять

Сабашникова и что – поэтому – все его книжечки роскошно изданы. Повесть, которая печатается в «Русск<ом> совр<емсннике>» – стилизация мало известной книжечки «Автобиография и стихотворения купца-самоучки М. А. Поликарпова». ⁽⁶⁾ Я сравнивал «Записи Ковякина» ⁽⁷⁾ с этой книжечкой. Поликарпов, конечно, разительнее.

В Москве шумит последнее время Бабель. Этот человек пробыл долгое время в коннице, а, вернувшись, высыпал целый сундук рукописей и затопил ими московские редакции. От него все в восторге. Кажется, должен быть обижен Зощенко, т<ак> к<ак> Бабель разжижил его и в сказ Синявского ввёл одессизмы.

Вот – всё, что мне пришло на ум сейчас, под впечатлением от вашего письма. Может быть, что-нибудь и пропустил.

Простите ради бога, что намазал в письме и начиркал.

Желаю вам здоровья. Как вы чувствуете себя сейчас, на юге?

Любящий вас

Конст. Федин

У меня хорошая дочь Нинка – ей скоро два года. Это – самое главное в моей личной жизни. Ну, конечно, ещё роман...

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 473-475.

(1) Роман «Города и годы».

(2) В. В. Иванов.

(3) Возможно, что речь идет о романе «Лавровы».

(4) Имеется в виду повесть «Конец хазы».

(5) «Чудесные похождения портного Фокина».

(6) Имеется в виду книга М. А. Поликарпова «Стихотворения (С автобиографией автора)».

(7) Полное название повести Л. М. Леонова – «Записки некоторых эпизодов, сделанных в г. Гоголеве А. П. Ковякиным».

28 июля 1924, Сорренто.

К. Федину

Дорогой Федин,

спасибо вам за интересное письмо, тоже очень взволновавшее меня и тоном его, и содержанием. «Я говорю об этом с болью», – пишете вы, изображая процесс «оттачивания» характеров в среде Серап<ионовых> братьев. Я прочитал эти слова с радостью, она будет, конечно, понята вами, если я скажу, что процесс «оттачивания» характеров есть процесс роста индивидуальностей, с чем и вы, наверное, согласитесь. Это – положительное явление социальной жизни. Величайшие эпохи возбуждения духа творились, творятся и долго ещё будут зависеть от духовной энергии индивидуумов. Итальянское – сиречь общеевропейское – «возрождение» было торжеством индивидуализма. Вам, может быть, покажется парадоксальным взгляд на современную русскую действительность тоже как на возрождение индивидуализма? Но я думаю, что это именно так: в России рождается большой человек, и отсюда её муки, её судороги.

Мне кажется, что он везде зачат, этот большой человек. Разумеется, люди типа Махатма Ганди ещё не то, что надо, и я уверен, что Россия ближе других стран к созданию больших людей. Это отнюдь не мешает коммунизму и социализму, а они, в свою очередь, не в силах помешать этому, ибо – тут процесс стихийный, тут как бы совершается создание нового атома, дабы он организовал некое новое психическое существо.

Те стихи Тихонова, которые мне удалось прочитать, рисуют предо мною автора человеком исключительно талантливым, хотя он и пишет иногда плохо, пример – поэма об индийском мальчике.⁽¹⁾ Есть у Тих<онова> изданные стихи? Не пришлёт ли он мне? Спросите.

О том, что вы затеяли роман, мне писал Каверин, писал Лунц. Очень жду: что вы сделаете? И очень уверен, что это будет серьёзная, внутренне большая вещь.

По вашему письму видно, что вы становитесь «одержимым», обречённым литератором. Чувствуется это и в письмах Слонимского, Каверина. Кстати: его «Бочка» вещь совершенно несделанная. Он взвешивает свою фантазию в воздухе, и она у него как пылинки в луче солнца, – радужно, а – что это такое? Не поймёшь и не волнует. А если не волнует, значит не совершенно, не поэзия, не красиво и ещё сто не.

И не верьте, когда говорят, что будто бы Европа отчего-то и как-то погибает. Здесь идёт процесс быстрого отмирания всего, что больше не нужно. А Европа остаётся – в целом – большим, зорким, умным человеком, который и хочет, и будет жить. То, о чём пишут газеты, только возня политических кашеваров, нечто инертное и автоматическое. А то, о чём они не пишут, – «быт» – являет собою картину удивительного напряжения чувств и мыслей. Говоря «быт» – я говорю именно о комплексе чувств и мыслей, о ненависти и жалости к людям, о чувстве недоумения пред жизнью, о том, что испытывает здоровый человек, пережив кошмар.

Для современности характерен Толлер, который пишет комедию, сидя в тюрьме, и, считаясь коммунистом, нежно любит людей, Шервуд Андерсон, неожиданное явление американской литературы, невозможное десять лет тому назад, старик Гамсун, с его последними книгами, фантастический Пиранделло и тот же Тихонов, у которого есть какая-то удивительная черта: он живёт бегом и прыгает через всё, что ему внутренне мешает.

Леонова я читал две вещи: Ковякина⁽²⁾ и «Конец лишнего человека».⁽³⁾ Ковякин – это всё ещё «Уездное»⁽⁴⁾ и «Городок Окуров»,⁽⁵⁾ «Конец» – это очень Достоевский. Написал, чтоб мне прислали его книги.

В «Отчёте Акад<емии> наук»⁽⁶⁾ вы найдёте хвалу и благодарность некоему Элькину и Смотрицкой, они собрали 79 ящиков различных предметов культа и быта островов Меланезии. Я знаю этих людей: он – рабочий, металлист, она – учительница. Бежали от Колчака и четыре года путешест-

вовали, живя – она – уроками языков, он – сваривал металлы, а попутно собрали изумительно полную – по словам Академии – коллекцию.

Вот – люди наших дней. Они живут в горах Атласа, в древней Нумидии, в Бразилии и Патагонии, могут жить на Луне. Я читаю их письма, вижу, на фотографиях, их донские, кубанские, нижегородские рожи и, знаете, радуюсь. Удивительный народ. Всё поглощающий народ. Толк – будет. Так или иначе, а – будет толк!

Ещё раз – спасибо за письмо. Очень, очень желаю вам успеха в работе, и здоровья, и маленьких радостей, необходимых всякому человеку, хорошему же – особенно.

Дочь поцелуйте. Я не знаю вашу жену?

Будьте здоровы. И всего доброго.

А. Пешков

28.VII.24.

Sorrento

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 476-478.

(1) Имеется в виду поэма «Сами».

(2) См. примечания к письму 182.

(3) Правильно – «Конец мелкого человека».

(4) Упоминается повесть Е. И. Замятина.

(5) Повесть А. М. Горького.

(6) Полное название – «Отчет о деятельности Российской Академии наук в 1923 году».

184. В. В. Иванов – П. Л. Жаткину

31 августа 1924, Москва.

31 августа 24 г.

Дорогой мой молодой археолог и поэт, получил твои два письма и сердечно благодарен, что ты так обо мне – дураке заботаешься. Я тут всё наворачиваю роман об химии,⁽¹⁾ потом всяческие душевные переживания неожиданного для меня свойства и запаха и, конечно, обычная моя

растяпанность. Поторопи их, сукиных сынов, с деньгами, мне не на что выезжать, и надо послать супруге в Коктебель. Томас⁽²⁾ едет со мной. Я его беру в секретари пока, а там видно будет. Но о дне выезда я сообщу тебе телеграммой. Кстати получу в Харькове вторую порцию денег и за мою им ещё что-нибудь. Было бы неплохо тебе переехать в Москву, но на этот предмет у меня с тобой разговоры будут в Харькове. Сердечно рад тебя увидеть и поговорить пару дней за хорошим пивом. Настроение моё сегодня хорошее, в пятницу состоится мой вечер в Ялте. Читает обо мне и прочих М. Левидов, ехидна есть такая. Ну вот и всё. А Томас и Донской⁽³⁾ прогорели. И не сердись на него, что он не пишет. Ему не до писем. Абы спасти свою шкуру. Пью мало, надеюсь наверстать в Сибири, куда мне хотелось бы и тебя увлечь. Но об этом дальше. Пока целую крепко-накрепко.

Всеволод

■ Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. М., 1975, с. 109.

⁽¹⁾ Имеется в виду роман «Иприт», который В. В. Иванов писал в соавторстве с В. Б. Шкловским.

⁽²⁾ Т. Г. Рагинский-Карейво.

⁽³⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

185. М. Л. Слонимский – О. Д. Форш

13 сентября 1924, Ленинград.

13/IX 24 г.

Дорогая

Ольга Дмитриевна,

Организируются альманахи при Госиздате.⁽¹⁾ Редактора – Федин, Семёнов, Садофьев, Груздев и я. Я же и секретарь. Требуется рукописи. Первый альманах выйдет в ноябре. Гонорар хороший. Шлите!

И ещё прошу: как уловить Пильняка, Всеволода,⁽²⁾ Леонова и Бабеля? Адресов не знаю. О, если бы Вы смогли узнать! Где они?

В Москве ли Воронский? Вообще – что делается в Москве? Из «Круга» получил письмо – там альманах № 4. Пошло туда рассказ.⁽³⁾

Итак, не забывайте наших альманахов. У нас всё постарому: управдом, Леман⁽⁴⁾ и коты.

Ваш М. Слонимский

■ «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998, с. 158.

⁽¹⁾ Речь идет об альманахе «Ковш».

⁽²⁾ В. В. Иванов.

⁽³⁾ Какое произведение имеет в виду автор письма, неизвестно.

⁽⁴⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

186. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову

2 декабря 1924, Ленинград.

Большой на Неве город, большой, чахлый, заброшенный, почти жалкий Дорогобуж, в сущности, ненужный, бедный. В этом городе и пишу тебе ночью на 2-е декабря 1924 года.

Пишу тебе, милый мой, единственный настоящий друг! То есть хочу, чтобы ты был единственным, но слаб я, не умею *остановиться*, всё тороплюсь, *рассеиваюсь*, и – как будто – друзей у меня несколько, пожалуй, много. Но я тебя люблю по-настоящему. Ты прав был, однако, когда говорил, что у нас не было *испытаний*, которые дружбу stannoят плотью, д р у ж б о й.

Нашёл, вернувшись с Кавказа, твоё письмо с пером.⁽¹⁾ Прочёл его с любовью. Позавидовал тебе: какой ты, старик, р у с с к и й, как ты умеешь хорошо жить. Ведь я бы сбежал всё-таки из Кочанов, сбежал бы через шесть-семь

месяцев, хотя и тянет меня, иной раз к ним, почти, с такой же волчьей тоской, как тебя. Когда после олеографии Кавказа, после пряников-людей и пастилы-природы, я попал в Орловскую губернию (утром проснулся, выглянул из вагона: был снежок, по первопутку катились в розвальнях мужики, з е м л я была большой и простой), мне стало так, точно я ехал домой на каникулы из чужой горницы, от чужих хлебов. Это совсем *телесное* чувство, а вовсе не психология какая-нибудь. Нам и заграница-то хороша только потому, что после неё – с в о я п р о с т а я з е м л я и опять первопутки! Мужикам заграниц не надо совсем. Я, конечно, не мужик, и мне нужно (заграницы!), чтобы п о н я т ь! Вероятно, моё восторженное письмо из Сухуми (получил ли??) – предвкушение обновленной радости от первопутка...

Вернулся Пинегин. Я ещё не видел его. Жена говорит, что он доволен поездкой. Писал ли тебе? На днях увижусь с ним.

Милый мой, получил через Каткова ответ от Закса⁽²⁾ о твоей книжке (очерки, которые ты прислал д<ля> «Звезды»): «очень хорошо, но чрезмерно мрачно, печатать нельзя». Т<о> е<сть> то же, что было и у нас. Нет ли у тебя чего-нибудь нового? *Пришли*.

Я почему-то думаю, что ты скоро соберёшься в Ленинград. Поэтому *жду сначала письма от тебя*, а потом вышлю тебе свой роман (вышел недели две назад, хорошо издан).⁽³⁾

Непременно пришли побольше материалов (рассказов и очерков). М. Слонимский стал редактором «Ленинграда», все мы (Груздев, Слонимский, я, Семёнов) – редакторы «Ковша» (Гос. изд. альманах). *Пиши и присылай*.

Целую тебя. Привет Лидии Ивановне,⁽⁴⁾ поцелуй крестницу (большая?), и Марии Ивановне⁽⁵⁾ с Иваном Никитичем⁽⁶⁾ (здоровы?).

Твой *Константин*

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 55-56.

(1) В письмо, посланное К. А. Федину, И. С. Соколов-Микитов вложил перо кукушки.

(2) Скорее всего, упоминается С. М. Гладнев-Закс, руководивший издательством «Прибой».

(3) Роман «Города и годы».

(4) Жена И. С. Соколова-Микитова.

(5) Мать И. С. Соколова-Микитова.

(6) Дядя И. С. Соколова-Микитова.

187. В. В. Иванов – А. М. Горькому

4 декабря 1924, Москва.

Дорогой Алексей Максимович!

Я и Пильняк работаем сейчас в «Круге», редактируем. И вот у нас к Вам просьба: если б Вам издать в «Круге» книгу последних Ваших рассказов? Может быть, сообщите условия и как и где собрать оную книжку.

А я? Написал я забавную повесть.⁽¹⁾ Сейчас её перепечатывают, и на днях я её смогу послать Вам прочесть. Шкловский её хвалил. Сам же Виктор мотается, заведует литчастью журнала «Кр<асный> журнал», а бывший, вообще-то, «Синим». Написали мы с ним авантюрный роман о химической войне «Иприт». Сей роман печатается в Госиздате.

Помимо всего прочего, – Виктор имеет сына, Никиту. Моё семейство не прибавляется. Были две дочери, но умерли.

Живут людишки скудно, тесно и грязно. Я к человеческому горю привык, но такое ненужное горе даже и меня пугает. Писатели ходят оборванные и голодные. Авансы просят – 3 и 5 рублей.

На улицах нет снега и продаётся какой-то странный виноград, который никак нельзя есть. Стоит он 40 к<опеек> фунт.

И очень дешёвы книги. Дешевле дров. Помните, в Питере я топил печи французской энциклопедией?

О Вас мы слышим мало. И похоже на то, что Вы вернётесь не скоро... А жаль... Нам живётся тесно, а Вы человек просторный и легкодышащий.

В марте я поеду за границу.

Пока – всего доброго.

Всеволод Иванов

Маросейка, Б. Успенский, д. 5, кв. 36. «Круг».

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 20-21.

⁽¹⁾ Вероятно, речь идет о повести «Хабу».

188. К. А. Федин – А. М. Горькому

7 декабря 1924, Ленинград.

Ленинград, 7.XII.1924. Литейный, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович.

На этих днях я послал вам только что вышедший роман свой «Города и годы». Я сделал это с особой радостью и с особым нетерпением ожидаю от вас отзыва. В сущности, этот роман – всё, что я мог сказать об изумительной полосе своей жизни и жизни двух народов, с которыми связана моя судьба. Я припоминаю, как вы однажды сказали о пороке русских литературных произведений: во всех них отсутствует герой. Традиция оказалась сильнее меня, и как ни героична эпоха, о которой я писал, герой мой прочно удержал наследие своих литературных предков. Но я не ставил себе задачей героизировать лица своей повести, а только хотел показать характер эпохи и стремился сделать это правдиво.

В писательском отношении книга моя – отчет в работе за три последних года. Вот почему я не писал вам о множестве своих литературных волнений, хотя писать хотелось. Я не уверен, что, написав роман, я вышел победителем хотя бы из части тех сражений, которые приходится вести с вопросом «как писать». Трудности – вновь и вновь – нагро-

мождаются вокруг меня, я ни минуты не знаю покоя, и – может быть, поэтому – мне хочется писать теперь больше, чем когда-нибудь раньше. Ваши слова о том, что я становлюсь «одержимым, обречённым» литератором (вместе с другими Серапионами), я почувствовал как укор. В них большая доля правды, горькой для меня. Я объясняю это тем, что был слишком упрям в стремлении своём стать «литератором», и теперь, когда добился возможности стать им, упиваюсь литературным ядом. Но это – только объяснение. Я вижу, что жизнь, проходившая прежде через меня, понемногу пошла сбоку от меня. Я помню, как вы, в каждую встречу со мной, поражали меня вашим даром видеть всю жизнь в целом. И я восхищался вашим вкусом ко всему, из чего сложена жизнь. Письмо ваше меня поразило именно этой неумирающей вашей жаждой всё знать. Где-то далеко от России вы слушаете и слышите её так, как будто бы ни на час не покидали её. Так здесь, в Питере, вы стягивали у себя на Кронверкском бесчисленные нити со всех концов Сибири, Севера и Юга. Я уверен, что вам пришёлся бы по душе Н. Тихонов – действительно, самый мощный поэт наших дней. (Мы недавно слушали его новую поэму о Кавказе – «Дорога» – и сходим сейчас от неё с ума.) Он, вероятно, никогда не станет только «литератором», да и сейчас – «литератор» меньше нас всех.

За ваше письмо горячо благодарю вас, дорогой Алексей Максимович. Оно пришло в то время, когда я кончал роман, и – правда – я обязан ему бесконечно многим, как вам вообще. Я не ответил на него тогда же только потому, что не мог ни о чём говорить, кроме как о своей работе. Думал, что исцелюсь, «изгоню беса», да, видно, ошибся, пишу всё о том же, простите... Рассчитывал написать потом с Кавказа, где отдыхал месяца полтора. Но Кавказ обленил меня и развратил до крайности. Я не ожидал ни такой пышности, ни такого безделья. Это не страна, а какая-то пастилла, и люди там, как карамель. И – конечно – это не Россия! Мы там даже не гости, а так, какие-то пассажиры: дышим, пока нас не стряхнул под откос возница. Я жил некоторое

время в Гудаутах, где к моему дому в сумерки подбирались стаями шакалы и выли всю ночь напролёт. Бродил по реке Келасури (под Сухумом) и был в гостях у честных абхазских разбойников, которые платят налоги на украденные табуны скота. Бывал дважды на Нов<ом> Афоне, где теперь «совхоз» и несколько престарелых монахов в качестве привратников и «спецов» по виноделию, маслинному хозяйству и пр. Остальная братия рассеялась по свету, не пожелав снять рясу, ловит кефаль, торгует на майдане в Тифлисе и просит Христа ради в Туапсе. Живут. Жил я в Тифлисе, Сухуме, Батуме. Юг был для меня неожиданностью, которая потрясла воображение. Но, проснувшись однажды в вагоне, где-то в Орловской губернии (незадолго перед тем я купался в море) и увидев простую, как блюдо, землю, в снегу, под сереньким небом, и чёрную цепочку подвод, дергавшуюся по первопутку куда-то в даль от поезда, – увидев это, я внезапно ощутил такую радость, что чуть не заплакал. И потом выскакивал, раздевшись, на каждую станцию, чтобы постучать каблуками по замёрзшей слегка земле платформы и вдохнуть крепкий душок молодого снежка. Как хорошо побывать в чужой стране, когда есть своя!

После этой поездки мне стало веселей житься. Но было бы ещё лучше, если бы мне удалось совершить какое-нибудь дальнее плавание. И тут мне приходит на ум, что вы могли бы помочь мне выбраться в Италию. Дело в том, что в мае будущего года во Флоренции состоится вторая международная книжная выставка, в которой примет участие и Гос<ударственное> изд<атель>ство, в лице Ионова. Ионов теперь заведует всем Г<осударственным> изд<атель>ством (Моск<ва> влилась в Петербург). Может быть, вам возможно будет замолвить слово Ионову о том, чтобы он командировал меня во Флоренцию для устройства отдела прозы, поэзии и истор<ии> литературы в русском павильоне? Эта мысль, впрочем, пришла мне в голову только сейчас, за письмом, и я не знаю, стоящая она или нет. Прошу вас, дорогой Алексей Максимович, не от-

зваться на неё вовсе, если это почему-нибудь неудобно. За границу рано или поздно я выберусь.

Шлю вам самый искренний привет, желаю здоровья. Здесь было много противоречивых сведений о вашей болезни. Что с вами? – Жена кланяется вам. Вы можете помнить её: она служила у Гржебина – Дора Сергеевна Александер, – трещала на ундервуде.⁽¹⁾ Она передала вам мои рукописи, после чего вы и узнали обо мне.

Ещё раз – всего доброго вам, главное – здоровья.

Ваш *Конст. Федин*

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 478-480.

⁽¹⁾ Слово «ундервуд» – по названию одной из распространенных марок – стало обобщенным названием пишущих машинок вообще.

189. А. М. Горький – К. А. Федину

13 декабря 1924, Сорренто.

К. Федину

Дорогой сотоварищ,

получил «Города и годы», благодарю вас! Книгу прочитал сразу, «в один присест», затем, с удовольствием, прочитал сегодня ещё раз. Интересная книга и сделана интересно, местами очень чутким художником, но иногда задумываешься: не соблазняет ли вас Эренбург, этот нигилист на все руки и во сто лошадиных сил.⁽¹⁾ Это – там, где вы, подчёркивая немецко-мещанскую тупость и фетишизм «дисциплины», прибегаете к плакатам, но не там, где у вас моют улицу. Улицу моют превосходно. Вам, художнику, мешают – на мой взгляд – иронические отступления; ценности их я не отрицаю, но – против излишества.

Очень хороша фигура Лепендина, а его песенка – превосходна! Так же хороши Покисен и Голосов. В общем – удачная книга, и я вас от всей души поздравляю!

Но позвольте указать на некоторые неточности языка, например: стр. 13 «треснутый» лист железа, 71-я «не похитимый патент», 309 «колче холод» – это всё сомнительно, 326 «визжал, как зарезанный» – визжать зарезанному не полагается, недорезанному – да!

От этих шатких словечек лучше избавиться.

В «Анне Тимофевне» у вас: «жутко ей от носящейся в снежных саванах головы вихрастой» – здесь двусмысленность, спутаны глаголы носиться и относиться. Есть у вас и такая фраза, в точках:

«В умятый снег вросли тупоносые, круглые валенки, – неподвижны парни, молчаливы».

От этих неуклюжестей в новой книге вы избавились, язык её богаче, красивей и точнее и вообще она звучит более «культурно», чем множество других современных книг, более «европейски».

С печалью вижу, как мало обращает внимания молодёжь на язык, стремясь не к пластичности фразы, а к фигурности её, редко удивляя и почти никогда не убеждая.

Очень подкупает в вашу пользу серьёзность намерений ваших и мужественное отношение к фактам. И очень я рад за вас.

Будьте здоровы, пишите больше.

Крепко жму руку.

А. Пешков

13.XII.24. Capo di Sorrento

Р. С. Мордва хороша. Шенау – тоже. Откуда вы знаете мордву?

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 480-481.

⁽¹⁾ Обвинение в нигилизме – один из постоянных упреков А. М. Горького людям, вызывавшим у него антипатию, в частности, нигилистом он называл Б. А. Пильняка.

20 декабря 1924, Сорренто.

20.XII.24.

Дорогой дружище,

три, четыре дня тому назад я послал вам письмо по адресу Госиздата, заказным. Сейчас получил ваше.

Меня искренно радуют ваши слова: «хочу писать теперь больше, чем когда-нибудь ранее». Это – очень хорошо! В моих словах, что вы становитесь «одержимым, обречённым» литератором, – не было скрытого укора, вы ошибаетесь. Одержимость, обречённость – неизбежна, необходима для человека, который всем существом своим любит дело и предан ему. Именно вот эта «одержимость» и создаёт таких монолитных людей, как Пушкин, Достоевский, Шелли и Лермонтов, Ленин и Гарибальди и т. д. Нужно только различать два вида «одержимости»: внешнюю, от разума, ту, которая руководит, напр<имер>, Замятиным, когда он пишет рассказы по Эйнштейну,⁽¹⁾ Пильняком – нигилистом, когда он, взбалтывая лексикон Белого, обнаруживает полное равнодушие к ценнейшему, живому материалу искусства – к Человеку.

Вы говорите: вас мучает вопрос «как писать?». 25 лет наблюдаю я, как этот вопрос мучает людей и как он – в большинстве случаев – искажает их. Да, да, это серьёзный вопрос, я тоже мучился, мучаюсь и буду мучиться им до конца дней. Но для меня вопрос этот формулируется так: как надо писать, чтоб человек, каков бы он ни был, вставал со страниц рассказа о нём с тою силой физической осязаемости его бытия, с тою убедительностью его *полуфантастической* реальности, с какою вижу и ощущаю его? Вот в чём дело для меня, вот в чём тайна дела. Чёрт побери все пороки человека вместе с его добродетелями, – не этим он значителен и дорог мне, – дорог он своей волей к жизни, своим чудовищным упрямством быть чем-то больше себя самого, вырваться из петель – тугой сети исторического прошлого, подскочить выше своей головы, выдаться из

хитростей разума, который, стремясь якобы к полной гармонии, в сущности-то стремится к созданию спокойной клетки для человека.

Подлинную историю человека пишет не историк, а художник. Ни Соловьёв, ни Моммзен не могут написать д<окто>ра Фауста, Дон-Кихота, Ивана Карамазова, Платона Каратаева, а именно эти люди – суть люди, творящие материал для Нибуров и Ключевских. Пётр Великий – это Фёдор Достоевский, работавший не пером, а топором и дубиной.

Дело – не в словах, не в том, как поставить их, чтоб они звучали музыкально и гипнотически убеждали людей – в чём? Гениальные писатели почти все плохие стилисты, неважные архитекторы, а человек у них всегда пластичен до физической осязаемости. Лишь немногие из них соединили искусство слова с поражающей убедительностью пластики, напр<имер> Флобер.

«Как писать?» Мне кажется, что вы близки к решению этого вопроса для себя. Внимательный читатель, я ваших людей ощущаю даже тогда, когда они мне чужды, напр<имер> – немец художник. Значит ли вышесказанное, что я отстаиваю приоритет «психологического» романа? Нет, не значит. Школы, тенденции литературы для меня значения не имеют и поучительны лишь внешне, поскольку они являются одним из признаков стремления человека делать своё дело как можно лучше, выражением его бесчисленных усилий найти в себе *суть самого себя*, коренное своё, человеческое.

«Вертер» – интересно, Новалис написал очень хороший роман, но согласитесь, что «Записки из подполья» или «Очарованный странник» показывают нам людей более значительных вовсе не потому только, что они – наши, русские, а потому, что они – больше люди.

Человек – существо физиологически реальное, психологически – фантастическое. Таков – Лепендин, вы это знаете? У Бабеля – все герои фантасты, может быть, это именно и делает их столь неотразимо живыми. Но разумеется, у Бабеля и обстановка фантастическая.

Мне кажется, Федин, что вы мало верите в свои силы. Самоуверенность – плохая штука, особенно для художника, но всё-таки вам, думаю я, нужно прибавить веры в себя. Она явилась бы сама собою, если б вы задумались немножко, в какой мере важно и нужно то, что вы делаете. А ведь вы творите священное писание о человеке – ни более, ни менее. Вы будете писать, и вы должны писать хорошо.

Недавно прочитал книжку Чадаева «В гуще обыденного». Это – не искусство, а газетные заметки, но – какой огромный материал к познанию современности дает эта печальная книга!

Ваше желание посмотреть Италию очень понятно мне и очень полезно было бы для вас.

Пишу Ионову.

Дору Сергеевну – хорошо помню. Бывало – очень беспокоил её различными просьбами, и она всегда любезно исполняла их. Привет ей.

Что это за книга Пантелеймона Романова «Русь»?

Не слышали ли имя Роман Кумов? Где он? Он выпустил небольшую книжку рассказов и написал пьесу «Конец рода Коростомысловых», ещё до войны. Интересный.

Что Тихонов не прислал бы мне свои книжки? Стихи его прекрасны.

Что делают Слонимский, Зощенко, Зильбер?

Не лень – напишите!

Всего доброго, жму руку.

Ещё раз – спасибо за книгу, за внимание.

А. Пешков

«Русск<ий> совр<еменник>», 4-я – не вышел?

Что со мной? Прихварываю.

Измотался. Ведь уже 55 лет.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 482-483.

⁽¹⁾ Имеется в виду сочинение Е. И. Замятина «Рассказ о самом главном».

27 декабря 1924, Сорренто.

Дорогой Всеволод Иванов,

письмо ваше путешествовало почти три недели, как видите.

Отвечаю на вопрос «деловой»: право издания моих книг в России продано мною Стомонякову, главе Берлинского Внешторга, а он в свою очередь, кажется, передал его Госиздату. Значит, – по этому поводу говорить надо с Ионовым. Сей последний – хороший издатель, но был и – если правда, что прикрыт «Рус<ский> сов<ременник>» и прихлопнута «Всемирная» литература», – остался человеком взбалмошным.

Очень хотел бы прочитать Вашу повесть⁽¹⁾ и авантюрный роман.⁽²⁾ Пришлите, пожалуйста!

Книги у Вас, в Москве, дешёвые? Не попадётся ли Вам под руку книжка: Монье, «Quattrocento» (Кватроченто). Издание Пантелеева? Если попадётся – купите и отправьте Екатерине Павловне Пешковой, Чистые пруды, Машков переулок, д. 1, кв. 16; она, Пешкова, заплатит Вам деньги, а книжку пошлёт мне. Сделайте это, если будет случай.

Письмо Ваше – грустно. И вообще из России пишут не весело. Хочется поехать к вам, но здоровьишко моё трещит и путь мой лежит в другую сторону.

Здесь – тоже нет снега, а виноград уже съели, но зато – фантастический урожай апельсинов, деревья так изукрашены ими, что листья не видно.

В марте думаете ехать за границу? Поезжайте сюда, здесь хорошо работается, а Вам пора отдохнуть, посмотреть на себя издали.

Вы – талантливый человек, но, мне кажется, Вы недостаточно серьёзно относитесь к Вашему таланту и не так любите его, как надо. Вы мне это замечание – простите: за Вами – право не обращать на него внимания, но я обязан сказать Вам о том, что думаю: писать Вы стали небрежно, устало. Надо отдохнуть.

Крепко жму руку. Всего доброго.

А. Пешков

Р. С. Пильняк? Это пока ещё вне искусства, вне литературы. И Шкловского нельзя похвалить за его искажение «Zoo». ⁽³⁾ Плохо всё это. Извините, что ворчу.

А. П.

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 21-22.

⁽¹⁾ Повесть «Хабу».

⁽²⁾ Роман «Иприт».

⁽³⁾ Книга В. Б. Шкловского «Zoo, или Письма не о любви», впервые изданная в Берлине, вышла вторым изданием в Ленинграде. Изменения, сделанные в тексте автором, были вызваны не только цензурными соображениями, но также тем, что переменялось отношение автора к самой теме.

192. К. А. Федин – А. М. Горькому

28 декабря 1924, Ленинград.

Ленинград. 28.XII.1924. Литейный, 33, кв. 13.

Душевное спасибо за письмо, дорогой Алексей Максимович! Это – самая большая и самая желанная награда за мой труд. И – право – мне теперь почти безразлично, «как слово наше отзовется» ⁽¹⁾ здесь, в среде, едва ли не разучившейся отзываться. Ваш отклик на книгу углубляет для меня смысл моей работы – от всего сердца благодарю вас!

Я заметил странную вещь. Те части романа, которые представляют собою чистый вымысел, производят большее впечатление на читателя. Основанные на опыте, наблюдениях, на знании, иногда – просто факты редко порождают несогласие или возражения, но почти всегда остаются незамеченными. Мне и раньше доводилось наблюдать это любопытное явление, даже читать о нём, но только теперь оно мне кажется чем-то закономерным: так часто его подтверждают разговоры о моей книге. Лепендин – вымысел от начала до конца. Тоже – Шенау, тоже мордва, Покисен и пр. Мари ближе к действительности, Андрей, может быть, чересчур к ней близок. Я очень нере-

шитительно писал о мордве: я не знаю её. В детстве я слышал от матери рассказы о мордве Наровчатского уезда; как-то раз, в Хвалынском уезде, я повстречал мордвинов-рекрутов, которых отправляли на барже в губернию. Это всё. Остальное – из книг. Очевидно, можно отталкиваться от ничтожного «знания», вверяясь воображению, и часто глубокое знание только мешает художественной правде. Так ли это?

«Иронические отступления» не в моей природе. Я прибежал к ним в надежде умалить таким путем мрачную безнадежность самого предмета повествования, не допускающего, в сущности, иронического отношения. Ведь моя тема – ужас. Но мыслимо ли на протяжении сотен страниц говорить об ужасе в неизменно трагическом тоне? Честное слово, меня не смущали при этом лавры Эренбурга! Они не смущают меня вообще <...> Вероятно, из боязни сделать книгу однообразной, скучной, неодолимой для читателя, я увлёкся контрастными приёмами. Отсюда – плакат, не всегда нужный и не оправданный общим строем произведения.

Я принимаю ваши указания на неточности языка. Я бесконечно благодарен вам за них и только сожалею, что вы поспешили на замечания: для меня особенно дорого считать вас своим учителем, Алексей Максимович, – про себя я горжусь этим. Я чувствую, что ещё не исцелился от манерности в языке, ещё барахтаюсь в этих литературных пелёнках. Выпутаться из них – в этом и заключается моя постоянная работа. Я всегда считал язык самым трудным делом в писательской работе, и меня гнетёт сознание, что словарь мой убог. «Найти слово» – вот что всегда мучит меня, вот что тормозит на каждой строчке. Я рад, что вторая моя книга с языковой стороны благополучнее первой.

Получили ли вы моё письмо, отправленное вслед за книгой? Нельзя ли переслать для меня (хотя бы через Ионнова) пятую книгу «Беседы»? Пожалуйста.

Мне хочется прочесть вашу заметку о Лунце и его пьессу.⁽²⁾

Сообщаю вам новости:

- 1) женился Мих. Слонимский;
- 2) родилась дочь у В. Каверина;
- 3) при смерти, пожалуй, даже умерла «Всемирная литература»: её «влили» в Гос<ударственное> изд<атель>ство. А. Н. Тихонов не у дел.

Все эти «акты гражданского состояния» совершились перед самым рождеством 1924 года.

«Р<усский> современник»... ещё выходит, выпущена 4-я книга, в ней, между прочим, мой рассказ «Тишина». Очень хочется знать ваше мнение об этом рассказе.

Всего доброго вам, дорогой Алексей Максимович, – главное – будьте здоровы! И ещё раз – душевное спасибо вам за всё.

Ваш *Конст. Федин*

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 483-484.

⁽¹⁾ Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Нам не дано предугадать».

⁽²⁾ Имеются в виду заметка А. М. Горького «Памяти Л. Лунца», а также пьеса Л. Н. Лунца «Город Правды».

193. Н. С. Тихонов – Б. Л. Пастернаку

Декабрь 1924, Ленинград.

Дорогой Борис Леонидович!

Давно собирался я писать вам, да то одно, то другое задерживало, прямо держало за руки. – Я узнал от гостей здесь перевальцев, что вы занимаетесь статистикой или бйблиографией, – кажется, я не так понял их – но это не важно.⁽¹⁾ Значит, то, что вы думали написать большое в прозе, опять отложили. Почему, Борис Леонидович? Вас нигде не видно. Ни в одном журнале ничего нет. Когда же будет новая ваша книга?

Я написал такую большую и сумбурную до глупости вещь – что сказать страшно. В ней около 600 строк и столько напихано туда разного, что дочитать до конца без отдыха невозможно.⁽²⁾

Один перечень введенных лиц занял бы полстраницы: Тифлис, Мцыри, медвежонок, хевсуры, тигр, осетинская девочка, бандиты, белые, красные, полосатые – баня, дорога и пр. и пр. и пр.

Одним словом мой шашлык пережарен – а может быть, и наоборот.

Константин Федин кончил недавно свой роман «Города и годы». Роман толстый и почтенный. Веня Каверин написал повесть из жизни налётчиков: «Конец хазы».

Свою поэму я продал в альманах Госиздата. Думаю, что в феврале я забреду в Москву. Тогда я расскажу вам всякое про наши дела в Питере.

Юноши из «Перевала» производят очень честное впечатление. По-моему, у них есть несомненные успехи.

Сейчас я работаю над приведением в порядок книги стихов, которая к весне должно быть будет собрана.

Что в ней будет и как это уложится – никому неизвестно, всего менее мне.

Напишите о себе хоть 2 слова, Борис Леонидович, – а то мы питаемся одними слухами, а это очень немного.

Да, в «Русском современнике» – выходит статья Тынянова «О поэзии», – где о вас есть несколько любопытных замечаний и, по-моему, верных.⁽³⁾ –

Какой неожиданный поворот стиха у Асеева. Давно ли это? «Лирическое отступление» – очень любопытно. Вы знаете, за что будет бороться сейчас стих – за интонацию и иронию. Есенин пьянствует в Персии.⁽⁴⁾ – Футуристский гиперболизм Маяковского перешёл в самый осмысленный и строгий анекдот или в сюжет. – Тут поезд идёт ещё, но идёт под откос. Может быть, действительно лирическое отступление будет объявлено скоро по всему фронту, но здесь за вами – слово.

Привет всем – Петру Никаноровичу Зайцеву – если увидите его.

Н. Т.

Адрес мой: Зверинская ул. 2, кв. 21.

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 671-672.

⁽¹⁾ Б. Л. Пастернак испытывал материальные затруднения, а потому пытался устроиться на службу, например, участвовал в составлении библиографии зарубежных высказываний о В. И. Ленине.

⁽²⁾ Н. С. Тихонов говорит о поэме «Дорога».

⁽³⁾ Точное название статьи Ю. Н. Тынянова «Промежуток (О поэзии)». Фрагмент, посвященный Б. Л. Пастернаку, тогда свет не увидел, так как журнал с окончанием статьи не вышел.

⁽⁴⁾ На самом деле, С. А. Есенин путешествовал по югу России и за границу не выезжал.

194. А. М. Горький – К. А. Федину

9 января 1925, Сорренто.

9.I.25.

«...Чистый вымысел производит большее впечатление на читателя», – пишете вы. Мысль – верная, но выражена – не точно. Лепендин, Шенау, мордва – всё это не «чистый вымысел», а именно та подлинная реальность, которую создаёт лишь искусство, та «вытяжка» из действительности, тот её сгусток, который получается в результате таинственной работы воображения художника. Если вы – художник, всё, что вы когда-либо узнали, будет вами, но незаметно для вас, превращено в то, что вы назвали «чистым вымыслом». Черты Лепендина – в тысячах людей, встреченных вами, пыль впечатлений, которые вы получили от них, слежалась в камень – явился Лепендин. Его песенка содержит в себе туго сжатый политический и моральный трактат; если эту песенку развернуть – получим одну из сотен книг, написанных о войне, после войны.

Дорогой мой – цените ваше воображение, не стесняйтесь ничем и никак его свободу, и тогда вы сделаете прекрасные

вещи. «Действительность» для вас только материал, какова бы она ни была. Люди – тоже материал, кто бы они ни были, святые, преступники, идиоты, мудрецы, Достоевские, Жоресы и т. д. Для художника и гений совершенно равноценен идиоту, ибо он так же, как идиот, дан художнику камнем, из которого художник может вычеканить словами великолепнейший образ человека.

Искусство – никогда не произвол, если это честное, свободное искусство, нет, это священное писание о жизни, о человеке – творце её, несчастном и великом, смешном и трагическом.

Я очень рад, что мои письма вам приятны, но всё-таки посоветую вам: ничего не принимайте на веру! Как только вы почувствуете, что чужое слово, чужая мысль входит в ваше «я» углом, как-то мешает вам, – значит между вами и ею нет «химического сродства» и вы отодвиньте её в сторону, – не вкрапляйте её насильно в ваш духовный обиход. Мы учимся тогда, когда накапливаем впечатления и факты, а не тогда, когда строим их в систему, т<о> е<сть> я хочу сказать: не верить, не анализировать, а дать фактам и впечатлениям свободно отстояться, и лишь тогда получится Дон-Кихот, Обломов, Онегин, Лепендин – безразлично кто, но – художественный образ!

Вот что хотелось сказать вам. Ещё письмо я послал вам на адрес Госиздата. Это – третьё.

Будьте здоровы. Работайте. Писать нужно каждый день. 4-ю книгу «Рус<ского> совр<еменника>» не получил. Можете прислать?

Всего доброго! Очень рад за вас, очень! Ваша книга⁽¹⁾ понравилась Ходасевичу, а он – строгий читатель. Поклон всем. Слонимского, Каверина – поздравьте!

А. Пешков

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 485-487.

⁽¹⁾ Роман «Города и годы».

11 января 1925, Москва.

11 янв. 25 г.

Дорогой Костя,

романа твоего, грешным делом, всё-то ещё не читал.⁽¹⁾ Пошли, пожалуйста. Ни то что его нет в магазинах, но я туда редко попадаю, а если вдруг попаду, то денет нету. Пошли ещё один экземпляр Виктору. Он имеет желание писать о твоём романе.⁽²⁾

А мне скучно. Даже писать. Печатаю всякие кусочки из «Северостали», которые проходят только благодаря моему имени. Тем и живу. Впрочем, написал повесть, которую отдал в «Ковш»⁽³⁾ к Вам и о которой балдистый Воронский отозвался, что это непонятнее ещё А. Белого. Мол, начал мудрить.

Да. Тут помудришь.

Милый, числа двадцать пятого приедем мы с Виктором в Питер, к годовщине Серапионов.

Прикажи, чтоб улицы расчистили попышнее.

Снега в Москве ползут, и мне обидно, потому что мой двор только благодаря снегу стал сносным. По-прежнему на улицах продают апельсины и Полное собрание сочинений Гоголя за полтинник. Я купил, начал читать – и охнул. Вот пишет! Старички-то, а?

Даже смешно, до чего я дурак.

Вот и Горький написал мне на днях письмо. Собирается помирать, а рядом просит выслать какую-то книжку <...>

Собрались тут пролетарские писатели со всей России.

Напостовцы⁽⁴⁾ нагнали на всех такого страха, что аж Луначарский потёк с докладом. Пильняк, трепеща сердцем, отправился взглянуть – действительно ли так страшно.

А мне скучно, я сижу дома и играю с женой в «подкидного дурака» и убеждён, что никаких пролетарских писателей нет и не будет.

Да и все в этом убеждены, а в дураки играют другими мастями.

Трефями, что ли?

Пить мне нельзя, и вот уже пять дней – я никак. До Питера потерплю.

Водка на глазах как-то отражается. Требуют сведущие люди воздержания.

Воздержусь.

Костя, передай, пожалуйста, Семёнову,⁽⁵⁾ что перевода мне нет, и пускай он, коли наврал, поспешит перевести. Деньги, как всегда, до зарезу. Я почему в Питер не продаю – деньги ждать долго приходится.

Бабель хитрый, как пресс-папье. Пошел в ЦК, взял записочку и скромно определился в Главкино на «фикс» этак червяков на 30. А я и этого не могу.

Господи, что бы моей бабушке хоть на одну минуточку согрешить с евреем!

Целую.

Всеволод

Поздравь Мишку.⁽⁶⁾

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 590-591.

(1) Роман «Города и годы».

(2) В. Б. Шкловский о романе «Города и годы» не писал.

(3) Возможно, речь идет о повести «Чудесные похождения портного Фокина».

(4) То есть авторы, объединившиеся вокруг журнала «На посту».

(5) С. А. Семенов.

(6) То есть М. Л. Слонимского, который недавно женился.

196. А. М. Горький – К. А. Федину

18 января 1925, Сорренто.

18.I.25.

«Тишина» – очень хорошо! Очень.

В отношении языка – заметный шаг вперед, к точнос-

ти, к экономии слова, а – главное – к своему языку, языку К. Федина. Вы можете убедиться в этом, сравнив любую страницу романа⁽¹⁾ с любой – рассказа. В первом случае вы найдёте одно, два лишних и шатких словечка, во втором – едва ли найдёте. И ещё: в рассказе есть целомудренная сдержанность лирического чувства, это и умно, и говорит о вас как о серьёзном художнике. Умно, что Таиса не сказала – прощаю! Верно, что она пожелала только «покойной ночи», и хорошо трогает за сердце «неуклюжий», но очень уместный человеческий возглас Агапа:

«Антоныч... ты этово...»

Может быть, я вообще несколько сентиментален, – всё человечески красивое почти всегда волнует меня до слёз. Но и рассуждая от разума, я нахожу человечески доброе, нежное, проблески родственного чувства у одного индивидуума к другому – как нельзя более ценным и уместным в наше трагическое время. Одной кровью сыт не будешь, и – тошнит с неё, поэтому вполне разумно допустить в обиход наш нечто иное, хотя бы кисло-сладкое. Как мы видим, героизм быстро утомляет, и я слишком много видел – вижу – героев, которые рады ласке кошек и собак, уже не говоря о женщинах, иногда – пошленьких.

Но – поверьте! – я хвалю ваш рассказ отнюдь не потому только, что его духовная начинка отвечает моим этико-эстетическим вкусам, право же – нет! Вы поймёте это, вспомнив, что я начал жить среди «бывших» людей и, как видно, кончаю жить в их среде. Уже поэтому ваши герои – не могут волновать меня, волнует меня художник, человек, обладающий даром волновать ближнего, заставляя его против его желания восхищаться, сочувствовать, сострадать и вообще проявлять эмоции, которые, воплощаясь в мысли и слова, часто становятся цепями, которые этот ближний сам же для себя и выковал.

Иначе говоря: художник возвращает меня к свободе. Вот что.

Получил книги Тихонова. Прошу вас: передайте ему мой искреннейший привет и моё восхищение: очень хорошо, стройно растёт этот, видимо, настоящий!

Получил и «Русь» Романова. Ужасное творится с русским языком! Этот Романов до войны писал довольно грамотно, а «Русь» его – безобразна по начертанию: «уже», «ещё», «какой-нибудь», «пенёчные верёвки» – чёрт знает что! Отругаю.

А вам – всего доброго. Пишите больше, каждый день пишите и так, «чтобы словам было тесно», чувству – «просторно».

Жму руку.

А. Пешков

Слонимскому и др. – привет!

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Несзданная переписка. М., 1963, с. 487-488.

⁽¹⁾ Роман «Города и годы».

197. К. А. Федин – М. М. Зощенко

10 февраля 1925, Ленинград.

10/II 1925.

Милый Миша,

только что прочёл «Страшную ночь» – вещь какого-то решающего значения для твоего таланта, лучшую из цикла последних твоих повестей.

Мне кажется, что никто не сумел до сих пор так потрясающе зло и так грустно сказать об ужасе нашего времени, как ты в своём Борисе Ивановиче Котофееве.⁽¹⁾ Конечно, нам ничего не осталось, как только бежать на колокольню и бить в набат... Дело это никчемное – соберётся милиция, пожар, ночь – но ведь конец, конец всему! Как же тут не поднять всполоха?!

Что до нашего «треугольника», то на глазах у нас изобретается другой – «электрический» или чёрт знает какой:

почти всё уже *подменено*, ничего не осталось настоящего, всё изошло ложью. Мы *должны* портить себя, заменять и подменять, чтобы как-нибудь только удержаться в «оркестре» со своим треугольником (пример, хотя бы тот же «Ковш», где *сознательно* наворочена этакая куча электрического говна!).

Удивляюсь тебе, что ты «наперекор стихиям» говоришь как раз то, что сейчас нужно. Это с общественной стороны.

Художественно – восхищаюсь тобой. В «Страшной ночи» ты достиг того, что читатель не чувствует никакой традиции (Гоголь, Пушкин, Лесков – знаешь эти разговоры?), но имеет дело с Зощенкой – писателем самобытной художественной силы. Рад за тебя очень! – Только это и хотел сказать.

Обнимаю.

Твой *Конст. Ф.*

Главу I перечитал десять раз, и вслух и про себя. Изумительно!

Я просто взволнован, Миша, – это так редко и так неожиданно приходит. Право, очень, очень хорошо!

■ «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998, с. 158-159.

⁽¹⁾ В повести рассказывается о скромном оркестранте Б. И. Котофеве, который играл на треугольнике. Беззащитный перед враждебным миром герой представляет, что наступит время, когда его заменит какой-нибудь электрический треугольник, звучащий без вмешательства человека. Представив это, он взбирается на колокольню и бьет в набат.

198. К. А. Федин – А. М. Горькому

19 февраля 1925, Ленинград.

Ленингр. 19. II. 1925. Литейный, 33, кв. 13.

Дорогой, милый Алексей Максимович, – в третий раз принимаюсь написать вам, и опять не уверен, что найду

нужные слова и – наконец – отправлю вам письмо. Вероятно, я дошёл до жестокого внутреннего разлада, если не могу оформить своих чувств так, как хочу. Письма к вам, которые я должен был уничтожить, были полны жалоб на разнообразнейшие явления, в которых я сам виноват – по видимому – больше, чем кто-нибудь другой. Но эти явления угнетают меня, я не в силах освободиться от них и против воли говорю только о том, что заполнило меня до последнего предела. Что бы ни делал я сейчас, – мои мысли кружатся вокруг представления, неожиданно поразившего меня и отнявшего у меня ничтожную долю спокойствия, которой я обладал. Жалко говорить обо всём этом, потому что это может показаться преувеличенным; скучно – потому что это «обыкновенная история». Но я обречён на жалобы, мне необходимо выкрикаться, во мне не осталось ни одной покойной клеточки, я ложусь спать и просыпаюсь с сознанием, что *и сегодня* я буду отдавать свои силы не тому делу, без которого не могу жить, а нелепым пустякам, заслонившим собою всё, решительно всё! Если это и «обыкновенная история», то форма её представляет собою какую-то редкость, почти клинический случай! Я скован по рукам и ногам крепким кольцом, образовавшимся из мельчайших, иной раз – вовсе незаметных для глаза – отношений. Вот уже седьмой год я служу, чиновничаю, верчусь, как щепка, в потоке повседневных мелочей. Мне некогда остаться наедине с собою, я вечно на людях, которые давно изучены до крупницы, исчерпаны до дна. Я буквально завален негодными рукописями, число которых, с тех пор как вы уехали, возросло в России до астрономических величин. Утром и вечером я их читаю, читаю... Днём я говорю о них с их авторами. Временами я не отличаю хорошего от плохого. Я чувствую, *вижу*, как эта работа портит мой язык, как я тупею от усилий вникнуть в белиберду, притекающую на мой стол, как мусор в половодье. Я понимаю, что нужно же чем-нибудь «окупить» свое физическое существование, что нельзя рассчитывать, чтобы писательский труд был признан годной для этой цели валютой!

Но ведь ещё год-два такой расплаты за право заниматься литературным трудом – и я вполне созрею для нервной клиники!

Арифметически у меня остаётся в сутки несколько часов «свободных». Но в эти часы я чувствую себя инвалидом...

Дорогой Алексей Максимович, до сего дня я думал, что, работая над собою вопреки всем неблагоприятным условиям, я укрепляю свою волю. Я думал и продолжаю думать, что в жизни ценно только то, что достигнуто преодолением препятствий, ценою жертв и самоотречения. Мне было весело исполнять чуждую работу, голодать и бедствовать, чувствуя, как с каждой минутой я продвигаюсь вперёд. В сокровенном уголке своего существа я постоянно носил уверенность в конечном одолении всех препятствий. Я должен был выбирать минуту, чтобы дать волю своему желанию писать. У меня оставались для этого силы. Теперь у меня их нет. И если желание писать вырвется наружу «не вовремя» – его пожрёт всякая дрянь, заполнившая меня без остатка.

Мне нужно какую-нибудь крепкую встряску, может быть, просто хороший отдых, может быть, – хорошие люди. Я чувствую себя опустошённым, хотя я полон планов и желаний. Кажется – это симптом неврастении...

Вот, дорогой Алексей Максимович, – крик, без которого я не мог написать вам. Надеялся, что пройдёт, что обойдётся без «жалких слов». Не вышло. Простите меня за истерику, она вас не должна, во всяком случае, ни к чему обязать. И не сердитесь на меня. Вы несколько раз повторили в своих письмах: «Пишите каждый день». Боже мой, если бы были у меня силы! И какая боль – вдруг признаться самому себе, что их не стало! Я, конечно, верю в себя, верю больше, чем думаете вы, иначе я не стал бы вопить о своем бессилии и не решился бы писать вам о нём. Но сейчас, в обстановке, о которой я сказал, я не могу уже делать того, что делал в течение семи лет: я переключал тогда себя на «своё» и на «чужое» по произволу, как машинист на электрической станции переключает ток на район А или район

В. Продолжая жить «на два дома», я вовсе не укрепляю волю, а расшатываю её. Нужно что-то, а что – я не знаю. Вижу только, что необходимо по-прежнему «окупать» свое физическое существование. Иначе не исполнишь и ничтожной доли того, что исполнить должен.

Все ваши письма – числом три – получил, от всей души благодарю вас за нежность, с какой вы говорите со мной, и за дружеские чувства! Я не могу передать вам, как взбудораживает – пугает или волнует – меня иное ваше слово. И мне стыдно, что я не нашёл для своего письма ничего, кроме житейских жалоб. Очарование ваших писем в том, что вы отвечаете на мои повести, рассказы – на то главное и важное, что я стараюсь в них вложить. Я вижу, что самая неудачная страница моей книги говорит вам больше, чем пространное письмо, и я счастлив, что образы моих рассказов иногда убеждают вас в своей художественной правде. До глубины трогает меня, что вы видите всю боль моего неверия в себя, радость веры, немощь мастерства и его достижения. Всё это – самое главное для меня, и в этом смысле я, конечно, становлюсь «одержимым» и жизнь моя превращается в «житие». Каково оно – вы прочли в начале этого сумбурного письма.

Совет «ничего не принимать на веру» вы мне дали в первые дни знакомства со мной, и – единственный случай – этот совет я принял на веру. Но у меня слишком много «химического сродства» с мыслями, которые вы высказали в последних письмах ко мне, и это поднимает меня, особенно теперь, когда я так устал. Когда я употребил выражение «чистый вымысел», говоря о его большей действительности, чем сила реального изображения (в обычном смысле), я думал именно о той подлинной реальности, которая получается «в результате работы воображения». Вы особенно отчетливо дали понять мне это, сказав, что человек всегда «физиологическая реальность и психологическая фантастика». В этом – ключ к пониманию того, что люди, созданные литературой, живут в нашем представлении гораздо более реально, чем

все «исторические» лица, если к их образу не прикоснулось воображение художника. Вы, таким образом, укрепили меня в убеждении, слагавшемся во мне – может быть – чересчур медленно. Но, поверьте, это не от «недостатка веры в себя», а только от осторожности, с какой я даю фактам убеждать себя. Впрочем, я не считаю «осторожность» большим достоинством, и она часто мне мешает.

Вы несколько раз говорили о том, что «творится с русским языком».

В своей работе я всегда чувствую необыкновенную трудность овладения словарем. Я никогда не владею словом с лёгкостью, о которой так часто приходится слышать от многих писателей. Обычно вопрос решается так, что совершенство техники зависит от систематичности труда. В значительной степени это, по-видимому, верно. Но ведь словарь – не постоянная величина. Он определяется материалом. Ясно, что, чем шире тематический и прочий диапазон художника, тем больше словарей ему нужно (мне кажется, словарь «Тишины» немногим лучше словаря «Гор<одов> и годов»; но ведь это совершенно *разные* словари!). Стало быть – где же конец изучению словаря? И почему систематическая работа над повестью из жизни деревни должна помочь работе над рассказом о европейском городе (только относительно словаря, конечно)? Между тем словарь – повторяю – самое трудное во всей писательской технике. Что нужно делать, чтобы обогащать не словарь для к<акого>-н<ибудь> рассказа, а *словари*? Над этим у нас здесь вовсе не задумываются. Суждение Шкловского играет громадную роль. Он определяет удельный вес произведения (мне он сказал, что роман⁽¹⁾ – очень плох, язык – переводной; Германии, оказывается, я вовсе не знаю!) (Кстати, на проверку обнаружилось, что, ругая меня за роман, Шкловский просто не прочёл его.) К слову – «Тишина» на чтении у Серапионов не имела никакого успеха именно из-за преобладания в рассказе орнамента над сюже-

том, т<о> е<сть> из-за моей излишней склонности к «языковым красотам».

Сердечное спасибо за письмо к Ионову. Он, правда, до сих пор ничего ещё не сказал мне о возможности поехать в Италию. Я пытался говорить, но неудачно. Не знаю, выйдет ли что-нибудь. Поехать не только хочется, поехать нужно. Это дало бы мне бесконечно много. Очень хочу повидать вас, дорогой Алексей Максимович, надо посмотреть на вас, надо пожалть вам руку. Был бы счастлив, если б удалось осуществить поездку. Если дело провалится, постараюсь уехать в деревню, в Дорогобужский уезд, в «затвор». Здесь, и вообще в большом городе России, я больше жить не в состоянии. Надо писать, читать, думать. Всё это сейчас для меня – «бесмысленные мечтания».

Имени Роман Кумов я не встречал, и узнать о нём не удалось.

Жму вам руку, благодарю за всё – и не ругайте меня за это письмо: стройнее и лучше я не могу сейчас написать, а мне совестно не отвечать на ваши – дорогие для меня – письма.

Любящий вас *Конст. Федин*

Привет Владиславу Фелициановичу.⁽²⁾ Получил ли он моё письмо, отправл<енное> в прошл<ом> году в Ирландию?

Жена кланяется вам, благодарит за привет.

На днях пошлю вам альманах «Ковш» I – там замечательный рассказ М. Зощенки.⁽³⁾ Ему удалось сказать самое главное. Скоро все мы совершим нечто подобное тому, что сделал его герой – Котофеев.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Незданная переписка. М., 1963, с. 488-491.

(1) Речь идет о романе «Города и годы».

(2) В. Ф. Ходасевич.

(3) Имеется в виду повесть «Страшная ночь».

3 марта 1925, Сорренто.

Вы совершенно напрасно уничтожаете письма «с жалобами», посылали бы их такими, как они написались, и тогда вам не пришлось бы дважды и трижды терзать себя одним и тем же. Я – человек достаточно грамотный и, вероятно, сумею прочесть то, что вам нужно сказать мне, хотя бы вы и сказали это не вполне «оформленно».

Мне тоже не раз в жизни моей бывало трудно от различных «обыкновенных» и необыкновенных историй, это всегда обижало меня и, в гневе на себя, я говорил себе: я живу не за тем, чтоб мне было трудно, у меня есть призвание, есть любимое дело, мое настоящее «я» – в нём, в этом деле, а потому – к чёрту всё остальное!

У вас – то же самое призвание, такое же значительное дело; в нём, в его круге ваши самые сильные радости и муки, – так должно быть, так оно и есть, судя по в<ашему> письму. Я не верю, что вы «не в силах освободиться», нет, конечно; это временная слабость. Вам, видимо, следует «переменить обстановку» – всю: и пейзаж, и жанр. Как бы устроить, чтоб вы приехали сюда и, отдохнув, поработали здесь? Не написать ли мне Рыкову А. И., чтоб в<ам> дали командировку за границу для работы над книгой? Ионов мне до сего дня не ответил, и, признаться, я не очень верю в его желание ответить. Мне кажется, здесь, т<о> е<сть> вообще в Южной Европе, вам было бы не плохо пожить. Не придумаете ли, как можно устроить это? Сообщите мне. Скорее.

Очень обрадован тем, что Зошенко написал хорошую вещь.⁽¹⁾ Он, конечно, должен был сделать это, но последнее время о нём я слышал, что он устал от «юмористики», от мелкой журнальной работы и – болен. С нетерпением жду «Ковш». А что Каверин? Слонимский?

Кстати: вы хорошо знаете немецкий язык? Насколько? Где, собственно, работаете вы? Вопросы эти имеют практический характер: тут затевается некое издательское предприятие, в котором вы, м<ожет> б<ыть>, нашли бы заработок.

Простите, что пачкаю письмо, я – нездоров, едва сижу за столом, а в голове лошади топают.

Шкловский – увы! «Не оправдывает надежд». Парень без стержня, без позвоночника и всё более обнаруживает печальное пристрастие к словесному авантюризму. Литература для него – экран, на котором он видит только Виктора Шкловского и любит нигилизмом этого фокусника. Жаль. Но – здесь люди изживают себя ещё быстрее, подразумеваю – русских.

Отвечайте скорей и, главное, на тему о том, как бы вам обратиться сюда?

Жму руку.

А. Пешков

3.III.25.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Незданная переписка. М., 1963, с. 491-492.

⁽¹⁾ Рассказ «Страшная ночь».

200. Е. И. Замятин – К. А. Федину

21 марта 1925, Ленинград.

21 марта 1925, Ленинград

Дорогой немец

Константин Александрович.

Во-первых, заходил к тебе поточить язык, а во-вторых, с челобитьем: погляди в «Neue Rundschau» сделанный Уманским перевод «Пещеры»⁽¹⁾ (оригинал у тебя есть) и положи свою резолюцию – хорош ли перевод. Из Берлина получаю письма, где этот перевод ругают и улецают меня отдать перевод романа⁽²⁾ Вальтеру⁽³⁾. Но пишет это издатель – лицо заинтересованное, и я хотел бы иметь заключение объективного и компетентного эксперта, каковым является уважаемый К. А. Федин.

Твой Евг. Замятин

21.III.1925

(1) Рассказ Е. И. Замятина.

(2) Роман «Мы».

(3) Возможно, имеется в виду Рейнгольд фон Вальтер, поэт и переводчик.

201. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому

31 марта 1925, Сорренто.

31. III. 25.

Вчера получил «Ковш» – поблагодарите Федина, – сегодня ваше письмо, Михаил Леонидович.

Прочитал в<аш> рассказ.⁽¹⁾ Неплохо, даже значительно более уверенно сделано, чем прежние в<аши> вещи, но вы и должны, и будете писать лучше.

Вы можете писать лучше, в этом меня убеждают различные кусочки, словечки, какие-то «обмолвочки», которыми пестрит рассказ и которые говорят, что вы человек, недостаточно уверенный в своих способностях. Это моё подозрение, м<ожет> б<ыть>, ошибочное, я мог бы иллюстрировать, но «Ковш» у меня отнял Ходас<евич>; он и Берб<ерова> живут со мною уже несколько месяцев; скоро поедут в Париж.

Вы несколько робеете пред в<ашим> материалом и, хорошо чувствуя иррациональное в реальном, – в фактах – не решаетесь обнаружить это ирреальное, полуфантастическое, дьявольски русское во всей его полноте. Зоценко – смелее вас, и этим – хорош. Его рассказ⁽²⁾ и заставляет ждать очень «больших» книг от Зош<енко>. В его «юморе» больше иронии, чем юмора, а ирония жизненно необходима нам. Он обещает стать мастером. Как его здоровье, как он живёт? Тут про вас разные мудрые люди вроде Степуна Ф. А. пишут и публично читают, что вы все – контрреволюционеры. Спорю, утверждая, что вы, в глубокой, органической ненависти вашей к «быту» истинные бунтари и революционеры <...>

Сейчас – больше, чем когда-либо, защита свободы духа человека – дело революционное. Здесь приглашают возвратиться к мироощущению халдейских пастухов. Вообразить не мог, что доживу до такой глубочайшей духовной реакции, до проповеди такого угнетения человека догмами, какое наблюдается здесь! У вас, на Руси, это делают грубо и смешно, у вас уже начинают, – кажется, – понимать, что делать это вообще – не нужно. Здесь же проповедь средневековых идей принимает тем более жуткий и безумный характер, что ведётся последовательно, упорно, а часто, и талантливо. И даже, в некоторой степени, смущает иностранцев. Г. г. эмигранты на публичных собраниях провозглашают здравицы Чингис-хану и бьют женщин по лицу, как это было в Париже. И. А. Бунин на литературных вечерах публично ругается по-матерному. И вообще – дико, безумно, болезненно.

Я с великим душевным трепетом, с радостью и, конечно, с тревогой за вас, слежу, как вы работаете. Знаю, чего это стоит вам. Я нахожу, что никогда ещё русский литератор не стоял в такой трудной позиции, как стоит он сейчас на Руси. Героическая позиция. Такой её и признаёт история.

Ход<асевич>, прежде всего, прекрасный поэт. Затем он действительно зол. Очень вероятно, что в нём это – одно из его достоинств, но, к сожалению, он делает из своей злобы – ремесло. Будьте здоровы, дорогой!

А. Пешков

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 387-388.

⁽¹⁾ Рассказ «Однофамильцы».

⁽²⁾ Рассказ «Страшная ночь».

202. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому

18 апреля 1925, Париж.

64, avenue du Maine

18. IV

Дорогой Слонимский,

Вы мне не ответили на 2 письма (зимние). Я готов был рассердиться, но молва связывает Вашу немоту с различными эпическими событиями Вашей жизни, и мне остаётся только умиляться.⁽¹⁾

Однако, теперь ответьте!

Вы мне писали зимой об альманахах. Теперь у Полонской 3 мои рассказа – новых – для печати. Если она дала их в другое место, могу выслать Вам ещё несколько. Я закончил книгу «Условный рефлекс кафе».⁽²⁾ Это 11 новелл, каждая примерно в ½ листа.

Мне предельно нужны сейчас деньги. Дело в том, что я переживаю опалу. О судьбе «Рвача»⁽³⁾ Вы верно слыхали. Теперь Главлит запретил переиздание «Курбова» и даже «Жанны».⁽⁴⁾ Я терялся в догадках, но вчера получил эпиграмму из «Кр<асной> газ<еты>» и кое-что понял.

Итак, если можете устроить в альманах или ещё где рассказы, сообщите.

Что делаете? Пишете что? Собираетесь ли на Запад?

Я писал Вам о моей встрече с Вашим двоюродным братом.⁽⁵⁾ Видел я его и на обратном пути из Бразилии. Он очень звал Вас к себе – погостить.

Сердечный привет.

Ваш И. Эренбург.

■ «Вопросы литературы», 1997, март-апрель, с. 245.

⁽¹⁾ М. Л. Слонимский женился на И. И. Каплан-Ингель.

⁽²⁾ Окончательное название книги – «Условные страдания завсегда-тая кафе».

⁽³⁾ Роман И. Г. Эренбурга.

(4) Книги И. Г. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова» и «Любовь Жанны Ней».

(5) Польский поэт А. Слонимский.

203. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому

8 мая 1925, Сорренто.

Я думаю, дорогой М<ихаил> Л<еонидович>, что ощущаемый вами недостаток, который вы именуете «косноязычием», объясняется вовсе не «неполным владением материалом», как выпишете, а некоторой робостью и запуганностью пред лицом формального метода.⁽¹⁾ Мне кажется, что запуганность эта ощущается не одним вами, её чувствуешь и у Федина, и ещё кое у кого. Суть, видимо, в том, что когда писатель работает над своим материалом, то его – изредка, скажем, – смущает мысль, как бы не ошибиться, не согрешить против метода. При этом забывается, что литературные идеи, формы, школы и течения создаются не Шкловскими и Эйхенбаумами, а самими художниками – Флоберами, Чеховыми и т. д. <...> Вы предоставьте учёным филологам создавать науку о литературе, как они обещают и грозят, а себе предоставьте свободу не считаться с ними. Рассказ, написанный по Эйнштейну, как, напр<имер>, у Замятина,⁽²⁾ это уже не искусство, а попытки иллюстрировать некую философскую теорию – или гипотезу, – которую даже столь глубоко учёный человек, как О. Д. Хвольсон, считает трудно усвояемой. И – не один Хвольсон, мне вот говорят, что в среде итальянских ученых Эйнштейна понимают лишь двое. «Форм<альный> метод» понимается тоже не очень легко, как о том, по словам Ф. А. Брауна, свидетельствуют немцы, посвятившие ему в «Журнале славянской филологии» статью в 35 стр<аниц>.⁽³⁾ Этот метод – ещё только работа, попытка создать метод, как мне кажется, когда я читаю «формалистов».

От Леонова можно ждать многого, он – талантлив, но пока ещё не нашёл своей тропы. «Барсуков» его я не читал.

Вышли они отд<ельным> изданием? Бабель? Это тоже талант, он хитёр, ловок в обращении со своим опытом, не скуп на «выдумку» и почти умеет быть эпическим. Но его лаконизм – качество обоюдоострое: может и научить и погубить Бабеля.

Булгаков очень понравился мне, очень, но он сделал конец рассказа плохо. Поход пресмыкающихся на Москву не использован, а, подумайте, какая это чудовищно интересная картина!⁽⁴⁾ Каверин смело шагнул в сторону от себя, – очень я его ценю!⁽⁵⁾ Этот должен дать что-то исключительное. Хорош Зоценко,⁽⁶⁾ – передайте ему сердечный мой привет. Лавренёва не знаю.

Недавно вышла на итальянском пьеса Лунца «Вне закона», мило изданная. Её скоро поставят в Риме. В последней книге «Russia» даны в переводе Ло Гатто «Пустыня» и «На Запад!», там же замечательно – как все говорят – переведена «Виктория Казимировна».⁽⁷⁾ Вообще русское искусство здесь, на Западе, в чести, и есть люди, которые даже понимают его. В Италии, кроме Дж. Папини и старика Пиранделло – пусто. Да и везде – не богато. Всё «средние размеры». Вы, Русь, интереснее, ярче, всячески лучше. Это – не патриотизм.

«Ковш» 2-й обязательно пришлите! И вообще извещайте меня – очень прошу – обо всём интересном в литературе. Будьте здоровы, дорогой! Груздева попросите прислать мне его книжку.⁽⁸⁾ Всех благ!

А. Пешков

8.V.25.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 388-389.

⁽¹⁾ Представители «формального метода» в литературоведении (В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, Ю. Н. Тынянов и др.) особое внимание уделяли законам построения художественного произведения, однако об особой литературоведческой школе можно говорить в данном случае с большой долей условности, поскольку методы анализа и терминология, применяемые тем или иным автором, имели мало общего.

(2) Имеется в виду «Рассказ о самом главном».

(3) Упоминается статья В. М. Жирмунского «Formprobleme in der russischen Literaturwissenschaft».

(4) Анализируется повесть «Роковые яйца».

(5) Дается оценка повести В. А. Каверина «Конец хазы».

(6) Речь идет о рассказе «Страшная ночь».

(7) Упоминаются рассказ и статья Л. Н. Лунца, а также рассказ М. М. Зощенко.

(8) Речь о книге «Максим Горький. Биографический очерк (по новым материалам)».

204. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому

15 мая 1925, Париж.

64, av. du Maine

15.V

Дорогой Слонимский,

спасибо за письмо.

На днях видел Вашего брата. Он только что приехал из Америки.

Поляки заверяют, что Слонимский один из лучших поэтов там. Проверить не могу. Человек он безусловно занятый и острый.

Я послал Федину ещё 2 «Кафе».⁽¹⁾ Вы можете взять их для «Ковша», если они свободны и подойдут. Или те, что у Полонской. Но одно – шлите скорее деньги. Без них здесь беда (как и всюду, а м<ожет> б<ыть>, и чувствительней).

Написали ли что новое? Если у Вас есть (в печатном виде), не забудьте прислать.

Я постараюсь переправить Вам «Рвача».

Всем приветы.

Ваш Эренбург.

■ «Вопросы литературы», 1997, март-апрель, с. 247.

(1) Имеются в виду рассказы из книги «Условные страдания завсегда-тая кафе».

22 мая 1925, Ленинград.

Литейный, 33, кв. 13.

22.V.1925.

Дорогой Алексей Максимович, моя поездка в заморские страны сорвалась. Полтора месяца я надеялся, что осуществление такого плана вовсе не так фантастично. Оказалось, что я – наивный человек. Всё дело стало за деньгами. Надо было на время моего отсутствия обеспечить жену с ребёнком и в то же время запастись деньгами на дорогу. Я решил «продаться» газетам, насулил фельетонов, очерков и пр. Одни редакции вовсе не отозвались, другие предложили мизерные условия. Словом, я решил отложить поездку до осени, до поздней осени. За лето я рассчитываю написать повесть; при удаче – продам второе издание романа⁽¹⁾ (он почти разошёлся – 7000) – тогда можно будет двинуться. Признаться, я уже спал и видел, как неожиданно заявлюсь к вам, как лягу где-нибудь на припёке – на итальянском припёке. Теперь я очнулся; кругом ничто не изменилось, «вселенная улыбается на меня»* под тем же градусом широты и долготы, а я молю небесные силы, чтобы выбраться хоть в деревню. Поеду в Дорогобужский уезд, в леса. Очень мне хочется, вернувшись из деревни, не возвращаться к службе, бросить её навсегда, она стоит у меня поперёк горла.

Задумал я повесть, выходит любопытно, вся забота моя в том, чтобы не было похоже на «Мёртвые души»: у меня тоже похождения человека по нынешней Руси, без троек, впрочем, и без Селифана.

Другую – небольшую – повесть уже написал, пойдёт она во втором «Ковше» – «Наровчатская хроника, ведённая Симоновского монастыря послушником Игнатием в лето 1919-е». Получилось неожиданно для меня весело (хотя и грустно, конечно). Это – первая вещь, получившая едино-

---

* Это, кажется, по Бабелю...

душное одобрение Серапионов: прежде я всегда вызывал своими вещами жестокие разногласия. Надо сказать, что единодушные это меня смутило: не средняя ли вещь эта «хроника», если она примирила все противоречия Серапионов? Но я воспринимаю её весело, непривычно.

Пишу «Кавказские рассказы» (кончил пока один) и умиляюсь: прекрасный материал!⁽²⁾ Вообще, Алексей Максимович, у меня реакция: я положительно спокоен за свою работу, мне кажется, что у меня неисчерпаемый запас материала и что пишу я – право же – хорошо! Я думаю, будет полезно, если этакое умиление продержится год-другой. Посмотреть, что делается кругом! Толстые, Достоевские, Горькие размножаются простым делением, как амёбы. О множестве других талантов и говорить не приходится. Мне становится стыдно за себя, и я «переменяю станок»: работаю на «благополучие»...

Большущая просьба к вам, дорогой Алексей Максимович. В Берлине вышел т. XVII вашего Собрания, его здесь ещё нет. Не будете ли добры выслать мне эту книгу? Пожалуйста! И ещё: правда ли, что вы написали роман?⁽³⁾ Если он выйдет сначала за границей, можно вас просить выслать его мне? И – наконец – давнишнее моё желание, о котором почему-то не сказалось до сих пор: хочу иметь ваш портрет. Не найдётся ли у вас вашей фотографии, относящейся к последним годам? Пришлите, пожалуйста, – благодарю вас заранее со всей искренностью.

Будете писать мне – не забудьте о романе: я узнал случайно, передают как «слухи», верно ли? Не забудьте написать и о своём здоровье. Адрес мой – на лето – прежний.

Желаю вам всего хорошего!

Ваш

Конст. Федин

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 492-494.

⁽¹⁾ Роман «Города и годы».

⁽²⁾ Книга, объединившая эти произведения, впоследствии получила название «Абхазские рассказы».

⁽³⁾ Роман «Жизнь Клима Самгина».

206. И. А. Груздев – А. М. Горькому

12 августа 1925, Ленинград.

12/VIII-25

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Редакция «Ковша» перед Вами проштрафилась. Произошло это потому, что я думал, альманах Вам уже выслан Фединым или Слонимским. Но случилось так, что они ушли в отпуск, не успев этого сделать, а я не был предупреждён. Посылаю Вам немедленно. Одновременно пользуюсь случаем горячо поблагодарить Вас за привет, переданный мне через Слонимского, и за сочувствие моей работе. Для меня это так же славно, как если бы солдату на фронте обеспечили тыл. Работой я сейчас увлечён, и задание у меня большое: хочу сделать книгу, основополагающую для изучения Вашего творчества, а также передать смысл и пафос целой эпохи. Наметил такие отделы:

«Материалы для биографии».

«Горький в критике».

«Художественная проза Горького» (исследование).

«Театр Горького».

«Хронологические даты».

«Библиография: а) сочинения Горького;

б) литература о Горьком».

«Горький в портретах и карикатурах».

Всего листов 20.

До этой книги, однако, выйдет под моим именем другая – биографический очерк, листов на 6.⁽¹⁾

Это не что иное, как работа Слонимского, переделанная мною в популярную книжку с соответственными добавле-

ниями. Признаюсь, меня немало смущало мое на $\frac{3}{4}$ фиктивное авторство, но жалко было не использовать материала, а на другие комбинации Слонимский не соглашался. Да и нужно было выпустить этот очерк, не дожидаясь большой книги. Когда я читал о Вас в союзе печатников (в марте), после чтения меня закидали вопросами: где теперь А<лексей> М<аксимович>? Что он делает? Как живёт? и т. д. Я не ожидал такого натиска и оказался беспомощным, не мог удовлетворить даже половины запросов. Потом, присматриваясь к разным общественным группам, я заметил это характерное для времени внимание к Вам не только со стороны рабочих.

Кстати, Алексей Максимович, обращаюсь к Вам с просьбой. Для моей работы мне необходимо порыться кое в каких архивах (Музей Чехова, Институт им. Ленина и др.). Не везде меня знают и не всюду доступно. Не найдёте ли Вы возможным написать несколько строк (если не удосужитесь написать мне, то хотя бы в письме к Слонимскому), что вы-де не возражаете, чтобы я в архивах читал документы, касающиеся Вас, или, это ещё было бы лучше, что просите мне оказать в этом содействие. Это мне очень облегчило бы дело. А я, конечно, не позволю себе ничего опубликовать без Вашего ведома и согласия. В этом Вы можете быть твёрдо уверены.* Любопытно, что каждый из хранителей и архивистов в какой-то части и хоть немного Сарьетт.⁽²⁾ Это профессиональное качество, вроде хорошего почерка у писаря. Но бывает и неразумная ревность между москвичами и питерцами. Не замечательно ли, что наследство Толстого, который хотел сделать свои писания общедоступными, как солнце, до сих пор под спудом. И за эти годы к ним не имели доступа даже довольно известные исследователи (как Эйхенбаум).

Простите, Алексей Максимович, я заговорился, и вместо делового письма получается, кажется, болтовня.

---

* Если Вы найдёте возможным исполнить эту мою просьбу, то хорошо бы получить мне сие до сентября, когда я уезжаю в Москву и далее.

Ещё раз благодарю Вас. От всей души желаю бодрости и здоровья.

Преданный Вам

И. Груздев.

Мой адрес: Ленинград, В<асильевский> О<стров>, Съездовская ул., д. 29, кв. 7. Илья Александрович Груздев.

P. S. «Ковша», кажется, больше не будет. Четырёх авторов пришлось снять. Очень трудно работать. Очень. Ищем других возможностей.

И. Г.

Очень бы хотелось знать Ваше мнение о Ковшовских делах.

■ Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 19-20.

⁽¹⁾ Имеется в виду книга «Максим Горький. Биографический очерк (по новым материалам)», написанная с использованием сведений, собранных М. Л. Слонимским и отданных впоследствии И. А. Груздеву.

⁽²⁾ Упоминается герой романа А. Франса «Восстание ангелов».

207. А. М. Горький – И. А. Груздеву

23 августа 1925, Соррепто.

Получил «Ковш» 2-й, спасибо Вам, Илья Александрович. Прочитав, пришлю отзыв.

Посылаю записку для Вас. Достаточно ли этого?

В Публичной библиотеке лежит часть моего архива. Были биографические заметки обо мне в «Былом» и Нижегородских сборниках истпарта.⁽¹⁾

Иностранная библиография тоже, кажется, есть в Пуб<личной> библиотеке.

Сейчас обо мне пишет книгу А. Каун, профессор университета в Сан-Франциско, автор книги о Л. Андрееве.⁽²⁾ Заранее можно сказать, что книга будет неинтересна.

А впрочем, это едва ли нужно для Вас.

Будьте здоровы.

А. Пешков

23.VII.25

Sorrento.

Р. С. Да, – в Сызрани был выпущен «Библиографический листок» с перечнем литературы о Горьком. Это ещё до войны, в 12-14 годах.

А. П.

Приложение

Сим убедительно прошу оказать Илье Александровичу Груздеву содействие в осмотре и чтении документов архивных, имеющих отношение ко мне.

М. Горький

23-VIII-25

Sorrento

■ Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 21-22.

⁽¹⁾ Речь идет о сборнике «Материалы по истории революционного движения», т. 2 (Нижний Новгород, 1922).

⁽²⁾ Имеется в виду книга А. С. Кауна «Leonid Andreev study». Впоследствии тот же автор выпустил книгу «Maxim Gorky and his Russia».

208. В. В. Иванов – А. М. Горькому

25 августа 1925, Москва.

Дорогой Алексей Максимович, – месяца два-три назад послал Вам свои две последние книжки. Книжки-то ушли, а письмо-то на столе осталось – и сегодня я его нашёл. Очень светливо и беспорядочно мы живём. Надо думать, к лучшему, ибо захочется же людям быть спокойнее. Если не нам, то детям нашим.

В Москве скука и такое чувство, словно люди ходят по

льдам. Писатели да актёры – я только эту среду и знаю более или менее верно – живут отвратительно. Положение с книгами отчаянное, а с театрами лучше тем, что нонче нет картин в кино и народишко будет посещать театры. Впрочем, стоит ли об этом Вам писать. Вы небось превосходно знаете и без меня. Завели в Москве автобусы, а ездить некому, ибо нет денег – смотришь, и мчится этакая машинища с одним пассажиром.

Написал я пьесу. Комедию, – да не знаю, как пойдет.⁽¹⁾ А всё больше небольшие рассказы пишу. Летом поехал было в Туркестан, да поднялась жара, и я из Баку свернул на Батум, и Кавказ мне теперь до смерти надоел – словно мёду объелся – и мне хочется поехать во Францию, но не знаю, дадут ли визу. Сбираюсь туда в декабре, примерно.

Посылаю Вам фотографию, снимал меня Леонид Леонов – мы с ним тут фотографией увлеклись, но у меня от беспокойного моего характера снимки получаются столь отвратительные, что я бросил это занятие. Поправка к лицу – и очки роговые я сбросил, и бакенбард нету. Даже голлову обрил.

Добрые друзья мои все уехали на юг. В Москве пыльно, холодно. Есть у меня под Москвой снятая хатёнка – верстах в 130 – так там иконы во весь угол и всё-то висит портрет Николая. Хозяин думал снять, а потом, когда узнал, что я не коммунист, – оставил. Изредка езжу на охоту, но против нашей сибирской дичи – куда же московской! Так я всё больше дома сижу.

Привет.

Всев. Иванов

Адрес мой: Москва, VI. Тверской б<ульвар>, 14, кв. 7.

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 22-23.

⁽¹⁾ Упоминается пьеса «Алфавит».

Начало сентября 1925, Ленинград.

Ленинград. Литейная, 33, кв. 13.

Дорогой Алексей Максимович,

три месяца я прожил в Дорогобужских дебрях, изъездил на лошадях вёрст тысячу, исходил сотни вёрст пешком, переродился во многих зверей и человеков и только на днях вернулся в прежнее своё состояние: опять живу среди нелепых городских условий, от которых весною бежал, поджав хвост. Лето было очень хорошо – единственное, может быть, на всю жизнь, наполненное бодрым, крепким чувством, благостное, изобильное. Крестьяне для меня, как заграница, и жить среди них, с ними – как с заморскими чудовищами: что ни шаг – открытие. Приятель мой – Мих<аил> Погодин (внук историка) этнограф и археолог, – работая в тех местах, где я жил, проходил как-то деревней, остановился посмотреть на избу: очень уж хорош был на избе конёк, причудливый. Постоял, постоял, пошёл своей дорогой. Вышел за деревню – догоняет его мужик, кличет, машет руками, запыхался:

– Ты што-йто на мою хату смотрел?

– А так.

– А-а-а... А я думал, с ей чего неладно...

Ну, разве не заграница?!

Видел я необыкновенные вещи. Жил, например, в Болдино монастыре, *единственном* в России, где сохранились ещё монахи, служащие в соборе, ведущие старый образ жизни – т<о> е<сть> принимающие странников, гостей, постящиеся, блюдушие устав. Всего их тринадцать человек, двенадцать из них – иеромонахи, и только один – «певчий». Этот «певчий» – 18-летний паренек, пришёл в монастырь недавно, крестьянин, добрый и приятный малый; пришёл он «по указанию божию», сделанному не раз в «видениях»; батька его бил, не пускал, он ушёл и держится в монастыре твёрдо; с виду он очень здоров. Старики-монахи его любят. Это, пожалуй, из Карамазовых... Как

уцелел монастырь? А он «в ведении Главмузея», он «исторический памятник», и старую шатровую церковку, построенную ещё при Герасиме (в XVI веке) – основателе монастыря, вот уже третий год реставрирует Главнаука... Церковь, действительно, прекрасна.

Бывал я у колдунов, людей чудных и несчастных: мужики теперь все дёма, гадать о них нечего, доходы плохи, да и веры стало немного в ворожбу – очень уж набрехали колдуны за войну. И я видел умирающего *с голода* колдуна – бобыля, до которого никому не стало дела. А жил он в войну и революцию, как барин, давал деньги в рост и хлебом торговал...

Перевидал я множество усадеб, теперь возрождающихся по-новому или окончательно сравнявшихся с землей. Пожил у доброго десятка мужиков – самых разных мастей и – в общем – одномастных. Прочный мир, и жутковато становится, но в то же время и необыкновенно *хорошо* (нет другого слова!). Вас, дорогой Алексей Максимович, я часто вспоминал именно у мужиков, с мужиками, по контрасту ли с вашими образами, по тому ли, что вы какой-то стороной суждений ваших о крестьянине очень правы, а тут же, в правоте этой как-то и ошибаетесь. Мне кажется, что будущая-то культура обопрётся именно на крестьянина, а никак не на его понукальщиков. Ведь всё упорство, с каким мужик держится за старое, – не от порочных качеств его, а оттого, что с нас – понукальщиков – *ничего* взять, и это он видит на деле. А время не ждёт, и опыт сохи с бороной – опыт верный, надёжный, круговорот хозяйства (по старинке!) не обманет, только поспешай поворачиваться. И мужик поворачивается! Поворачивается *ровно настолько*, чтобы на третий год после гражданской войны и голода вся страна позабыла и о войне, и о голоде. Пресловутая крестьянская «темнота», «косность» и пр. – жалкие слова. Преимущество молотилки перед цепом мужику более очевидно, чем Наркомзему. Да дело-то тут кое в чём другом: мужики-то для нас – заграница, и понукание наше – простое незнание грамоты, непониманье основ культуры, давно имеющейся и почти окостеневшей вследствие постоянного

противодействия понукальщикам. Дать возможность и время свободно развиться этой культуре – значит сделать всё, что требуется разумом.

Сказалось у меня это нечаянно и мало внятно, – трудно сказать об этом кратко. Но мысль моя не «народническая» и не «эсеровская», дело не в крестьянской какой-нибудь «доминанте», а в естественном ходе вещей. Ход этот медленен настолько, что – надо думать – живи я сто и двести лет назад в Дорогобужском уезде, я нашёл бы *тех же людей*, что и нынешним летом.

Много дала мне охота. С ружьём непрестанно передвигаешься, подолгу не засиживаешься, надоело, устал ли говорить с кем – вперёд! И опять новое, новое без конца. Сама охота – прекрасная штука! Кончилась она у меня волчьей облавой, на которой убили 4-х волков, один из них – мой! Горд я и счастлив, как конквистадор: ведь *квалификация!* Облава была в Бездоне (каково название?) – это волчий *город*, с площадями, проспектами, канализацией (вырытые на болоте колодцы). Прямо чудо!

Не писал ничего, не ругайте меня! Зато набрался всякой всячины, и того гляди – лопну от изобилия! Теперь сажусь, пишу до Рождества и – рассчитываю – писать буду неплохо. Без философии о крестьянстве – не сердитесь на меня за неё.

Письма мне не пересылали, и, вернувшись, нашёл ваше письмо, старое, от 3.VI. Для меня оно ново, я прочёл и – как всегда – перечитал его с радостью и крепко, крепко благодарю вас за дружеские чувства, в нём выраженные. Вы и не знаете, как я оживаю от ваших писем!

XVII тома из Москвы мне *не* прислали. Пришлите, пожалуйста, вы сами, по адресу Ленгиза, на моё имя. *Жду также с нетерпением обещающий портрет.* Его, конечно, можно послать по моему домашнему адресу. Где напечатано «Дело Артамоновых»? В «Беседе»? Нельзя ли и эту повесть получить от вас? Как пишется роман?⁽¹⁾ Напишите. Как чувствуете себя, лучше ли, чем зимой?

Жму руку и шлю сердечный привет.

Ваш *Конст. Федин*

Р. С. Читали ли «Наровчатскую хронику»? «Ковш» вам послал Груздев. А настоящую за границу, вашу Италию, а не Дорогобужскую, держу прочно в сердце. Но теперь до зимы, сейчас надо писать.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 494-496.

⁽¹⁾ Роман «Жизнь Клим Самгина».

210. А. М. Горький – К. А. Федину

17 сентября 1925, Сорренто.

17.IX.25.

Вчера получил ваше глубоко интересное письмо, дорогой Федин.

Вы, конечно, совершенно верно говорите, что в моём суждении о крестьянстве я и неправ, и прав. И, разумеется, вы знаете, что наши правда-неправда – родные сёстры, а также знаете и то, что не дело, не задача художника открывать и утверждать истины. Вполне допустимо, что «неправда» есть только умершая, отжившая истина, а правда – истина живая, рождённая как вывод из ряда новых фактов бытия. Сие не очень новое соображение, да и неуклюжее, вызвано вашими словами о мужике, «постоянно противодействующем понукающим». Нет ли здесь ошибки у вас? Ведь «понукающие» несут в жизнь именно живую, новую истину, и поэтому они являются творцами культуры. Именно – они. Так всегда было и будет. Лично я привык думать, что «постоянное противодействие» истекает у людей из желания покоя, «более или менее устойчивого равновесия». К этому «равновесию» стремятся не только люди, но и так называемая «мертвая материя». И даже те учёные люди, кои утверждают, что материи – нет, а существует лишь энергия, не могут отрицать, что и энергия стремится к энтропии, к состоянию покоя. Наверное, и я тоже хочу достичь этого состояния, хочу решительного и

всё разрешающего вывода, продолжая, однако, думать, что все мои симпатии на стороне «понукающих» и что мне органически враждебно постоянное противодействие мучика неотразимым требованиям истории.

Всё это я говорю потому, что мне показалось: в письме вашем вы покорствуете фактам. Это вредно для художника, который, по существу своему, принадлежит к секте «понукающих». Именно таков истинный художник, таково искусство, которому он обречённо служит. «Истинное искусство не философствует, не проповедует, оно только любит», – говорит один из героев романа, который я пишу. Я прибавил бы к его словам: и ненавидит.

Однако из «Наровч<атской> хроники», которая мне очень понравилась и по языку, и по содержанию, не видно, чтоб вы безусловно покорствовались фактам, хотя автор хроники и говорит о привычке: «Кроткое, но роковое слово». И вообще я вас не вижу способным покорствоваться. Вы – человек хорошо, спокойно упрямый. Вы становитесь всё более художником. Чепуха, что всё у вас «неустойчиво», как пишет в «Н<овом> мире» Вешнев.⁽¹⁾ Это материал неустойчив, а не вы. Почти все современные молодые писатели и поголовно все критики не могут понять, что ведь писатель-то ныне работает с материалом, который зыблется, изменяется, фантастически соединяя в себе красное с чёрным и белым. Соединяя не токмо фантастически, но и неразрывно. И современное искусство слова ещё не настолько мощно и всевластно, чтоб преодолеть эту сложность бытия, где правда с неправдою танцуют весьма запутанный и мрачный танец. Надо помнить, что такого времени ещё не было и что крупнейшие произведения искусства почти всегда – не современны. «Война и мир» разве современна годам, когда писалась? А – «Фауст»? «Дон-Кихот»?

Возвращаясь к вам, скажу: вы пишете всё лучше и всё значительней. Видимо, вы станете писать отлично и займёте в русской литературе место очень видное. Только не теряйте – несмотря ни на что – ощущения вашей свободы, сознания вашей одержимости.

Извинитесь перед Груздевым: я не ответил ему на вопрос о «Ковше». Лучшие вещи в нём: ваша и Зощенко. Если последний остановится на избранном им языке рассказа, углубит его и расширит, наверное можно сказать, что он создаст вещи оригинальнейшие. Люди, которые сравнивают его с Лесковым, ошибаются, на мой взгляд. Зощенко заряжен иначе, да и весь – иной. Очень хорош. Интересен Лавренёв, но хаотичен и форсит, шеголяет, пишет с кокетливым росчерком и небрежно, в разных тональностях. Плох Семёнов. Грустно, что Тихонов подчиняется Пастернаку, и получаем из него Марину Цветаеву, которая истерически переделывает в стихи сумасшедшую прозу Андрея Белого. В общем же «Ковш» – более искусство, чем остальные альманахи: «Круг», «Красная новь» и т. д.

Тихонов, А<лександр> Н<иколаевич>, писал мне, что возникает «Русский современник». Значит – снова сучая, головная выдумка Замятина и болтовня Чуковского, который так нелепо и неуместно прославил О. Генри, писателя, утешающего продавщиц и клерков надеждами на счастье: замужество или женитьбу обязательно на богатых. Тошнотворно сентиментален. Это даже американцы поняли. О том, где будет печататься моя повесть, – ничего не знаю.⁽²⁾ Спрашиваю, но толка добиться не могу. XVII том посылаю вам отсюда без надежды, что дойдёт. Пробовал – не доходит.

Портрета всё ещё нет. Снимал американский профессор,⁽³⁾ наверное скоро пришлёт.

У меня по вечерам температура пляшет, но это пока не мешает мне.

Ну, будьте здоровы. Какой удивительный сюжет – колдун, умирающий с голода! Мне это напомнило Петра Кропоткина, хотя он с голода и не умирал. Это – удивительно и трагично, колдун! В эмиграции колдуны умирают от голода духовного. Проф<ессор> Ильин сочинил «Религию мести», опираясь на евангелие.⁽⁴⁾ Струве ходит вверх ногами. Вл. Ходасевич, переехав в Париж, тоже печатно заяв-

ляет о своей эмигрантской благонадёжности. Скучно, как в погребе, где солёные огурцы прокисли уже.

Крепко жму руку. Поклон Зошенко и прочим.

А. Пешков

Sorrento.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 496-498.

(1) Имеется в виду статья «Константин Федин (Литературный портрет)».

(2) Речь идет о повести «Дело Артамоновых».

(3) А. С. Каун.

(4) Вероятно, подразумевается книга «О сопротивлении злу силою».

211. А. М. Горький – В. В. Иванову

Сентябрь 1925, Сорренто.

Дорогой В<севолод> В<ячеславович> – книжки Ваши я своевременно получил и отправил Вам благодарственное послание. Читаю Ваши рассказы в «Кр<асной> н<ови>» и нахожу, что <...> Вы стали писать лучше.⁽¹⁾ Крепче, экономнее в словах, пластичнее. Местами – бунинское мастерство, но без его сухости и кокетства отточенностью фразы, часто – обездушенной ради красоты. Вы должны написать какую-то очень большую вещь – все-сторонне большую.

Во Францию хотите ехать? А – к нам? Поглядеть бы на Вас. Визу мы Вам доставим. Осень здесь – отличная, только немножко жарковато.

Что делает Леонов? Слышу, что все собираются писать огромнейшие романы, это – знаменательно, значит, люди чувствуют себя в силе.

Восхищаюсь «Разиным» Чапыгина, – замечательную книгу делает Алексей Павлович! Знакомы ли Вы с ним? Интересная фигура.

А – что такое Василий Андреев? <...>

Много любопытного на Руси, и очень хочется пошуровать всё это. Но – увяз я в романе и раньше, чем кончу его, не увижу Русь.

А здешняя, европейская жизнь не очень радует, да, вернее, и совсем не радует. Никого нет, писатель – бесцветен и бессилён. Характерно, что наибольший успех в Англии имел за последние годы Джозеф Конрад, поляк родом, во Франции нашумел Панайот Истрати, полугрек, полурумын, в Америке славен Берковичи – румынский еврей. А то есть ещё Иосифовичи, автор очень интересного романа «Гоха-дурак».

В италийских театрах с треском идёт «Ревность» Арцыбашева. Интерес к русскому искусству всё возрастает, хотя западные профессионалы уже начинают говорить о засилии и даже преглупо ругаются, как разрешил себе это некий «Сэр Голаад».

В прошлом году американский издатель спрашивал у меня адрес мистера Николая Лескова, а недавно я получил запрос оттуда же: что пишет теперь Леонид Андреев? Храню письма эти.

Спасибо за портрет. Когда Вы облысеете, то станете похожим на Гиббона, историка. И за письмо спасибо!

А. Пешков

P. S. «Захочется же людям быть спокойнее» – надеетесь Вы. Я на это не надеюсь. Т<о> е<сть> им-то уже хочется спокойно жить, но – история сего не дозволит. Разворотив, растормошив действительность так, как это удалось сделать в России, не скоро приведешь её в равновесие. Да оно и не требуется, равновесие-то, оно ведь вредная вещь для людей.

А. П.

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 23-24.

⁽¹⁾ О каких рассказах идет речь, не ясно. В 1925 году в журнале «Красная новь» было опубликовано только одно произведение В. В. Иванова – повесть «Хабу».

212. В. В. Иванов – А. М. Горькому

7 октября 1925, Батум.

Дорогой Алексей Максимович!

Боюсь, письмо проходит долго. Живу я на конце света, газеты московские сюда приходят через неделю. Надеюсь на итальянский пароход. Он торчит в порту.

Живу я здесь потому, что в Москве совершенно работать нельзя. Телесно я совершенно здоров, но чувствую себя больным. Написал не меньше 7 листов плохих рассказов и плохой роман «Северосталь», который имею мужество не печатать. И многое другое – измотало.

А здесь – во вред телу – купаюсь по четыре раза в день и плаваю до горизонта. Сегодня на море шторм, море сплошь в пене и шипит, словно в него раскалённое желе-зо суют.

Лето я провёл частью на Волге, а частью ездил по Киргизской республике. Киргизы народ смешной и стали непохожими – на тех, что я написал. Совнарком их из Оренбурга переехал в Алаш-Оршу, городок такой был Перовск. Раньше в нём населения было 5 тысяч, а теперь с Совнаркомом 25, и на человека полагается, 1 ½ кв<адратных> аршина площади жилья. Днём работают, а ночью в комиссариатах спят. Самый большой дом в столице этой был сумасшедший дом. Двухэтажный и кирпичный. Там теперь Совнарком, а в комнате секретаря Совнаркома (была раньше для буйнопомешанных) со стен ещё не сняли войлок. Так и секретарь принимает.

В Уральске я жил в садах ГПУ. Так и называются: «Сады ГПУ». Этакая Уральская Семирамида. Дали мне дом в 6 комнат, а мне было скучно, и я спал на балконе. Ребята были все милые, но говорили мало. Боялись – «опишу». Стреляли на сорок сажень в спичечную коробку. И без промаха. На прощанье устроили сугубую выпивку, и один говорил длинную речь, закончив:

«Уральск, с его основания, посетили два писателя: Пушкин и Иванов. Ура!..» И сел очень гордый.

Пушкин был там для «Пугачёвского бунта».⁽¹⁾ С тех дней – уральские казаки очень победнели.

Я проехал от «славного города Гурьева» до Уральска по Яику тысячу вёрст. Зернистая икра стоит 25-35 копеек фунт, а рыбой кормят верблюдов и лошадей (ей-богу, сам видел. Живую жрут. Даже страшно). Хлеба же на расстоянии тысячи верст купить нельзя, потому – его там не едят. Земля – песок да глина, хлеб покупной, а ехать за ним надо двести вёрст на волах.

Про Пугачёва казаки помнят, что был царь у них Пётр Фёдорыч⁽²⁾ и что казнили его за то, что хотел перенести столицу на Яик. И поступила Екатерина несправедливо.

В Батуме же, где я сейчас живу, жизнь лучше и смешнее. Здесь, как известно Вам, зреют апельсины и вообще – советский бамбук. На одной вывеске так и написано – «продажа угля, дров и советского бамбука». Чёрт её знает, что за ерунда, но бамбук, действительно, растёт. Кроме бамбука произрастает здесь грузинский национализм. На днях происходил тут краеведческий съезд. Из центра был тут А. Пинкевич и Тан-Богораз.⁽³⁾

Жара в городе страшная. Прямо хоть штаны снимай. Зашёл я на этот съезд. Так грузинские ученые (происходила первая встреча их с нашими) в сюртуках до пят и говорят с нашими на немецком. А в Академию вообще-то они пишут из Грузии по-французски, не иначе.

Чудеса!

И мне кажется, что литература наша в ближайшие годы будет сугубо национальной, не только по языку, как это происходит теперь, но и по духу. Я – о России.

<...> У нас полагается быть только мешанству. А обличая мешан – мир не удивишь. Про Европу же, и Европа о нас, – писать всегда не умели.

Родив такое тощее дитя, как «Северосталь» – я напугался и романы не пишу. А признаться – очень хочется. Может – позже?

Сейчас работаю над рассказами.

Сделали мы со Шкловским роман авантюрный «Ип-

рит». Писали очень весело. А теперь на нас обижаются. Говорят, не солидно.

Я от этого романа понял и научился делать сюжет.

Но сюжет и русская фраза, её ритм – очень трудно слить это. И получается часто – словно не пером, а помелом написано. И широко и непонятно.

Этой осенью в литературе российской какое-то оскуденис. Каждую осень если не Толстой, то с Толстым обязательно какого-нибудь да сравнивали. А тут, просто, даже больших работ нету.

Писатели, материально, в этом году живут лучше.

А вот Серёжа Есенин пьёт немилосердно. Изю дня в день. Ко всему тому у него чахотка, и бог знает, что с ним будет месяца через три-четыре.

Шкловский летом летал на самолете в агитполёте до Царицына, участвовал в автомобильном пробеге. Но не изменился. <...>

Сейчас Шкловский служит на кинофабрике, откуда со всегдашней своей готовностью – устроил мне аванс.

Бабель пытается понять – «смысл жизни», Леонов – продолжает точить на токарном станке, а Сейфуллина пересхала в Питер писать советскую «Пиковую даму».

А мне очень хочется поехать в Японию, и уехал бы, но по секрету скажу вам, – увязывается со мной Пильняк. Отказаться с ним ехать – как-то неловко, а – с Пильняком в Японию какое же удовольствие? Вот и не знаю, что делать.

Привет Вам крепкий.

Ишь, как расписался-то!

Всеволод

Адрес мой московский: Тверской бульвар, 14, кв. 7.

Из Батума я уезжаю в Москву через две недели. Кончается купанье. Кроме моря – всё остальное здесь декорации.

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 24-27.

⁽¹⁾ «История Пугачева».

⁽²⁾ Е. И. Пугачев, поднимая восстание, называл себя императором Петром III – отсюда Петр Федорович.

⁽³⁾ Речь идет о В. Г. Богоразе, выступавшем в печати под псевдонимами «Н. А. Тан» и «В. Г. Тан».

213. В. В. Иванов – К. А. Федину

9 октября 1925, Батум.

Батум

9 окт. 925

Дорогой Костя,

прости, пожалуйста, что пишу на каких-то объедках. Такая моя мрачная жизнь – бумаги нету. Последнюю сейчас потратил, написав сорок пословиц. Занятие, что и говорить, глупое и невыгодное.

А потом у меня ещё перед тобой вина. В укр<аинском> Госизд<ате> вышла книга моя «Экзотические рассказы», экзотика там, правда, выражена больше насчёт развешивания кишочек. Но уж такая наша страш-шная страна.

Но суть в том, что там есть рассказ «Лощина Кара-Сор», добродушно посвящённый тебе, что там и напечатано.

Так вот, надо бы тебе книжку послать. Я всё в Москве сбирался, да как-то больше всё в пивную ударялся. Теперь, лёжа у моря, вспоминаю грехи свои и каюсь.

Ей-богу, пошлю из Москвы. А если я не приеду на съезд «Круга», зайди ко мне на квартиру и возьми сам. Ещё роман наш со Шкловским написанный «Иприт», тоже возьми. Ей-богу – смешной роман.

Пиши, если захочется, мне на Москву. Я отсюда скоро уеду дальше по Чёрному морю, – потом при встрече расскажу куда и как и почему.

Не думаешь ли поехать этой зимой за границу? У меня есть большие возможности поехать в Японию, но со мной **хочет** ехать Пильняк. Товарищ он милый и хороший, но по

секрету: как же можно с Пильняком ехать, да ещё в Японию? С ним в Одессу-то и то чудно. А отказаться ехать с ним как-то неудобно.

Так вот, не хочешь ли со мной поехать, во-первых, по Германии, а потом – по Италии. Боюсь, что во Францию мы визы не достанем. Наскребём по сотняге червонцев (в Москве я тебе гарантирую добыть 50 черв<онцев> авансом) – и?

Черкни свои соображения <...>

Ну, а что касается писания, то мы больше всё рассказы-ки-с, рассказыки-с. И медленно ж они идут, сукины дети, как американское признание. Кстати, об Америке. Мой рассказ «Дитё» переведен и напечатан в каком-то Чикагском богословском журнале? Вот чудо! А немцы напечатали его в «Соплителицимусе»!⁽¹⁾ Название, кажется, верно передал? Но если неверно, то похоже. Вспомнишь.

Сценарий пишу.⁽²⁾ Скучно и не особенно выгодно. Надо бы пьесу. Хотел, подражая Щёголеву и Т<олсто>му, написать «Кирилл I» <...>

Шутки шутками, а пьесы, браток, надо писать. Потому литература кормит с напряжением. Журналы то есть.

Что касается вина, то ты никому не верь. Самые лучшие вина и закуски в Москве и Питере.

Впрочем, здесь растёт бамбук. Сам видел. Саженой пять, стерва, вышины и гудит, как полое ведро. Толщиной с бутылку и такого же цвета блестящего. Синевато-зелёный.

Из птиц водятся бакланы с неприлично длинными шеями, а из зверей – турки, причём жены их носят чадры по сие время и не спешат их снимать, т<о> ё<сть> чадры, а не мужей. Последнее мне неизвестно.

Пиши в Москву: Твер<ской> б<ульвар>, 14, 7.

Целую крепко.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 591-592.

⁽¹⁾ Обыгрывается название немецкого иллюстрированного еженедельника «Симплиссимус».

⁽²⁾ Какой сценарий имеется в виду, неизвестно.

214. В. В. Иванов – А. М. Горькому

30 ноября 1925, Москва.

Дорогой Алексей Максимович,

послал я Вам из Батума письмо, но боюсь, что не дошло – ибо послал его я как-то случайно с итальянским пароходом да и адреса Вашего не знал, – прямо в Сорренто.

Там описывал я весёлые встречи свои на Кавказе и Яике. Описав, отправился в Баку, и кажется мне – это самый удивительный город в России. Там такая смесь чадры и автомобиля, нефти и винограда, и так это вкусно пахнет – я прямо влюбился в этот город. Есть там изумительнейший человек – Серебровский, начальник Азнефти. О нём – прямо роман.

Среди прочего дела строят там город. Этаким нефтяной Петербург – со смешным названием посёлок Стеньки Разина. На пять вёрст проложили тротуары и бульвары, взрывают гору – утёс Стеньки – и из горы этой строят. Готово уже пятьсот квартир, а через два года – вселится – я верю этому – 40 тысяч рабочих.

Я не был рабочей делегацией, Алексей Максимович, и мне никто очки не втирал (хотя они сами себе больше втирают очки, чем им) – но я уехал оттуда необычайно бодрым. Ибо народишко живёт дюже плохо, тесно и пьяно. А тут настоящее дело.

В Москве же – тишина. В прошлом году хоть напостовцы воевали, а теперь они получили свои куски пирога и успокоились. В прошлом году я очень много пил и относился к себе с презрением. Теперь живу всухую – и не оттого, что мне нельзя пить (во мне весу 5 п<удов> 1 ф<унт>, и плаваю я в море за три версты), а как-то стало скучно, – а главное, противно смотреть, как пьют. Народишко за эти годы измочалился, с ног валится с рюмки. Не весело.

Писатели – вдарили по кино и театру. Я, грешным делом, пишу комедию тоже, но получается как-то не смешно.⁽¹⁾ Прочел одному – он послушал, почесал за ухом и сказал – «да, тоскливо». Думаю, выпрыгну. А в литературе, сказать по правде, полная неразбериха: гениев наплодили необычайно много. Вот как-то в одном из писем Вы упрекали меня, что я не уважаю свой талант, а я, как посмотрю, как теперь уважают себя люди, – прямо плюнуть бог знает во что хочется. Самоуверенность адская – и это очень вредно, и очень скоро люди начинают спиваться. Даже не употребляя водки.

Я всё собирался за границу, а Россия манит да манит, – возьму, глядишь, и уеду в какой-нибудь городишко. Жизнь теперь необычайно сложная, очень лживая – и часто пустая. В уезде это видеть куда как чудесно.

В феврале будущего года, Алексей Максимович, исполнится пять лет Серапионов. Приезжайте в гости, к первому февраля в Ленинград. Будет весело, мы собираемся каждый год и веселимся. В прошлом году было очень хорошо.

Пишу я теперь мало. Живу хорошо и чувствую, как горб за моей спиной начинает опадать. Он очень вырос за последние два года. Добиться бы этакого – умиротворенья страстей – и хорошо.

Сын у меня родился три месяца назад, до него было две дочери, да померли, а он живуч будет, верю, курносый, узкоглазый и весёлый.

Шкловский чувствует, по-моему, себя плохо. Пишет он не то, что надо – и часто плохо. Он умный человек, понимает – и веселится.

Самый великий писатель теперь в России – П. Романов.

А. Чапыгин написал замечательный роман о Разине – и никто не замечает.

Алексей Максимыч, ей-богу, Вас не хватает в России! Пожаловаться некому. Да главное, никто никому не верит – даже Воронский.

Привет Вам.

Всеволод

Мой адрес: Москва, Тверской б., 14, кв. 7.
(Еженедельно угощаю сибирскими пельменями.)

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 27-29.

⁽¹⁾ Имеется в виду пьеса «Алфавит».

215. К. А. Федин – В. В. Иванову

30 ноября 1925, Ленинград.

Ленинград, 30. XI. 1925

Всё ещё Литейный.

Милый, трезвый Всеволод.

Отвечаю по горячему следу: только что принесли твоё письмо. Не писал, потому что – где же тебя изловить на Кавказе!.. Очень хочу получить твои последние книги, особенно – с посвящённым мне рассказом, пришли мне, пожалуйста! У нас здесь вовсе – монастырь! До чего тихо!! Львы спят вместе с обезьянами и ослами, при этом все улыбаются. До чего скучно!.. Додумался я до... альманаха «Серапионовы братья». ⁽¹⁾ Говорю серьёзно. Вот план: выпустить к 1-му февраля (пятилетие!) сборник с участием *всех* (покойного Лунца в том числе) серапионов: поэзия, проза, статьи («Пять лет» – этак «информационно!» «Памяти Лунца»), библиография... Рассказы должны быть «вообще», по возможности необычные... *но очень хорошие*. Довольно по одному листу на брата. Этого только и надо, чтобы сделать хорошее, полезное для наших дней дело. Весь облик альманаха должен быть неожиданностью. Это будет форменный переворот. Посему – пиши, согласен ли, присылай рассказ, такой, который никуда «не подходит», но тебе нравится. Если такого нет, *напиши*.

Жил я летом три месяца у Соколова, ⁽²⁾ в деревне. Охотился, убил волка на облаве (горжусь), ловил рыбу. Очень хорошо. Пишу теперь деревенские рассказы. Впрочем, вру. Пишу сейчас сценарий по своему роману, ⁽³⁾ для «Про-

леткино», ставить будут на широкую ногу, поедут в Германию...

Кажется, что мир будет прекрасен тогда, когда напишу еще роман... просто – роман, как это делают иностранцы. Задумал...

Твой *Константин*.

■ «Дружба, осененная Горьким (Из переписки Константина Федина с Всеволодом Ивановым)». – «Литературная газета», 1982, 24 февраля.

(1) Альманах в свет не вышел.

(2) И. С. Соколов-Микитов.

(3) Сценарий по роману «Города и годы» остался незавершенным.

216. К. А. Федин – В. В. Иванову

4 декабря 1925, Ленинград.

4 декабря 1925

Милый Всеволод, рад твоему письму до бесчувствия! Правильно, правильно – надо сделать сборник!⁽¹⁾ С серапионами я говорил уже. Не видал только Никитина. Но в нём – нет сомнений: он сейчас в таком положении, что ему *необходимо* выступить с нами – ведь его повсюду обо<...>! «Реабилитирует» себя, если напишет хороший рассказ и даст его в хорошее место.

Сейчас – только о деле.

1) Попробуй устроить дело в «Круге». Там – Тихонов,⁽²⁾ он на это должен пойти! Уговори Воронского (если понадобится). Условия: издать в три недели (можно передать мне, сюда; буду наблюдать за печатанием сам, в Военной типографии). Дальше: на круг по 100 руб<лей> за лист (принимая во внимание бедность изд<атель>ства). И – третье – самое главное: редакционная автономия: мы имеем дело друг с другом, с цензурой и больше ни с кем.

2) Если «Круг» сдрейфит – напиши мне *срочно*: буду говорить с «Мыслью», «Петроградом» и др. В успехе не сомневаюсь. Действуй решительней и скорее. Срок для руко-

писей – 10 января, для выпуска – 1 февраля (ударно!). Размер – около 10 листов.

Целую тебя, жду ответа!

Твой *Константин*

О Горьком – ничего особенного. Переехал в Неаполь – пишет – лечиться. Не понимаю, зачем он дураков производит в гении...

Сценарий кончаю через пять дней.⁽³⁾ Вышло, кажется, хорошо, но – боюсь – что громоздко. Вообще же – это не писательское дело.

О нашем сборнике до поры до времени не говори никому из писательской шатии.

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 69-70.

⁽¹⁾ Сборник, выход которого «серапионы» хотели приурочить к пятилетию группы.

⁽²⁾ Имеется в виду заведующий издательством «Круг» А. Н. Тихонов.

⁽³⁾ См. примечания к письму 215.

217. А. М. Горький – В. В. Иванову

13 декабря 1925, Неаполь.

Ваше интересное письмо из Батума я своевременно получил и тотчас ответил Вам, дорогой мой. Ответил длинно – едва ли вразумительно и, кажется, сердито, ибо в те дни был не в себе, замучила бессонница и разные нервные штучки. Бессонница терзает меня и по сей день. Староват, через два года 60. Пора. От прекрасной жизни, мною прожитой, следовало мне раза три умереть, а я снебрежничал, пропустил сроки и вот всё живу, живу, живу, пишу, пишу. Чего и Вам весьма желаю, – жить и писать.

Вы со Шкловским будто бы состряпали какой-то «дефективный» роман?⁽¹⁾ Прислали бы, сударь! Я бы поругался с Вами.

Очень хочется мне вытащить Вас и Федина сюда. Да ещё бы Зощенко. Да Булгакова. Посидели бы мы тут на тёплых камнях у моря, поговорили бы о разном. <...>

Что Вы пишете? Вам, сударь, – простите за совет! – пора писать экономнее, Вы очень швыряетесь словами. У вас на некоторых страницах встречаются Пильняковы сухие вихри, пыль словесная и сумбур лирический. Впрочем – лирика у Вас убывает постепенно, и это – хорошо. Всю её изгонять не следует, но сократить – необходимо. Мы живём во дни отнюдь не лирические, несмотря на бытие Лиги наций и восторги итальянских фашистов. Мне кажется, что современное искусство слова настоятельно требует строгой сжатости, эпического спокойствия, суровой объективности. И хотя книга Войтоловского «По следам войны» – не искусство, но по объективности её – образцовая книга. И Федорченко и Барбюс – пустяки сравнительно с Войтоловским.

Вот что, сударь: в январе Ромен Роллан празднует свое 60-летие. Образован комитет: Дюамель, Ронигер, Стефан Цвейг и я. Было б очень хорошо, если б молодые русские литераторы поздравили француза, прекраснейшего человека, которого со временем назовут Львом Толстым Франции. Автор «Жан Кристофа» и «Кола Брюньона» заслуживает почтения, не так ли? Вот вы бы и написали ему адресок. Послать можно мне, а я перешлю ему. Похлопочите, а? Я считаю обязательным оказать внимание одному из лучших писателей Европы. Отвечайте.

Всего доброго! Поклон Серапионам.

Мой адрес:

Неаполь.

Жму руку.

А. Пешков

■ В. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 29-30.

⁽¹⁾ Упоминается роман «Иприт».

19 декабря 1925, Москва.

19 дек. 1925 г.

Милый Костя,

прошёл здесь слух – будто бы ты был у Краснова⁽¹⁾ – «Пролетарии» – и одним словом, в Москве. Но, оказывается, не был – понеже не был и в прочих местах.

А дела обстоят так. Альманах⁽²⁾ «Круг» едва ли сможет издать, так как у него совершенно нет денег, в кассе 200 рублей, а надо выкупить из типографии книг на тысячи. Согласятся-то они, конечно, с радостью – но что из того, коли книгу выпустят в мае или сентябре. Ищи питерские пути <...>

Что же касается моих работ – то я дам два рассказа размером 1 ¼ п<ечатного> листа, объединённые одной «иде-ей». Рассказы – настоящие, и такие, что один из них я дал, для пробы, в одну из редакций – так там от ужаса завывали. Мрак, безвыходность – и ещё многое: где тут их печатать. Я не хвастаюсь, но у меня действительно – писательские мои настроения очень попортились и весёлость – прошлогодняя – отошла прочь.

Как остальные Серапионы

и пионы:

– (прости плохой каламбур) –

Никитин и Каверин?

Пишут для альманаха?

Если дело наладится – к новому году могу выслать рассказы. Сообщи.

Начал писать пьесу,⁽³⁾ а потом загрустил и вместо комедии – перешёл к драме <...>

Целую.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 593.

⁽¹⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

⁽²⁾ Альманах, посвященный пятилетнему юбилею группы «Серапионовы братья».

⁽³⁾ Имеется в виду пьеса «Алфавит».

219. В. В. Иванов – А. М. Горькому

20 декабря 1925, Москва.

Какая жалость, дорогой Алексей Максимович, что я не получил Вашего письма мне. Куда Вы его посылали, в Батум или Москву?

В эти месяцы – после поездки, – я убедился во многих простых истинах, – что – нельзя пьянствовать, как пьянствовал я раньше, – что – авантюрный роман сейчас России и русскому читателю – не нужен. Пить я бросил – вот уже три месяца, и, кажись, очень надолго, – и покинул свое увлечение авантюрным романом и рассказом. Жизнь, Алексей Максимович, у нас в России достаточно тяжела, авантюрный же роман в том виде, в каком его *допускают* сейчас в России – жизнь не украшает, не романтизирует, что ли, а *обесмысливает*. Я честно возвращаюсь к первым своим вещам, – но, кажется, кое-чему научившись, и, прежде всего, строить вещь. Мне это трудно, я человек хаотический и, конечно, предков бы тревожить не стоило, но, я думаю, их колонизаторская сибирская воля перешла ко мне. Хвастать – только любили!

Мне бы хотелось, чтоб вы прочли, Алексей Максимович, в январской книжке «Красной нови» – 926 г. – рассказ мой новый «Плодородие». Там все мои последние думы.

Кончаю я ещё – в феврале, в конце – роман «Казачьи»⁽¹⁾ – если угодно, я пришлю его Вам в рукописи. Тема там, приблизительно, такова: казачья станица, разваленная войной, революцией – начинает подниматься. <...> И вот живёт в посёлке богатый казак Мельников – старик, при нём старуха – жена и ещё – приёмьш, подкидыш. И вот должен приехать в посёлок епископ, а старик Мельников – при-

ходский старшина, ему и встречать епископа и гостевать. Вымыли, убрали всё, по дому, старик идёт осматривать – всё чисто, полы выскоблены, а только девка-приёмш – Маринка глину месит на дворе, сама грязнее глины. Разозлился старик – как её не убрали, сколь грязна. Старуха и отвечает – во что, мол, её убрать, когда на ней одно платье всего – и в праздник и в будни. Старик гордый, разозлился – одеть, кричит. Нету времени – отвечает старуха – разве у соседей занять, платье-то. Ну, тут старик совсем запылал: чтоб он, и занимал у соседей: раскрыл сундуки и достал сарафан – материнский ещё, – а уральские сарафаны – тафта с парчой, по застёжкам девять серебряных пуговиц. Вымыли девку Марину, вывели – косы распустила – прямо старина встала, красавица, каких теперь и в песнях не поют. Епископ похвалил зело – и пошла о ней слава.

Дальше начинается соревнование казаков из-за неё: из-за погибающего идеала *матери и утешительницы* скорбей, тихой семьи, кротости. О ней создаются легенды, она гибнет зря – не подняв и не венчав – былой казацкой удали.

Мне хочется показать мужицкую тоску по семье, по дому, по спокойному хозяйству, а на казаках мне это легче всего выявить.

Что же касается детективного нашего со Шкловским романа, то право *очень* плохо, Алексей Максимович, не стоит его читать, да и браниться не стоит.⁽²⁾

Роллану мы адрес пошлём, конечно. Завтра же, я увижу кое-каких писателей, и мы соорудим быстренько.

Писал ли я Вам, что собираюсь в Японию, да ещё с кем – с Пильняком. Не знаю, попаду ли – а деньги и всё прочее у меня к весне будет. <...>

А милее всего думать мне, что перевалю я весной через Каспий на Красноводск, побываю в Хиве, Бухаре и Памире – на тигров подле реки Пяди поохочусь – и по Семиреченскому тракту, мимо Иссык-Куля, полторы тысячи вёрст – проеду на лошадях: казачьими станицами, среди раскольников и киргиз. Я уже себе и ружье подбираю.

У вас, Алексей Максимович, внучек,⁽³⁾ а у меня сын – четыре месяца и 15 фунтов весу. Орёт, негодяй, работать мешает.

Вижу мало кого – некогда, работаю много, разве деньги выйду собирать, – а это – будь оно проклято это занятие. Напишешь, сдашь – всё хорошо, нужно, скажем, триста рублей получить, так мотают тебя, мотают. <...> И никто зла не желает, а такая уж идиотская система, да и как это – книги национализировать? Мысль. Я думаю, нигде нет такой путаницы и ерунды, какая творится у нас вокруг книжного дела. В прошлом году Госиздат выпустил 2 000 000 листов, а в 26 решено выпустить 400 000? А орали всё – догнали довоенную продукцию! Догнали? Теперь уже на пуд можно купить книги выпуска 23 и 24 гг. Тошно писать.

Первого февраля у нас пятилетие Серапионов. Я еду на пару дней в Питер. Хотели выпустить альманах (увы, 2-й только) – но не знаю, успеем ли.

Шкловский вам кланяется. От себя добавлю – он очень устал, делает работу *очень* для него чужую. Буде вздумаете мне писать – припишите ему пару строк, он очень обрадуется, очень освежится. Не знаю, верит ли он в кого, кроме Вас.

Привет.

Всеволод

Москва, Тверской бульвар, 14, кв. 7.

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 30-32.

⁽¹⁾ Роман в печати не появлялся и был автором впоследствии уничижен.

⁽²⁾ Упоминается роман «Иприт».

⁽³⁾ Автор письма ошибается – у А. М. Горького внука не было, была внучка Марфа.

9 января 1926, Неаполь.

9.1.26.

Илье Груздеву

Очень подавлен смертью Есенина,⁽¹⁾ хотя давно предчувствовал и, пожалуй, даже был уверен, что мальчик этот кончит плохо. Предчувствие возникло после первой же встречи с ним в 14 году, когда он, в сопровождении хитроумнейшего Клюева,⁽²⁾ показывался литературному Питеру, как оживлённый рисуночек Елизаветы Меркурьевны Бем: светленькие кудри, шёлковая голубая рубашечка, лаковые сапожки и растерянная, счастливая улыбка именинника на лице херувима. Слушал я, как читал он хорошие, простенькие и наивные стихи свои и, помню, задумался: где же и как будет жить этот херувим? Тогда уже начались подлые и жуткие дни европейской бойни. А второй раз видел я его в Берлине у А. Н. Толстого, была с ним старая, пьяная Айседора Дункан, он великолепно прочитал монолог Хлопуши,⁽³⁾ а потом ударил Дункан ногою в её интернациональный зад и сказал ей: «Стерва». Я человек сентиментальный, я бесстыдно заплакал при виде столь убийственного соединения подлинной русской поэзии с препрославленной европейской пошлостью. И вновь явилась та же угрюмая мысль: где и как жить ему, Есенину? Вы сообразите безумнейшую кривизну пути от Клюева к Дункан! Был в тот вечер Есенин судорожно, истерически пьян, но на ногах держался крепко, только глаза у него как-то странно дымились и всё время его бросало в углы, где потемней. Да и пьян-то он был, кажется, не от вина, а от неизбывной тоски человека, который пришёл в мир наш, сильно опоздав, или – преждевременно. И тогда же мне подумалось: какой удивительно ценный материал для повести о гибельной жизни русского поэта! Именно так: сам Сергей Есенин, со всем его хулиганством, превосходное художественное произведение, шутя и цинически созданное окаянной русской действительностью. Есть у него сти-

хотворение о суке: утопили у суки щенят, она это видела, бжжит, воеет и кажется ей, что луна в небе – щенок её.⁽⁴⁾ Это одно из лучших стихотворений Есенина и в нём есть что-то автобиографическое, на мой взгляд.

Думая о нём – думаешь о многих молодых, и так тревожно на душе. Вот какой-то Бломквист⁽⁵⁾ пропал, а, видимо, был не без дарования. Конечно, – «страна наша обильна»,⁽⁶⁾ но уж очень страшно дешёво ценится в ней человек, а человека нам много надо!

Прочитал 3-й «Ковш». Интересно. Слонимский обнаружил что-то новое для него; Каверин удивил меня «мемуарностью» повести своей;⁽⁷⁾ хорош «5-й зверь» Форш и очень умно посвящён Тихонову;⁽⁸⁾ Ларионов⁽⁹⁾ «так себе»; Шишкову я бы, разумеется, предпочел Зоценка; очень интересен Баршев,⁽¹⁰⁾ – он молодой? Не нижегородец ли? «Волки» и «Марево»⁽¹¹⁾ – не восхищают.

А в общем все эти рассказы почти невозможно перевести на какой-либо европейский язык, а как раз именно теперь надобно бы писать так, чтоб европеец понимал нас, ибо никогда ещё интерес к русскому искусству не был так серьёзен и глубок, каким он становится ныне. А мы всё фокусничаем, «фасон давим» – Слонимский, «фасон показываем» – Андреев. Собственно, Слонимский и Андреев «дают фасон» значительно меньше и осторожнее, чем авторы «Волков»⁽¹²⁾ и «Марева», а всё-таки создаётся какая-то литература «для себя», очень «семейная» и «отречённая». Погоня за новыми словечками, неумеренное употребление местных словарей, местных языкоблудий на меня лично наводит тоску. Прошу простить, но в этом стремлении украсить рассказ *не литературными* словечками, – кроме засорения языка хламом, – чувствуется мешанская эстетика: желание изукрасить икону фольгой, бумажными цветочками и «виноградными». Это – плохо. В «Цементе» Гладкова – старого писателя – диалоги написаны языком, который я не понимаю. Пильняк в «Третьей столице» пишет: «В поезде был вагон детских сосков», видимо, не усваивая разницы между соском и соской. Федин: «...жутко ей от

носящейся в снежных саванах головы вихрястой» – путаются глаголы носиться и относиться. Но лучше всех Шагинян в «Перемене»: «Знаменитый вояка Икаев языком сделал во рту на манер перепёлки». «Посасывают гнилыми зубами». «Длинногорлышевая бутылка». Это – тоже из стремления к «эстетике». Следовало бы гг. критикам взбучить гг. писателей за сии красоты.

Не веселит и однообразие тем, надоели молниеносные вспышки страстей, надоели моментальные браки, надоело и натужное выдувание «героев» из людей, которые, привыкнув драться, больше ничего не умеют и не хотят. Никем не тронута поэзия труда, тема совершенно новая для нас и очень интересная. В действительности нет такой поэзии? Выдумайте и – будет. Затёрли, изуродовали русского интеллигента, избражая его нищим духом, исторической кляксой, забыв о том, что, ведь, это он, тот герой, который вызвал к жизни и организовал силы, совершившие революцию. Тем очень много, больших и новых тем. У Тихонова сапожник показывает «рубцы», полученные им в героических боях.⁽¹³⁾ Ох, уж эти рубцы! Было ли время, когда бы ими не хвастались?

Ну, я всех и всё обругал, теперь даю Вам возможность обругать меня. Прилагаю для 4-го «Ковша» рукопись рассказа «О тараканах», если понравится – печатайте. Но сей рассказ уже дан мною старому поэту Вяткину для журнала, который будет издаваться в Сибири, в г. Николаевске.⁽¹⁴⁾ Так как гонорар я получу с Вяткина, – «Ковш» ничего не платит мне. Если решите печатать – рукопись перестукайте на машинке и возвратите мне.

«Круг» 5-й имею. Белый – неудобочитаем, Чулкова я не выношу, Клычков напоминает покойного Н. Н. Златовратского, Пильняка – не читаю, он уже вне художественной прозы.

Не намерен ли Госиздат выпустить собрание стихов Есенина? Не издан ли 4-й том «Падения царского режима»?⁽¹⁵⁾ «Кюхлю»⁽¹⁶⁾ ещё не читал. Кажется, это Тынянов напечатал брошюру, в которой устанавливает, что Фома Опискин Достоевского – памфлет на Гоголя?⁽¹⁷⁾ Если так – попросите его послать мне эту брошюру, пожалуйста!

Спасибо Вам за доброе письмо. Будьте здоровы.

А. Пешков

В январе 60-летие Ромэн Роллана, – товарищи, надо приветствовать его! Это достойный человек.

■ Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 29-31.

⁽¹⁾ С. А. Есенин покончил с собой 28 декабря 1925 г.

⁽²⁾ В действительности знакомство С. А. Есенина с Н. А. Клюевым отпосится к осени 1915 г.

⁽³⁾ Монолог из драматической поэмы «Пугачев».

⁽⁴⁾ Упоминается стихотворение «Песнь о собаке».

⁽⁵⁾ Имеется в виду прозаик Г. К. Бломквист.

⁽⁶⁾ Неточная цитата из стихотворения А. К. Толстого «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева».

⁽⁷⁾ Речь идет о романе «Девять десятых судьбы».

⁽⁸⁾ Имеется в виду Н. С. Тихонов.

⁽⁹⁾ Прозаик Н. Ларионов.

⁽¹⁰⁾ Прозаик Н. В. Баршев.

⁽¹¹⁾ Повесть «Волки» принадлежит В. Андрееву, повесть «Марево» – П. Демину.

⁽¹²⁾ Неточность А. М. Горького, см. предыдущее примечание.

⁽¹³⁾ Упоминается стихотворение Н. С. Тихонова «Поиски героя».

⁽¹⁴⁾ Журнал «Сибирь».

⁽¹⁵⁾ Речь идет о книге «Падение царского режима. По материалам чрезвычайной комиссии временного правительства», т. IV (Л., Госиздат, 1926).

⁽¹⁶⁾ Роман Ю. Н. Тынянова.

⁽¹⁷⁾ Полное название упомянутой работы – «Достоевский и Гоголь. (К теории пародии)».

221. К. А. Федин – А. М. Горькому

16 января 1926, Ленинград.

16 января 1926 г.

Литейный, 33, 13.

Дорогой Алексей Максимович,

незадолго до Рождества я получил, наконец, от «Международной <одной> книги» ваши рассказы (1922-24), а на днях

приобрёл и вышедшие недавно тома XVII и XVIII вашего Собрания в издании здешнем («Рассказы» изд<атель>ства «Книга» – XVIII том Собрания). За исключением двух-трёх рассказов, книги эти для меня совершенно новы – в буквальном и всяком ином смысле. Я не только ваш «старый» ученик, но и старый читатель: читаю я вас лет двадцать, с девятьсот пятого года, когда – собственно – только что начал кое-что соображать. Так вот на правах читателя (очень сомнительных, впрочем, правах) хочется мне сказать вам, что никогда ещё не испытывал я такого изумления перед вашими книгами, как теперь. Это неточно сказано: изумление. Но это ближе всё-таки к тому, что я хочу сказать, чем всякие другие слова. По книгам, на просто, ходят люди, – так ощутимы, телесны герои повестей! И – другое: даже там, где автор ведёт повествование от своего лица, он не стесняет меня – читателя – своим отношением к герою. Я остаюсь совершенно свободным в своей связи с героем повести, в своём понимании его. Особенно это касается XVIII тома, и особенно – «Отшельника». Здесь я ощутил героев буквально, т<о> е<сть> наощупь. Я всплакнул, признаться, от радости, что это *так* понятно! Вы меня простите, дорогой Алексей Максимович, за неуклюжесть моего отзыва. Да это и не отзыв, а просто – потребность сказать вам, что мне было *хорошо*, когда я читал вашу книгу, было необыкновенно хорошо. Книга эта нова для меня (так нова была только книга о Толстом⁽¹⁾), и вас я почувствовал после неё ещё шире, чем раньше. Покаюсь вам – я думал о себе и о том, что мне не дано вашей действительной любви к человеку: я, кажется, всегда только жалею и восхищаюсь скупой и ненадолго. На замечательного, красивого, умного и, конечно, полезного рысака – например – я всегда немножко досаую, а забитая и никчемная кляча меня волнует глубоко. Я знаю, что в этом – порок моего зрения, но лечиться у меня не хватает выдержки, а очков я не люблю. Словом, я смирился перед неизбежностью до конца дней любить только жалкое и ненужное, «покорился, – как писали вы мне, – факту». Не смейтесь над этой не-

ожиданной параллелью – вы и я, – но я не мог не думать о себе, читая вас, не мог не вспомнить, что я всегда почти «соболезную» несчастным, в то время как вы самим несчастьем украшаете и утверждаете жизнь (я говорю, конечно, об иллюзии, возникающей из ваших произведений).

Спасибо за книгу, присланную мне по вашей просьбе. Очень жалко, что та книга, которую вы послали из Италии, не дошла, как вы и предсказали.

Это моё письмо, отчасти, – ответ на ваше. Ответ запоздалый, русский, спустя четверть года. «Покорствуя фактам», я всё старался разрешить вопросы, явившиеся в результате поездки в деревню и жизни там. В конце концов, упрямство, в котором вы подозреваете меня не напрасно, взяло верх, и я решил, что «философию и пророчество» можно оставить в стороне. Мне кажется, что рассказы о деревне, над которыми я работаю, будут достаточно неуместны в наши дни, в них начисто будет отсутствовать объяснение фактов, и я надеюсь, что они доставят мне небольшое удовлетворение. Увязнув с потрохами в деревне, я не перестаю мечтать о новом романе и втихомолку коплю записочки и листочки со всякими планами, нотабенами и пр.⁽²⁾ Ну, это не на один год! Можете себе представить, Алексей Максимович, каков я стал после того, как добрый год только «начинал» и решал – как писать дальше? Какая-то символическая смоковница.

1-го февраля Серапионы справляют пятую годовщину. К этому сроку все заново сошлись, по-новому всё поняв и пересмотрев. Живём мы, очевидно, вопреки законодателям вкусов, каким-то исключением из правила. Но я чувствую (и думаю, что это чувствуют все), как многим каждый из нас обязан этому мифологическому обществу – «Серапионовы братья». Сомнительно, конечно, что это – история литературы. Но во всяком случае это – история человеческой дружбы. Меня эта дружба очень часто и очень щедро питает. Слаб человек – не могу не посплетничать: читали ли вы в III «Ковше» (он вам послан) Каверина?⁽³⁾ Что стало с человеком? И – представьте – дальше – ещё ху-

же, а он стойко убеждён, что именно *так* нужно! Думаю что это излечимо... – Желаю вам поправиться поскорее и поосновательнее, чтобы радостно работать и хорошо отдыхать.

Жму вашу руку.

Любящий вас

Конст. Федин

По весне опять собираюсь за границу. Очень хочется. Надеюсь, что на этот раз сборы увенчаются поездкой.

Печатаете ли «Дело Артамоновых»? Где? Как ваше здоровье теперь? Лучше ли стало в Неаполе? Напишите, пожалуйста.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 498-500.

⁽¹⁾ Имеется в виду книга А. М. Горького «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом».

⁽²⁾ К. А. Федин начинал работать над романом «Братья».

⁽³⁾ Речь идет о начале романа «Девять десятых судьбы».

222. К. А. Федин – А. М. Горькому

20 января 1926, Ленинград.

20.I.1926. Ленинград.

Дорогой Алексей Максимович,

вчера мы получили вашу рукопись – «О тараканах». Большое спасибо за память о «Ковше» и доброе отношение к нашей стряпне. Альманах можно было бы составлять гораздо лучше в художественном смысле, стройней и строже, если бы не было бестолочи в требованиях (издательских и многих прочих), предъявляемых ныне к литературе. Ведь многие вещи, которые <не> были приняты нами в «Ковш», оказались напечатанными в московских изданиях, где они – почему-то – пришлись ко двору, в то время как у нас от этих вещей шарахались в сторону, точно от ереси.

Смешней и печальней всего то, что нас же и попрекают этими зарезанными в «Ковше» рассказами, появившимися у «конкурентов» в Москве: вот прозевали-де хорошую вещь, а в Москве, мол, не спят!

IV-ю книгу сдаём в набор в конце января. Выход приурочен к середине марта. Рукопись вашу, как только перепишем её, возвратим вам. За корректуру не беспокойтесь, проведём тщательно. Очень хотелось бы, чтобы рассказ ваш появился у нас раньше, чем в Сибири. Будем торопить выпуск книги. Давно ли передали вы рукопись Вяткину?

Р. Роллану пошлём приветствие – каждый из нас (в этом я уверен) ценит его как писателя и человека, каждый помнит, что он сделал в самые мрачные и бессовестные годы – 1914-1918. Сегодня буду в Союзе писателей, предложу товарищам послать Роллану письмо от имени Союза.

В письме к Груздеву вы пишете очень много горького об отношении нынешних писателей к слову. К сожалению, условия для борьбы за чистоту слова чрезмерно тяжелы, и если сам писатель не вполне понимает всего значения слова, то ждать указаний или протеста критики – тщетная надежда: «г. г. критики» заняты сейчас чем угодно, только не писательским словарём. Литература у нас кое-какая есть, а вот критики... – это изречение правдоподобно теперь едва ли меньше, чем сто лет назад. Я, по крайней мере, не прочёл за последний год ни одной критической статьи о русской литературе, хотя шуму вокруг неё было немало.

И меня вы, Алексей Максимович, упрекали не один раз в небрежном отношении к языку, вспоминая все мои грехи в «Анне Тимофевне». Мне очень больно от сознания этих грехов, и я весь век мой буду «замаливать» их. Я рад, что вы нашли меньше оснований бранить меня за «Тишину» и «Наровч<атскую> хронику», чем за прежние мои рассказы и за роман.⁽¹⁾ В сущности, львиная доля моего упрямства и моей настойчивости уходит на работу над языком. Я уверен, что эта работа не прекратится именно «весь век». В письме, отправленном вам третьего дня, я говорил о трудности темы, о постоянной, изнуряющей борьбе художника

с «истолкователем» (разумею претензию художника на философские и др. обобщения – в узком смысле). Но ни на одну минуту я не забывал о трудности мастерства, о борьбе художника с формой. Я уверен, что никакая ясность и завершённость миропонимания художника не разрешает ещё вопроса о форме. «Как писать?» – вопрос этот останется вопросом до конца дней. «Писать совершеннее» – единственно возможный, хотя и несовершенный, ответ на него. Думая так, я не могу не понимать значения работы над словом. Всё дело здесь в размере дарования писателя, в том – «что ему дано».

Ещё раз – «Ковш» благодарит вас за рукопись. И все вам шлют сердечный привет.

Будьте здоровы!

Любящий вас

Конст. Федин

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 500-501.

⁽¹⁾ Роман «Города и годы».

223. В. В. Иванов – К. А. Федину

25 января 1926, Москва.

Дорогой Костя, получил твою телеграмму и не ответил телеграммой вот почему: т<ак> к<ак> я, по-видимому, в Японию не поеду по соображениям, кои я тебе выскажу в Ленинграде, – то с книжкой мне спешить и деньги получать очень не стоит. На условия ваши я согласен и книжку сдам в марте, с таким расчётом, чтобы она вышла в свет в августе-сентябре, начале книжного сезона.⁽¹⁾ Я хочу отделать рассказы и ещё написать пару свежих. Значит, поговорим подробно об этом на месте.

Теперь об нашем Юбилее.⁽²⁾ Кто поедет, ещё неизвестно, мы сообщим в четверг. Приеду я вместе с Н. Никитиным, Пильняк не знаю – растрясётся или нет.

Никак не могу сесть за письменный стол. Запьянствовал и всё не могу остановиться.

Целую.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 593-594.

⁽¹⁾ По всей видимости, В. В. Иванов говорит о рукописи книги, которая вышла годом позже под названием «Дыхание пустыни».

⁽²⁾ Пятилетний юбилей группы «Серапионовы братья».

224. А. М. Горький – К. А. Федину

28 января 1926, Неаполь.

К. Федину

Сердечно благодарю вас за письмо, очень тронувшее меня, но, пожалуй, слишком лестное. Знаю, что за последние два-три года я стал писать несколько лучше, но, ведь, в 27 году исполнится 35 лет моей работы, и было бы стыдно за такой срок не выучиться чему-нибудь. Однако – «выучился» я мало, и писать так, как хотел бы – не могу, не удаётся. Вероятно, это потому, что «таланта» у меня не хватает для моих задач, лексикон мой недостаточно богат и, наконец, было много отступлений от настоящей моей работы в сторону «злости дня». Сие последнее особенно вредно для нашего брата, сколь бы много ни писали против этого люди, поучающие нас, как следует писать, неспособные понять, что мы суть люди «ретроспективного» склада души и что «Войну и мир» невозможно было создать в 814 или даже 20 годах. Критикам следовало бы взглянуть в работы И. П. Павлова о рефлексах, и опыты Павлова с собаками, пожалуй, помогли бы критикам более толково рассуждать о том, как создается искусство. Разумеется, лично я не должен жаловаться и не жалуясь на критиков, – они меня похваливали столь же часто, как и бестолково.

Крайне интересно пишете вы о рысаке, который возбуждает у вас досаду, и о «ничтожной кляче», которая волнует вас. Это – на мой взгляд – нечто очень древнее и очень христианское. «Муму» Тургенева, Акакий Акакиевич Гоголя и другие «клячи» – это больше не нужно, это – паточка, которой не подсластишь горечь жизни нашей, замазка, которой не скроешь глубокие, непоправимые трещины современных форм государства. Но и «рысак» не должен, не может быть идолом художника, – нет. Художник говорит себе:

Как странники по большой дороге,
Сквозь сердце моё прошли
В печали, сомненьях, тревоге
Тысячи детей земли,⁽¹⁾ –

и все они только мой материал. Только – это.

Я думаю, что «действенная моя любовь к человеку» – ваши слова – эта любовь, вероятно, – миф. Истина же, реальное же в том, что человек мучительно интересуется меня, не даёт мне покоя, желает, чтоб я его хорошо понял и достойно изобразил. И с этой «точки зрения» Эйнштейн, пытающийся радикально изменить всё наше представление о вселенной, равен – для меня – герою рассказа «О тараканах», посланного мною Груздеву для четвёртого «Ковша». В кратких – и не новых – словах задача художника изображать мир, каким он его видит, ничего не порицая, ничего не восхваляя, ибо порицание – несправедливо, похвала – преждевременна, ибо мы живём всё ещё в хаосе и сами частицы хаоса. Я очень рад слышать, что «философию и пророчества» вы решаете оставить в стороне, и, следуя доброму примеру вашему, хочу сказать несколько слов по поводу пятилетия «Серрапионов».

«Сомнительно, конечно, что это история литературы», – пишете вы. У меня этого сомнения – нет. Да, вы, «Серрапионы», история литературы. В невероятно трудные годы, в условиях, отчаянно тяжёлых, вы сумели остаться «свободными художниками» именно «вопреки законодателям вку-

сов», как вы пишете, вопреки создателям канонов или – точнее – кандалов для души. Это – заслуга не малая. Её – не забудут. Не забывайте и вы то время, когда в голоде и холоде вас не покидала «одержимость», когда чувство дружбы так хорошо, крепко держало вас на земле и не да- ло погибнуть вам.

Дело прошлое: немало страха натерпелся я за вас, ког- да, наобещав вам «три короба» всякой всячины, уехал из России и ничего не мог сделать, будучи обманут, как это со мною бывало и бывает нередко. Но вот вы всё-таки пре- оборили внешнее, выжили здоровыми и твёрдо идёте сво- им путём. Путь – верный. Каверин? Он – умник, он скоро догадается, что так писать ему не следует, не его дело.⁽²⁾

Пожалуйста – передайте всем Серапионам сердечный мой привет и пожелание успехов.

Собираетесь писать роман?⁽³⁾ Это – превосходно. Вот бы сюда приехать вам, работать. Я тоже сижу над рома- ном, вернее – хроникой русской жизни с 80-х по 918 год.⁽⁴⁾ Не знаю, что будет, но, разумеется, очень увлечён и ни о чём больше думать – не могу.

О III «Ковше» писал Груздеву. Изумлён был «Кругом», – зачем? Чулков! Да он же не литератор. Белый, ещё раз же- лающий распять отца своего.⁽⁵⁾ Пильняк. Этого, кажется, скоро невозможно будет читать.

«Дело Артамоновых» вышло в Берлине, но посылать вам книгу оттуда – бесполезно, не дойдёт. Разве на Ленгиз попробовать? Попробую.

Всего доброго! Ещё раз – спасибо за письмо ваше.

И – вот что: 29 января исполнилось Ромен Роллану 60 лет. Я писал кому-то из москвичей и из ваших, чтоб этому человеку послали поздравление. Его адрес: Швейцария. Кантон Во, Villa Olga – Вилла Ольга. Человек – достойный всяческого уважения и честный человек, за что его и не любят.

Крепко жму руку.

Привет. *А. Пешков*

28.I.26.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 502-503.

(1) А. М. Горький цитирует свое стихотворение 1892 года. В печати оно не появлялось, а потому адресат письма о его авторстве знать не мог.

(2) Оценка относится к роману «Девять десятых судьбы».

(3) Речь идет о романе «Братья».

(4) Роман «Жизнь Клима Самгина».

(5) А. Белый неоднократно наделял чертами своего отца, профессора Н. В. Бугаева, своих персонажей.

225. А. М. Горький – К. А. Федину

5 февраля 1926, Неаполь.

5.II.26.

Не помню, сообщил ли я Груздеву, что рассказ «О тараканах» Вяткину не посылался⁽¹⁾ и нигде в России – кроме «Ковша», печататься не будет. Напечатан же, пока, только в одном из французских журналов.

Как вы и Груздев цените этот рассказ? Мне было бы весьма интересно – и полезно – знать, мерцает ли в нём нечто не «от Горького»? Это – серьёзный вопрос для меня.

Не лень – ответьте.

Вы неоспоримо правы: работа над языком, над формой – цель всей жизни художника. Не хочу говорить комплиментов, но уже «Наровчатская хроника» звучит у вас по-новому. Шопен «Тишины», «Сада», Скрябин некоторых страниц романа «Гор[<]ода» и годы» как будто уступают место Глинке и Мусоргскому. Сей последний особенно, как мне кажется, – нужен вам. Говорю уподоблениями потому, что очень тороплюсь дописать письмо до визита доктора.

Крепко жму руку. Всего доброго!

А. Пешков

Художнику слова вообще следует внимательно слушать музыку, это – так!

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 503-504.

⁽¹⁾ В одном из предыдущих писем А. М. Горький ошибочно утверждал, что послал Г. А. Вяткину рассказ «О тараканах». На самом деле, он послал ему рассказ «Убийцы».

226. М. М. Зощенко – М. Л. Слонимскому

6 февраля 1926, Ленинград.

Дорогой Миша, передай мои извинения всем товарищам за то, что я не был 3 числа в Доме печати.⁽¹⁾ Я был в Детском и не мог приехать. Кроме того, всё это время у меня плохое сердце. Вчера я даже послал телеграмму в Харьков, в Одессу и в Москву с отказом от выступления... <...> ...если говорить правду, то сердце у меня не так уж плохое, даже хорошее, но просто ужасно не хотелось и не хочется выступать. Ты, надеюсь, меня понимаешь. Так пушай «серапионы» меня простят.

Целую тебя.

Твой *Зощенко*

6/II 26

■ Вспоминая Михаила Зощенко. Л., 1990, с. 91.

Фрагмент письма, полный текст в печати не появлялся.

⁽¹⁾ 3 февраля 1926 года в Доме печати состоялся юбилейный вечер, посвященный пятилетию группы «Серапионовы братья».

227. В. В. Иванов – К. А. Федину

8 февраля 1926, Москва.

Дорогой Костя,

получил твою телеграмму и не мог ответить тем же, так как ни копейки за душой, и так суждено жить два дня, и, значит, письмо дойдёт скорее.

Никак не могу я представить рукопись к двадцать пятому февраля – нет времени. Тогда давай лучше отложим подписание договора на две недели.⁽¹⁾

Раньше десятого марта у меня ничего не выйдет, в Москве так тяжело и неудобно работать.

Целую.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 594.

⁽¹⁾ Речь идет, вероятно, о книге, вышедшей впоследствии под названием «Дыхание пустыни».

228. А. М. Горький – К. А. Федину

10 февраля 1926, Неаполь.

10.П.26

Дорогой Федин,

посылаю вам «Дело Артамоновых». Прочитав, сообщите, не стесняясь, что вы думаете об этой книге и, в частности, о Вялове, о Серафиме. О личном моём мнении я, пока, умолчу, дабы не подсказывать вам тех уродств, которых вы, м<ожет> б<ыть>, и не заметите.

Здесь мои знакомые, умеющие ценить подлинную литературу, восхищаются «Кюхлей» Ю. Тынянова. Я тоже рад, что такая книга написана. Не говорю о том, что она вне сравнения с неумными книжками Мережковского и с чрезмерно умным, но насквозь чужим «творчеством» Алданова. Об этом нет нужды говорить. Но вот что я бы сказал: после «Войны и мира» в этом роде и *так* никто ещё не писал. Разумеется, я не профессор Фатов и Тынянова с Толстым не уравниваю, как он, Фатов, уравнивает Пантелея Романова со всеми русскими классиками. Однако у меня такое впечатление, что Тынянов далеко пойдёт, если не споткнётся, опьянев от успеха «Кюхли».

А вот Никулина – «Никаких случайностей»⁽¹⁾ я сравниваю с Пьером Бенуа и другими сего рода и, не смущаясь, говорю: если Никулин будет писать книги *так серьёзно*, как эта – первая? его – он, конечно, встанет выше всех французов-«авантюристов». В этом жанре у нас не умели писать. Никулин начал хорошо.

Знали бы вы, как меня радует разнообразие литературного творчества в России и обилие творчества.

Вы, там, вблизи, на кухне, смотрите недостаточно зорко, к тому же вы – сами повара, а я – отдалённый читатель, мне лучше видно. И я – рад. Очень.

Крепко жму руку.

А. Пешков

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 504.

⁽¹⁾ А. М. Горький говорит о книге Л. В. Никулина «Никаких случайностей (Дипломатическая тайна). Кинематографический роман».

229. К. А. Федин – А. М. Горькому

11 февраля 1926, Ленинград.

Ленинград, Литейный, 33, кв. 13.

11. II. 1926.

Получил ваше письмо, дорогой Алексей Максимович, благодарю вас за ваше приветствие Серапионам – от себя и от всех товарищей. На годовщине мы с благодарностью вспоминали обо всём, что вы сделали для каждого из нас. Шлём вам сердечный привет и желаем всего лучшего! Какая радость – видеть в вас внимательного и хорошего друга! Я уверен, что ваше отношение к работе Серапионов не просто поддерживало молодых писателей, но и *обязало* их к особой серьёзности в труде, углубило чувство ответственности. Это особенно, может быть, касается меня: я много раз говорил вам о том, как я обязан вашему пристальному вниманию к себе и как благодарен вам.

Взгляд ваш на задачу художника («изобразить мир, каким он его видит, ничего не порицая и ничего не восхваляя») я считаю верным, т<о> е<сть> разделяю его, и мне думается, что это – мой взгляд. Понимая так задачу художника, я всё же не перестаю быть человеком, не теряю качеств, присущих именно мне. «Мир, как понимаю, как вижу его я». Я же вижу «ничтожных кляч», они приковывают меня к себе, меня, человека, и – через него – меня – художника. Вот почему я говорил вам о «действенной моей любви» к «ничтожным клячам» и о «досаде, которую вызывает во мне рысак». Вероятно, человеческое перетягивает здесь художника. И, действительно, я с тоскою думаю о «крепком человеке», об Эйнштейне, которого так мучительно недостаёт мне в моих писаниях. Я сейчас *ищу* образ, на который мог бы опереться в будущем моём романе.⁽¹⁾ Я вижу очень стойких людей (хотя редко), но – поистине – таких людей вижу «я – человек», но не «я – художник». Это неуклюже сказано, но вы поймёте меня: мне не можется писать об этих людях, моё воображение не претворяет их в притягательный образ, это всё какие-то чурбаки! Казалось бы, в отношении к подобному материалу я наиболее холоден, объективен, с ним легче обращаться. Но он мне чужд! «Клячи» же – право – трогают меня, художника, до слёз, и мне *нельзя* не писать о них... Я сейчас кончаю рассказ – «Трансвааль», – в нём выведен настоящий крепыш, человек очень любопытный, характер замечательный. Но ведь этот мой герой – негодяй! Редчайший, восхитительный, очень потешный негодяй! «Опереться» на такого – дело сомнительное... Самый «крепкий» человек, которого я когда-нибудь изображал, пожалуй – Лепендин. Но и этому несчастному сперва оторвали ноги, а потом его повесили.⁽²⁾ Только поэтому Лепендин мне мало-мальски удался! *Несчастье* привлекает меня неизменно. Удача, преодоление, победа – оставляют меня равнодушным. Уроды, сумасшедшие, юродивые, кликуши, лишние люди положительно не дают мне покою... Возможно, вы правы, говоря о «Муму» и «Акакии Акакиевиче», – конечно, – древнее в этом,

христианское. Но ведь и всё наше искусство (я не говорю о литературе древних, которая лично меня оставляет в совершенном безразличии) – христианское по сути. И не замечательно ли, что трагедия Короля Лира не в том, что он потерял царство, а в том, что потерял *дочерей*? Ведь это – «Живые мощи», жалость, сострадание, христианство! Покажите мне, хотя бы в мировой литературе, один пример, когда какое-нибудь произведение строилось без этих христианских элементов? Ваш герой в рассказе «О тараканах» положительно настоящий герой! Всё дело в том, кажется мне, что он вызывает сострадание. Что ж из того, что он – «таракан». Меня, например, с моею жалостью, хватит на многих «тараканов». И я думаю, что «Акакий Акакиевич» подлинно *воспитал* русского читателя, а «Цемент» Гладкова не воспитает никакого... С Эйнштейном дело обстоит сложнее. В моём представлении образ подобного масштаба в литературе мог бы перевернуть всё искусство, как сам Эйнштейн перевернул науку. Но и здесь, я думаю, не обойтись без трагедии, без несчастья, без того, чтобы образ вызывал сострадание. Иначе – гончаровский Штольц в увеличенном виде...

В «поисках героя» (вы напрасно, Алексей Максимович, попрекнули Н. Тихонова стихотворением «Поиски героя»: кончается оно очень иронично, и автор явно издевается над рекомендованными и одобренными героями, покрытыми ранами, в орденах и звёздах...) так вот, в «поисках героя» меня потянуло за границу. Я уже писал вам, что собираюсь выехать в конце апреля или начале мая. Маршрут – Осло, Берлин, Саксония, Бавария, через Тироль в Италию, на юг. Почему Осло? Очень мне любопытна Норвегия, и есть случай постранствовать по ней. Не там ли мой «герой»? Конечно, это – карманная Германия, и всё там, вероятно, мизерно. Но там *камни* и *море*, и люди сеют хлеб на *камнях*. Мне эти люди привлекательны.

Начал хлопоты о разрешении. Тут я должен, памятуя ваше обещание помочь мне в поездке, обратиться к вам. Не напишете ли вы Керженцеву (к которому я отнесусь сам),

чтобы он помог мне заполучить визу в Италию? Будьте добры, Алексей Максимович. Италия – мой конечный пункт, я собираюсь побродить по ней и очень хотел бы повидать вас, если это возможно. И потом. В прошлом году вы любезно предложили мне свою протекцию у А. И. Рыкова. Возможно ли это теперь? Если да – прошу вас черкнуть ему, чтобы он распорядился ускорить выдачу мне паспорта. Пожалуйста. Простите, что я затрудняю вас своими просьбами, которых у вас и без меня много. Но поехать мне необходимо, а я не уверен, что без вашего содействия сумею получить разрешение на въезд в Италию.

За обещание ваше – попытаться послать мне «Дело Артамоновых» из Берлина – очень благодарю.

С IV «Ковшом» положение в данный момент неопределенно: нас «закрывают» по два раза на номер! Но надежда сдать в набор в феврале – есть. «О тараканах» переписана и сверена. Оригинал вам отошлёт Груздев.

Будьте здоровы! Жму руку.

Ваш *Конст. Федин*

Как в Неаполе? Расцвет? Здесь – вьюги, горы снегу, морозы. Зима жестокая. Костры. По ночам у костров – милиционер, стрелочница, проститутка; топчутся, курят; разговор:

– Ну, а сколько ж – на круг – выходит?

– Когда как...

– Чижолое дело...

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 505-507.

⁽¹⁾ Речь идет о романе «Братья».

⁽²⁾ К. А. Федин говорит о судьбе героя своего романа «Города и годы».

27 февраля 1926, Ленинград.

27/II 26

Простите мне, дорогой Алексей Максимович, запоздалый ответ и задержку в отсылке рукописи. За поддержку горячее спасибо Вам от всех нас. Если бы не Ваш рассказ,⁽¹⁾ то четвёртый «Ковш» не удалось бы выпустить. Москва видит в нём конкуренцию и всячески жмёт. Очень интересно Ваше письмо, в частности, Ваши мысли о «выдувании героев» как нельзя более совпали с моими. Но есть у меня и возражения. Очень любопытно следующее: Короленко 1 янв<аря> 1894 г. писал Михайловскому: «Мы теперь уже уверились в героях, которые (как мифический Атлас – небо) двигали на своих плечах “артели” (в 60-х) и “общину” в 70-х годах. Тогда мы все искали “героя” и гг. Омудевские и Засодимские нам этих героев давали. К сожалению, герои оказывались все “аплике”, не настоящие, головные. Теперь поэтому мы прежде всего ищем уже не героя, а настоящего человека, не подвига, а душевного движения, хотя бы и непохвального, но непосредственного (в этом и есть сила, напр., Чехова)». Так вот, если слова «артели» и «общину» заменить словами «гражданская война» и «коммунизм», то мысль Короленко будет наисовременнейшая. И если герои Всеволода Иванова напомнят, скажем, Базаровых и Рахметовых, то не заменяет ли сейчас всех Омудевских и Засодимских – Борис Лавренёв, типичный лженародник, делающий шумную карьеру? (Если не читали – я Вам пришлю).

Ваше недовольство, я думаю, и вызвано тем, что сейчас, как и в 90-х гг., шаблонизированы герои и шаблонизированы сюжеты (последнее – новая тема для беседы!). Но какой отсюда выход?

В том же письме Короленко продолжает: «Теперь уже героизм, если и явится, то непременно не “из головы”; если он и вырастет в литературе, то корни его будут не в одних учебниках политической экономии (политграмота?

И. Г<руздев>) и не в книжках об общине, а в той глубокой психической почве, где формируются вообще человеческие темпераменты, характеры и где логические взгляды, чувства, личные наклонности сливаются в одно психически неделимое целое, определяющее поступки и деятельность живого человека».

А через несколько месяцев после этого письма Вы, Алексей Максимович, пишете «Челкаша», Ваш первый «героический» рассказ, которым Вы открываете новую литературу и пишете его так, что превосходные слова Короленко словно целиком относятся к нему. Разве это не замечательное совпадение? Очевидно, так было нужно для времени, и Вы явились его выразителем.

Теперь сходное время, и Вы вправе, конечно, поставить новому поколению такое же требование, какое Короленко, как бы заочно поставил Вам. И нужно сказать, что среди нас бродили такие мысли. Так, большой умница, Миша Слонимский, ещё 2-3 года тому назад говорил, что сейчас дело не в сюжете, не в авантюристике, диалектике и пр. и пр., что так часто ставил как задание Шкловский и др. Дело в создании *характеров* и в нахождении *психологических мотивов*, т<о> е<сть> то же самое, о чём идёт речь у Короленко. Идут ли, в частности, Серапионы этим путём? Нет ещё. Но зато они (по крайней мере основное ядро их) делают другую работу – сбивают литературные шаблоны и потому-то все они в своём творчестве ироничны, вопреки казённым требованиям пафоса во что бы то ни стало. Мне показалось, что Ваша фраза о «выдувании «героев», которые, привыкнув драться, больше ничего не умеют и не хотят», относится к «Чернышу» Слонимского. Если это так, то я буду спорить. Ведь это же злая ирония над «героическими» шаблонами. Какие же в самом деле герои Чаплин и Черныш? Это скорее Чичиковы и Ноздрёвы нашего времени. Посмотрите ещё, как саркастически смеётся Зощенко над казённым пафосом. Как умно делает это Федин в «Наровчатской хронике». А разве тихоновские «Поиски героя» не весёлая ирония на ту же тему? Вы скажете, что это

ещё мало. Правда, но это чистит дорогу, и за то, что Серапионы так чутки ко всякой фальши, ко всякой лавренёвщине и лидинщине, я их бесконечно люблю.

Я сильно записался, а сказать ещё многое хотелось бы. Отложу до другого письма. Получили ли Вы 4 том «Падения режима»? Я давал Ваш адрес Борисоглебскому⁽²⁾ и Козакову.⁽³⁾ Послали ли они Вам книги? Войтоловского Вы получили?⁽⁴⁾ Имеете ли Вы книгу неизданных стихов Блока?⁽⁵⁾ Если интересно – вышлю.

Ваш *Илья Груздев*

Р. С. Есенин в гробу был изумителен. Детское, страдальческое лицо, искривлённые губы и чуть сведённые брови. И, странно, куда делась его внешность рязанского мальчика с примесью потасканного альфонса. Вместо этого он напомнил мне итальянца времён Возрождения. Какой благородный профиль, какие красивые руки! Это впечатление дня незабываемое на всю жизнь.

А знаете, как он повесился? Обмотал вокруг шеи веревку и другой конец взял в руку, рукой зацепившись за трубу отопления. Малейшая слабость, и он выпустил бы из руки веревку и сорвался. Но он выдержал и *удавил себя*.

И. Груздев

РР. С. Простите за неаккуратность. Спешу и не могу переписать.

Сердечное спасибо за письмо. Оно возбудило у меня много мыслей, а что может быть лучше этого?

И. Г.

«Тараканы» Ваши меня восхитили. Какая молодость во всём, что Вы сейчас делаете!

Кланяется Вам Вас<илий> Вас<ильевич> Каменский. Сидели мы с ним в Европейской гостинице и говорили о Вас. А ресторанный оркестр играл Будённовский марш и письмо Онегина к Татьяне, переложенное на фокстрот. Не плохо?

И. Г.

■ Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 37-39.

(1) Рассказ «О тараканах».

(2) М. В. Борисоглебский.

(3) М. Э. Козаков.

(4) Имеется в виду книга «По следам войны. Походные записки 1914-1917 гг.».

(5) А. Блок. Неизданные стихотворения 1897-1919 г. (Л., «Жизнь искусства», 1926).

231. А. М. Горький – И. А. Груздеву

10 марта 1926, Неаполь.

Илье Груздеву

10.III.26.

Napoli

То, что Вы сообщили о Есенине, и поразило меня и ещё более цветисто окрасило его в моих глазах. Это – редкий случай спокойной ярости, с коей – иногда – воля человека к самоуничтожению борется с инстинктом жизни и преодолевает его.

Едва ли я страдал когда-либо и страдаю ныне «субцидоманией» – влечением к самоубийству – как это утверждает доктор И. Б. Галант⁽¹⁾ у вас, в «Клиническом архиве», но было время, когда я весьма интересовался вопросом о самоубийстве и собирал описания наиболее характерных случаев такового. В 97 году, в Лионе, некий портной устроил в подвале у себя гильотину с зеркалом, чтоб видеть, как нож её отрежет голову ему. Он это видел, как заключили доктора. В 94-м Кромулин, студент Новороссийского университета, снял с койки матрац, поставил под койку три зажжённых свечи и решал сложное математическое вычисление, в то время когда огонь жёг ему спинные позвонки и жарил мозг в них. Через 27 минут он уже не мог решать вычисление, а затем – умер. Фактов такого порядка не мало, но они, на мой взгляд, имеют характер «исследовательский», как бы пародируют «научное любопытст-

во». Случая, подобного Есенинскому, – не помню. Нет ничего легче, как убить себя «сразу», вовсе не трудно уморить голодом, но уничтожить себя так, как это, по Вашим словам, сделано Есениным, – потребна туго натянутая и несокрушимая воля.

Отсюда легко перейти к задетому Вами вопросу о «героях». По поводу необходимости для мира «психически неделимого целого» я беседовал с В. Г. Короленко в Москве, в 903 или 4 году и убедился, что он понимает: «психически неделимое» как упрощение человека, примерно, как Н. Клюев своего «ангела простых человеческих дел». Моя «кочка зрения» – иная: человек должен усложнять, а не упрощать себя. Героизм не только в «преодолении зоологического индивидуализма», – из этого преодоления, между прочим добрым, возникают и некоторые «облагороженные социальные инстинкты», творящие из людей гвозди – по Тихонову,⁽²⁾ – в силе воли человека, ведущей его «вперёд и выше». Вы знаете, что это мое старое и м. б. только это и есть у меня. Вы знаете также, что «выше головы – не подскочишь». Но этого и не требуется: мир-то, ведь, помещён в голове человека, мир есть не что иное, как только комплекс его мнений, гипотез, теорий о сути явлений вне его головы. Истинность этой начинки весьма сомнительна, но она украшает нашу жизнь и даже, в некоторой мере, практически облегчает ее.

Было бы ошибочно оценивать это мое мнение как индивидуализм и анархизм. Нет, не то, а вот что: человек есть орган природы, не совсем удачно созданный ею для самопознания ею её же странных, нелепых и отвратительных её тайн и её явлений. Человек – светило, зажжённое во тьме хаоса м<ожет> б<ыть> против воли «природы»; случайное творение в безумии её творчества, но это творение уже развило и всё более развивает в себе способность не только пользоваться силами природы, но одержимо стремлением постигнуть – или, вернее, – придать свой смысл бессмысленной игре этих сил. Именно об этом свидетельствует фантастически быстрый рост научной мысли, научного

творчества. Сейчас наука более непримирима, чем когда-либо, делится на два давно знакомых нам течения: одно стремится «механизировать», т<о> е<сть> упростить все явления жизни и её «психическое начало», другому механизация «души» – не по душе. И против обоих враждебных друг другу течений встает во всём величии своей глупости и со всею силой своего влияния на людей коллективный господин Брайан, автор «обезьяньего процесса» и автор проекта изгнать из С. Ш. С. Америки всех *не* христиан. Брайан, Муссолини и т. д. это – герои, они должны быть воспринимаемы художником именно как герои, ибо каждый из них являет собою «психически неделимое целое». Поэтому для меня лично – герой исследующий, ищущий несравнимо ценнее героя уже утвердившегося в вере своей и тем «упростившего» себя. Я хочу сказать, что для меня герой – вместилище всех бурь и тревог, всех сомнений и всех трагедий жизни, которая, кажется, в равной степени заслуживает и любви и ненависти к ней. А «психически цельный» человек мне кажется невозможным при наличии всё более быстрого течения явлений жизни. Достоевский, пытаясь создать в лице князя Мышкина нечто вроде Христа, сначала предусмотрительно назвал его «Идиотом», а затем, поставив его перед лицом действительности – «Великого Инквизитора», – убедительно доказал, что Христу нет места на земле. Блок сделал ошибку полуверующего лирика, поставив Хр<иста> во главу «Двенадцати».

Мечта о «положительном типе» – неосуществима, а попытки осуществить её едва ли пойдут дальше «Базарова». И мне очень нравится, что герой рассказа Зоценко «О соловьях»⁽³⁾ – бывший герой «Шинели», во всяком случае близкий родственник Акакия, – возбуждает мою ненависть благодаря умной иронии автора. И вообще ироническое отношение Федина, Зоценко, Слонимского к «рыцарям на час» и ко всей действительности я ценю, как нельзя более. Сожалею, что не понял Тихонова, – на что мне указал Федин, но это, отчасти, вина самого поэта, ибо я с трудом разбираю смысл стихов, написанных в манере Пастер-

нака. Но две давние строчки его о людях, из которых можно бы делать очень хорошие гвозди, пленили меня именно их горестной иронией. М<ожет> б<ыть>, я ошибаюсь, и автор вполне допускает взгляд на человека, как на материал? Я показывал стихи эти одному архимандриту, он очень восторгался ими, и этим смутил меня.

Боюсь, что письмо недостаточно ясно. В этом виновата его огромная тема.

4-й том «Падения цар<ского> режима» получил. Лавренёва читал один рассказ, что-то понравилось мне в нём, а что – не помню. Плохой признак.

«Неизданных» стихов Блока не имею.⁽⁴⁾

Пожалуйста, передайте Федину мою фотографию и вырезку из «Les nouvelles littéraire». Курьёза ради прилагаю и вырезку о Шкловском.⁽⁵⁾ Не знаете ли: будет Ионов печатать второе издание моих книг и когда выйдет «Дело Артамоновых»?

И – вот что ещё: слышал я, что Есенин написал эротические стихи А. Дункан. Не можете ли прислать список их? Писал ли Есен<ин> вообще эрот<ические> стихотворения? Я собираю всё, что пишется о нём и, м<ожет> б<ыть>, напишу нечто, имея материалом не только его, но и ещё несколько лиц ему сродных. Очень хочется изобразить трагическую жизнь *русского* поэта.⁽⁶⁾

Любопытную книгу о Достоевском написал один немец,⁽⁷⁾ он доказывает в ней, что Ф<ёдор> М<ихайлович> был моральным участником убийства своего отца. Мне эта мысль приходила в голову лет 15 назад тому, когда я, на Капри, перечитывал «Карамазовых»; её возбуждают двое Карамазовых: Дмитрий и Смердяков.

Вот сколько я Вам написал. Мне несколько дней нужно отдохнуть от работы над романом,⁽⁸⁾ я и пишу письма во все концы.

А Ромэн Роллана не поздравили с 60-летием? Грустно, если так.

Будьте здоровы

А. Пешков

9.III. 26.Napoli

Датировка условная. Сам автор письма в начале датирует его 10 марта, а в конце проставляет дату 9 марта.

(1) И. Б. Галант, автор работ по психологии творчества и психиатрии, утверждал, что А. М. Горький перенес в юности психическое заболевание. Свое утверждение он основывал на изучении произведений А. М. Горького, который решительно возражал ему в частной переписке.

(2) Отсылка к стихотворению Н. С. Тихонова «Баллада о гвоздях».

(3) Точное название повести – «О чем пел соловей».

(4) См. примечания к письму 230.

(5) Приложены вырезанные из газеты статьи А. Моруа «Заметки о современном английском романе» и В. Познера «Виктор Шкловский. Русская литература после революции», опубликованные на французском языке.

(6) Замысел остался нереализованным, хотя А. М. Горький активно собирал материалы для этой работы.

(7) Упоминается книга И. Нейфельда «Достоевский. Психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда», увидевшая свет на русском языке в 1925 г.

(8) Роман «Жизнь Клима Самгина».

232. В. В. Иванов – К. А. Федину

20 марта 1926, Москва.

20 марта 1926 г.

Дорогой Костя, получил ли ты моё письмо с фотографиями – во-первых; во-вторых – узнал ли ты причину, почему согласно договора Л<ен>гиз из денег мне за «Бамбуковую хижину»⁽¹⁾ не шлёт. Я тогда рукопись посылать не буду, а продам её в другое место. Мне даже выгоднее – а значит, веселее.

А мы в Москве всё писателей хороним.⁽²⁾ Не полезное занятие.

Фотографию я усвоил. Сегодня покупаю дога, а на той неделе ружье – и я готов к далёким путям.

Грустно что-то! Или, может, действительно я дегенерат и меланхолик к тому же?

Ой, господи, до чего писатели скучные. А бухгалтера ещё скучнее <...>

Целую крепко.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 594-595.

⁽¹⁾ Рассказ В. В. Иванова.

⁽²⁾ В начале года умерли Л. М. Рейснер и Д. А. Фурманов.

233. К. А. Федин – В. В. Иванову

26 марта 1926, Ленинград.

Милый мой дружище,

фотографии получил – спасибо. Большой мастер в этом деле – Леонов, скажи ему – приеду сниматься. Твои блины плохи. Если бы ты этак начал в литературе – куда бы ты годился? Но не отчаивайся, не боги горшки обжигают, работай, терпи – станешь Наппельбаумом! За границей, братишка, хорошо снимают: Горький прислал мне свой портрет – здорово и просто! Ты это правильно сделал, что начал заниматься рукоеслом. В нашем деле это полезно, и я тоскую по какому-нибудь нерукописному труду. Но, поверишь ли? – всё мне скучно! Портным, что ли, стать?..

Какой у тебя дог? Какие глаза? Масть? Рост? Возраст? Я люблю догов. Но хорош ли для них климат на Памире?⁽¹⁾ Да ещё с таким хозяином, как ты: запьёшь – уедешь куда-нибудь, забудешь про пса, а ему – печаль... Эксплуатируешь ли его красоту? Имей в виду собачьи выставки. Если дог твой честолюбив – можешь подработать.

Ты не думай, Всеволод, что я заговариваю тебе зубы. Наоборот, дело обстоит так хорошо, что я мог бы начать сразу о деньгах: начал я о другом, потому что человек я – деликатный и хитрый! Ленотгиз получил, наконец, дополнительные ассигнования и переводит тебе кучу денег по

договору. Вышлют не позже конца марта всё, что полагается. Жду рукопись, присылай.

Прошу тебя взять у Серебряковой свои книги, с надписями, и прислать мне.⁽²⁾ Непременно!

Присылай фотографии своей работы, только лучшие!

Когда на Памир?

Я мечтаю о загранице. Маршрут замечательный! <...>

Обнимаю тебя.

Твой К. Федин

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 73.

⁽¹⁾ В. В. Иванов собирался в путешествие по Памиру.

⁽²⁾ Книги с дарственными надписями В. В. Иванов собирался передать К. А. Федину через Г. И. Серебрякову, однако сделать это не удалось.

234. К. А. Федин – А. М. Горькому

27 марта 1926, Ленинград.

Ленинград. 27.III.1926.

Получил ваш портрет дорогой Алексей Максимович, душевно благодарю вас за память! Как, однако, вы похудели, видно здоровье ваше не очень хорошо, или чересчур много работаете? Вы никогда ничего не напишете попросту о своём самочувствии, если и упомянете о здоровье, то вскользь, между прочим. Думаю, что вы слишком переутомляете себя. Последнее время я часто видался с Валентиной Михайловной, она много рассказывала о вас, о вашей тамошней жизни.⁽¹⁾ Говорит, что – иной раз – почту привозят к вам на извозчике, а вы аккуратнейше всё прочитываете, книги и рукописи, расставляете запятые малограмотным авторам, сердитесь, но всё же читаете, ночами напролёт. У меня волосы стали дыбом, когда я подумал, что этакая война с рукописями и письмами тянется у вас

всю жизнь! Ведь от одного этого не поздоровится! Признаться, подумал я и о себе грешном: не слишком ли много отнимаю у вас внимания? Вот даже затеял какое-то подбис спора о вещах, давно для вас решённых, и вы правы, что свели всё дело «к вопросам морали». Признаю, что неудачно выразил свою мысль, потому что – конечно – я далёк от «утверждения необходимости тенденции в искусстве». В 4-й кн<иге> «Нов<ого> мира» пойдёт моя статья об искусстве, написанная 2 ½ года назад (тогда её не напечатали).⁽²⁾ В ней есть и о «тенденции». Если это можно было заключить из моего последнего письма, – значит письмо это никуда не годно (с моей точки зрения!). Очень хорошо вы говорите в конце вашего письма о «биологической силе», которая внушает вам вражду ко всякому страданию. Я завидую такой силе, потому что не обладаю ею. И вся моя мысль о «клячах и рысаках» (ей-богу, в последний раз о «клячах»!) сводилась к тому что я – по-видимому – биологически неспособен действительно *ненавидеть* страдание, но только всегда *сочувствую* ему. Художник же, думаю я, обращает свой взор преимущественно туда, где есть простор и почва для его «сочувствия». Вот почему я часто вижу себя в кольце: о чём ни начал бы я говорить, я говорю только о страдании.

Не писал вам долго по многим причинам. Давно уже прочёл и перечитал «Дело Артамоновых», и мое впечатление об этой книге вполне отстоялось. Попробую передать вам его.

Совершенно изумительно начало романа. Илья Артамонов – старик поражает, *подавляет* своею жизненностью. С первых строк книги и до самой своей нелепой смерти он *движется* по книге, так что страшновато и сладко *за ним глядеть*. Замечательно вот что: когда я прочёл *его* (это именно так), мне показалось, что я – выше ростом, что у меня очень широкие плечи, что я силён и немножко неуклюж. Я поймал себя на том, что у меня переменялся голос, я помню, как заговорил с дочерью – по-новому – со странным чувством превосходства отца. Мне стало казаться, что я

наплюжу много детей и они будут грубоваты, я буду с удовольствием и видимой строгостью понукать ими. А жену свою я совсем по-особому в этот день похлопал по плечу. Это длилось, конечно, недолго, минуточку-другую, когда я, оторвавшись от книги, вышел в соседнюю комнату, к *семье*. Это заражение, исходящее от Артамонова Ильи, по моему, решает всё: книгу уже нельзя не полюбить. Хорош Тихон Вялов, и совершенно неожиданно открывается – кто он, так что только в конце книги понимаешь всю силу этого человека. Думаю, что Вялов искуснее других героев раскрыт читателю; он всё время – загадочен и кажется «хорошим человеком» неспроста, но почему – так и не знаешь; конец же подымает его на голову выше «хорошего человека», делает его героем, вся его жизнь у Артамонова, у «убийцы», становится послухом, борьбой с искушением. Образ Натальи хорош вначале, так же – Алексея (Никита от начала до конца сделан очень сильно, человек «во плоти»). К концу Алексей как будто туманнее, его превращение в либеральствующего дельца воспринимается сухо, это что-то головное. Наталья-невеста – прекрасна, первая ночь её с Петром (и Пётр в эту ночь) – взволнованная, чистая и мастерски совершенная сцена. Не знаю, была ли это ваша композиционная задача: строить первые части романа на «людях», вторую – на «деле». Это совпадает с темой (я понимаю её так: дело, движимое вначале волею человека, постепенно ускользает из-под его влияния, начинает жить само собою, *своею* волей, более мощной и непреодолимой, пока – в революцию – окончательно не освобождается от человека). Но такое построение романа привело к тому, что он стал несоразмерен в частях, ибо вам пришлось во второй половине либо кратко упоминать об обстоятельствах и условиях роста «дела», либо повествовать о людях (излагать), тогда как в первой половине вы *изображаете* людей. Ведь то, что происходит на протяжении 90-х – 917 годов, несравненно больше *количественно*, чем 60-е – 80-е годы. Основание «дела» Артамоновыми, его первые шаги заняли, примерно, лет 7, т<o> е<сть> к 70-му

году «дело» уже вертелось. На изображение этого ушло полкниги, а в другую половину книги умещено 47 лет (приблизительно, конечно), причем в эти 47 лет происходит *тематически* самое важное: «дело» становится действующим лицом, «дело» сминает породивших его. Мне думается, этот композиционный недочёт заметно повлиял на эффект конца: книга под конец схематичнее и суше. С этим обстоятельством совпадает другое. Характеры артамоновских внучат мельче и случайнее, чем – деда, отцов. Это так и должно быть, так и есть (к несчастью). Но это усугубляет разряжение конца романа.

Замечательно в книге то, что вы выступаете в ней с новой, молодой мощью. При чтении ускользает от внимания *род* материала, он кажется невиданным, небывалым в литературе. Только вдумавшись – видишь, что это материал Горького – уездное, Окуров, Гордеев, российское купечество из разночинцев и богатеи из мужичков. Но Дрёмов совершенно заново поставлен перед читателем, обернут такою стороной, которую мы ни разу прежде не примечали. Очень сильно и молодо.

Вот что мне грустно и больно видеть в вашей книге: всдь старик-то, поистине, великолепен, Илья старший! Ведь он *умел и сумел*. А сыны? У Петра всё катится потому, что не может не катиться. Алексей форсит и сюсюкает (в Нижнем Пётр хорош, Алексей отвратителен). А внучата – дрянь. И «дело» – под конец тоже дрянь. Вот, разве, Илья – внук? Да ведь он *так и не появился на «деле»* и, надо думать, – ходит нынче с портфелем, заседает, «прекрасен в абстракции». Я не насчёт идеологии, а насчёт «дела».

Серафим хорош, но из «утешителей» у вас лучший в рассказе «Отшельник». Серафим циничнее, суетливее, не излучает того света, что Отшельник. Никита очень примечателен. Жалко, что он слегка глуповат: поумней – восстал бы.

Ну вот. Простите мне мои неловкости в отзыве. Книжку эту вашу я полюбил.

Жму вам руку, от всей души желаю здоровья и сил.

Ваш Коист. Федин

В «Нов<ом> мире» А. Белозеров пишет о вас.⁽³⁾ В 4-й кн<иге> будет окончание. Там же отзыв на книги о Горьком.

Жена моя просит передать вам привет и своё восхищение вашими двумя последними книгами.

О загранице очень мечтаю. В мае надеюсь двинуться. «Гор<ода> и годы» вышли 2-м изданием.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 508-510.

⁽¹⁾ Художница В. М. Ходасевич в 1925 году навещала А. М. Горького в Сорренто.

⁽²⁾ Статья К. А. Федина «Об искусстве и критике» появилась в журнале только в 1927 году.

⁽³⁾ Имеется в виду статья «Из молодых лет Максима Горького (По новым материалам)».

235. Н. С. Тихонов – Б. Л. Пастернаку

20-е числа июля 1926, Пудость Ленинградской области.

Дорогой Борис Леонидович!

Добрый день.

Московская воздушная неделя – та, которую ты добродушно поделил со мной, – до сих пор у меня в памяти.

Это были очень славные дни – ей-богу. Если бы вокруг было немного больше зелени и воды и немного меньше людей – это была бы по-своему совершенная неделя.

Я даже начинаю всерьёз порой скучать по тем ералашным дням. Сижу сейчас в месте, которое зовется Пудостью – я называю его Гадостью. Может быть, я несправедлив – окружающее даже похоже чуть на подмосковные виды. – Потом я «непрерывно» еду в Туркестан.⁽¹⁾

Он шевелится, как большое поле передо мной, и я не знаю, с чего начать. – Уеду, должно быть, около 10-го, то есть после 10-го. Проездом через Москву прибегу взглянуть на твой счастливый угол. Жаль, что не увижу твоего сына. Я его помню крепко.

Если бы я выбирал попутчика в азиатские эти пустыни – я бы с «благоговейным» азартом выбрал бы Пастернака. Он умеет делать дни лёгкими и весёлыми. Это ничего, что он временами рассеян. Истинный путешественник и должен быть таким. Он должен забыть, где лежит его записная книжка. Заглядывать в неё можно только после захода солнца. – Так мы условимся.

Как живёт лейтенант Шмидт?⁽²⁾ Я должен буду на днях огорчить одного скромного поэта: он собирался написать осенью поэму, использовав переписку лейтенанта Шмидта. Я сообщу ему, что это уже сделано и что он может не беспокоиться. – Осенью же я надеюсь слушать в 1-й и действительно настоящий раз, как «Лейтенант Шмидт» будет прочитан Пастернаком и прочитан без отговорок. Неправда ли?

Вчера я прошёл по лесам 20 вёрст, и у меня развалились сапоги. Прямо сказать – настоящие люди подбивают теперь подметки.

Что касается ленинградцев, то они живут так.

Груздев Илья занят семейным очагом. Сидит над Горьким и анатомирует старика.

Вагинов пишет драму в стихах, очень странную.⁽³⁾ Посмотрел бы я на театр, который взялся бы её поставить.

Федин уехал по Волге на лодке втроём. Старик Джером-Джером не даёт ему спать.

Тынянов пишет роман из жизни шутов Петра Великого.⁽⁴⁾

Каверина, кажется, берут в солдаты.⁽⁵⁾

От Петровского и Петникова я получил открытку из Ялты.

Приезжайте к нам осенью, Борис Леонидович. Я даже на вы перешёл от уважения.

Я буду три дня и три ночи врать о Туркестане с севера на юг и с востока на запад. – Я это могу и даже с удовольствием.

Привет мой твоему брату – и твоей жене, тому юному германцу из страны Маркса и Энгельса – и той слушательнице моего рассказа⁽⁶⁾ – и Асееву – старому славному вож-

дю волчьих стай – Акеле,⁽⁷⁾ и Маяковскому, если он приехал, и всей баптистской обедне во главе с Шкловским и Лили Юрьевой.⁽⁸⁾

Напиши мне, пожалуйста, до 6 августа, чтобы я получил письмо во благовремение, о том, как ты себя чувствуешь. – Если же душа твоя не лежит к чернилам и словам, посылаемым на дальнейшее расстояние – я разрешаю тебя от этой необходимости. Не пиши, но живи счастливо и поцелуй от меня своего хорошего сына; когда он вернётся, я буду уже в песках Кара-Кумов, и, кроме чесоточных верблюдов, кто разделит мое одиночество?

Прощай пока. –

Любящий тебя *Н. Тихонов*

■ Литературное наследство. Т. 93. Из истории советской литературы 1920-1930-х годов. Новые материалы и исследования. М., 1983, с. 676-677.

⁽¹⁾ Н. С. Тихонов путешествовал по Туркмении первый раз в августе 1926 года.

⁽²⁾ Б. Л. Пастернак работал над поэмой «Лейтенант Шмидт».

⁽³⁾ Какое произведение имеет в виду автор письма, установить не удалось.

⁽⁴⁾ Упоминается не написанный роман «Король Самоедский».

⁽⁵⁾ В. А. Каверин был на военных сборах.

⁽⁶⁾ Речь идет о А. Л. Пастернаке, Е. В. Пастернак, Э. Розенфельде, а также, возможно, об С. С. Адельсон, соседке по квартире.

⁽⁷⁾ Имя вожака стаи волков из «Книги джунглей» Р. Киплинга.

⁽⁸⁾ Члены ЛЕФа собирались на квартире О. М. и Л. Ю. Бриков.

236. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому

1 сентября 1926, Ленинград.

1/IX 26 г.

Дорогой Алексей Максимович,
письмо – деловое. Организуется тут издательство.⁽¹⁾ Организуется оно нами (по питерской части), т^о е^{сть} Фединым, Груздевым, мной, Семёновым, Зоценкой и пр. –

словом, компания «Ковша». Материальная и хозяйственная часть стоит крепко. «Ковш» закрылся, и поэтому главная энергия наша направляется в сторону этого изд<атель>ства. И к Вам величайшая просьба: дать нам две небольших книжки по 2-3 листа каждая. Дело в том, что в начале на первые полгода издательство выпускает серию небольших книжек с тем, чтобы перейти на книги потяжелее. Мы очень просим Вас дать принципиальное согласие и указать, какие новые (но, конечно, в журналах и пр. уже прошедшие) рассказы Вы согласились бы дать нам. Мы, как всегда, предпринимая что-нибудь, обращаемся к Вам и рассчитываем на Вашу поддержку. Гонорар будет послан Вам в размере уже во всяком случае не меньше, чем даёт «Огонек».

Я пишу чрезвычайно деловым стилем, самому даже стыдно, но, Алексей Максимович, ужасно хочется сделать это дело, обещающее в литературном отношении очень много. В этом изд<атель>стве хозяева – мы – и больше никто. Честно сообщаю Вам, что окончательное оформление издательства будет только недели через две. Но я уже пишу Вам теперь, ибо, во-первых, дело организуется наверняка, а, во-вторых, хочется Ваши книжки дать в первую очередь, в числе первых десяти. С нетерпением будем ждать Вашего ответа. Пишу я по поручению всей нашей группы, которая сильно надеется на Вас.

Большой Вам привет, Алексей Максимович, от всех нас.

Ваш *М. Слоимский*

■ Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 78-79.

Записка М. Л. Слоимского приложена к письму И. А. Груздева от 1 сентября 1926 года.

⁽¹⁾ Речь идет о будущем «Издательстве писателей в Ленинграде».

237. В. В. Иванов – К. А. Федину

28 сентября 1926, Москва.

Костя!

Прими труды мои и надейся, что когда-нибудь они будут лучше – всё в мире идёт к лучшему, как сказал Воронский.

«Злоба дня» Москвы – «Белая гвардия»,⁽¹⁾ сей советский Карамзин утверждает, что и Эразмы «могут чувствовать». Пьеса действительно превосходная, и играют на такой простоте и так здорово, – что лучше нельзя.

Я по-прежнему мрачен и не общителен.

Погода, как правильно отмечал Николай Второй, обратительная – дождь.

Денег нету и не предвидится. Собаки растут.

– Волга впадает в Каспийское море.

Целую.

Всеволод

28 сент.

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 595.

⁽¹⁾ Спектакль по роману «Белая гвардия» назывался «Дни Турбиных».

238. А. М. Горький – В. В. Иванову

15 октября 1926, Сорренто.

Получил Ваше интереснейшее письмо, – очень благодарен. Хочется немножко поспорить.

Русь «чудится» Вам «провинцией, писатели – провинциалами»? Не велик я «патриот», а всё-таки мне кажется, что в словах Ваших звучит усталость, слышен недостаток правильной самооценки. Разумеется, я не склонен отрицать оснований усталости и права на неё, но думаю, что русский «провинциализм» можно, не искажая правды, заменить

понятием своеобразия. Очень оригинальный народ мы, Русь, и очень требовательный сравнительно с нашими соседями на Западе. За истекшую четверть века мы заработали – вернее, получили – право на усталость более обоснованное, чем люди Европы, но устали – меньше. Это – факт. Культурный «провинциализм» и угнетающее мещанство духа цветёт и зреет здесь более быстро и пышно, чем у нас. Как одно из доказательств этого прилагаю газетную вырезку. Не думайте, что «Vade mecum» это написано иронически, нет, это совершенно точное и серьёзное изложение канонов «нового» верования. Так же серьёзно, как скандал, устроенный Воронову.⁽¹⁾ «Обезьяний процесс», устроенный Брайаном,⁽²⁾ характерен не только для США Америки, не только как одна из частных борьбы «низколобых» с «высоколобыми», это в равной мере характерно и для современной Европы. «Сэр Голаад», автор гнусной и безграмотной книги о России, о русской литературе, – тоже Брайан. Книга его направлена против духовного застоя России и имеет шумный успех. Такие выпады становятся всё более часты, а мотив их один: «Оставьте нас в покое! Мы хотим жить спокойно». Конечно, понимаешь это желание покоя, когда тебе говорят, что в Нью-Йорке за год убито грабителями 12 тысяч человек, и когда ежедневно читаешь сообщение о росте преступности в столицах Европы. Да, но ведь не этим вызываются такие факты, как «Пощёчина мертвецу» – Ан<атолу> Франсу,⁽³⁾ как ненависть к Р. Роллану, скандал, устроенный Полю Маргерит.⁽⁴⁾ Нет, культурного провинциализма здесь больше, и характер его более ожесточённый и животный, чем у нас, со всем нашим пьянством, хулиганством, чего здесь тоже не меньше, чем у нас.

«Писатели мы провинциальные»? Это и верно и неверно. Я тоже долго думал, что как мастера дела мы, конечно, хуже европейцев. Но теперь начинаю сомневаться в этом. Французы дошли до Пруста, который писал о пустяках фразами по 30 строк без точек, а теперь уже трудно отличить Дюамеля от Дю-Гара и Ж. Ромена от Мак-Орлана.

Все однотонно одинаковы, все одинаково скучны. Новых тем – нет, крупных талантов – тоже нет. В Италии литература вообще отсутствует. Если Вы почитаете англичан – Лоуренса, Кортрема,⁽⁵⁾ – Вас поразит их наивность и зависимость от Достоевского, Ницше, наконец – от Франса. Не чувствуются и немцы.

У нас я вижу целый ряд очень талантливых людей, хотя, пока ещё, неумелых. Но у нас есть и удивительные мастера: Пришвин. С<ергеев>-Ценский, Чапыгин. Нельзя требовать, чтоб каждое поколение давало Толстого или Пушкина. Но вот, например, у Вас есть все данные для того, чтоб стать крупнейшим писателем, и Вы, кажется, начинаете это понимать. Далек должен пойти Леонов. Недостаточно ценится Федин. Затем: пишутся очень значительные книги, совершенно неожиданные, как, напр<имер>, «Кюхля» Тынянова, «Современники» Форш. Расширяются темы, становясь разнообразнее. В поэзии то же самое: стихи последней книги «Кр<асной> нови» очень показательны. Три года тому назад стихи о медведице не были бы напечатаны, да едва ли и могли быть написаны.

Когда сообразишь, в каких условиях творится современная русская литература, как трудно всем вам живётся, проникаешься чувством искреннего и глубокого почтения к вам. Я не закрываю глаз на ошибки, небрежности, торопливость и всякие иные грехи писательские, но зная, как легко осудить человека, не занимаюсь этим делом. Иногда, впрочем, осуждаю, однако «про себя» и с великой горечью. Трудно всё-таки не осудить Толстого и Щёголева.⁽⁶⁾

Настроен я не оптимистически, это настроение вообще не свойственно мне. Но я думаю, что всем нам следует быть немножко стойками, относиться к жизни более мужественно и фактам не покорствоваться. А о людях судить не по дурному в них, а – по хорошему. Не тем человек значителен, что он дурен, а тем, что, вопреки всему, может и умеет быть хорошим.

Крепко жму Вашу руку, всего доброго.

Ещё раз – спасибо за письмо.

А. Пешков

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 32-34.

⁽¹⁾ Что имеет в виду автор письма, установить не удалось.

⁽²⁾ Подразумевается судебный процесс, проходивший в США в июле 1925 года. Преподаватель колледжа был приговорен к денежному штрафу за то, что излагал историю происхождения человека, согласно учению Дарвина.

⁽³⁾ Речь идет о памфлете «Труп», опубликованном группой сюрреалистов после смерти А. Франса.

⁽⁴⁾ Возможно, автор письма неточен, и правильно было бы назвать не П. Маргерита, к тому моменту давно умершего, а здравствовавшего В. Маргерита, не раз подвергавшегося судебным преследованиям. Кроме того, в 1926 году В. Маргерит издавал журнал «Evolution», где положительно оценивалось происходящее в СССР.

⁽⁵⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

⁽⁶⁾ А. Н. Толстой и П. Е. Щеголев написали откровенно конъюнктурную пьесу «Заговор императрицы».

239. В. В. Иванов – К. А. Федину

Октябрь 1926, Москва.

Милый Костя, – отвратительнейшая погода и отвратительнейшая моя пьеса, которая называется наконец-то «Алфавит» – вынуждают меня отдохнуть на эпистолярной форме творчества. Каково загнул-то, а? Уехал ли Соколов-Микитов и благополучно ли получил он своё ружье? Сегодня – кстати, о приезжих – приехал Б. А. Пильняк, но видать я его ещё не видал. Я по-прежнему свеж и трезв, как вышеупомянутый Б. Пильняк, и постепенно начинаю наполняться оптимизмом. Авось не пропадём, а? Недельки через три засяду за роман,⁽¹⁾ да так и подохну на нём – чтой-то зудятся у меня пальцы листов на 20-25. Возможно рождение второй «Северостали»,⁽²⁾ ну что же, я человек решительный – и иногда бываю справедлив – сгною, в письменном столе сгною, суку.

Не помню, видал ли ты мою собаку. Симпатичный пёсик растёт – все углы уже обсикал, и многие книги обтрепал. Борзая, зовут Шалый. Ращу и лыщу себя надеждой – авось и получит золотую медаль.

Сегодня кончил рассказ – «На покой», прочёл и ахнул – рассказы-то у меня мра-ачные. И не знаю, как и помочь. А да чёрт с ними, пускай умирают да режут друг друга. Все умрём, все перерешимся – на то и капитализма.

Ну, что ж, объясниться тебе в любви, что ли, да я думаю, ты и сам это знаешь, – из друзей-то ты у меня один, да вот и того друга загнало в невесёлый тот Петербург.

Оно и в Москве-то не веселей, – а если насчёт сволочи всякой, то ещё неизвестно, где её больше. Но ленинградскую сволочь хоть украшает монументальная архитектура, а здесь что? Про сволочь я потому – идёт, вижу в окно, – один секретарь.

Целую тебя, милый мой дружок, –

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 595-596.

⁽¹⁾ Возможно, речь идет о романе «Казачьи».

⁽²⁾ Роман «Северосталь» был признан автором неудачным и впоследствии уничтожен. В печати появились только некоторые фрагменты.

240. В. В. Иванов – К. А. Федину

3 ноября 1926, Москва.

Дорогой Костя, получил твоё печальное письмо. Не журись, хлопчик, скоро затвердеет снег, и ты сможешь ходить на лыжах. Занятие физкультурой спасает от меланхолии.

Я мужественно пишу роман.⁽¹⁾ С деньгами у меня наладилось, так что обедаю каждый день (ей-богу, осенью обедать часто не на что было) и даже хочу купить медвежью шубу, которую мне некогда пророчил Лунц.⁽²⁾ Вчера от Горького письмо получил, так там он между прочим пишет: «Пушкины и Толстые рождаются не каждое поколение, но Вы, например, можете стать крупнейшим писателем, и вы это начинаете понимать». А я, откровенно говоря, сомневаюсь

и продолжаю утверждать ему (он со мной спорит), что Русь – провинция, а мы провинциальные писатели. Писатели Империи это не чувствовали, а он всё-таки таковым писателем Империи остался и будет таковым впредь.

Очень хочется куда-нибудь уехать. В Сибирь хотя бы, на медведей охотиться. Кстати, о медведях: к какому времени ты хочешь поехать к Соколову-Микитову?

Ко всему прочему, кажется, влюбился. Беда.

В начале недели окончательно сдаю в театр свою пьесу «Алфавит». М<ожет> б<ыть>, с ней приеду к Вам в Питер.

О-хо-хо...

Горький находит, что о тебе излишне молчат и вообще пишет так: «Когда сообразишь, в каких условиях творится современная русская литература, как трудно всем вам живётся – проникаешься чувством искреннего и глубокого почтения к вам».

Любит ободрять старик.

У меня этой бодрости хватило на один день, а затем опять скис <...>

Привет.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 596-597.

⁽¹⁾ Возможно, речь идет о романе «Казачьи».

⁽²⁾ В рассказе Л. Н. Лунца «Хождения по мукам», где предсказывались судьбы «серапионов», В. В. Иванов наряжен в соболью шубу. Между тем нечто вроде шубы из шкуры белого медведя носил он еще в бытность свою в Петрограде.

241. К. А. Федин – А. М. Горькому

4 ноября 1926, Ленинград.

Ленинград. Литейный, 33, 13.

4.XI.1926.

Послал вам, дорогой Алексей Максимович, свою книжку,⁽¹⁾ в которой вы не знаете одной повести (в книжке – две) –

«Трансвааль». Всё ждал, когда выйдет сборник последних моих вещей, но вдруг обнаружилось, что ГИЗ, с коим я подписал договор на сборник, восстал против «Трансвааля» (дважды напечатанного в России, т<o> е<сть> у нас, т<o> е<сть> в СССР, т<o> е<сть> под наблюдением Главлита), находя эту повесть зловредной и еретической. Откуда мне сие? Ни сном ведь, ни духом! Ан, нет! Дискуссия в редпланах, коллегиях, кабинетах редакторов и прочее длилась многие месяцы, Москва собиралась уничтожить остатки ленинградского своеволия, обрушив на мою голову великое множество канонических отзывов весьма почтенных редакторов. Я буквально подломился под тяжестью поучительства всякого рода надзирателей, пока, наконец, Ленинград не пересилил. Дело, однако, конечно же!! в режиме экономии, не позволившем ГИЗу выкинуть на воздух мой аванс, а вовсе не в победах и триумфах так называемого здравого смысла. Я же проявил никак не похвальное упрямство, не согласился ни на купюры, ни на переменные названия книги. Так она и будет называться «Трансваалем», обобщая этим именем все мои рассказы о русской деревне наших дней. Кстати, об опасностях обобщений. Вместе с книжкой я послал вам оттиск рассказа «Мужики», названного «Новым миром» поскромнее – «Пастухом». Это последнее название, изобретённое лукавым умом, говорит о том, что в нашей деревне *может случиться* история, описанная в моём рассказе, – и только. «Мужики» же – это дело серьёзное, бог знает, что под сим именем таится, может, чего доброго, автор хочет сказать, что история, описанная в рассказе, как бы перманентно *случается*. Впрочем, все эти соображения – сущие пустяки, и не нам, российским писателям, говорить о них хотя бы даже вскользь. Сообщаю вам эти ничтожности просто в качестве, ну, скажем, подстрочных примечаний к истории текстов...

Пока суд да дело – сборник мой выйдет не скоро, поэтому и отослал вам разрозненные свои вещи.

Самая большая моя новость – я свободен от всяких «служб». Далось это ценою продажи на корню нового ро-

мана, над которым сейчас тружусь.⁽²⁾ Чувствую, что с выходом этого романа обрушится на меня поток шишек и не потому, что опасаясь литературной неудачи, а просто таковы уже нравы Растеряевой нашей улицы: на втором или третьем шагу писателя надо его бить дубьём, батогами, кольями, кнутовищами, сапогом, лучше всего – в морду, в самое хайло, чтобы чувствовал, паскуда, что над ним есть управа! Признаюсь, ожидаю такого самосуда даже с некоторым удовольствием. Ведь приятно как-никак приобщиться к сонму великомучеников и на каком-нибудь небесном конкурсе оспаривать первое место: а и меня кипятили во смолушке горячей, и меня жарили на сковородочке, да и не мне ль вогнали под ногти да дюжину булабочек, да не меня ль подтянули на дыбушку, не меня ль клеймили клеймами железными?! А и спросит тут небесный отец: а и кто ты будешь, раб наш, добрый молодец, какого рода, какого племени? И ответит добрый молодец: а и роду мы расейские, а и племени рабоче-крестьянские, а по промыслу да по отхожему – писатели! И простятся тут все грехи наши, все прегрешения, да и вольные и невольные...

Думаю, впрочем, что казнить меня будут нешибко, потому, что величали меня невысоко, и падение будет не бог весть сколь сокрушительное. Но уж побранят со вкусом и расстановочкой!

Вся «вышеизложенная» апелляция касается больше не меня, а моих друзей, я же всё это лишь только предчувствую.

Опасений за литературную неудачу, говорю я, у меня нет, хотя это только внешне. До сего дня не могу понять я формулы об «установившемся писателе». Кажется, придумана эта формула людьми религиозными, любящими спокойствие, подобно тому, как отцами церкви решены все вопросы душеспасения и основ. И вот не могу я «установиться» и в каждой новой работе своей «мятуться», так что дни мои исполнены сомнений, и так я живу. Может быть, это слегка и глуповато, но верно вы сказали о моей «одержимости»...

В романе будут у меня такие люди: «иногородние» уральцы, т<о> е<сть> купцы Нижне-Уральска, казаки с фарфосов (форпостов), немного волжан, много столичной интеллигенции – питерцев, иностранных людей немного; зверств тоже немного, смертей среднее количество, ужасов – в меру. Время наше, т<о> е<сть> и предвоенные годы, и теперешний Ленинград, и даже гражданская война, но тоже в умеренной дозе (будет бой сынов с отцами на реке Чагане). Вообще хочется сказать о времени такое, что оно вовсе не нарублено кусочками, как капуста, а целостно, и что так называемая современность деликатно заготовлена нам нашими многоуважаемыми родителями. Трудность тут в композиции, чёрт её знает, как свернуть в трубку конец прошлого века с пятым и двадцать пятым годами! Надеюсь, что сравнительная независимость, которой я ныне добился, поможет мне справиться с работой. А впрочем – как знать?

Заграничные мечтания мои, как видите, и в этом году не осуществились. Вместо всяческих Европ смотрел я снова и снова обычаи и норы нашей родительницы, проникаясь к ней ненавистнейшей ненавистью и другими чувствами, которых в письмо не вместишь. Проплыл на лодке много сотен вёрст, по Угре и Оке, в губерниях Смоленской, Калужской, Тульской, Московской. Был на Волге. В Нижнем, на ярмарке, думал о той поре, когда там «лечился» ваш Артамонов. Думал так: попади Артамонов вот теперь, на *эту* ярмарку (я бывал в Нижнем в 1904, 1908, 1912 гг.), сразу бы старик исцелился! Знаете, как дети говорят: это что – дяденька, или нарочно?.. Был в Черемшане, под Хвалынском, у староверов, в скитах. Замечательный народ! Испытав необычайные «утеснения» (из всех скитов остался один, наибольший, где старцы живут вместе со старицами, с беглыми купцами, а схимники, заготовившие себе гробы, – рядом с молоденькими послушницами), староверы наипаче всего помнят обиду исконную, от «ваших попов», рядом с которыми какой-нибудь коммунистический Мельников-Печерский – ангел во плоти! Отец Серафим – существо без-

злбно, хотя шумливое, как все «австрийцы», – разоткровенничавшись со мною, вдруг улыбнулся ненавистно, почти демонически, и прошипел: «Ну, да теперь им тоже попало, получше, как нам» (это – «вашим попам»). Крепкий народ, стоящий!.. В самом Хвалынске, при зоологическом музее, принадлежавшем правнуку Радищева, основан богатейший музей икон, изъятых из скитов. Заведует музеем корреспондент академии, немец, ботаник Варшавского университета Гросс. «Страшен вид этого человека!» Эвакуированный в войну из Варшавы, он застрял на Волге, пережил голод, но остался нерушим и твёрд. По виду похож на святого римской церкви: худ до ужаса, брит гладко, обезображен базедовой болезнью, высок необычайно. За всю революцию музей не получал *ни одной копейки*, заведующий же состоит на окладе в 18 рублей и *часть этого оклада* уделяет на нужды музея. Так вот этот Гросс – тайная привязанность всего скитческого люда, ибо он, Гросс, хотя и «не наш», больше того – как бы агент нечистого, представленный к благочестию, – но всё же бережёт от гнуса поповского святыню. Покропят потом (когда-то?) музейные иконы святою водицей и спрячут подальше. А пока пусть – лучше уж у немца, состоящего на жалованье в совете, чем ещё где!..

Был я, конечно, и в «настоящих» волжских городах – в Самаре, Саратове. Всё так же на тротуарах взвозов режется «помидора», так же отсыпаются на земле полуголые «галахи», такая смертная безотрадность, такая пьяная тоска!

И вот, два месяца побродив по Руси, опять я дома, в евразийском своём кабинете. Ничего не привёз я нового, всё то же! Какие-то свечки горят по земле меркло, от свечки до свечки сотня верст, «тлеют по господу богу», а кругом великая скука, великое «зачем?» Эх, если бы вы, дорогой Алексей Максимович, опять всё это увидели!

Простите, что пишу вам ни о чём и обо всём. Но, как всегда, пишу вам с радостью.

Как ваше здоровье? Ходит слух, что вы чувствуете себя хуже, верно ли это? Работаете ли над большим романом, о

котором тут писалось?⁽³⁾ Есть ли новые издания, после «Артамоновых», не пришлёте ли?

От всей души желаю вам здоровья, жму руку.

Любящий вас *Конст. Федин*

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 510-513.

⁽¹⁾ Упоминается сборник «Наровчатская хроника».

⁽²⁾ Имеется в виду роман «Братья».

⁽³⁾ Роман «Жизнь Клим Самгина».

242. В. В. Иванов – М. Л. Слонимскому

Начало ноября 1926. Москва.

Дорогой Михаил, – о романе я думаю так: Воронский предлагает мне его печатать в «Кр<асной> нови», но дать в № может не более 2 печ<атных> листов. Если, допустим, я роман для «Кр<асной> нови» сокращу до 12 п<ечатных> листов, то и тогда печатание его растянется на полгода считая с января. Роман отдельным издание<м> тогда можно лишь выпустить к осени, что мне никак не выгодно, ибо к осени я думаю написать второй роман, буде, конечно, этот удастся. Поэтому, возможно, я напечатаю отрывки или, что вернее всего, если роман будет хорош, – **совершенно** ни строки не напечатаю, – но тогда мы с тобой слегка поговорим об оплате. Одним словом, я предполагаю сготовить добрую половину роман<а> через месяц и весь к Рождеству.⁽¹⁾ К этому времени всё выяснится.

Книжку рассказов – «Дыхание пустыни» – я пошлю в понедельник. Не могу сегодня, потому что, во-первых, нет одного рассказа – он будет напечатан в «Ниве» завтра,⁽²⁾ а раньше я его не могу у них взять, т<ак> к<ак> с «Нивой» поссорился; во-вторых – дописываю крошечный ¼ листа бухарский рассказик, без коего книжка как-то мне кажется пустой.⁽³⁾

Теперь о романе Большакова. Онный роман читали я и Пильный и одобрили. Не знаю, как Вы, но единственный недостаток романа – это то, что говорится в нем о 19 годе, что зело приелось.⁽⁴⁾

Привет.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 606.

⁽¹⁾ Возможно, речь идет о романе «Казачи».

⁽²⁾ Имеется в виду рассказ «Зверье», опубликованный в журнале «Красная нива» под названием «Станция Ояш».

⁽³⁾ Рассказ «Шестнадцатое наслаждение эмира».

⁽⁴⁾ По-видимому, обсуждаемый роман К. А. Большакова – это роман «Сгоночь», первая часть которого была опубликована еще в 1924 году. Полностью роман был издан в 1927 году.

243. А. М. Горький – К. А. Федину

13 ноября 1926, Сорренто.

Дорогой мой друг – замечательно интересное письмо прислали вы. И написано оно – прекрасно. Гневно-тоскливый тон его тоже как нельзя более оправдан. Для меня в этом письме вы встаёте прежде всего как художник, очень серьёзный, талантливый и зоркий. А как сегодняшний русский человек – вызываете такие размышления: жизнь – алогична, и нет и едва ли может быть такая идеология, которая могла бы удовлетворительно объяснить все алогизмы. Они – мучительны, да! Но ведь именно они главный и ценнейший материал художника. Когда предо мною некто очень мудрый трясёт решето идеологии – всё равно какой – я не всегда ясно понимаю, что для меня питательнее: мука или отруби? Чаще мне кажется, что именно – отруби. Консерватор Хвалынского музея, Сваакер «Трансваала», Игнатий «Наровчатской хроники» – отруби, не так ли? Но ведь:

На них-то всю историю
Построила судьба! –

как писал Добролюбов по поводу спора Погодина с Костомаровым о происхождении Руси.⁽¹⁾

Процесс осваивания художником действительности – тяжёлый процесс. Жизнь, оплодотворяя его опытом – не церемонится, не щадит его души, но ведь только это её безжалостное своекорыстие и насыщает художника волей к творчеству. Это говорится мною не ради утешения, а беседы ради, хотя, признаюсь, что я несколько встревожен, вам, видимо, очень нелегко.

И «Трансвааль» и «Мужиков» я читал, конечно. Сваа-кер показался мне сделанным несколько суховато, вы недостаточно подчеркнули смешное в нём, это его смягчило бы. А «Мужиков» прочитал тотчас же после романа Клычкова «Чертухинский балакирь». Знаменательно ваше разноречие с Клычковым, и, конечно, это разноречие – надолго. Как спаять сталь с медью? Город и деревня всё более озорно дразнят друг друга.

Пишу – торопясь, ждут американцы, а ответить вам хочется сейчас же.

Очень рекомендую вам изданную «Временем» книжку Стефана Цвейг<a> «Смятение чувств» – замечательная вещь! Прочитайте. Этот писатель растёт богатырски и способен дать великолепнейшие вещи.

Где Груздев? Я писал ему об одном предложении немцев, – он не ответил мне, что неважно, но – ответил ли он им?⁽²⁾

Если встречаете Каверина – попросите его прислать мне «Конец хазы» и «Щиты и свечи» – это нужно для одного «поклонника его таланта».

Крепко жму руку.

А. Пешков

13-ХІ-26.

Кем-то издан мой рассказ «О тараканах» – не могу ли я получить его? Интересно.⁽³⁾

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 513-514.

(1) Неточная цитата из стихотворения Н. А. Добролюбова «Два порога».

(2) Немецкое издательство «Malik Verlag» изъявило желание издать биографию А. М. Горького. В качестве наиболее подходящего сочинения А. М. Горький рекомендовал книгу, над которой работал И. А. Груздев.

(3) Альманах «Ковш», где напечатан рассказ, своевременно автору выслан не был.

244. И. А. Груздев – А. М. Горькому

Не раньше 21 ноября 1926, Ленинград.

Дорогой Алексей Максимович,

я замедлил ответом, потому что с головой ушёл в работу над статьёй «Техника газетного фельетона». Теперь освобождаюсь и возвращаюсь к работе над книгой.⁽¹⁾ Отвлекаться в сторону больше нельзя, теперь «промедление времени смерти подобно». Когда у меня ослабевает энергия, я всегда вспоминаю Вас как недосыгаемый для меня образец работоспособности и думаю о том, как сурово бы Вы меня одёрнули. Это меня строжит. К тому же – немцы. Они люди точные и требуют указания срока присылки. Заключение предварительного договора у них, по-видимому, не в обычае. «Приключения»⁽²⁾ я им послал, окончательного ответа они ещё не дали. За биографию предлагают 10% с номинала, включая сюда оплату переводчику. Выслал ли Каверин свои книги Вам? Он должен был это сделать. Посылаю Вам «Артамоновых», 2 т. Салтыкова, Ис. Гольдберга,⁽³⁾ Соколова-Микитова,⁽⁴⁾ Слонимского «Лавровы». Что Вы скажете о Слонимском? Не нужно ли еще «Артамоновых»? Внешность мы старались придать им лучше. Но техники наши до сих пор ещё не научились хорошо работать – узкий обрез. Приемлема ли для Вас обложка Кустодиева?⁽⁵⁾ 2-го издания отпечатано 10 000, кроме того 5 000 – XIX томом собрания сочинений. Ставил вопрос о переизда-

нии Собрания и об отдельных изданиях «Челкаша», «Коновалова», «Матери», «Фомы Гордеева» – на них спрос больше всего.

В каких книгах Вы нуждаетесь? Бюллетень прилагаю.

Материально Зощенко более или менее обеспечен (относительно, конечно). Его маленькие книжки расходятся в сотнях тысячах экземпляров, но покупают его издатели за гроши. Между прочим, в этой популярности есть что-то трагичное для него. Читатель зачитывается, хохочет... «Конечно, не то, что Аверченко,⁽⁶⁾ ну, всё-таки»... А Зощенко, прикованный к мелко-журнальной работе, готовит регулярно в неделю – рассказ. Обязан. Жутко наблюдать, как многоголовый почитатель съедает его талант. Сам же Зощенко не всегда взыскателен к себе в должной мере, а нервность и большое самолюбие делают его часто недоступным для дружеской критики. Я с тревогой смотрю за всем этим. Дошло до того, что когда я в Госиздате поставил вопрос о собрании рассказов его, то вызвал сомнения: «прилично» ли Госиздату этим заниматься? Глупо, конечно. Дураки. И – обидно за одного из лучших наших писателей.

Сейчас мы печатаем сборник его больших вещей – лучшее, что он написал. На деньги с этой книги он, кажется, хочет поехать за границу.

Федин как-то сильно сдал, словно неожиданно надвинулась на него старость. А тяжкое настроение его, вероятно, от неумения устроить жизнь свою. Как Вы думаете, сильный ли он человек? Да, Алексей Максимович, много, очень много произошло перемен с тех пор, как Вы уехали. Может быть, кое-кого Вы бы и не узнали.

Говорят, что душевно очень неустроен и Всеволод Иванов. Будто бы сжёг свои рукописи и т. д. Я знал, что настроен он был плохо, но в эти рассказы верю мало. Всеволод не Федин и не Зощенко, неврастением его не возьмёшь. Но правда, что в Москве он засиделся. Хорошо, если бы Вы убедили его проехаться «по Европам». А писатель он отличный. Его небольшие рассказы мне всё больше и больше нравятся.

Слышал я, будто Вы продали какому-то издательству I т. нового романа.⁽⁷⁾ Правда ли это? Госиздату будет тогда большая обида. А печатаете его в «Красной нови»? Об этом мечтала «Молодая гвардия», не знаю только, писали ли они Вам. Между прочим, отличный журнал по кругу своих читателей – всё больше молодёжь – и хорошая молодёжь, отзывчивая. Я с ними завязал сношения по следующему поводу. Дошло до меня, что в Москве Пиксанов,⁽⁸⁾ Бродский⁽⁹⁾ и ещё кто-то из этой же компании затевают к юбилею Горького большой «коллективный» труд <...> Вот из этих соображений я договорился с «Молодой гвардией» – пропустить там первые главы своей книги о Горьком,⁽¹⁰⁾ чтобы сделать «заявку», иначе мне трудно отсюда бороться с московскими связями и влияниями.

А к Вам большая просьба, Алексей Максимович: в начале января я еду в Москву для работы в архивах; не снабдите ли Вы меня Вашими записками в «Библиотеку им. Ленина» (б. Румянцевский музей) и в дирекцию Института В. И. Ленина с просьбой предоставить мне работать над перепиской и документами, имеющими отношение к Вам. Прошлогодня записка Ваша мне очень помогала.

А «Мудрой редьки»⁽¹¹⁾ нет и нет! Ни в «Волгаре», ни в «Волжском вестнике». «Горемыка Павел»⁽¹²⁾ по манере письма очень и очень заинтересовал меня. Как было его настоящее заглавие? А. А. Дробыш-Дробышевский, вероятно, был секретарем, а не редактором. Газету подписывал Сергей Жуков. Я предполагал, что «Емельян Пиляй» был послан в «Русские ведомости» не Вами, и подтверждение этого мне было очень интересно. И вообще появление этого рассказа меня очень заинтересовало. У меня такие сведения: в сентябре 1892 г. Вы напечатали «Макара»,⁽¹³⁾ с октября 1892 г. по август 1893 г. (10 месяцев!) ничего не появляется, пишете ли Вы это время или нет – совершенно не ясно, и вдруг 5 августа в «Рус<ских> вед<омостях>» такой удачный рассказ, как «Емельян». Только после этого Вы начинаете сотрудничать в местной прессе. Второй неясный вопрос для меня – появление «Челкаша». По моим

данным Вы написали его весной или летом 1894 г. (до «Горемыки» или после?), а появился он только в июле 1895 г. в «Русском богатстве». При этом Михайловский добивался каких-то переделок и Короленко посылал ему «Челкаша» два или три раза. Если так, то чего хотела редакция? Авдотья Семеновна⁽¹⁴⁾ обещала мне переслать копии писем Влад<имира> Галакт<ионовича> к Вам. Говорит, что целый ряд писем его хранится в Берлинском сейфе. Это сейчас недоступно?

Не припомните ли хоть что-нибудь относительно того, где могла быть описана Ваша встреча с Андреевым-Бурлаком. Мне бы хоть за что-нибудь «зацепиться», а там я уж найду.

Ещё просьба: статейка Эмина относится к «Добринке» или «Крутой»?⁽¹⁵⁾

Если я Вас утомил своим письмом – простите. Я давно Вам не писал и, несмотря на размер письма, не высказал и половины всего, что хотел написать.

Крепко желаю Вам доброго здоровья.

Преданный Вам

Илья Груздев

Р. S. В ленинградских библиотеках и архивах сейчас говорят о том, что Ваш архив должен быть передан из Публ<ичной> библи<отеки> в Пушкинский Дом.⁽¹⁶⁾ Среди работников П<убличной> б<иблиотеки> это производит удручающее впечатление. П<убличная> б<иблиотека> приняла Ваш архив как «в дар», а не «на хранение», так они говорят, и случая такой передачи ещё в её жизни не было. Спрашивают меня, почему возникли такие разговоры, а я не знаю. Люди они хорошие и горесть их самая искренняя.

И. Г.

Р. P. S. Немцы – немцами, но тот факт, что Вы рекомендовали им «Приключения», очень меня обрадовал сам по себе. Значит, я прощён!

И. Г.

Имеется ли где-нибудь пьеса «Работяга Словотёков»?⁽¹⁷⁾ Как бы её нужно было! Здесь мы с С. Д. Балухатым не разыскали.

Эмина, пожалуйста, верните. Это из архива Боцяновского.

■ Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 93-96.

⁽¹⁾ Скорее всего, речь идет о книге И. А. Груздева «Das Leben Gorkis», которая увидела свет в виде дополнительного тома к собранию сочинений А. М. Горького, выходящему на немецком языке.

⁽²⁾ И. А. Груздев говорит о своей книге «Жизнь и приключения М. Горького».

⁽³⁾ Имеется в виду книга И. Г. Гольдберга «Путь, не отмеченный на карте».

⁽⁴⁾ Речь идет о книге «Голь перекатная. Веселые народные сказки».

⁽⁵⁾ Б. М. Кустодиев.

⁽⁶⁾ М. М. Зощенко необычайно обижался, когда его сравнивали со знаменитым дореволюционным писателем А. Т. Аверченко.

⁽⁷⁾ Роман «Жизнь Клима Самгина».

⁽⁸⁾ Н. К. Пиксанов.

⁽⁹⁾ Н. Л. Бродский.

⁽¹⁰⁾ Публикация, увидевшая свет в 1927 г., называлась «Молодой Горький (по неизданным материалам)».

⁽¹¹⁾ Рассказ А. М. Горького «О мудрой редьке».

⁽¹²⁾ Повесть А. М. Горького.

⁽¹³⁾ Рассказ «Макар Чудра».

⁽¹⁴⁾ Жена В. Г. Короленко.

⁽¹⁵⁾ Упоминается статья «К биографии Максима Горького» («Приазовский край», 1902, № 5, 6 января).

⁽¹⁶⁾ В письме от 21 ноября 1926 г. А. М. Горький просил Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина передать хранящиеся там архивные материалы в Пушкинский дом, где хранилась основная часть его архива.

⁽¹⁷⁾ Произведение А. М. Горького.

245. А. М. Горький – В. В. Иванову

13 декабря 1926, Сорренто.

Сейчас прочитал в «Нов<ом> мире» рассказ «На покой». Разрешите поздравить: отлично стали Вы писать, су-

дарь мой! Это не значит, что раньше Вы писали плохо, несомненно, что писали Вы хуже. Я не помню, чтоб кто-либо из литераторов моего поколения сделал такой шаг к настоящему мастерству, как это удалось сделать Вам от «Голубых песков»⁽¹⁾ к Вашим последним рассказам. Сейчас Вы *изображаете* так, как это делал Ив<ан> Бунин в годы лучших достижений своих – 905-12, когда им были написаны такие вещи, как «Захар Воробьёв», «Господин из Сан-Франциско» и прочее. Но мне кажется, что *в пластике* письма Вы шагнули дальше Бунина, да и язык у Вас красочнее его, не говоря о том, что у Вас совершенно отсутствует бунинский холодок и нет намерения щегольнуть холодком этим.

Очень крепко, очень выпукло и всё по-хорошему чело-вечно, без жалких слов. В таком вот тоне, с таким мастерством Вам надобно написать какую-то большую – по объёму – вещь – роман, повесть.

Очень я рад за Вас, честное слово! Какое это изумительное явление – русская литература и какой большой человек русский литератор.

Крепко жму руку, дорогой друг.

А. Пешков

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 34-35.

⁽¹⁾ Роман «Голубые пески» написан в 1922 году.

246. В. В. Иванов – К. А. Федину

16 декабря 1926, Москва.

Милый Костя! 1) Сообщение – между нами секрет – Первый МХАТ просит твоего разрешения на переделку в пьесу «Города и годы». Переделку ты утвердишь сам и вообще сговоришься, вопрос в принципиальной согласии. Будут играть: Дикий, Волков, Пыжова – и другие – ядро, так сказать, реалистическое в сим театре. Ответь поскорей,

мне – и ни гугу, ибо они боятся, что сия идея может быть перехваченной. Прошу тебя очень.

Я грустный. На днях в припадке меланхолическом сжёг все свои рукописи, в том числе и новый роман.⁽¹⁾ Писать теперь дико не хочется, денег нет и по утрам такая усталость – словно мне тысяча лет.

Найди и прочти книгу «В дебрях Уссурийского края» Арсеньева, издана во Владивостоке издательством «Книжное дело». Прочтёшь и поблаговаришь меня.

Возможно, приеду на новый год, если не сберусь в санаторий. Да хрен редьки не слаще.

Целую.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 597.

⁽¹⁾ Роман «Казачьи».

247. В. В. Иванов – А. М. Горькому

22 января 1927, Москва.

Дорогой Алексей Максимович. Разрешите переслать Вам моё письмо в Редакцию, которое «Известия» отказались напечатать. Отказ этот меня очень огорчил.

Эти строки я пишу Вам не для оправдания, а для того, чтоб Вы могли выяснить обстоятельства, при которых чёрт сунул меня согласиться с моими «друзьями» и дать напечатать Ваше письмо.⁽¹⁾ Личные дела мои находились в отвратительном состоянии, меня мотали всякие отчаяния. За неделю, приблизительно, до Вашего письма я уничтожил свои рукописи, в том числе роман «Казачьи», листов так пятнадцать, – и вообще размышления были такого сорта: сегодня или завтра застрелиться. Я пишу теперь об этом спокойно, потому что всё это сгнуло.

Я саморекламой никогда не занимался. Внутренняя моя насыщенность такова, что я даже не имею друзей. Ваше

суждение обо мне важно мне потому, что я знаю, что большей половиной своего существования я обязан Вам – и даже литературными ошибками своими я обязан Вам, ибо никто как Вы познакомили меня со Шкловским, под влиянием которого я находился года два и который, бессознательно конечно, заставил написать меня листов тридцать очень плохой прозы.

Посылаю Вам последнюю свою книжку «Тайное тайных». Издана она отвратительно – на обложке какие-то раздавленные клопы.

Всего Вам доброго.

Всеволод Иванов

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 35-36.

⁽¹⁾ М. О. Ольшевец в статье «Писатель в одиночестве. Почему?», опубликованной газетой «Известия» 1 января 1927 года, цитирует письмо А. М. Горького от 13 декабря 1926 года, где тот высоко оценивает рассказ В. В. Иванова «На покой».

248. А. М. Горький – В. В. Иванову

30 января 1927, Сорренто.

Дорогой Всеволод Иванов, – я был бы огорчён, если б Ваше письмо напечатали, и, право же, искренно рад, что «Известия» отказались напечатать его.⁽¹⁾ Очень вероятно, что я не послал бы в Москву моего письма, если б получил на два или три дня раньше письмо Груздева, в котором он, между прочим, сообщил мне, что Вы в тяжёлом настроении, уничтожаете рукописи и т. д. Но я был рассержен, ибо на протяжении нескольких дней мне пришлось увидеть в печати моё письмо Гладкову, – сократившему критическую часть письма, – письмо к Войтоловскому, опубликованное Демьяном Бедным, и ещё две вырезки из каких-то моих писем, напечатанных в газетах мне неизвестных, видимо, провинциальных. Обе

вырезки бесцеремонно искажали мои слова. Вот я и ос-
вирепел.

Я люблю литературу больше всего в жизни, люблю и уважаю людей, создающих её. Это категорически запрещает мне выступать в качестве «учителя», «руководителя» и т. д. – чувствований, мнений и намерений художников слова. Я могу разрешить себе обратиться с моими мнениями ко всем, безлично, в форме статьи и вообще, – «вслух». Но письмо, адресованное определённой и уже хорошо определёвшейся личности – это дело интимное, это только «между двумя».

Мне очень жаль, что вы «случайно» «попали под руку» и это заставило Вас пережить неприятный день. Я очень высоко ценю Вас, очень хорошо чувствую Вашу «внутреннюю насыщенность», как Вы говорите, знаю, что Вы большой русский писатель, и уверен, что скоро Вы найдёте себя. Шаг, сделанный Вами от «Голубых песков» – повторю – очень крупный шаг. Сергееву-Ценскому потребовалось почти 20 лет для того, чтоб уйти от себя и написать «Валю» («Преображение»). Вы превосходно поссорились с самим собою через два-три года. Это замечательно. Дорогой друг, нужно, чтоб Вы забыли этот случай, неприятный для меня так же, как для Вас.

Мне тяжело было прочитать Ваши слова о «чванстве, саморекламе», о том, что Вы достойны всяческого «поричания». Всё это не следовало писать, потому что этого *не было*. Просто – не было.

Всего доброго. Будьте здоровы. Книжку ещё не получил. Прочитав её – напишу Вам, если хотите.

Жму руку.

А. Пешков

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 36-37.

⁽¹⁾ См. примечания к письму 247.

249. К. А. Федин – А. М. Горькому

4 марта 1927, Ленинград.

Ленинград. Литейный, 33, 13.

4.И.1927.

Дорогой Алексей Максимович,

позвольте прежде всего сказать о том деле, по поводу которого я тороплюсь написать вам. Группе здешних писателей, после долгих стараний, удалось получить разрешение на создание в Ленинграде товарищеского (кооперативного) «Издательства писателей».⁽¹⁾ Инициаторами дела были Семёнов, Груздев, Слонимский, я и др. Очень помогли нам М. А. Сергеев (сейчас он заведует «Прибором»), который много внимания уделяет новой русской прозе), Ф. Э. Кример,⁽²⁾ которых мы привлекаем к участию в работе. О намерениях наших организовать такое изд<атель>ство вы – помнится – знали хорошо, и мои товарищи писали вам об общей нашей надежде, что вы не откажетесь поддержать дело своим участием в нём. Позвольте мне ещё раз просить вас, дорогой Алексей Максимович, о вступлении в будущее «Книгоиздательство писателей в Ленинграде». Желательнее всего для нас и ценнее всего для изд<атель>ства было бы ваше согласие войти в редакцию и возглавить её. Прошу вас об этом убедительно: одно вхождение ваше в редакционный совет принесло бы великую пользу и решило бы всё дело наилучшим образом. В зависимости от участия вашего находится самое формирование редакции, и было бы хорошо, если вы, согласившись войти в изд<атель>ство, сообщили бы мне своё мнение о составе ред<акционного> совета, желательном и полезном для успеха работы. Другая наиважнейшая часть дела заключается в просьбе к вам дать что-нибудь для издания в этом писательском издательстве. Тут я не решаюсь говорить пространно, потому что только вы один в состоянии решить вопрос наилучшим для вас и для издательства образом. Но сугубо прошу не отказать!

Хлопоты о разрешении начаты были в сентябре прошлого года. К концу февраля разрешение оформлено. За это время многое изменилось, особенно по части рукописей, которые могли бы нас заинтересовать: писатели – народ нетерпеливый и голодный, ждать нельзя, и всё распродано старым изд<атель>ствам. Таким образом дело приобретения рукописей и накопления т<ак> н<азываемого> «портфеля» – это дело сейчас становится трудным. Люди же практические, знающие книжный рынок, не только не боятся приближения летнего «мёртвого» сезона, но всячески стремятся употребить его для издательской работы, говоря, что русская беллетристика «идёт» теперь лучше другой литературы и не знает никакого «мёртвого» сезона. (Пример – изд<ательство> «Прибой», на складах которого по беллетристике 1,5% остатков, или, как говорят книжники, «затоваривания».) Как видите, трудность дела обнаруживается с неожиданной стороны: раньше рукописей некуда было девать, а нынче их негде стало взять. И основная работа будущей редакции нашей будет состоять *в борьбе за рукопись*, т<ак> к<ак> её – рукопись-то – придётся почти что отбивать у конкурирующих издательств, кинувшихся за беллетристической ввиду её «рентабельности»! Что до денежных средств книгоиздательства, то их у него нет. И тем не менее: 1) мы не будем искать ни ссуд, ни субсидий; 2) мы не будем нуждаться в деньгах. Вот схема отношений, которые должны помочь нам осуществить эти два сакраментальных пункта. Наше изд<атель>ство заключает с «Прибоем» договор, по которому «Прибой» даёт изд<атель>ству аванс под тираж такой-то книги. Изд<атель>ство оплачивает из этого аванса приобретённую рукопись и сдаёт выпущенную на средства «Прибоя» книгу на склад «Прибоя», который распространяет её по соглашению с издательством. Часть тиража, таким образом, гарантирует «Прибою» получение выданного изд<атель>ству аванса и затраченных на выпуск книги денег, а другая часть тиража приносит известный доход издательству, который идёт на усиление его средств. При таких условиях через какой-то промежуток

времени мы накапливаем оборотные средства и можем работать вполне независимо. Чем заинтересован «Прибой»? Тем, что его типография получает «нагрузку», т<ак> к<ак> наше издательство увеличивает число выпускаемых «Прибоем» листов, и тем, что он увеличивает свои оборотные средства. При нынешних условиях это – такая выгода, что «Прибой» идёт на наше предложение (на первый взгляд – бездоходное) с большой охотой. (Не могу не рассказать, à propos, про словечко, придуманное совсем недавно нашими издателями: «листаж». Слышали вы что-нибудь подобное? Это означает «количество листов, выпускаемых изд<атель>ством». Говорят: «а у них какой листаж?», «мы увеличили листаж в два раза». Тут издателям не дают спать лавры кинорежиссёров, давно уже употребляющих такое слово: «типаж», – «у него типаж неврастеника...»).

Хорошо было бы начать работу изд<атель>ства весною, чтобы к сезону выпустить сразу несколько книг. Но добрые люди торопят, говорят – надо выпускать скорее, теперь же, весной. Думаю, что лучше не спешить. Если нам удастся выбрать наилучшее из того, что в ближайшем будущем окажется у писателей, – мы обеспечим успех писательского дела. Но оно легко и конфузно может прогореть, если мы поведём его, сообразуясь только с «листажем»...

Весьма вероятно, что в Ленинграде удастся организовать журнал.⁽³⁾ Об этом часто говорит Сергеев (он хотел вам написать на этих днях), припоминая, что полученное когда-то разрешение издавать журнал (под редакцией вашей, Ольденбурга, Вяч. Иванова и др.) пропало всеу.⁽⁴⁾ Многие надеются на возможный ваш приезд в Россию на будущий год, ко дню шестидесятилетия вашего, и рассчитывают, что такой приезд ваш мог бы оказать большую услугу и радость литературе. Может быть, и правда соберётесь? Очень, очень было бы хорошо. Разрешите, к слову, поздравить вас с приближающимся днём рождения и пожелать вам всего хорошего. Я часто вспоминаю своё восторженное и глупое письмо, какое послал вам семь лет назад

вскоре после знакомства с вами. Письмо было совсем гимназическое (хотя я был очень взрослым человеком), я был болен тогда и жил очень трудно, но мне очень легко и хорошо было писать вам – просто так, по-глупому, – и поздравлять вас с днём рожденья. За письмо это, если бы показать его стороннему человеку, мне было бы сейчас очень неловко. Но когда я думаю о вас, я и сейчас чувствую всё то же, и вот эти мои слова, которые я пишу, – такие же наивно-неуклюжие и смешные слова. Но перед вами мне даже не стыдно, и я с непонятной радостью говорю вам это.

Не писал я вам с осени. За эти месяцы я успел очуметь от работы и безалаберной, путаной российской жизни: так, наверно, и умрёшь где-нибудь на полпути, на полуслове, всё будет некогда, недосуг. Тржусь над романом.⁽⁵⁾ Он пойдёт в третьей книге «Звезды» (плохой журнал, единственный, впрочем, в Питере), которая выйдет скоро. Самое страшное: начинаю печатать его, не дописав, и работы ещё очень много. Так вышло, к несчастью. От города бегу, заточаюсь, да будет он треклят... пока я не кончил писать!

У вас, наверно, давно не стало веры в меня, а я опять и опять пишу вам, что осенью хочу поехать на Запад, между прочим – на юг, в Италию. За деньгами и прочим, как будто, дело не станет: продал Собрание – четыре книги.⁽⁶⁾ Продал «Прибою», а нужно было бы нашему изд<атель>ству, и «Прибой» переуступил бы, вероятно, если бы не Госиздат, с которым я поссорился.

Если мои книги выйдут под маркой «Книгоизд<атель>ства писателей», Гос<ударственное> изд<ательство> не спустит это ему и мне, ибо считает меня своим крепостным. А хорошо бы, лучше бы печататься в своём изд<атель>стве!

Жду вашего ответа, дорогой Алексей Максимович, и – всё раз – всего хорошего!

Любящий вас

К. Федин

Привет вам от жены.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 515-518.

(1) «Издательство писателей в Ленинграде» воспринималось современниками, как чисто «серапионовское».

(2) Правильно – Ф. Э. Криммер.

(3) Журнал «Минувшие дни» организовать не удалось, вместо него вышло несколько книг альманаха под тем же названием.

(4) Планировалось издание журнала «Собеседник».

(5) Имеется в виду роман «Братья».

(6) Первое собрание сочинений К. А. Федина вышло в 1927-1928 гг.

250. А. М. Горький – К. А. Федину

16 марта 1927, Сорренто.

Дорогой мой Федин –

согласитесь, что быть редактором номинально – я не могу, а фактически редактировать – как же это возможно? Затем: примите во внимание мою загруженность работой и корреспонденцией. Вот это письмо вам – сегодня одиннадцатое. И, наконец, вот что: если б я был в Петербурге, то и тогда отказался бы от редакторского чина, ибо не чувствую себя способным на это дело, особенно трудное и глубоко серьёзное в наши дни.

Не могу я и дать вашему издательству какую-либо свою книгу, ибо – связан договором с Госиздатом. Да и нет ещё у меня никакой книги.

Почему бы вам не привлечь Сергеева-Ценского, если не в качестве редактора, то участником издательства, сотрудником? И – Пришвина? Это писатели более талантливые, чем я, и люди более тонкого литературного вкуса, – они оба умеют брать литератора чисто, как такового, а мне за рукописью всегда виден человек, и это мешает правильной оценке его работы. Пришвин особенно мощно растёт как художник, его искусство уже почти волшебство. То же можно сказать и о Ценском.

Вы, Федин, знаете, что я не ленив, работы не бегу, но мне так сейчас много нужно свободного времени, что, пра-

во же, я отказываюсь от предложения вашего на основании солидных для меня. И – повторяю – отказался бы, даже будучи в Петербурге.

Не сердитесь на меня.

Крепко жму руку. С нетерпением жду вашего романа.⁽¹⁾

А. Пешков

16.III.27.

Какая интересная книга «Республика Шкид».⁽²⁾

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 518-519.

⁽¹⁾ Роман «Братья».

⁽²⁾ В 1927 году вышло первое издание книги «Республика Шкид» Г. Белых и Л. Пантелеева.

251. Б. А. Пильняк – К. А. Федину

16 апреля 1927, Москва.

Константин Александрович, – Костя Федин, – земляк, брат!

Ты, поди, приедешь к нам во вторник, – но всё равно, позволь тебе написать сейчас, потому что очень хочется тебе написать.

Я прочитал начало твоих «Братьев».⁽¹⁾

– ЧУДЕСНО! чудесно, – не нахожу другого слова, – очень, очень, очень хорошо!!!

САМОЕ ЛУЧШЕЕ, ЧТО Я ЧИТАЛ

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ! –

НИКТО ТАК НЕ ПИСАЛ и не пишет!

... вот и всё, что мне сейчас тебе хочется сказать. Приезжай, пожалуйста, мы с тобой красного вина выпьем за твой роман и за то, что Волга вскрылась (пусть она ежегодно вскрывается, – всё же каждую весну я чувствую это, где бы я ни был)...

Это опять про твой роман: очень, очень, очень ХОРОШО.
ЧУДЕСНО!

Твой *Пильняк*

М. 16 апр. 1927.

■ «Литературная учеба», 1990, № 2, с. 80.

⁽¹⁾ Начало романа «Братья» появилось в № 3 журнала «Звезда» за 1927 год.

252. В. В. Иванов – К. А. Федину

17 мая 1927, Москва.

Милый Костя!

Получил твою книгу. Порадовался и позавидовал. Издали превосходнейше. И бумага и печать – обложка – всё отлично.⁽¹⁾ Очень тебя благодарю за память. Когда у меня выйдет подобно изданная книга – ехидно pošлю тебе два экземпляра.

Живу уединённо и тихо. Писателей не вижу. Собрался лететь вокруг света с тремя чудаками, выигравшими своё путешествие по лотерее Авиахима – но оные чудаки возжелали получить стоимость деньгами. Полечу, видимо, в Голицыно, ж.-д. станцию под Москвой, и буду жить на даче.

Написал пьесу «Бронепоезд 14-69»; сия пьеса пойдёт во МХАТ I-м, и Вершинина будет играть В. Качалов. Я сильно доволен своим драматургическим даром.

На Тверском бульваре – против меня – книжный базар. Десятка два-три нелепейших конструктивистских киосков. Смотрю – подходит к одному киоску человек, измождённый, серый. Сухо, а он в галошах и шарфе. Долго-долго шарился в книгах, перебрал все – и затем уныло спрашивает продавца:

– Нет ли у вас книжечки по мозолям!

Эх, ты, великое вечное!..

Целую тебя.

Всеволод

17/V 1927

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 598.

⁽¹⁾ Возможно, речь идет о сборнике «Абхазские рассказы».

253. Б. А. Пильняк – К. А. Федину

23 июня 1927, Москва.

23 июня 1927. Москва

Константинушко, родной, –

третеводнись вечером вернулся с Волги, первый раз в жизни приехав к отцам в Саратов, надумал посмотреть мою родину и – ночевал две недели каждую ночь под новой немецкой крышей, смотрел, как немецкий семнадцатый переплелся с российским двадцатым, был на курганах и у ведьм, и путался в степи миражами... впрочем, я хочу сейчас писать не об этом. Прочитал «Города и годы». Недостатки ты знаешь лучше меня, – мне говорить о достоинствах, в сущности, о единственном в нашей литературе достоинстве – о том, что твой роман – *достойный* роман, о достойных людях, достойно написанный, – такой, который прекрасно читать!.. Но и не об этом также я хотел писать. Правда, Волга и саратовская пыль – не случайны, – ибо я вообще сейчас не имею цели писания, а – первое письмо, вернувшись – пишу тебе, чтобы весть о себе подать, только. Остальное всё хорошо и благополучно.

Руку твою жму крепко, товарищ, брат!

Твой

Борис.

Мне роман твой, «Г. и г.»,⁽¹⁾
очень нравится.

■ «Литературная учеба», 1990, № 2, с. 80-81.

⁽¹⁾ По всей вероятности, несмотря на восторженную оценку, в подобном сокращении присутствует и определенная доля насмешки.

24 августа 1927, Тур.

Дорогой Алексей Максимович,
при отъезде Воронский просил меня написать Вам, что он послал вам два или три письма, на которые вы не ответили. Письма эти объясняют те обстоятельства, при которых он вынужден был покинуть «Красную новь». ⁽¹⁾ Вы бы на них ответили, несомненно...

Я Вам собирался давно написать, но попал за границу – и у меня от всего увиденного и услышанного получилась такая карусель в голове... Сейчас я еду на автомобиле по Франции, уже восьмой день, проезжу ещё недельку и вернусь в Париж.

Мне бы очень хотелось Вас повидать, и если б Вас не затруднила посылка итальянской визы мне и сопровождающему меня Льву Никулину, – я бы с большим удовольствием проехал в Неаполь. Если добыча виз сколько-нибудь сложна – хлопотать не стоит. Я схожу к итальянцам и буду просить у них транзит через Италию на Вену.

В Париже я думаю прожить ещё месяц и в октябре вернуться в Москву. В первых числах ноября в Художественном идёт премьера моей пьесы «Бронепоезд». Это первый сценический мой опыт, и я страшно волнуюсь.

Воронский грустит – и очень похоже, что его и из «Круга» вышибут. У меня такое чувство, что мы в России живём не весело. Или я сам мрачный?

Кланяюсь Вам.

Всеволод Иванов

Адрес мой: Vsevolod Ivanov chez M. Cheftel 58, rue Michel – André. Paris XVI.

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 37-38.

⁽¹⁾ На совещании отдела ЦК ВКП(б), которое состоялось 18 апреля 1927 года, деятельность А. К. Воронского в журнале «Красная новь» была решительно осуждена. Последним номером журнала, подписанным

А. К. Воронским к печати, был № 10 за 1927 год, хотя официально освобожден от работы он лишь в декабре.

255. В. В. Иванов – А. М. Горькому

6 сентября 1927, Париж.

Дорогой Алексей Максимович, получил Ваше письмо и огорчился, ибо в тот же день появилось из Москвы сообщение, что пьесу «Бронепоезд» Главрепертком запретил как недостаточно революционную, что им ещё революционнее может быть – бог их знает, но мне приходится возвращаться в Россию – говорить, переделывать, убеждать... скучная наша жизнь!⁽¹⁾

Думаю, если удастся, приехать к Вам из России, как только справлюсь с театральными своими делами, а насколько они времени растянутся – тоскливо и подумать.

Подробно и, может быть, веселей напишу Вам из Москвы. Привет.

Всеволод Ив.

■ В. В. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 38.

⁽¹⁾ Режиссер спектакля И. Я. Судаков еще до возвращения автора из-за границы дополнил пьесу материалами, взятыми из прозы В. В. Иванова, который впоследствии отредактировал вставки.

256. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому

13 сентября 1927, Париж.

13 сентября

Дорогой Михаил Леонидович, только что вернулся в Париж (из Бретани), застал Ваши телеграмму, письмо и книгу. Ваши заботливость и внимание глубоко меня тронули. Примите это не как слова, а как настоящую признательность не избалованного дружеским участием писателя.

Я очень рад, что всё в «Прибое» кончилось хорошо и что «некто Егоров» сгинул.⁽¹⁾ Рад и за Вас. Я жду теперь от «Прибоя» аванса и текста договора.⁽²⁾

Я пишу Груздеву, чтобы он передал рукопись в «Прибой». Я хотел бы пополнить книгу некоторыми статьями. Вот точный список статей, которые должны в неё войти (порядок соблюден). Напишите мне, каких недостаёт в рукописи, которую вручит Вам Груздев, и я тотчас же вышлю их Вам.

- 1) Вместо предисловия
- 2) Романтизм наших дней
- 3) Машина и искусство
- 4) Заметки о кино
- 5) Новая архитектура
- 6) Мак-Орлан
- 7) Дейтель⁽³⁾
- 8) Ложка дегтя
- 9) Встреча автора с персонажами своего романа
- 10) Грузия
- 11) Письма из кафе (5 статей)
- 12) Пять лет спустя (6 статей)
- 13) Глазами проезжего (8 статей)
- 14) Тоска середины
- 15) Бретань (4 статьи)

Итак, я жду 1) денег, 2) договора, 3) Вашего ответа о недостающих статьях.

«Лавровых» только получил. Спасибо!

Сердечные приветы Вам и Вашей жене от Любви Михайловны, Савичей, меня!

Я как-то перед моим отъездом из Парижа встретился с Мак-Орланом (8), и он просил передать Вам привет и сожаление, что не удалось больше повидаться.

Сердечно Ваш

Илья Эренбург.

■ «Вопросы литературы», 1997, март-апрель, с. 247-248.

⁽¹⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

(2) Имеется в виду договор на книгу «Белый уголь, или Слезы Вертера».

(3) Принятое ныне написание фамилии этого французского прозаика – Дельтей. В сборнике эссе о нем было опубликовано под названием «О шведской гимнастике».

257. А. М. Горький – В. В. Иванову

13 октября 1927, Сорренто.

Дорогой Всеволод.

Очень сожалею о том, что Вы не приехали в Sorrento, так хотелось бы видеть Вас. «Ананий» – отличная вещь.⁽¹⁾ Совершенно необходимо, чтоб Вы забрались куда-нибудь в тихий угол и начали писать большую вещь. Пора. У Вас для этого все данные. Вот, – приехали бы сюда, я Вас хорошо устрою. Денег нет? Можно достать. Чепуха.

Мне кажется, что Вам следовало бы отдохнуть от людей, – даже и от близких, – да подумать о них издали. Это чудесно «омолаживает». Ох, знали бы Вы, какую суматоху в эмиграции вызвало разоблачение «визита» Шульгина в Россию!⁽²⁾ Вчера один парень недурно сказал, что Чемберлен, Пуанкаре и другие «великие» люди, вероятно, не будут ходить по улицам Лондона, Парижа из опасения, что их схватят, увезут в Россию и – высекут на Красной площади.

Забавнейшие штуки творятся на планете нашей.

Крепко жму руку. А о поездке сюда – подумайте! Хорошо бы!

А. Пешков

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 38-39.

(1) Упоминается рассказ «Блаженный Ананий».

(2) В. В. Шульгин тайно посещал СССР в 1925-1926 гг.

28 октября 1927, Москва.

Дорогой Алексей Максимович, – получил Ваше письмо. Очень рад, что «Блаженный Ананий» вам понравился – рассказ мало кому нравится, и те люди, мнением которых я дорожу, говорят, что в нём есть болезненный уклон и даже извращённость. Мне обидно потому, что рассказ этот я люблю больше всех своих работ.

Последнее время всё страдал над «Бронепоездом», говорят, работа удалась, даже старик Станиславский хвалил пьесу. Я только боюсь одного, чтоб это не было настолько патриотично и фальшиво, что через год и смотреть будет невозможно.

Третьего дня вечер был дождливый, слякотный. У меня в ограде словно в бане, в субботний день, грязища и жёлтые листья. Сыро, тепло. Надел я осеннее пальто, – жарко, неудобно, но приятно. И вот чувствуя – и радуясь теплу и неудобству – иду я по Тверской. На углу Камергерского, против здания строящегося телеграфа (с необычайно грязными стёклами – не успели отмыть – и с гигантским и некрасивым гербом, чем-то похожим на восточные ордена), встретил я Воронского. Воронского я не видал давно, месяца полтора. Я наилюбезнейше улыбнулся, снял шляпу, остановился было... Воронский кивнул чрезвычайно небрежно и величественно прошёл мимо. Оказывается, здороваться не хочет.

И всё это потому, что я согласился сотрудничать в «Красной нови» в новом её редакционном составе, и потому, что не объяснил причин моего согласия ему.⁽¹⁾

Работать мне здесь над большой вещью, вы угадали, – трудно, и не потому, что у меня нет помещения или нет денег. Тем и другим – по советским масштабам – я обладаю в избытке. У меня нет спокойствия, нет уверенности в себе и, должно быть, плохо развито чувство честолюбия. Я плохой общественник, я не альтруист, и мало люблю деньги, но работать я люблю, и мне всё кажется, что вот прой-

дёт немного, что-то во мне произойдёт, и я сяду и буду долго и много работать.

Смогу ли я работать за границей? Не знаю. Что я могу хорошо пить и шляться без толку, с радостью по улицам – это я выяснил с точностью необыкновенной. Надо крепко подумать.

Бабель в Италии. Он у вас был? У этого еврея с русской душой – суматоха в голове. Ему не хочется быть экзотичным, а русскому писателю не быть сейчас экзотичным – трудно.

Пятый день идёт дождь то тёплый, то холодный. В моё окно видно развешанное на веревках драное бельё; кирпичный сарай, который превращают в трехэтажный дом – уже пробили окна, вставили рамы: окна почему-то завешены рогожами. <...>

Привет Вам.

Всеволод

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 39-40.

⁽¹⁾ А. К. Воронский был отстранен от руководства журналом, В. В. Иванов, введенный в редколлегию, заведовал в «Красной нови» делом прозы.

259. А. М. Горький – В. В. Иванову

8 ноября 1927, Сорренто.

Очень удивлён Вашими словами: «мучительно тяжело понять и поверить, что русский мужик не христианин, не кроткий богов слуга, а мечтательный бандит». Не ожидал, что Вы можете так думать и что для Вас приемлема литературная идеализация народниками крестьянства. Я этим никогда не болел, хотя меня народники усердно воспитывали именно в этом направлении. Более того, – я вообще органически не понимаю, как можно идеализировать нацию, массу, класс. Я – плохой марксист и слагать ответст-

венность за жизнь с личности на массу, коллектив, партию, группу – не склонен. Кроме того, я знаю, что зерно перца энергичнее пригоршни мака. И мне кажется, что было бы и не искренно, и смешно, если б я думал иначе. Не стану, разумеется, отрицать, что мужик – бандит, хищник, анархист, но думаю, что быть ему таковым уже не долго. Бандит и анархист он потому, что издревле не верит в прочность социального бытия своего, от неверия и «мечтательности». Лично я и не желаю ему такой веры, ибо – не те времена, чтобы веровать. Мир человеческий дожил до эпохи, коя дерзновеннейше колеблет и расшатывает все и всякие веры и уверенности. Даже так называемое «неорганическое вещество» зловеще свидетельствует о своей неустойчивости.

Драматизм чувства, скрытого в словах Ваших, мне как будто понятен. Когда я представляю себе всю тёмную и хаотическую огромность русско-китайско-индусской и всякой другой деревни, а впереди её вижу очень небольшого, хотя и нашедшего Архимедову точку опоры, безумнейшего русского революционера, то, разумеется, такое соотношение сил возбуждает у меня некоторую тревогу *за судьбу революционера*, за Вашу, в том числе. Глубоко верно сказано Вами: «то, что нам нужно выучить и понять – превышает знания, понятия и даже чувства наших отцов». Очень верно. И – намного превышает. («Чувство» у Вас тут – поставлено – не ясно; я понимаю его как расширение и углубление чувства связи с миром, так?)

Выходка Воронского против Вас – рассмешила меня. Будучи «в оппозиции» со времён «Челкаша»,⁽¹⁾ я отношусь к оппозиционерам типа Воронского несколько усмешливо. Очень жаль, что он, будучи весьма талантливым человеком, уже приобрёл все недостатки «влиятельного критика». Рано. Из солидарности с ним, организатором хорошего журнала, я тоже не хотел печататься в «К<расной> н<ови>», но теперь – буду. Ибо – необходимо, чтоб он относился к литераторам сообразно их достоинству. Кроме сего – нельзя вводить личные отношения в большое дело, в литературу.

Живёте Вы, очевидно, не легко. Очень советую: приезжайте в Италию. «Шляться» здесь – приятно и смешно. Отдохнёте, подумаете, посмотрите на себя. Вам пора писать большую вещь.

О Бабеле – ничего не знаю. Буду огорчён, если оный Бабель не побывает у меня, я его очень люблю и ценю высоко.

Только вчера встал на ноги и могу писать, а несколько дней тому назад впервые почувствовал, как близка человеку неприятная штука, именуемая смертью. Налит камфарой, которую впрыскивали мне раз пять: камфарой и ещё какой-то гадостью. Чувствую себя отравленным, голова тяжёлая, мысли – шерстяные.

Ваш ответ на анкету «Фанфары» – озорство, сударь! Но «Фанфару» Вы мне пришлите, пожалуйста.

Крепко жму руку.

А. Пешков

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 40-41.

⁽¹⁾ Рассказ был опубликован в № 6 журнала «Русское богатство» за 1895 год.

260. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому

23 ноября 1927, Париж.

23/ХІ

Дорогой Михаил Леонидович, получил Вашу открытку. Очень благодарю за всё и прошу не сердиться, что так досаждаю Вам. Вы себе, верно, легко представляете, что значит для русского писателя денежный кризис в Париже! Жду денег Госиздата как избавления и поэтому просил Вас об их телеграфном переводе.

Прошёл ли «Белый уголь» без купюр? Мне это очень важно знать. «Ройтшванца»⁽¹⁾ хочет напечатать «Круг», но ещё неизвестно, пропустит ли его Главлит.

Мак-Орлан книги не получил и очень просит Вас подействовать, чтобы ему выслали книги.

Я еду на две недели в Польшу – с литературными выступлениями.

Сердечный привет de nous deux à vous deux!⁽¹⁾

Ваш И. Эренбург.

■ «Вопросы литературы», 1997, март-апрель, с. 248-249.

⁽¹⁾ Речь идет о романе И. Г. Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца».

⁽²⁾ От нас обоих вам двоим (*фр.*).

261. К. А. Федин – И. А. Груздеву

15 декабря 1927, Ленинград.

Милый Илья, мне стало вполне ясно, что написать сейчас об Алексее Максимовиче я ничего не могу, и – к огорчению своему – я должен отказаться от участия в сборнике.⁽¹⁾ Не могу ничего с собой сделать: всё кажется, что пишу о покойнике, а он... жив! Какое-то чувство стыда, беспокойства, неловкости – не знаю – чего! Надо подождать. Ведь ежели А<лексей> М<аксимович> протестовал против опубликования отдельных цитат из его частных писем, то как же можно давать «сводку» всех частных (иногда – интимных) обстоятельств, свидетелем которых я случайно был? С другой стороны – воспоминания о Горьком – это почти воспоминания о самом себе во время знакомства и встреч с А<лексеем> М<аксимовичем>. Отделить одно от другого – хитро. А мне не хочется и не можетя писать автобиографию.

Не сердись на меня, дружище Илья. Но *я не могу!*

Пишу тебе, чтобы избежать разговора по телефону, ибо боюсь, что ты будешь переубеждать меня, а я... человек неустойчивый.

Пожалуйста не сердись!

Обнимаю.

Твой *Константин*

Искренний привет Татьяне Кирилловне.⁽²⁾

⁽¹⁾ Имеется в виду сборник воспоминаний об А. М. Горьком.

⁽²⁾ Т. К. Груздева.

262. В. В. Иванов – А. М. Горькому

10 января 1928, Москва.

Дорогой Алексей Максимович, – письмо Ваше я получил и с того времени произошло много событий.

На пьесе моей «Бронепоезд» люди зело умилялись и плакали, и я сам был растроган, а теперь присмотрелся – и оказывается, пьеса еле-еле скроена и надо было б её переписать заново, а нет желания и времени нет. Так, видно, и пойдёт.

В «Красной нови» согласился я вести литературный отдел, – а печатать нечего, и карабкаюсь я среди груд сырого материала с великим трудом.

Кстати, о «Красной нови» – нельзя ли нам «Клима Самгина» пустить на месяц раньше «Нового мира»? Возможно Вам это сделать?..

Нашёл я очень талантливого паренька Дм. Еремина – прочтите в фев<ральской> книжке его рассказ «Иной период». По-моему, хорошо. Как Вам понравился роман Олеси – «Зависть»?

Сам я работаю очень много, и это единственное, кажется, спасение от тех гнетущих мыслей, кои обуревают меня. Гнетущая мысль – не может обуревать, я неправильно выразился – но и в этой неправильной фразе есть какая-то правда.

Недавно окончил повесть «Гибель Железной», а сейчас пишу «Записки неизвестного солдата»⁽¹⁾ – это о том солдате, который лежит под Триумфальной Аркой в Париже. Я его делаю – русским, и по национальности, и по характеру.

Четыре дня назад у меня родилась дочь. Детей у меня было уже трое, но всё не выживают, умирали. Может быть, четвёртая будет счастливее.

У нас усиленно готовятся праздновать Ваш юбилей. Если думаете приехать в Россию, то не приезжайте только на юбилей – неопишуемая скука, однообразие и ложь, – и подхалимство. <...>

Желаю Вам здоровья.

Всеволод

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 42.

⁽¹⁾ «Подлинная история Неизвестно Солдата, спасшего Францию» вошла отдельной главой в роман «Кремль».

263. К. А. Федин – М. Л. Слонимскому

13 января 1928, Саратов.

Милый Мишенька, рукопись Житкова⁽¹⁾ я отправил в «Звезду», и Ковнаторше⁽²⁾ написал, и отзыв приложил, и вообще я – пай-мальчик. Не успел только напоследок забегать к тебе – не сердись.

Роман Житкова мне понравился, есть только длинноты, и поэтому местами скучновато. Я написал об этом самому Житкову. Зато Виктор (околоточный) великолепен, тут я разделяю твой восторг. Вообще много хорошего, напр<имер>, Груня и её отец – тюремный смотритель. Нажми на «Звезду».

Я не хочу возвращаться домой, не кончив «Братьев». Осталось не очень много, около 3-х листов. В конце января вышло, как условился с тобой, рукопись (без кончика, кончик – в феврале).

Обнимаю тебя крепчайше.

Твой Конст.

Дусе⁽³⁾ сердечный привет и Зоценке.

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 100-101.

⁽¹⁾ Речь идет о романе Б. С. Житкова «Виктор Вавич».

⁽²⁾ Сотрудница журнала «Звезда» Р. А. Ковнатор.

⁽³⁾ Жена М. Л. Слонимского.

264. А. М. Горький – В. В. Иванову

20 января 1928, Сорренто.

Дорогой Иванов, –

по письмам, по газетам знаю, что «Бронепоезд» имел успех вполне заслуженный, с чем от души поздравляю Вас.⁽¹⁾ Как изумительно заgrimирован Качалов, судя по портрету в «Огоньке».

Очень рекомендую Вам для «Кр<асной> нови» поэму Бориса Ковынева, весьма бойкая свежая вещь. Автор пишет мне, что Пастернак весьма одобрил её. Адрес автора: Покровка 3, кв. 7, комн. 24 и 12. О «Самгине» нужно говорить с Крючковым, я в этом деле не хозяин. Советовал бы Вам взять вторую половину второго тома, она, пожалуй, интереснее.

Посылаю рукопись «Пилот и чёрт». Автор – беженец, но не эмигрант, живёт в Праге, с эмигрантами – с «головкой» не в ладах, написал статью – очень злую – «Беженец об эмигрантах». Прислать? И «Пилот» – интересен, но – многословен. Может быть, сократив, напечатаете?

Олеша – бесспорно талантлив, но конец «Зависти» у него не убедителен, смят. Обратили Вы внимание на Платонова, Заяицкого и Нину Смирнову? Последняя очень своеобразна. Кажется – сибирячка или с Урала. Есть ещё весьма бойкий искусный писатель Леонид Борисов, автор книги «Ход конём». Впрочем, – что ж это я Вам рассказываю? Вы лучше меня знаете кто что.

С новорожденной – поздравляю. Это хорошая штука – дети. У меня – две внучки. Марфа и Дарья. Марфе – уже два года, и я учу её петь «Под вечер осенью ненастной». А так же совместно сочиняем стихи:

Vicino Roma – т<о> е<сть> около Рима

Ударом грома

Разрушен дом.

Вот это – гром!

Она хохочет. А Дашке – три месяца, и она спокойная как Будда. Юбилей? Это очень мешает работать. Других удовольствий – не чувствую. Подхалимов много? Ну, я думаю, в этом отношении здешних не превзойти ни количеством, ни качеством.

Сегодня узнал, что Феликс Юсупов устроил покушение на изнасилование мальчика для того, чтобы затушевать другую свою «ошибку»: он «занимался» фальшивыми деньгами. Что тут делают наши эмигранты! Ужас. Человекам свойственно падать, но – так низко, это уж чрезмерно!

Когда начнут выходить Ваши книги, как «Собрание сочинений»?

Крепко жму руку.

А. Пешков

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 43-44.

⁽¹⁾ Премьера спектакля по пьесе «Бронепоезд 14-69» состоялась 8 ноября 1927 года. Оценка спектакля была отнюдь не единодушной. С резкой критикой выступили представители РАПП.

265. В. В. Иванов – М. М. Зощенко

24 января 1928, Москва.

Дорогой Миша, напоминаю тебе о твоём обещании написать для «Красной нови» повесть или рассказ. Раскачайся и напиши.

Не собираешься ли в Москву?

Мы живём по-прежнему тесно, изредка вспоминая о Петербурге и о прекрасных днях Серапионовых братьев.

Шкловский ходит наполненный Толстым.⁽¹⁾

Жду повести. Нельзя ли к мартовской или апрельской книжке?

Целую.

Всеволод

■ Всеволод Иванов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1978, с. 609.

⁽¹⁾ В 1928 году вышла в свет книга В. Б. Шкловского «Матерьял и стиль в романе Льва Толстого “Война и мир”».

266. В. В. Иванов – А. М. Горькому

Январь–февраль 1928, Москва.

Дорогой Алексей Максимович, –

посылаю Вам первый из томов моего собрания. Рассказы Вы эти все, кажись, читали, изменены они мало, да и посылаю я их не для чтения, а чтоб показать, как издают меня.

В мае, я слышал, собираетесь к нам? Отлично. Сейчас мы ждём от Вас с нетерпением – (мы «Красная новь») – «Клима Самгина». Кстати, почему нельзя печатать стихи, – забыл фамилию, – того поэта, о котором Вы присылали телеграмму?⁽¹⁾ Кстати тоже о телеграмме: Вячеслав Иванов прислал своему другу Г. Чулкову стихи, отличные стихи. Чулков принёс их нам, я хотел их напечатать – и думаю – неужели автор будет протестовать – послал ему телеграмму с просьбой о разрешении напечатать. Он живёт в Риме. И получил такой ответ: «Печатать нельзя, стихи готовятся для посмертной книги». Это мне напоминает поэта Дрожжина, к которому, в прошлом году, довелось попасть мне – в деревню. Водит он меня по комнаткам, показывает фотографии, автографы разных поэтов и говорит так с умилением: «Это я себе музей готовлю. Вот умру, музей-то и сделан».

«Красная новь» идёт хорошо, но с редакторами трудно сговариваться. <...>

В апреле собираюсь съездить в Туркестан, а за границу осенью.

Написал я пьесу «Блокада» – о взятии Кронштадта в 921 году. Пьесу хвалят, пойдёт она в театре им. Вахтангова.⁽²⁾ Актеры там не ахти что, но больно молоды, энтузиасты, и как-то легко с ними разговаривать.

Привет Вам.

Всеволод

■ Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1985, с. 44-45.

⁽¹⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

⁽²⁾ Пьеса, в конце концов, была поставлена не в Театре им. Евг. Вахтангова, а во МХАТе. Премьера состоялась 25 февраля 1929 года.

267. К. А. Федин – М. Л. Слонимскому

6 февраля 1928, Саратов.

Милый Миша, наваждение, мистика, масонский навет на невинную душу! К первому февраля я послал телеграфные и письменные поздравления жене (Дора Сергеевна празднует 6-го февраля день своего рождения), а шестого твёрдо намеревался поздравить... серапионов! Вчера получил недоумённый запрос от жены: с чем, собственно, я её поздравляю? Впрочем, она... благодарит, потому что нужно же благодарить, если поздравляют! Чёрт знает что! Я не могу взять в толк, каким образом в моей голове произошла такая чепуха?! Единственное, по-видимому, смягчающее вину обстоятельство – моя усталость. Но это – почти перманентное моё состояние, и нельзя же всё объяснять только им.

Во всяком случае, приношу своё покаяние серапионам, и вместе с ним – поздравления с седьмой годовщиной нашего союза. Каждому серапиону в отдельности жму руку, каждого в отдельности обнимаю и всем вместе провозглашаю:

Hoch, hoch, hoch,
es lebe unsere

Bruderschaft noch
recht viele Jahre!
Es lebe unser Bund
in der Geschichte
auf ewige Zeiten!⁽¹⁾

Вернусь я не скоро и не знаю, успею ли принять участие в серапионовском торжестве. Во всяком случае, считаю этот традиционный повод к празднеству и товарищеской вечеринке подлинно «высоким» и буду рад быть вместе со всеми серапионами, если они захотят отложить праздник. Я надеюсь, что к середине марта приеду домой.

Тебя, дорогой Миша, и в связи с серапионовской годовщиной и «просто так» крепко целую и поздравляю. Очень рад буду, ежели черкнёшь мне два слова о чём найдёшь любопытным (Sic!..).

Рукопись для Гиза вышлю через неделю.⁽²⁾ Работа идёт ни шатко, ни валко. Устал. И всё, что ни сделаю, кажется плохо (да и есть так). Самое трудное – слова. Все они захватаны, замуслены. А в голове – дыра. Это ужасное состояние.

Что делаешь ты? Как твои заграничные рассказы? Как самочувствие в связи с работой в Гизе? Что делает наше изд<атель>ство?⁽³⁾ Не поленись написать.

Ещё раз целую тебя.

Дусе⁽⁴⁾ поклонись пониже.

Твой *Константин*

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 106-107.

⁽¹⁾ Ура, ура, ура, пусть здравствует наше братство ещё многие годы! Да войдет наш союз в историю на вечные времена! (*нем.*)

⁽²⁾ Речь идет о романе «Братья», который должен был войти в собрание сочинений К. А. Федина, готовившееся в Госиздате.

⁽³⁾ «Издательство писателей в Ленинграде».

⁽⁴⁾ Жена М. Л. Слонимского.

8 марта 1928, Саратов.

Саратов. 8.III.1928.

Дорогой Алексей Максимович,

сегодня я кончил своих «Братьев», и вот пишу вам первому об этой радости. Право, давно я не чувствовал такого счастья, и ни разу за истекшие полтора года не мог бы написать вам с таким лёгким сердцем. Только поэтому и не писал. Я привык обращаться к вам или с решённой или с безнадёжно брошенной задачей, как прилежный ученик – к учителю. А последнее ваше письмо (весной прошлого года, правда, – по второстепенному «деловому» поводу) немного напугало меня тем, что уж очень вы утруждаете себя ответами даже на «коротенькие» письма. Я тогда же положил не писать вам, пока не решу своей «задачи». А сегодня не могу удержаться – пишу беспредметно, ни о чём, просто вот «так»! Уж очень хочется сказать, что я рад! Радость, конечно, не от того, *как* я выполнил работу, а от того, что *выполнил*. Сейчас я вовсе не способен судить о сделанном. Одно я знаю твёрдо: работал я над романом, пожалуй, так же упрямо, как мой Никита над музыкой, и теперь у меня вместо сердца – дырявый мешок и вместо головы – пустое ведро. Жить же мне вкусно, как никогда!

Груздев говорил мне, что за «Братьями» по журналу вы не следили. Я рассчитываю на скорый выход отдельного издания (раньше, наверное, в Берлине)⁽¹⁾ и пошлю вам книгу, как только она выйдет. Тогда буду просить вас уделить роману свободный вечер. Пожалуйста, не сочтите мою просьбу докукой.

Простите бестолковую мою неловкость: я хотел начать письмо с приветствия по поводу вашего юбилея, но непосредственность сегодняшних моих чувств оказалась сильнее моих намерений. Настолько сильнее, что вот... я простодушно сознаюсь в этом!

Я очень хочу присоединиться к самым искренним поз-

двлениям, которые вы получаете теперь, дорогой Алексей Максимович. Но только один способ сделать это кажется мне сердечным: я просто ещё раз благодарю вас за всё, что вы сделали для моей личной судьбы и для судьбы литературной. Чувство настоящей человеческой признательности к вам и есть мой привет ко дню вашего рождения.

У меня большое желание повидать вас, Алексей Максимович. Вы изверились, конечно, в том, что я когда-нибудь выберусь за границу, и махнули на мою болтовню рукой. Но теперь у меня найдутся и деньги и другие возможности поехать. Однако здесь уверенно пишут, что весной вы собираетесь в Россию. Будьте добры написать мне, когда вы поедете и каким путём. Весною я буду в Германии. Если ваш путь лежит через Берлин, то я постараюсь встретить вас там. Впрочем, всё зависит от того, когда вы поедете: возможно, что я буду ещё в России.

Очень прошу сообщить мне ваш маршрут и сроки поездки.

Желаю вам всего, всего наилучшего. Как вы теперь чувствуете себя и не боитесь ли нашей капризной весны?

Будьте здоровы!

Любящий вас

Конст. Федин

Адрес мой прежний: *Ленинград, Литейный пр., 33, 13.*

Простите за торопливость письма: уж очень я к себе не требователен сейчас!

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 519-520.

⁽¹⁾ Роман был издан берлинским издательством «Петрополис» и ленинградским издательством «Прибой».

21 апреля 1928, Сорренто.

Более м<еся>ца тому назад получил ваше письмо, читал и посмеивался, чувствуя в словах и за словами вашу, очень понятную мне, радость. Это всегда хорошо – кончить какое-нибудь трудное дело, но у меня к радости примешивается ещё и тревожный вопросец: а ещё что ты можешь? И – можешь ли уже? Недоверчив я к себе. Этим, наверное, можно объяснить торопливость и шероховатость моего «творчества», как теперь говорят.

А «Братьев» прочитать мне, кажется, не суждено. Начал в «Звезде», но некто взял «почитать» две книжки и, разумеется, не возвратил их, а увёз в Турцию. Начало мне очень понравилось строгим тоном, экономностью слов, точностью определений. Жду отдельного издания. М<ожет> б<ыть>, оно уже вышло и послано мне, но – до меня не дошло. Тут со мной невесело играет почта. Вот уже более м<есяца> я не получаю из Рос<сии> ни одной газеты, ни журналов, ни книг, хотя, по письмам, знаю, что всё это мне послано и посылается аккуратно. Писал в полпредство: в чём дело? «Спросим», – ответили мне. Странно. Писем получаю полсотни – в среднем – ежедневно, простых и заказных; на многих конвертах адреса пишутся только по-русски, карандашом, безграмотно, а всё это – доходит. Книг, журналов, газет – ни одной!

В Россию еду около 20-го мая. Сначала – в Москву, затем – вообще. Обязательно – в Калугу. Никогда в этом городе не был, даже как будто сомневался в факте бытия его, и вдруг оказалось, что в этом городе некто Циолковский открыл «Причину Космоса».⁽¹⁾ Вот вам! А недавно 15-летняя девочка известила меня: «Жить так скучно, что я почувствовала в себе литературный талант», а я почувствовал в её сообщении что-то общее с открытием «Причины Космоса».

Вообще же наша Русь – самая весёлая точка во Вселенной. «Я человек не первой молодости, но безумно люблю

драмы писать», – сказал мне недавно некто. Никто в мире не скажет эдакого!

До свидания! Обязательно встретимся, да?

А. Пешков

21.IV.28. Sorrento.

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Невышедшая переписка. М., 1963, с. 520-521.

⁽¹⁾ Имеется в виду книга К. Э. Циолковского «Причина космоса (Конспект. Август 1925 г. С добавлением отзыва о “Монизме вселенной” и ответов на вопросы по поводу этой книжки)».

270. И. А. Груздев – А. М. Горькому

Не раньше 27 мая 1928, Ленинград.

Дорогой Алексей Максимович,

слышал от Левберга,⁽¹⁾ что Вы на днях уезжаете, и решаюсь снова беспокоить Вас своей просьбой. Получение валюты для заграницы сейчас ещё труднее, чем в прошлом году, когда я пересылал её Форш.⁽²⁾ У Федина и Никитина была «благословляющая рука», но и то получили с большим трудом. У меня, кроме Вас, никого нет. Если найдёте возможным, дайте мне записку к народ<ному> ком<иссару> финансов Брюханову Николаю Павловичу с просьбой разрешить мне взять за границу необходимые мне деньги сверх паспортной нормы. Может быть, я совершаю бестактность, надоедая Вам своими делами, но, во-первых, от этих хлопот можно ошалеть, во-вторых, когда я уходил от Вас, Вы в ответ на слова П. П. Крючкова так охотно согласились помочь мне и в этом деле, что я решился Вам написать.

Посылал Вам письмо с оказией, не знаю, получили ли? Мне очень жаль, что пришлось с Вами так торопко встретиться, и я при этом был так смущён, что, вероятно, показался Вам на редкость нелепым чепухом.

Преданный Вам

Илья Груздев

Р. С. Не откажите ещё черкнуть мне, Алексей Максимович, удастся ли мне получить доступ к берлинскому архиву⁽³⁾ и что я для этого должен сделать? Хотелось бы осенью закончить книгу.⁽⁴⁾

И. Г.

Письма В. Г. Короленки Вам в Самару, которые Вы считали, кажется, потерянными, отыскались.

■ Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 181-182.

⁽¹⁾ М. Е. Левберг.

⁽²⁾ О. Д. Форш.

⁽³⁾ Вероятно, И. А. Груздев имеет в виду часть личного архива А. М. Горького, которая хранилась в Дрезденском банке.

⁽⁴⁾ См. примечания к письму 244.

271. К. А. Федин – А. М. Горькому

3 июня 1928, Ленинград.

Ленинград. Литейный, 33, кв. 13,
3.VI.1928.

Дорогой Алексей Максимович,

поздравляю с приездом и благодарю за поклон, который привёз мне от вас Груздев. Надо же случиться такой незадаче: я рассчитывал, что вы приедете в Ленинград до 15-го июня (да и все здесь ждут вас недели через полторы), а вы – как будто – не очень торопитесь и, судя по тому, что рассказывает Груздев, может быть, поедете сначала по провинции (мы ведь упрямо считаем Ленинград столицей).

Мне *очень* хочется увидеть вас. А тут, как на грех, именно в середине июня, я получаю заграничный паспорт, и нужно будет, не теряя времени, ехать. Ведь к поездке этой я готовился добрых пять лет.

Очень прошу вас написать мне (поскорее) – могу ли я приехать в Москву с тем, чтобы отнять у вас часок време-

ни (если вы не соберётесь в Ленинград до 15-го). *Пожалуйста!*⁽¹⁾

Ваш *Конст. Федин*

■ Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Невыданная переписка. М., 1963, с. 521-522.

⁽¹⁾ Встреча состоялась 9 июня в Москве.

272. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому

7 июня 1928, Париж.

7-го июня

Дорогой Михаил Леонидович, только моей наглостью и Вашими добрыми чувствами надлежит объяснить трафаретные начала всех моих писем – снова я должен Вас благодарить!

Денег от «Красной газеты» я ещё не получил.

Рад, что Вы пишете роман.⁽¹⁾ После «Лавровых» жду удачи. Да пребудет над Вами дух Бальзака!

Я закончил «Заговор равных» (о Бабёфе). Боюсь, что и он, хоть и Гракх,⁽²⁾ разделит участь злосчастного Лазика.⁽³⁾

Ещё раз за всё спасибо. Сердечный привет Вам и жене от нас обоих.

Ваш *Илья Эренбург.*

■ «Вопросы литературы», 1997, март-апрель, с. 249.

⁽¹⁾ Роман «Фома Клешнев».

⁽²⁾ В действительности Гракх – не родовое имя Бабефа, который назвался так в честь римских общественных деятелей братьев Гракхов, над чем и иронизирует автор письма.

⁽³⁾ Роман И. Г. Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» в СССР при жизни автора издан не был.

273. Н. С. Тихонов – Е. Г. Полонской

31 июля 1928, Хоста.

31 июля. Хоста

Милая Лиза.

Мы были в пропастях земли, мы подымались на вершины, мы ночевали в дымных кельях по уступам гор, мы обманывали туземцев, нас обманывали туземцы, нас чуть не съели осьминоги и орлы, мы ели «хфорелей» и пили айран. Словом, мы путешествовали, мы блаженствовали. Спина моя хранит мозоли от вьюка, ноги мои сожжены, волосы почернели, и нос блестит всей красотой раба.

Сейчас мы валяемся под пальмами в Хосте. Компания наша распалась. Одних уж нет, а те далече. Каверин исчез неизвестно куда, Лукницкий⁽¹⁾ – в море, на шхунах. Мы с Марусей⁽²⁾ едем в Батум. Привет Шуре.⁽³⁾ Вы счастливы. Вы увидите японцев, Кабуки и проч. Пиши пожалуйста в *Новороссийск*. Маруся целует.

Н. Тихонов.

■ Борис Фрезинский. Судьбы Серапионов. Портреты и сюжеты. СПб., 2003, с. 354.

⁽¹⁾ П. Н. Лукницкий.

⁽²⁾ М. К. Неслуховская.

⁽³⁾ А. Г. Мовшенсон.

274. К. А. Федин – Н. С. Тихонову

8 августа 1928, Берлин.

Николаю Семеновичу великолепному, Коле Тихонову замечательному привет и нижайший поклон от стопроцентных европейцев – Татианы и Ильи Груздевых, Романа Гуля и Константина сына Федина. Все мы в полном здравии и вообще – дивно! Я – как видишь – купил машинку и счастлив необыкновенно. Груздев раздобыл, Татьяна Кирилловна худеет, потому что возненавидела немецкую

кухню, и питается одними бананами. Это – первое моё письмо на машинке, нельзя сказать, чтобы писать было легко: эти строки – плод величайшего усилия и пятидесятиминутного упорного труда. Зато я уважаю себя теперь значительно больше, чем прежде. Вот тебе список прекрасных мест, в которых я уже побывал и в которых собираюсь побывать.

Гамбург

Берлин

Кёльн

Мюнхен

Был

Нюрнберг

Лейпциг

Дрезден

Цитгау

Варнемюнде

Гьедзер

Буду

Копенгаген

Осло

Шхеры

Потом

не знаю – что

Здесь мне до чёрта надоело, замотался вконец. Много замечательного в Гамбурге и – конечно – в Нюрнберге. Остальное – скучно. Смотри – какая трещина в психологии: на машинке – «прекрасные места», пером – «скучно». Этак, пожалуй, переменится вся... идеология, ежели я стану всегда писать на машинке!! О, ужас!!

Груздевы читали мне твоё восторженное письмо (нет, читал я сам, а они восторгались вместе со мною), и я завидовал, что ты встречаешься не с трамваями и такси, а с буйволами и арбами.⁽¹⁾ Здесь всё провоняло тёплыми бензиновыми парами и такой треск и шум, что нельзя спать по ночам... Берлин – упрямый город, и жить в нём – ненужная

затея. А вот – подумай – почти четыре недели я торчу в этом вонючем Вавилоне! Послезавтра еду на север. Жалею об одном: в кармане виза в Голландию, а ехать невозможно – устал и хочется скорее в покойные места, переваривать Германию... Никитин уехал в Париж. Уверен, что у него будет запор. Так нельзя!

Обнимаю тебя! Отдыхай, веселись!

До свиданья! Привет М. К.⁽²⁾

Твой *Конст. Федин*

■ Конст. Федин. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 11. М., 1986, с. 116-117.

⁽¹⁾ Н. С. Тихонов был в это время на юге.

⁽²⁾ М. К. Неслуховская.

275. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому

21 ноября 1928, Париж.

Париж, 21 ноября

Дорогой Михаил Леонидович,

пишу Вам вот по какому поводу. Пьер Мак-Орлан надумал съездить на месяц в Россию. Я давно ему это советовал, но он не хотел брать на себя обязательства по отношению к французским газетам. Теперь пришла мне в голову такая мысль: может быть, мыслимо устройство двух его лекций в Москве и Ленинграде, конечно, по-французски? Это или же предварительная запродажа перевода книги о России могли бы покрыть стоимость поездки. Прошу Вас выяснить это в Ленинграде. Я помню, что Мак-Орлан Вам понравился,⁽¹⁾ и поэтому утруждаю снова Вас. Ехать предполагает он в феврале-марте. Очень возможно, что и я с ним приеду. Нечего говорить, думаю, о том, что отношение его к нам подлинно хорошее.

Как Вы живёте!? Написали ли что? Я до сих пор не знаю, выйдет ли мой «Заговор равных» отдельной книгой.

Отрывки Вы увидите в «Красной нови». Рад буду получить от Вас весть!

Привет сердечный Вам и жене от нас обоих.

Ваш *И. Эренбург*.

■ «Вопросы литературы», 1997, март-апрель, с. 250.

⁽¹⁾ Знакомство М. Л. Слонимского и П. Мак-Орлана произошло в 1927 году в Париже.

276. А. Е. Кручёных – М. М. Зощенко

7 января 1929, Москва.

Дорогой Михаил Михайлович!

Я был необычайно обрадован Вашей посылке – это прочнейший фундамент для моего музея!⁽¹⁾ Примите мою, такую же крепкую, благодарность! Вы пишете, что имеется ещё кипа материала – очень прошу прислать, сколько возможно! Вы прислали только исключительное, а необходимы и всякие мелочи (записки, наброски и проч.).

Желательно также: Ваши групповые фото, Ваши портреты – зарисовки и проч. и проч. Вы так редко бываете в Москве, и Ваши здешние друзья с великим интересом будут рассматривать хотя бы Ваши изображения и следить за Вашей жизнью, хотя бы отражённой.

Я жду ещё материалов от Вас, чтобы к следующему Вашему приезду в Москву показать Вам уже более или менее законченный Ваш альбом, который поразит мир!

А. Кручёных

7/1-29

Горячий привет от В. Катаева, Ю. Олеси и всех всех!

■ Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Книга 3. СПб., 2002, с. 197.

⁽¹⁾ Автор письма собирал разнообразные материалы, связанные с жизнью и творчеством известных писателей или деятелей искусства.

Особую часть коллекции составляли альбомы, посвященные тому или иному лицу, тщательно подбиравшиеся А. Е. Крученых.

277. И. А. Груздев – А. М. Горькому

Начало февраля 1929, Сорренто.

Дорогой Алексей Максимович,

«Виконт де Бражелон» вышел только I том. Он Вам высылается. «Три мушкетера» у Вас, кажется, есть? А есть ли «20 лет спустя» и «Граф Монте-Кристо»?⁽¹⁾ Что Вы ещё хотите из книг «Academia»? Если вышел новый каталог, я Вам вышлю. Очень благодарю Вас за письмо Макарова⁽²⁾. Мне очень хотелось напомнить Вам о себе, о том, чтобы Вы не забывали меня – материалами, но боялся надоедать Вам с этим. Поэтому у меня двойная радость.

Большинство писем Короленко, которые я знаю, неизвестны семье Вл<адимира> Гал<актионовича>, это мы выяснили, поэтому и большая заинтересованность у них в копиях.

Первого февраля серапионы праздновали у меня восьмую годовщину. Было очень весело внешне и довольно невесело по существу. Есть что-то застывшее-солидное в их литературных репутациях. Ярым врагом этого был покойный Лунц, боровшийся против всякой оседлости.

Не знаю как Вам, а мне отменно солидный и отменно гладкий роман «Братья» кажется очень скучным. Скучен и солидно-бульварный роман Каверина «Скандалист».⁽³⁾ Даже Зоценко становится солиден и скучен в своих поместьях: «Пушка» и «Чудак».⁽⁴⁾ Замятин прочёл на празднестве каждому серапиону эпитафию, было в них много злого, но жаль, что не добавил к ним автоэпитафии – его смерть наступила от воздержания.

Славно Вы пишете о песнях – я и не подозревал о таком их экономическом происхождении. Совсем по Марксу.

Кстати, по поводу песен: какая «эволюция самосознания»:

Ах, да пускай свет осуждает,
Ах, да пускай клянёт молва, –
Кто раз любил, тот, верно, знает
И не осудит никогда!
Это раньше, а – теперь:
Хаят, хаят меня люди,
А я хаяна живу,
А я хаяна, отчаянна,
Я и так не пропаду!

У нас много шуму по поводу инцидента в Академии⁽⁵⁾ и много нападков на неё: не выбрали тех, кого надо было выбрать.

Вы с утра до вечера работаете над журналом «Наши достижения»? А как же – «Самгин»? Ведь это – тоже «наше достижение», и в пренебрежении к нему я вижу левую опасность. У нас Вы назывались бы «уклонистом».

Не Вами ли написан прилагаемый фельетон?⁽⁶⁾ А когда был первый пожар Самоката?⁽⁷⁾

На днях был у меня Пришвин.

Собирается на Алтай – на год.

Преданный Вам

Илья Груздев

■ Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 188-190.

⁽¹⁾ А. М. Горький просил прислать ему роман «Три мушкетера», добавляя при этом: «Люблю папашу Дюма. Конечно – стыжусь, но – люблю!».

⁽²⁾ О ком идет речь, установить не удалось.

⁽³⁾ Имеется в виду роман «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове».

⁽⁴⁾ Юмористические журналы, в которых постоянно печатался М. М. Зощенко.

⁽⁵⁾ И. А. Груздев говорит о выборах Академии наук СССР.

⁽⁶⁾ Фельетон «О пожаре на Самокатах», подписанный в газетной публикации не фамилией, а тремя звездочками, действительно принадлежал А. М. Горькому.

⁽⁷⁾ Название одной из частей Нижегородской ярмарки.

Указатель изданий и литературных организаций*

«Алконост», частное издательство, принадлежавшее С. М. Алянскому, работало с 1918 по 1923 год (Петроград) – 40

«Атеней», историко-литературный временник, издавался с 1924 по 1926 год (Ленинград) – 96

«Атеней», частное издательство, принадлежавшее Л. С. Утевскому, работало с 1923 по 1926 год (Петроград-Ленинград) – 69, 92, 94, 96, 106, 159, 165

«Беседа», журнал, выходил с 1923 по 1925 год (Берлин) – 53, 56, 58, 61, 63, 71, 81, 132, 152, 175, 177, 192, 209

«Библиографический листок», ежемесячный иллюстрированный журнал, выходил с 1906 по 1913 год в Сызрани, в 1914-1915 годах в Саратове – 207

«Былое», журнал, выходил с 1906 по 1924 год (Петербург-Ленинград) – 207

«Былое», издательство – 37

«Веретено», содружество писателей, существовало в 1922-1923 годах в Берлине – 39

«Веретёныш», вестник критической мысли и сатиры, журнал, выходил в 1922 году (Берлин) – 44

«Вещь», международное обозрение современного искусства, журнал, выходил в 1922 году (Берлин) – 45

«Волгарь», газета, выходила с 1890 по 1918 год (Нижний Новгород) – 244

«Волжский вестник», газета, выходила с 1883 по 1906 год (Казань) – 244

«Воля народа», газета – 51

---

* Указываются не страницы книги, а номера писем.

«**Воробей**», ежемесячный детский журнал, выходил в 1923-1924 годах (Петроград-Ленинград), с 1925 года преобразован в журнал «Новый Робинзон» – 146, 160, 167

«**Время**», кооперативное издательство, работало с 1922 по 1934 год (Петроград-Ленинград) – 243

«**Всемирная литература**», издательство, работало с 1918 по 1924 год (Петроград) – 143, 191, 192

«**Всероссийская кочегарка**», газета, выходила с 1923 года (Донбасс) – 92

«**Геликон**», частное издательство, принадлежавшее А. Г. Вишняку (по другим сведениям он был лишь заведующим), работало с 1916 по 1920 год в Москве, затем издательская деятельность перенесена в Берлин, а впоследствии – в Париж – 23, 88

Государственное издательство РСФСР (Госиздат), первое крупное советское издательство, работало с 1919 по 1932 год (Москва-Ленинград) – 2, 18, 20, 43, 50, 65, 133, 187, 188, 191, 192, 193, 194, 213, 219, 220, 241, 244, 249, 250, 260, 267

«**Грани**», издательство, работало в 1920-х годах (Берлин) – 71

«**Грядущее**», журнал (Петроград) – 1, 2

«**Двадцатые годы**», журнал (не выходил) – 29, 30, 32, 44

«**Дни**», ежедневная газета, выходила с 1922 по 1925 год в Берлине, с 1925 по 1932 год в Париже (в 1928 году преобразована в еженедельник, затем в журнал) – 175

Дом Искусств (Диск), культурно-просветительная организация, кроме прочего, оказывавшая помощь деятелям культуры, существовала с 1919 по 1922 год в Петрограде, работал клуб, было писательское общежитие – 13, 28, 31, 33, 41, 55, 69, 87, 96, 102, 152, 174, 176

Дом литераторов, профессиональная организация, существовала с 1918 по 1922 год в Петрограде, занималась преимущественно вопросами материального обеспечения писателей – 10, 54, 55

«**Дрезина**», сатирический журнал, приложение к газете «Гудок», выходил в 1923-1924 годах (Москва) – 116, 118, 128, 154

«Жизнь искусства», литературно-театральный журнал, выходил с 1918 по 1929 год (Петроград-Ленинград) – 140

«Забой», художественно-литературное иллюстрированное приложение к газете «Всероссийская кочегарка» (Донбасс), основан в 1923 году, как альманах, в 1933 году переименован в «Литературный Донбасс», в 1958 году получил статус журнала – 96, 101, 114, 115, 120

«Задруга», издательство – 20

«Звезда», ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходил с 1924 года (Ленинград) – 160, 165, 186, 249, 263, 269

«Звучащая раковина», литературная группа, образована слушателями поэтической студии Н. С. Гумилева, существовала с 1921 до середины 1920-х годов – 55, 64,

«Известия ВЦИК'а» – 96

«Известия Советов народных депутатов», ежедневная общеполитическая газета, выходила в 1917-1918 годах в Петрограде, с 1918 года в Москве – 115, 170, 247, 248

«Издательство писателей в Ленинграде», кооперативное издательство, работало с 1927 по 1934 год (Ленинград) – 236, 249, 267

«Исторический вестник», научно-популярный журнал, выходил с 1880 по 1917 год – 95

«Клинический архив гениальности и одаренности (Эвропатологии)» – 231

«Книга и революция», журнал, выходил с 1920 по 1923 год (Москва-Петроград) – 17, 85, 112, 123, 143, 160

«Книга» (впоследствии – «Международная книга»), русско-германское издательство и торговое акционерное общество, работало с 1921 по 1931 год (Берлин) – 42, 43, 127, 131, 221

«Книгоиздательство писателей в Берлине» – 62, 79

«Книжное дело», издательство (Владивосток) – 246

«Ковш», литературно-художественный альманах, издавался в 1925-1926 годах (Ленинград) – 185, 186, 195, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 220, 221, 222, 224, 225, 229, 230, 236

«**Красная газета**», массовая рабочая газета, выходила с 1918 по 1939 год (Петроград-Ленинград) – 18, 72, 86, 125, 155, 202, 272

«**Красная пива**», журнал, выходил с 1923 по 1931 год (Москва) – 116, 242

«**Красная новь**», журнал, выходил с 1921 по 1942 год (Москва) – 15, 17, 22, 32, 51, 58, 65, 73, 93, 95, 108, 115, 162, 170, 210, 211, 219, 238, 242, 244, 254, 258, 259, 262, 264, 265, 266, 275

«**Красный ворон**», сатирический журнал – 99, 116

«**Красный журнал**», двухнедельный журнал, литературное приложение к газете «Гудок», выходил в 1924-1925 годах (Москва) – 160, 187

«**Круг**», альманах артели писателей «Круг», издавался с 1923 по 1927 год (Москва) – 17, 32, 35, 47, 50, 51, 62, 73, 93, 162, 185, 210, 220, 224

«**Круг**», артель писателей, существовала с 1922 по 1927 год в Москве – 60, 213

«**Круг**», издательство артели писателей «Круг», работало с 1922 по 1929 год (Москва) – 32, 44, 47, 48, 50, 51, 67, 73, 85, 92, 95, 104, 107, 125, 160, 162, 185, 187, 216, 218, 254, 260

«**Кузница**», литературная группа, существовала с 1920 по 1931 год в Москве – 95, 97,

«**Культура и жизнь**», журнал, выходил в 1922 году (Москва) – 21, 22

Ленинградское отделение Госиздата (Ленгиз, Ленотгиз) – 209, 224, 228, 232, 233, 241, 267

«**Летопись Дома литераторов**», критико-библиографический журнал, выходил в 1921-1922 годах (Петроград) – 21

ЛЕФ (Левый фронт искусства), литературная группа, существовала с 1922 по 1929 год в Москве – 97

ЛЕФ (Левый фронт), журнал, выходил с 1923 по 1925 год (Москва) – 164

«**Литературная неделя**», приложение к газете «Петроградская правда», выходило в 1922-1923 годах (Петроград) – 135

«**Литературные записки**», журнал, выходил в 1922 году (Петроград) – 51, 92

«**Молодая гвардия**», ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходил с 1922 по 1941 год (Москва), впоследствии возобновлен – 244

«**Мысль**», кооперативное издательство, работало с 1916 по 1930 год (Петроград-Ленинград) – 216

«**На посту**», журнал, выходил с 1923 по 1925 год (Москва) – 97

«**Накануне**», ежедневная газета, выходила с 1922 по 1924 год (Берлин) – 168

«**Накануне**», литературное приложение к газете «Накануне», выходило в 1922-1923 годах (Берлин) – 46

«**Наш журнал**», журнал промышленной пропаганды для рабочих, выходил в 1921 году (Москва) – 4

«**Наши дни**», альманах, издавался с 1922 по 1925 год (Москва) – 22, 51, 93

«**Наши достижения**», журнал, выходил с 1929 по 1937 год (Москва-Ленинград) – 277

«**Новая книга**», журнал – 65

«**Новая Россия**», журнал, выходил с 1922 по 1926 год (Москва) – 21

«**Новая русская книга**», ежемесячный критико-библиографический журнал, выходил в 1922-1923 годах (Берлин) – 45, 48

«**Новый мир**», журнал, выходит с 1925 года (Москва) – 210, 234, 241, 245, 262

«**Огонек**», журнал, выходит с 1923 года (Москва) – 236, 264

ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка), русская школа в литературоведении, существовала со второй половины 1910-х до 1920-х годов – 96, 140, 144, 152

«**Островитяне**», литературное содружество, существовало в 1921-1922 годах в Петрограде – 115

ПЕН-клуб, международное объединение писателей, существует с 1921 года – 87

«**Перевал**», литературная группа, существовала с 1923 по 1932 год в Москве – 193

«**Петроград**» (с 1924 года – «Ленинград») двухнедельный

художественно-иллюстрированный журнал, выходил с 1923 по 1925 год (Петроград-Ленинград) – 101, 130, 162, 186

«Петроград», кооперативное издательство, работало с 1922 до конца 1920-х годов (Петроград-Ленинград) – 162, 216

«Петроградская правда» (с 1924 года – «Ленинградская правда»), газета, выходила с 1918 года (Петроград-Ленинград) – 18, 24, 69, 72, 86, 101, 104, 116, 128, 130, 137, 152

«Прибой», рабочее кооперативное издательство – 249, 256

«Прожектор», журнал, выходил с 1923 по 1935 год (Москва) – 104

Пролеткульт, объединение пролетарских культурно-просветительных организаций – 1, 2, 12

«Пушка», сатирический журнал – 277

«Радуга», частное издательство, принадлежавшее Л. М. Клячко-Львову, работало с 1922 по 1930 год (Петроград-Ленинград) – 39, 92

«Россия», журнал, выходил с 1922 по 1924 год (Москва) – 50

«Руль», ежедневная газета, выходила с 1920 по 1931 год (Берлин) – 113

«Русская мысль», журнал, выходил с 1880 по 1917 год (Москва) – 85

«Русские ведомости», газета, выходила с 1863 по 1917 год (Москва) – 244

«Русский современник», литературный журнал, выходил в 1924 году (Ленинград-Москва) – 143, 158, 178, 181, 182, 190, 191, 192, 193, 194, 210

«Русское богатство», ежемесячный литературный, научный и политический журнал, выходил в 1876 году в Москве, с 1876 по 1918 год в Петербурге-Петрограде – 85, 244

«Русское искусство» журнал, выходил в 1923 году (Москва-Петроград) – 92, 131, 143

«Русское творчество», издательство, работало в 1920-х годах (Берлин) – 23, 37, 45

«Серапионовы братья. Заграничный альманах» (Берлин, «Русское творчество», 1922) – 37

«Серапионовы братья», издательство (организовано не было) – 12

«Серапионовы братья. Альманах первый» (Пг., «Алконост», 1922) – 16, 19, 23, 30, 34, 40, 47, 182

«Сибирские огни», журнал, выходил с 1922 года (Новосибирск) – 171

«Сибирь», литературный журнал, выходил в 1925-1926 годах (Новосибирск) – 220

«Симплициссимус», иллюстрированный еженедельник, выходил с 1896 по 1933 год (Берлин) – 213

«Солнце России», журнал, выходил с 1910 по 1917 год – 130

Студия художественного перевода при издательстве «Всемирная литература», открылась в феврале 1919 года, в ноябре того же года переехала в Дом Искусств, где была преобразована в Литературную студию – 136

«1921 год», альманах (не выходил) – 9

«Чудак», еженедельный сатирический журнал, выходил с 1928 по 1930 год (Москва) – 277

«Эпоха», издательство, основано в 1921 году в Петрограде, в 1922 открыто отделение в Берлине – 16, 53

«Эрато», кооперативное издательство, работало в 1921 году (Петроград) – 16

«Academia», издательство, работало с 1921 по 1937 год (Петроград-Москва), впоследствии включено в состав Гослитиздата – 277

«Clarté», журнал, издававшийся одноименным международным объединением писателей, выходил с 1921 по 1924 год (Париж), – 45

«Die neue Rundschau», журнал, выходил с 1889 (Берлин) – 34, 200

«Ecrits du Nord», журнал, выходил с 1927 года (Брюссель) – 61

«**El Sol**», ежедневная газета (Мадрид) – 34

«**L'Europe**», литературный и общественный журнал, выходил с 1923 года (Париж) – 61

«**Les écrits nouveaux**», журнал, выходил с 1917 года (Париж) – 31, 34

«**Les nouvelles littéraire**», газета – 231

«**Russia**», журнал, выходил с 1920 по 1926 год (Рим) – 203

«**Zeitschrift für slavische Philologie**», журнал, выходил с 1925 года (Лейпциг) – 203

Именной указатель*

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925, в эмиграции), русский прозаик – 244

Адамович, Георгий Викторович (1892-1972, в эмиграции), русский поэт, критик – 113, 119, 122

Адонц, Гайк Георгиевич (1889-1937, расстрелян), театральный критик – 140

Алданов (наст. фамилия – Ландау), Марк Александрович (1886-1957, в эмиграции), русский прозаик – 148, 228

Алянский, Самуил Миронович (1891-1974), издатель – 40

Андерсон, Шервуд (1876-1941), американский прозаик – 183

Андреев, Василий Михайлович (1889-1941?, в заключении?), прозаик – 211

«Волки» – 220

Андреев, Леонид Николаевич (1871-1919), русский прозаик, драматург – 182, 207, 211

«Царь Голод» – 165

Андреева (урожд. Юрковская, в замужестве – Желябужская), Мария Фёдоровна (1868-1953), актриса, гражданская жена А. М. Горького, в 1918-1921 гг. – комиссар театров и зрелищ Союза коммун Северной области – 4

---

* В указатель включены все лица, упоминаемые в переписке, о которых комментатор имел хотя бы минимальные достоверные сведения. Исключение составляют имена и фамилии литературных героев, а также те фигуры, сведения о которых сомнительны (в этом случае комментатор излагал свои гипотезы непосредственно в примечаниях к письму). Биографические справки составлены применительно к контексту, в котором упоминается тот или иной человек. Жирным шрифтом выделены номера писем, где данное лицо является автором письма либо адресатом.

- Андреев-Бурлак**, Василий Николаевич (1843-1888), русский драматический актер, писатель – 244
- Анненков**, Юрий Павлович (1889-1974, в эмиграции), русский художник, мемуарист – 14, 69, 117, 150
- Анов** (наст. фамилия – Иванов), Николай Иванович (1891-?), прозаик – 66, 179
- Антокольский**, Павел Григорьевич (1896-1978), поэт, переводчик – 135, 143
- Аполлинер**, Гийом (наст. имя и фамилия – Вильгельм Аполлинарий Костровицкий) (1880-1918), французский поэт – 156
- «Ереснарх» – 148
- Аркос**, Жан Рене (1881-1959), французский поэт, журналист – 61
- Аросев**, Александр Яковлевич (1890-1938, расстрелян), партийный функционер, прозаик – 50, 95, 162
- Арсеньев**, Владимир Клавдиевич (1872-1930), русский этнограф
- «В дебрях Уссурийского края» – 246
- Арцыбашев**, Михаил Петрович (1878-1927, в эмиграции), русский прозаик
- «Ревность» – 211
- Асеев** (до 1911 г. – Ассеев), Николай Николаевич (1889-1963), поэт – 50, 193, 235
- «Лирическое отступление» – 193
- Ахматова** (наст. фамилия – Горенко), Анна Андреевна, русская поэтесса – 14, 170
- Бабель**, Исаак Эммануилович (1894-1940, расстрелян), прозаик – 172, 182, 185, 190, 195, 203, 205, 212, 258, 259
- Бабёф**, Гракх (наст. имя – Франсуа Ноэль) (1760-1797), французский революционер – 272
- Бакунин**, Михаил Александрович (1814-1876), русский революционер, идеолог анархизма – 17
- Бакши**, Александр (1885-?, в эмиграции), русский театровед, переводчик – 156
- Балухатый**, Сергей Дмитриевич (1892-1945), литературовед, библиограф – 244

- Бальзак**, Оноре де (1799-1850), французский прозаик – 56, 106, 272
- Бальмонт**, Константин Дмитриевич (1867-1942, в эмиграции), русский поэт, переводчик – 126
- Барбюс**, Анри (1873-1935), французский прозаик – 217
- Баршев**, Николай Валерианович (1888-1938, в заключении), прозаик – 220,
- Баскаков**, Николай Павлович (1896-1938, в заключении?), журналист, издательский работник – 72, 136, 159
- Бахрах**, Александр Васильевич (1902-1985, в эмиграции), русский журналист, мемуарист – 78, 156
- Бедный**, Демьян (наст. имя и фамилия – Ефим Алексеевич Придворов) (1883-1945), поэт – 97, 170, 248
- Белицкий**, Ефим Яковлевич (1895-1940, расстрелян), глава петербургского отделения издательства «Эпоха» – 53
- Белый**, Андрей (наст. имя и фамилия – Борис Николаевич Бугаев) (1880-1934), русский поэт, прозаик, критик – 28, 30, 36, 38, 39, 51, 97, 113, 135, 190, 195, 210, 220, 224
- Бем** (урожд. Ендаурова), Елизавета Меркурьевна (1843-1914), русская художница – 220,
- Бенуа**, (Фердинанд Мари) Пьер (1886-1962), французский прозаик – 69, 148, 228
- «За Дон Карлоса» – 69
- Бенуа**, Александр Николаевич (1870-1960, в эмиграции), русский художник, искусствовед – 158
- Берберова**, Нина Николаевна (1901-1993, в эмиграции), русская мемуаристка, третья жена В. Ф. Ходасевича – 33, 41, 55, 70, 71, 74, 76, 78, 80, 82, 89, 91, 103, 105, 119, 121, 122, 126, 132, 134, 138, 142, 145, 152, 175, 201
- «Лев Лунц» – 175
- Беркович**, Ицхак-Дов (1885-?), еврейский прозаик, писал на иврите – 211
- Бласко Ибаньес**, Висенте (1867-1928), испанский прозаик – 102
- Блок**, Александр Александрович (1880-1921), русский поэт – 13, 89, 158, 230
- «Двенадцать» – 231
- Бломквист**, Георгий Карлович (1898-1925), прозаик – 220

Богораз, Владимир Германович (наст. имя и отчество – Натан Менделевич) (1865-1936), русский этнограф, прозаик – 212

Большаков, Константин Аристархович (1895-1938, расстрелян), поэт, прозаик.

«Сгоночь» – 242

Борисов, Леонид Ильич (1897-1972), прозаик, мемуарист – 264

«Ход конём» – 264

Борисоглебский (наст. фамилия – Шаталин), Михаил Васильевич (1896 либо 1897-1942) – прозаик, журналист – 230

Борн, Бертран виконт де Отфор (ок. 1140-ок. 1215), французский трубадур – 42

Боцяновский, Владимир Феофилович (1869-1943), русский литературовед – 244

Брайан, В. Д., инициатор «обезьяньего процесса» в США – 231, 238

Браун, Федор Александрович (1862-1942, в эмиграции), русский филолог-германист – 203

Брешко-Брешковский, Николай Николаевич (1874-1943, в эмиграции), русский прозаик, журналист – 48

Брик (урожд. Каган), Лили Юрьевна (1891-1978, покончила с собой), литературная дама – 119, 235

Бродский, Николай Леонтьевич (1881-1951), литературовед – 244

Брюханов, Николай Павлович (1878-1942, в заключении), партийный функционер, в 1926-1930 гг. народный комиссар финансов СССР – 270

Будберг (урожд. Закревская, по первому мужу – Бенкендорф), Мария Игнатьевна (1892-1974), переводчица, в 1923-1932 гг. секретарь А. М. Горького – 42, 74, 75

Булгаков, Михаил Афанасьевич (1891-1940), прозаик, драматург – 217

«Дни Турбиных» – 237

«Роковые яйца» – 203

Бунин, Иван Алексеевич (1870-1953, в эмиграции), русский поэт, прозаик – 38, 159, 160, 163, 201, 245

«Господин из Сан-Франциско» – 130, 245

«Захар Воробьёв» – 245

- Вагинов** (наст. фамилия – Вагенгейм), Константин Константинович (1899-1934), поэт, прозаик – 115, 152, 235
- Вальтер**, Рейнгольд фон (1882-1965), немецкий поэт, переводчик – 200
- Векслер**, Александра Лазаревна (1901-после 1963, в эмиграции), слушательница студии «Всемирная литература» – 172, 180
- Верн**, Жюль (1828-1905), французский прозаик – 167
- Вешнев** (наст. фамилия – Пржецлавский), Владимир Георгиевич (1881-?), критик, прозаик
«Константин Федин (Литературный портрет)» – 210
- Вивьен**, Леонид Сергеевич (1887-1966), русский актер, режиссер – 117, 139
- Вильдрак**, Шарль (наст. имя и фамилия – Шарль Мессаже) (1882-1971), французский поэт, драматург, прозаик – 61
- Виноградов**, Виктор Владимирович (1895-1969), литературовед, языковед – 143
- Витте**, Сергей Юльевич (1849-1915), русский государственный деятель
«Воспоминания» – 95
- Войтоловский**, Лев Наумович (1876-1941), прозаик – 248
«По следам войны. Походные записки 1914-1917 гг.» – 217, 230
- Волков** (наст. фамилия – Зимнюков), Леонид Андреевич (1893-1976), актер, режиссер – 246
- Волковысский**, Николай Моисеевич (1881- не ранее 1940, в эмиграции), журналист, один из членов администрации Дома литераторов – 89
- Волошин** (наст. фамилия – Кириенко-Волошин), Максимилиан Александрович (1877-1932), русский поэт, критик – 170
«Россия» – 170
- Вольфсон**, Илья Владимирович, председатель правления издательства «Время» – 16
- Воронский**, Александр Константинович (1884-1937, расстрелян), старый большевик, критик, издательский работник – 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 35, 50, 51, 60, 65, 67, 83, 84, 92, 93, 95, 97, 104, 108, 115, 125, 129, 162, 163, 185, 195, 214, 216, 237, 242, 254, 258, 259
«Евгений Замятин» – 51

- «Искусство как познание жизни и современность (К вопросу о наших литературных разногласиях)» – 108
- «Литературные отклики. Об альманахах “Круга”» – 65
- «Литературные отклики» – 21
- «На стыке» – 95
- «О группе писателей “Кузница”» – 95, 97
- Врангель, Петр Николаевич** (1878-1928), русский военачальник, один из руководителей белого движения – 80
- Выгодская, Эмма Иосифовна** (1900-1949), переводчица, автор прозы для детей – 68, 102
- Выгодский, Давид Исаакович** (1893-1943, в заключении), переводчик, критик – 68, 92, 102, 129, 150
- Вяткин, Георгий Андреевич** (1885-1938, в заключении), русский поэт, секретарь редакции журнала «Сибирь» – 5, 220, 222, 225
- Галант, Иван Борисович** (1893-?) – психиатр, невропатолог, доктор медицинских наук – 231
- Гамсун** (наст. фамилия – Педерсен), Кнут (1859-1952), норвежский прозаик – 183
- Ганди, Мохандас Карамчанд** (1869-1948, убит), деятель индийского национально-освободительного движения – 183
- Гарибальди, Джузеппе** (1807-1882), национальный герой Италии, политический деятель – 190
- Гацкевич, Зоя Дмитриевна** (?-1942?), мать З. А. Никитиной – 96, 136, 159
- Гёте, Иоганн Вольфганг** (1749-1832), немецкий поэт, мыслитель – 48, 145
- «Страдания молодого Вертера» – 190
- Гиббон, Эдуард** (1737-1794), английский историк – 211
- Гладков, Фёдор Васильевич** (1883-1958), прозаик – 248
- «Цемент» – 220, 229
- Глинка, Михаил Иванович** (1804-1857), русский композитор – 225
- Гоголь, Николай Васильевич** (1809-1952), русский прозаик, драматург – 43, 90, 195, 197, 224
- «Мёртвые души» – 205
- «Шинель» – 231

- Голлербах, Эрих Федорович (1895-1945), искусствовед – 141
- Голль, Иван (наст. имя и фамилия – Исаак Ланг) (1891-1950), поэт, драматург, деятель европейского авангарда, писавший на немецком и французском языках
- «Мафусаил, или Вечный буржуа» – 102
- Гольдберг, Исаак Григорьевич (1884-1939), прозаик
- «Путь, не отмеченный на карте» – 244
- Городецкий, Сергей Митрофанович (1884-1967), поэт
- «Зелень под плесенью. (Литературный Петербург)» – 19
- Горький Максим (наст. имя и фамилия – Алексей Максимович Пешков) (1868-1936), русский прозаик, драматург, общественный деятель – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 16, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 49, 53, 54, 56, 57, 58, 61, 62, 63, 68, 70, 71, 72, 74, 75, 80, 81, 85, 87, 91, 92, 94, 103, 115, 124, 127, 131, 134, 135, 137, 138, 141, 143, 145, 154, 158, 176, 177, 178, 181, 182, 183, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 194, 195, 196, 198, 199, 201, 203, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 214, 216, 217, 219, 220, 221, 222, 224, 225, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 236, 238, 240, 241, 243, 244, 245, 247, 248, 249, 250, 254, 255, 257, 258, 259, 261, 262, 264, 266, 268, 269, 271
- «Автобиографические рассказы» – 58
- XVIII том собрания сочинений (Берлин) – 221
- XVIII том собрания сочинений (Ленинград) – 221
- «Воспоминания о Ленине» – 158
- «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» – 221
- «Горемыка Павел» – 244
- «Городок Окуров» – 183
- «Группа “Серапионовы братья”» – 61
- XIX том собрания сочинений (Ленинград) – 244
- «Дело Артамоновых» – 209, 210, 221, 224, 228, 229, 231, 234, 241, 244
- «Емельян Пиляй» – 244
- «Жизнь Клима Самгина» – 205, 209, 224, 241, 262, 264, 266, 277
- «Коновалов» – 244
- «Макар Чудра» – 244
- «Мать» – 244

- «О мудрой редьке» – 244
«О пожаре на Самокатах» – 277
«О тараканах» – 220, 222, 224, 225, 229, 230, 243
«Отшельник» – 221, 234
«Памяти Л. Лунца» – 173, 192
«Работяга Словоотёков» – 244
XVII том собрания сочинений (Берлин) – 205, 209, 210
XVII том собрания сочинений (Ленинград) – 221
«Фома Гордеев» – 244
«Челкаш» – 230, 244, 259
Гофман, Эрнст Теодор Амадей (1776-1822), немецкий прозаик, композитор – 36, 40, 43, 120, 131, 182
Гребенщиков, Георгий Дмитриевич (1882-1964, в эмиграции), русский прозаик, мемуарист – 156
Греков, Иван Иванович (1867-1934), русский хирург – 16
Гренцион, Эдгар Евгеньевич (1907-?), сын А. И. Ходасевич от первого брака, пасынок В. Ф. Ходасевича – 68
Гржебин, Зиновий Исаевич (1869-1929, в эмиграции), издатель – 16, 42, 188
Грин (наст. фамилия – Гриневский), Александр Степанович (1880-1932), русский прозаик – 130
Груздев, Илья Александрович (1892-1960), критик, текстолог, член группы «Серапионовы братья» – 14, 64, 69, 73, 96, 101, 102, 107, 114, 115, 123, 128, 130, 133, 136, 140, 150, 152, 159, 161, 165, 172, 185, 186, **206**, **207**, 209, 210, **220**, 222, 224, 225, 229, **230**, **231**, 236, 243, **244**, 248, 249, **261**, 268, 271, 274, **277**
«Жизнь и приключения М. Горького. (По его рассказам)» – 244
«Максим Горький. Биографический очерк (по новым материалам)» – 203, 206
«Молодой Горький. (По неизданным материалам)» – 244
«Техника газетного фельетона» – 244,
«Утилитарность и самоцель» – 85, 107
«Das Leben Gorkis» – 244, 270
Груздева, Татьяна Кирилловна (1898-1966), жена И. А. Груздева – 261, 274
Гуль, Роман Борисович (1896-1986, в эмиграции), русский прозаик, мемуарист – 274

- Гумилёв, Николай Степанович** (1886-1921, расстрелян), русский поэт – 13, 16
- Гюго, Виктор Мари** (1802-1885), французский прозаик, поэт, драматург
«Отверженные» – 48
- Даль, Владимир Иванович** (1801-1872), русский лексикограф, этнограф
«Толковый словарь живого великорусского языка» – 51
- Деллюк, Луи** (1890-1924), французский режиссёр, сценарист, теоретик киноискусства – 88
- Дельтей, Жозеф** (1894-1974), французский прозаик – 256
- Джером, Джером Клапка** (1859-1927), английский прозаик – 235
- Дикий, Алексей Денисович** (1889-1955), актер, режиссер – 246
- Диккенс, Чарлз** (1812-1870), английский прозаик – 161, 167
- Добролюбов, Николай Александрович** (1836-1861), русский критик, поэт, публицист – 243
- Дойль, Артур Конан** (1859-1930), английский прозаик – 156
- Дорошевич, Влас Михайлович** (1864-1922), русский прозаик, фельетонист – 29
- Достоевский, Фёдор Михайлович** (1821-1881), русский прозаик, публицист – 51, 158, 183, 190, 231, 238
«Братья Карамазовы» – 231
«Записки из подполья» – 190
- Дробыш-Дробышевский, Алексей Алексеевич** (1856-1920), русский журналист, литературный критик – 244
- Дрожжин, Спиридон Дмитриевич** (1848-1930), русский поэт – 266
- Дроздов, Александр Михайлович** (1895-1963), прозаик – 77
- Дункан, Айседора** (1878-1927), американская танцовщица, жена С. А. Есенина – 220, 231
- Дурново, Петр Николаевич** (1845-1915), директор Департамента полиции, впоследствии министр внутренних дел Российской империи
«Записка» – 51

- Дюамель, Жорж** (1884-1966), французский поэт, прозаик, драматург – 217, 238
- Дюма, Александр** (1802-1870), французский прозаик, драматург
- «Виконт де Бражелон» – 277
  - «Граф Монте-Кристо» – 277
  - «Двадцать лет спустя» – 277
  - «Три мушкетера» – 277
- Екатерина II** (урожд. Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская) (1729-1796), российская императрица – 95, 212
- Ерёмин, Дмитрий Иванович** (1904-?), прозаик
- «Иной период» – 262
- Ерошин, Иван Евдокимович** (1894-1965), поэт – 1, 2
- Есенин, Сергей Александрович** (1895-1925), русский поэт – 21, 179, 193, 212, 220, 230, 231
- «Песнь о собаке» – 220
- Жарри, Альфред** (1873-1907), французский драматург – 148, 156
- Жаткин, Петр Лазаревич** (1894-1968), прозаик – 109, 168, 184
- Жермен, Андре** (наст. имя и фамилия – Луи Сандре) (1881-?), французский прозаик, критик – 31, 34, 47
- Жирмунский, Виктор Максимович** (1891-1971), русский литературовед, языковед – 106, 122
- «Formprobleme in der russischen Literatur Wissenschaft» – 203
- Житков, Борис Степанович** (1882-1938), прозаик – 263
- «Виктор Вавич» – 263
- Жуков, Сергей Иванович** (1860-?), издатель газеты «Волжский вестник» – 244
- Зайцев, Борис Константинович** (1881-1972, в эмиграции), русский прозаик – 81, 148
- Зайцев, Пётр Никанорович** (1889-1971), поэт, секретарь издательства «Недра» – 193
- Закс-Гладнев, Самуил Маркович** (1884-1937, расстрелян), руководитель издательства «Прибой» – 186

Замятин, Евгений Иванович (1884-1937, в эмиграции), русский прозаик – 14, 21, 22, 51, 87, 92, 93, 94, **125**, 129, 131, 136, 140, 141, 143, 149, 150, **158**, 165, 169, **171**, 173, 176, 190, **200**, 203, 210, 277

«Блоха» – 171

«Мы» – 51, 125, 158, 200

«Новая русская проза» – 86, 92, 125, 131, 135, 143

«О литературе, революции, энтропии и о прочем» – 125

«О том, как исцелён был отрок Эразм» – 125

«Общество почётных звонарей» – 171

«Огни святого Доминика» – 51

«Островитяне» – 51

«Пещера» – 200,

«Рассказ о самом главном» – 125, 190, 203

«Русь» – 125

«Серапионовы братья» – 51

«Сказки» – 51

«Уездное» – 51, 120, 183

Замятина (урожд. Усова), Людмила Николаевна (1883-1965, в эмиграции), жена Е. И. Замятина – 92, 125, 158, 171

Заяицкий, Сергей Сергеевич (1893-1930), прозаик, переводчик – 264

Зелёная, Рина (наст. имя – Екатерина) Васильевна (1902-1991), актриса театра и эстрады – 78, 86, 92, 120

Златовратский, Николай Николаевич (1845-1911), русский прозаик – 220

Зоценко, Валерий Михайлович (1921-1986), сын М. М. Зоценко – 114, 118

Зоценко, Михаил Михайлович (1894-1958), прозаик, член группы «Серапионовы братья» – 7, 13, 14, **15**, **22**, **24**, 31, 34, **35**, 42, 43, 48, 51, 58, 61, 63, 64, 69, 72, 73, 78, 85, 86, 92, 94, 96, 99, 101, 107, 114, 115, 117, **118**, 120, 125, 127, 128, 130, 143, 150, 151, 154, 159, 161, 165, 182, 190, **197**, 210, 217, 220, **226**, 230, 236, 244, 263, **265**, **276**, 277

«Аполлон и Тамара» – 130, 182

«Весёлая жизнь» – 24

«Виктория Казимировна» – 30, 31, 203

«Война» – 22

- «Записки бывшего офицера» – 32, 35, 40
- «Коза» – 35
- «Кружевные травы» – 16
- «Любовь» – 15, 22, 24
- «Мудрость» – 130, 133
- «О «Серрапионовых братьях» – 16
- «О чём пел соловей» – 210
- «Панель» – 16
- «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» – 16, 31, 49
- «Старуха Врангель» – 7
- «Страшная ночь» – 197, 198, 199, 201, 203
- «Чёрная магия» – 15
- «Юмористические рассказы» – 92, 96

Иванов, Всеволод Вячеславович (1895-1963), прозаик, член группы «Серрапионовы братья» – 1, 2, 3, 5, 6, 8, 12, 16, 18, 20, 25, 26, 27, 32, 35, 38, 39, 41, 46, 48, 49, 50, 52, 54, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 64, 66, 73, 79, 85, 90, 101, 107, 108, 109, 114, 115, 116, 123, 128, 129, 135, 151, 152, 154, 157, 159, 166, 168, 179, 182, 184, 185, 187, 191, 195, 208, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 223, 227, 230, 232, 233, 237, 238, 239, 240, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 252, 254, 255, 257, 258, 259, 262, 264, 265, 266

- «Алфавит» – 152, 166, 208, 214, 218, 239, 240
- «Бамбуковая хижина» – 232
- «Блаженный Ананий» – 257, 258
- «Блокада» – 266
- «Бронепоезд 14-69» – 18, 20, 54
- «Бронепоезд 14-69» (пьеса) – 252, 254, 255, 258, 262, 264
- «Возвращение Будды» – 54
- «Гибель Железной» – 262
- «Глухой мак» – 16
- «Голубые пески» – 18, 20, 32, 52, 57, 245, 248
- «Дитё» – 18, 213
- «Долг» – 64, 115
- «Дыхание пустыни» – 242
- «Жаровня архангела Гавриила» – 57
- «Заповедник» – 64

- «Зверьё» – 242
«Иприт» – 184, 187, 191, 212, 213, 217, 219
«Казачи» – 219, 239, 240, 242, 246, 247
«Лога» – 16
«Лощина Кара-Сор» – 213
«На покой» – 239, 245
«Партизаны» – 5, 18, 90
I том собрания сочинений – 266
«Плодородие» – 219
«Подлинная история Неизвестного Солдата, спасшего Францию» – 262
«Рассказ о себе» – 46
«Северосталь» – 108, 152, 168, 182, 195, 212, 239, 242
«Седьмой берег» – 18, 54, 57
«Синий зверюшка» – 30
«Ситцевый зверь» – 32
«Тайное тайных» – 247
«Хабу» – 187, 191
«Цветные ветра» – 16, 90
«Чудесные похождения портного Фокина» – 182, 195
«Шестнадцатое наслаждение эмира» – 242
«Экзотические рассказы» – 213
Иванов, Вячеслав Иванович (1866-1949, в эмиграции), русский поэт, религиозный философ – 249, 266
Иванов, Георгий Владимирович (1894-1958, в эмиграции), русский поэт, мемуарист – 113, 119, 122, 148
Иванова-Веснина, Анна Павловна (?-1972), прозаик, первая жена В. В. Иванова – 12
Иванов-Разумник (наст. фамилия – Иванов), Разумник Васильевич (1878-1946, в эмиграции), русский критик, литературовед, публицист, историк общественной мысли – 141
Израилевич, Яков (Жак) Львович (1887-1953), в 1920-х годах секретарь комиссара ТЕО Наркомпроса М. Ф. Андреевой, корректор издательства «Всемирная литература» – 136, 150, 152, 159
Ильин, Иван Александрович (1882-1954, в эмиграции), русский философ
«О сопротивлении злу силою» – 210

Ионов (наст. фамилия – Бернштейн), Илья Ионович (1887-1942, в заключении), издательский работник, с 1919 по 1924 заведующий петроградским отделением Госиздата, с 1924 – заведующий Госиздатом РСФСР – 2, 18, 136, 143, 152, 188, 190, 191, 192, 198, 199, 231

Истрати, Панаит (1884-1935), румынский прозаик, писал на французском языке – 211

Каверин (наст. фамилия – Зильбер), Вениамин Александрович (1902-1989), прозаик, член группы «Серапионовы братья» – 11, 31, 32, 35, 40, 42, 43, 46, 47, 48, 49, 51, 53, 62, 64, 69, 73, 77, 78, 85, 92, 94, 96, 101, 107, 111, 112, 114, 115, 120, 124, 127, 128, 129, 130, 131, 133, 135, 136, 137, 139, 143, 145, 150, 152, 153, 156, 165, 166, 167, 172, 177, 178, 181, 182, 183, 190, 192, 194, 199, 218, 235, 244, 273

«Большая игра» – 85, 107, 115, 117, 127, 135, 143, 152, 166

«Бочка» – 115, 135, 166, 178, 183

«Девять десятых судьбы» – 220, 221, 224

«Инженер Шварц» – 40, 47, 53

«Конец хазы» – 178, 182, 193, 203, 243

«Манекен Футерфаса» – 143

«Мастера и подмастерья» – 51, 61, 107, 114, 124, 127, 131, 135

«Одиннадцатая аксиома» – 11

«Пурпурный палимпсест» – 40

«Пятый странник» – 31, 40, 47, 53

«Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» – 277

«Скиталец Ван-Везен» – 11

«Столяры» – 29, 40, 47, 50, 53, 135

«Хроника города Лейпцига» – 30, 31, 135

«Щиты и свечи» – 40, 53, 131, 145, 243

«Э. Т. А. Гофман» – 40

Кази, Андрей Андреевич (?-1937, в заключении), первый муж З. А. Никитиной – 92, 169

Казин, Василий Васильевич (1898-1981), поэт – 97

Кайзер, Рудольф (1889-?), немецкий филолог – 34

Каменский, Василий Васильевич (1884-1961), русский поэт – 230

Каплан-Ингель (в замужестве – Слонимская), Ида Исаа-

ковна (1903-1999), одна из серапионовских «девиц», впоследствии жена М. Л. Слонимского – 71, 78, 79, 92, 96, 98, 101, 107, 117, 119, 121, 126, 136, 150, 152, 153, 154, 156, 159, 161, 164, 165, 169, 173, 157, 263, 267

Катаев, Валентин Петрович (1897-1986), прозаик – 276

Катков, Николай Петрович (1893-1973), прозаик, член литературной группы «Содружество» – 186

Каун, Александр Самуилович (1889-1944), профессор Калифорнийского университета, русист – 210

«Leonid Andreev study» – 207

«Maxim Gorky and his Russia» – 207

Качалов (наст. фамилия – Шверубович), Василий Иванович (1875-1948), русский актер – 252, 264

Келлерман, Бернхард (1879-1951), немецкий прозаик

«Случай из жизни Шведенклея» – 69, 85, 92, 94, 96, 159

Керженцев (наст. фамилия – Лебедев), Платон Михайлович (1881-1940), партийный функционер, в 1925-1926 гг. советский полпред в Италии – 229

Клейнман, И. А., редактор «Еврейского альманаха» – 102

Клычков, Сергей Антонович (1889-1937, расстрелян), русский поэт – 220, 243

«Чертухинский балакирь» – 243

Клюев, Николай Алексеевич (1884-1937, расстрелян), русский поэт – 220, 231

Князев, Василий Васильевич (1887-1937, расстрелян), поэт, публицист – 159

Ковнатор, Роза (Рахиль) Ароновна, сотрудница журнала «Звезда» – 263

Ковышев, Борис Константинович (1903-?), поэт – 264

Козаков, Михаил Эммануилович (1897-1954), прозаик – 230

Козинцева-Эренбург, Любовь Михайловна (1900-1970), художница, вторая жена И. Г. Эренбурга – 88, 256

Кок, Поль Шарль де (1793-1871), французский прозаик, драматург – 48

Колбасьев, Сергей Адамович (1899-1937, расстрелян), прозаик – 115, 142, 152, 166

Колчак, Александр Васильевич (1874-1920, расстрелян), русский военачальник, полярный исследователь – 183

- Конрад**, Джозеф (наст. имя и фамилия – Юзеф Теодор Конрад Коженёвский) (1857-1924), английский прозаик – 211
«Виктория» – 148
- Короленко**, Авдотья (Евдокия) Семёновна (1856-1940), жена В. Г. Короленко – 244
- Короленко**, Владимир Галактионович (1853-1921), русский прозаик, публицист – 230, 231, 244, 270, 277
- Костомаров**, Николай Иванович (1817-1885), русский историк – 243
- Криммер**, Фридрих Эдуардович (1888-?), русский экономист, в 1920-х гг. работник Внешторга – 249
- Кропоткин**, Пётр Алексеевич (1842-1921), русский революционер, идеолог анархизма – 210
- Кручёных**, Алексей Елисеевич (1886-1968), русский поэт, коллекционер – 276
- Крючков**, Пётр Петрович (1889-1938, расстрелян), секретарь А. М. Горького – 47, 264, 270
- Кузмин**, Михаил Алексеевич (1875-1936), русский поэт – 48
- Кумов**, Роман Петрович (1883, по другим источникам 1885 либо 1886-1919), русский прозаик – 198
«В Татьянину ночь» – 190
«Конец рода Коростомысловых» – 190
- Кусиков** (наст. фамилия – Кусикян), Александр Борисович (1896-1977, в эмиграции), русский поэт – 71
- Кустодиев**, Борис Михайлович (1878-1927), русский художник – 244
- Лавренёв** (наст. фамилия – Сергеев), Борис Андреевич (1891-1959), прозаик, драматург – 203, 210, 230, 231
- Лаврентьев**, Андрей Николаевич (1882-1935), русский режиссер, актер – 141
- Ладыжников**, Иван Павлович (1874-1945), издатель, в 1921-1923 гг. один из руководящих работников берлинского книгоиздательского и торгового общества «Книга» – 42, 43, 46
- Лажечников**, Иван Иванович (1792-1869), русский прозаик – 120
- Левберг**, Мария Евгеньевна (1894-1934), прозаик – 270

- Левидов, Михаил Юльевич** (1891-1942, в заключении), критик – 184
- Лелевич Г.** (наст. имя и фамилия – Лабори Гиллелевич Калмансон, расстрелян) (1902-1937), поэт, критик – 97
- Ленин** (наст. фамилия – Ульянов), Владимир Ильич (1870-1924), участник революционного движения, впоследствии партийный и государственный деятель – 148, 190
- Леонардо да Винчи** (1452-1519), итальянский живописец, ученый – 51
- Леонов, Леонид Максимович** (1899-1994), прозаик – 135, 143, 158, 181, 182, 185, 203, 208, 211, 212, 233, 238
- «Барсуки» – 203
- «Деревянная королева» – 182
- «Записки некоторых эпизодов, сделанных в г. Гоголеве А. П. Ковякиным» – 182, 183,
- «Конец лишнего человека» – 183
- «Петушихинский пролом» – 182
- «Туатамур» – 182
- Лермонтов, Михаил Юрьевич** (1814-1841), русский поэт – 190
- Лесков, Николай Семёнович** (1831-1895), русский прозаик – 36, 48, 171, 197, 210, 211
- «Очарованный странник» – 190
- Леткова-Султанова, Екатерина Павловна** (1856-1937), русский прозаик, переводчица – 7
- Лившиц, Яков Б.**, издатель – 68, 102, 136
- Ло Гатто, Этторе** (1890-1983), итальянский славист, переводчик – 203
- Лозинский, Григорий Леонидович** (1889-1942, в эмиграции), русский переводчик, критик, филолог-романист, брат М. Л. Лозинского – 78, 113, 119, 122, 126, 148
- Лозовик, Л.**, переводчик советской литературы на английский язык – 42
- Лоуренс, Дейвид Герберт** (1885-1930), английский прозаик – 238
- Лукницкий, Павел Николаевич** (1900-1973), прозаик, журналист – 273
- Луначарский, Анатолий Васильевич** (1875-1933), партийный функционер, в 1917-1929 гг. нарком просвещения – 195
- Луц** (в замужестве – Горнштейн), Евгения Натановна

(1908-1971), младшая сестра Л. Н. Лунца – 78, 98, 119, 121, 122, 148, 149, 156, 159

Лунц, Лев Натанович (1901-1924), прозаик, драматург, критик, член группы «Серапионовы братья» – 13, 14, 16, 18, 25, 28, 31, 33, 36, 37, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 61, 63, 64, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 161, 163, 164, 165, 166, 167, 169, 171, 172, 173, 174, 176, 177, 180, 181, 182, 183, 192, 215, 240, 277

«Бертран де Борн» – 32, 33, 39, 40, 41, 42, 46, 49, 56, 58, 62, 85, 112, 120, 159, 165, 171, 173; 177

«В пустыне» – 28, 30, 31, 61, 203

«Вне закона» – 16, 39, 46, 49, 56, 58, 61, 62, 69, 82, 86, 117, 120, 123, 125, 129, 138, 139, 140, 141, 150, 171, 173, 175, 177, 203

«Восстание вещей» – 75, 79, 80, 91

«Город Правды» – 105, 129, 132, 133, 134, 137, 138, 139, 143, 149, 151, 154, 157, 163, 165, 166, 171, 172, 177, 192

«На запад!» – 49, 103, 148, 152, 203

«О родных братьях» – 112

«Обезьяны идут!» – 177

«Почему мы Серапионовы братья?» – 92, 152

«Путешествие на больничной койке» – 171

«Рассказ о скопце» – 28

«Родина» – 28, 68

«Хождение по мукам» – 147, 150, 151, 153, 154, 157

«Через границу» – 56

Лунц, Натан Яковлевич (1871-1933), отец Л. Н. Лунца – 111, 173, 174, 175, 176, 180

Лунц, Яков Натанович, старший брат Л. Н. Лунца – 148, 156, 164, 175

Майский, Иван Михайлович (1884-1975), историк, дипломат – 136

Мак-Орлан (наст. фамилия – Дюмарше), Пьер (1882-1970), французский прозаик – 148, 238, 256, 260, 275

- Маргерит**, Поль (1860-1918), французский прозаик – 238
- Маркс**, Карл (1818-1883), немецкий мыслитель, основоположник марксизма – 235, 277
«Капитал» – 170
- Мартен дю Гар**, Роже (1881-1958), французский прозаик – 238
- Маршак**, Самуил Яковлевич (1887-1964), поэт, переводчик – 141, 146, 167
- Матвеев**, Владимир Павлович (1897-1935, расстрелян), журналист, издательский работник – 130
- Маяковский**, Владимир Владимирович (1893-1930), поэт – 97, 182, 193, 235
- Мельников**, Павел Иванович (1818-1883), русский прозаик, писал под псевдонимом «Андрей Печерский» – 241
- Мережковский**, Дмитрий Сергеевич (1866-1941, в эмиграции), русский прозаик, поэт – 228
- Мериме**, Проспер (1803-1870), французский прозаик – 106
«Жакерия» – 106
- Метерлинка**, Морис (1862-1949), бельгийский драматург – 165
- Михайловский**, Николай Константинович (1842-1904), русский литературный критик, публицист – 230, 244
- Мовшенсон**, Александр Григорьевич (1895-1965), литератор, театральная деятельность, брат Е. Г. Полонской – 72, 115, 116, 139, 172, 273
- Модзалевский**, Борис Львович (1874-1928), русский литературовед – 96
- Мозжухин**, Иван Ильич (1890-1939, в эмиграции), русский киноактер – 54
- Моммзен**, Теодор (1817-1903), немецкий историк – 190
- Монье**, Марк (1829-1885), французский прозаик, драматург, историк культуры
«Quattrocento» – 191
- Мочульский**, Константин Васильевич (1892-1948, в эмиграции), русский литературовед, критик – 78, 119, 122
- Мусоргский**, Модест Петрович (1839-1881), русский композитор – 225
- Муссолини**, Бенито (1883-1945, казнен), итальянский жур-

налист, политический деятель, в 1922-1943 гг. фашистский диктатор Италии – 231

Надсон, Семён Яковлевич (1862-1887), русский поэт – 144

Наппельбаум, Ида Моисеевна (1900-1992), поэтесса – 33, 41

Наппельбаум, Моисей Соломонович (1869-1958), фотограф-художник – 233

Наппельбаум, Фридерика Моисеевна (1901-1958), поэтесса, фотограф – 33

Нельдихен, Сергей Евгеньевич (1891-1942, в заключении), поэт – 90

Неслуховская, Мария Константиновна (1891-1975), жена Н. С. Тихонова – 112, 114, 115, 140, 150, 152, 273, 274

Никитин, Николай Николаевич (1895-1963), прозаик, член группы «Серапионовы братья» – 13, 14, 16, **19**, **21**, 32, 33, 35, 39, 42, 46, 48, **51**, 57, 61, 62, 64, **65**, 69, 71, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, **81**, **84**, 85, **87**, 92, 94, **95**, 96, 98, **99**, 101, 102, **104**, 107, 108, **110**, 112, 114, 115, 116, 117, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 133, 135, 136, 137, 138, 140, 142, 143, 151, 152, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 160, **162**, 165, 166, 167, 171, 172, 178, 182, 216, 218, 223, 270, 274

«Американское счастье» – 37

«Бунт» – 51, 92, 95, 104, 107

«Вредные мысли» – 104

«25-го июля 1918 года» – 95

«Дэзи» – 30

«Кол» – 16, 51

«Ночь» – 51, 65

«Пёс» – 21

«Подарок Фатьмы» – 19, 21

«Полёт» – 51, 71, 95, 162

«Прелестная ягода» – 65, 95

«Путешествие в Рур» – 101, 104, 115, 137, 162

«Рвотный форт» – 51, 65, 71, 95, 162

«Русское действо» – 162

«Сейчас на Западе» – 104, 162, 182

«Тайна мистера Бэкиш» – 104

«Трава-пышма» – 65, 95

«Хлеб» – 19

«Шесть дней» – 95

Никитина (урожд. Гацкевич, в первом браке – Кази), Зоя Александровна (1902-1973), одна из серапионовских «девиц», редакционно-издательский работник, в начале 1920-х гг. жена Н. Н. Никитина – 33, 69, 72, 74, 77, 78, 79, 81, 86, 87, 92, 94, 96, 98, 99, 100, 101, 110, 114, 117, 126, 129, 130, 136, 140, 142, 152, 159, 164, 165, 167, 169, 172

Николай II (1868-1918, расстрелян), последний российский император – 208, 237

Никулин (наст. фамилия – Ольконицкий), Лев Вениаминович (наст. отчество – Владимирович) (1891-1967), прозаик – 254

«Никаких случайностей (Дипломатическая тайна)» – 228

Ницше, Фридрих (1844-1900), немецкий философ, поэт – 238

Новалис (наст. имя и фамилия – Фридрих фон Харденберг) (1772-1801), немецкий поэт – 190

О. Генри (наст. имя и фамилия – Уильям Сидни Портер) (1862-1910), американский прозаик – 210

Овсяннико-Куликовский, Дмитрий Николаевич (1853-1920), русский литературовед, языковед – 170

Одоевцева, Ирина Владимировна (наст. имя и фамилия – Ираида Густавовна Гейнике), (1895 или 1901-1990), русская поэтесса, мемуаристка, вторая жена Г. В. Иванова – 14, 33, 113, 119, 122, 148

Оксман, Юлиан Григорьевич (1894-1970), литературовед – 96

Олеша, Юрий Карлович (1899-1960), прозаик, драматург – 262, 264, 276

«Зависть» – 262, 264

Ольденбург, Сергей Федорович (1863-1934), русский ученый-востоковед – 249

Омар Хайям (наст. имя – Гиясаддин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим) (ок. 1048-после 1112), персидский поэт, ученый – 115

Осоргин (наст. фамилия – Ильин), Михаил Андреевич (1878-1942, в эмиграции), русский прозаик – 148

- Павлов, Иван Петрович** (1849-1936), русский физиолог – 224
- Павлович, Надежда Александровна** (1895-1980), поэтесса, мемуаристка – 33
- Пантелеев, Лонгин Фёдорович** (1840-1919), русский издатель – 191
- Папаригопуло, Борис Владимирович** (1889-1951), драматург, киносценарист, заведующий литературной частью театра «Комедия» – 172
- Папини, Джованни** (1881-1956), итальянский прозаик – 203
- Пастернак, Борис Леонидович** (1890-1960), поэт – 155, 158, 170, 182, 193, 210, 231, 235, 264
- «Высокая болезнь» – 155, 170
- «Лейтенант Шмидт» – 235
- «Темы и вариации» – 170
- Петников, Григорий Николаевич** (1894-1977), поэт, фольклорист, переводчик – 235
- Пётр I** (1672-1725), российский царь, первый российский император – 190, 235
- Петров, Дмитрий Константинович** (1872-1925), профессор Петроградского университета – 102
- Петровский, Дмитрий Васильевич** (1892-1955), поэт – 235
- Пешкова** (урожд. Волжина), Екатерина Павловна (1876-1965), жена А. М. Горького, общественный деятель – 42, 43, 191
- Пиксанов, Николай Кирьякович** (1878-1969), русский литературовед – 96, 244,
- Пильняк** (наст. фамилия – Вогау), Борис Андреевич (1894-1938, расстрелян), прозаик – 13, 15, 16, 28, 29, 30, 32, 36, 37, 38, 39, 42, 43, 44, 46, 48, 50, 51, 54, 57, 60, 62, 64, 71, 73, 79, 81, 87, 93, 95, 115, 131, 135, 143, 145, 156, 158, 159, 182, 185, 187, 190, 191, 195, 212, 213, 219, 223, 224, 239, 242, 251, 253
- «Английские рассказы» – 182
- «Голый год» – 39, 49
- «Метель» – 36
- «Третья столица» – 29, 61, 220
- Пинегин, Николай Васильевич** (1883-1940), русский ученый, писатель – 160, 186

- Пинкевич**, Альберт Петрович (1883-1939, расстрелян), русский ученый, педагог – 25, 37, 212
- Пиотровский**, Адриан Иванович (1898-1938, расстрелян), театровед, переводчик, драматург – 159, 165
- Пиранделло**, Луиджи (1876-1936), итальянский драматург, прозаик – 183, 203
- Платонов** (наст. фамилия – Климентов), Андрей Платонович (1899-1951), прозаик – 264
- Погодин**, Михаил Иванович (1884-1969), археолог и краевед, впоследствии библиотечный работник, правнук историка М. П. Погодина – 209
- Погодин**, Михаил Петрович (1800-1875), русский историк, прозаик – 243
- Познер**, Владимир Соломонович (1905-1992), поэт, член группы «Серапионовы братья», впоследствии известный французский писатель – 13, 14, 61, 78, 90, 98, 113, 119, 121, 122, 126, 142, 146, 148, 156, 164
- «Вся жизнь господина Иванова» – 42, 78
- «Лизанька» – 42
- Познер**, Георгий Соломонович, младший брат В. С. Познера, впоследствии известный французский египтолог – 78
- Полонская** (урожд. Мовшенсон), Елизавета Григорьевна (1890-1969), поэтесса, член группы «Серапионовы братья» – 23, 31, 64, 67, 68, 69, 72, 85, 88, 101, 115, 116, 128, 130, 133, 139, 150, 159, 165, 172, 176, 202, 204, 273
- «В петле (Лирическая фильма)» – 67, 115, 139
- «Зайчата» – 172
- «Стансы» – 128, 139
- Полонский** (наст. фамилия – Гусин), Вячеслав Павлович (1886-1932), критик – 17
- Пришвин**, Михаил Михайлович (1873-1954), русский прозаик – 131, 135, 238, 250, 277
- «Кашеева цепь» – 131
- Пруст**, Марсель (1871-1922), французский прозаик – 238
- Пуанкаре**, Раймон (1860-1934), французский политический деятель, в 1926-1929 гг. премьер-министр Франции – 257
- Пугачёв**, Емельян Иванович (1740 либо 1742-1775, казнен), предводитель казацко-крестьянского восстания 1773-1775 гг. – 212

- Пуни**, Иван Альбертович (1894-1956, в эмиграции), русский художник – 122
- Пушкин**, Александр Сергеевич (1799-1837), русский поэт – 51, 145, 190, 197, 212, 238
«История Пугачёва» – 212
- Пыжова**, Ольга Ивановна (1894-1972), русская актриса, педагог – 246
- Пяст** (наст. фамилия – Пестовский), Владимир Алексеевич (1886-1940), русский поэт, переводчик
- Рагинский-Карейво**, Томас Георгиевич, поэт – 109, 115, 184
- Радишев**, Александр Николаевич (1749-1802, покончил с собой), русский прозаик, мыслитель – 241
- Радлов**, Сергей Эрнестович (1892-1958), театральный режиссер – 158, 172
- Радлова** (урожд. Дармолатова), Анна Дмитриевна (1891-1949, в заключении), русская поэтесса, переводчица – 71
- Рассохина** (урожд. Федина, по второму браку – Солонина), Александра Александровна (1886-1931), сестра К. А. Федина – 10
- Ремизов**, Алексей Михайлович (1877-1957, в эмиграции), русский прозаик – 13, 14, 28, 36, 38, 57, 78, 81, 119, 121, 135, 145, 148
- Ремизова-Довгелло**, Серафима Павловна (1876-1943, в эмиграции), палеограф, жена А. М. Ремизова – 148
- Ренье**, Анри Франсуа Жозеф де (1864-1936), французский поэт, прозаик
- Родов**, Семен Абрамович (1893-1968), критик – 97
- Родэ**, Адолий Сергеевич (1879-1930, в эмиграции), заведующий хозяйством Петроградской Комиссии по улучшению быта ученых (1920-1921), директор Дома Ученых – 6
- Роллан**, Ромен (1866-1944), французский прозаик – 61, 115, 217, 219, 220, 222, 224, 231, 238
«Жан Кристоф» – 217
«Кола Брюньон» – 217
- Романов**, Пантелеймон Сергеевич (1884-1938), прозаик – 214, 228
«Русь» – 190, 196

Ромен, Жюль (1885-1972), французский поэт, прозаик – 238

Ронигер, Эмиль (1883-1957), швейцарский прозаик, издатель – 217

Руссо, Жан-Жак (1712-1778), французский писатель, философ – 98

«Исповедь» – 98

Рыков, Алексей Иванович (1881-1938, расстрелян), партийный функционер, заместитель председателя, позднее – председатель Совнаркома СССР – 199, 229

Сабашников, Михаил Васильевич (1871-1943), русский издатель – 182

Савич, Аля Яковлевна (1904-1991), жена О. Г. Савича – 256

Савич, Овадий Герцович (1896-1967), переводчик – 256

Садодьев, Илья Иванович (1889-1965), поэт – 130, 152, 169, 185

Сакулин, Павел Никитич (1868-1930), русский литературовед

Салтыков, Михаил Евграфович (1826-1889), русский прозаик, писал под псевдонимом «Н. Щедрин» – 182, 244

Свентицкий, Андрей Эдуардович, критик, прозаик – 125

Свифт, Джонатан (1667-1745), английский прозаик – 51

Северянин, Игорь (наст. имя и фамилия – Игорь Васильевич Лотарев), (1887-1941), русский поэт – 144

Сейфуллина, Лидия Николаевна (1889-1954), прозаик – 212

Семёнов, Сергей Александрович (1893-1942), прозаик – 125, 130, 136, 159, 185, 186, 195, 210, 236, 249

Семёнова, Вера Петровна (1900-1976), жена С. А. Колбасьева – 115

Сергеев, Михаил Алексеевич (1888-1965), издательский работник, критик, очеркист, впоследствии этнограф – 249

Сергеев-Ценский, Сергей Николаевич (1875-1958), русский прозаик – 131, 135, 238, 250

«Валя» – 131, 248

Серебрякова, Галина Иосифовна (1905-1980), прозаик – 233

Синклер, Эптон Билл (1873-1968), американский прозаик – 97

- Скрябин**, Александр Николаевич (1871/1872-1915), русский композитор – 225
- Скрябина**, Ариадна (в еврействе – Сарра) Александровна (1905-1944, в эмиграции), русская поэтесса – 78
- Слонимская** (урожд. Венгерова), Фаина Афанасьевна (1857-1944, в эмиграции), мать М. Л. Слонимского – 71, 78, 79, 119, 121, 122, 126, 156
- Слонимская**, Лидия, жена А. Л. Слонимского – 78, 90, 106, 167
- Слонимский**, Александр Леонидович (1881-1964), литературовед, прозаик, брат М. Л. Слонимского – 78, **90, 106**, 120, 142, **146, 167**
- «Паровой конь» – 167
- «Техника комического у Гоголя» – 106
- Слонимский**, Антони (1895-1976), польский поэт, двоюродный брат М. Л. Слонимского – 202, 204
- Слонимский**, Владимир Александрович, сын А. Л. Слонимского – 146, 148, 154
- Слонимский**, Михаил Леонидович (1897-1972), прозаик, член группы «Серрапионовы братья» – **7, 8, 9, 12, 14, 16, 25, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 52, 55, 58, 61, 62, 63, 64, 69, 71, 72, 73, 77, 78, 85, 86, 90, 92, 93, 94, 96, 101, 102, 106, 107, 114, 115, 117, 118, 119, 120, 121, 124, 125, 127, 128, 130, 133, 135, 136, 140, 142, 143, 146, 150, 151, 154, 157, 158, 159, 165, 166, 167, 171, 173, 181, 182, 183, 185, 186, 190, 192, 194, 195, 196, 199, 201, 202, 203, 204, 206, 220, 226, 230, 231, 236, 242, 249, 256, 260, 263, 267, 272, 275**
- «Артистка» – 93, 156
- «В Бразилию» – 64
- «Варшава» – 29
- «Дикий» – 16, 30
- «Лавровы» – 244, 256, 272
- «Марка святой Елены» – 146
- «Машина Эмери» (сборник) – 154, 182
- «Машина Эмери» (повесть) – 115, 120, 133
- «Однофамильцы» – 201
- «Поручик Архангельский» – 7
- «Рваные люди» – 16
- «Сельская идиллия» – 93

«Трактат профессора Мясникова» – 29, 32

«Тринадцатая ошибка» – 16

«Фома Клешнев» – 272

«Черныш» – 230

«Четвёртая ставка» – 107, 120

«Шестой стрелковый» (рассказ) – 16, 107

«Шестой стрелковый» (сборник) – 40, 42, 44, 45, 92

«Шоколад» – 7

Слонимский, Николай Леонидович (1894-1996, в эмиграции), русский дирижер, композитор, лексикограф, брат М. Л. Слонимского – 78, 90, 98, 119, 126

Смирнова, Нина Васильевна (1899-1931), прозаик – 264

Соколов, Сергей Никитич (1856-1927), отец И. С. Соколова-Микитова – 160

Соколова (урожд. Малофеева), Лидия Ивановна (1900-1975), жена И. С. Соколова-Микитова – 96, 140, 186

Соколова, Марья Ивановна (1870-1939), мать И. С. Соколова-Микитова – 160, 186

Соколов-Микитов, Иван Сергеевич (1892-1975), русский прозаик – 32, 38, 48, 73, 96, 140, 160, 186, 215, 239, 240,

«Голь перекатная. Весёлые народные сказки» – 244

Соловьёв, Сергей Михайлович (1820-1879), русский историк – 190

Сологуб (наст. фамилия – Тетерников), Фёдор Кузьмич (1863-1927), русский поэт, прозаик, переводчик – 141

Сталин (наст. фамилия – Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1878 или 1879-1953), участник революционного движения, впоследствии партийный и государственный деятель – 20

Станиславский (наст. фамилия – Алексеев), Константин Сергеевич (1863-1938), русский режиссер, актер, педагог – 158, 258

Степун, Федор Августович (1884-1965, в эмиграции), русский философ, литературный критик – 201

Стивенсон, Роберт Луис (1850-1894), английский прозаик
«Чёрная стрела» – 156

Стомоняков, Борис Спиридонович (1882-1941), представитель торгпредства РСФСР в Берлине – 191

Струве, Пётр Бернгардович (1870-1944, в эмиграции), русский экономист, публицист, политический деятель – 210

- Стырская**, Елизавета Яковлевна (1898-1947), поэтесса – 115
- Султанов**, Юрий Николаевич (?-1937), переводчик, хранитель музея «Старый Петербург», сын Е. П. Летковой-Султановой – 102
- Сумский** (наст. фамилия – Каплун), Соломон Гитманович (1891-1940, в эмиграции), русский журналист, владелец берлинского издательства «Эпоха» – 82, 89
- Суханова** (наст. фамилия – Флаксерман), Галина Константиновна (1888-1950), секретарь редакции «Нашего журнала» – 4
- Тагор**, Рабиндранат (1861-1941), индийский прозаик, поэт, композитор – 115
- Таиров** (наст. фамилия – Корнблит), Александр Яковлевич (1885-1950), русский режиссер, актер – 119
- Теннисон**, Алфред (1809-1892), английский поэт – 115
- Тиме**, Елизавета Ивановна (1884-1968), русская актриса – 117
- Тихонов**, Александр Николаевич (1880-1956), издательский деятель – 143, 158, 192, 210, 216
- Тихонов**, Николай Семёнович (1896-1979), поэт, прозаик, член группы «Серрапионовы братья» – 16, 31, 41, 46, 50, 63, 64, 69, 72, 78, **83**, 85, 86, 90, 94, **97**, 101, 102, 107, 112, 114, **115**, 127, 130, 133, 136, 140, 143, 150, **152**, **155**, 165, 166, **170**, 178, 182, 183, 188, 190, **193**, 196, 210, 220, 231, **235**, **273**, **274**
- «Брага» – 170
- «Дорога» – 188, 193
- «Красные на Араксе» – 155
- «Лицом к лицу» – 155, 165, 166, 170
- «Поиски героя» – 220, 229, 230
- «Русский Ким» – 97
- «Сами» – 183
- «Шахматы» – 83, 85, 92, 97, 107, 115, 124, 127, 143, 155, 166, 170
- «Юг» – 115, 170
- Толлер**, Эрнст (1893-1939), немецкий драматург – 183
- Толстой**, Алексей Николаевич (1883-1945), русский прозаик – 23, 29, 37, 44, 51, 130, 141, 152, 213, 220, 238
- «Аэлига» – 49, 51

«Хождение по мукам» – 49

Толстой, Лев Николаевич (1828-1910), русский прозаик, драматург, мыслитель – 32, 36, 38, 48, 145, 150, 206, 212, 217, 221, 228, 238, 265

«Война и мир» – 135, 210, 224, 228

«Круг чтения» – 64

Томашевский, Борис Викторович (1890-1957), литературовед – 96, 143

Триоле (урожд. Каган), Эльза (1896-1970), французский прозаик – 119, 148

Тургенев, Иван Сергеевич (1818-1883), русский прозаик, драматург – 159

«Живые мощи» – 229

«Муму» – 224, 229

Тынянов, Юрий Николаевич (1894-1943), литературовед, прозаик – 40, 77, 85, 96, 133, 140, 143, 144, 158

«Достоевский и Гоголь. (К теории пародии)» – 220

«Король Самоедский» – 235

«Кюхля» – 220, 228, 238

«Проблемы стихотворного языка» – 144

«Промежуток (О поэзии)» – 193

Тынянова (урожд. Зильбер), Елена Александровна, жена Ю. Н. Тынянова, сестра В. А. Каверина – 77

Тынянова, Инна Юрьевна (1916-?), дочь Ю. Н. Тынянова – 77

Тынянова, Лидия Николаевна (1902-1984), прозаик, жена В. А. Каверина, сестра Ю. Н. Тынянова – 77, 107, 114, 133, 143, 166

Тэффи (урожд. Лохвицкая, в замужестве – Бучинская), Надежда Александровна (1872-1952, в эмиграции), русский прозаик – 13

Уманский, Дмитрий Александрович, переводчик советской литературы, в 30-е годы возглавлял акционерное общество «Литературное агентство» – 82, 89, 200

Утевский, Лев Самойлович, владелец издательства «Атенеи» – 106

Фаррер, Клод (наст. имя и фамилия – Фредерик Шарль

Эдуар Баргон) (1876-1957), французский прозаик – 115, 148, 156

Фатов, Николай Николаевич (1887-1961), литературовед, в 20-х годах профессор 2-го Московского университета – 228

Федин, Константин Александрович (1892-1977), прозаик, общественный деятель, член группы «Серапионовы братья» – 4, 10, 16, 17, 26, 27, 32, 36, 37, 38, 39, 40, 44, 46, 48, 50, 57, 59, 60, 62, 63, 64, 67, 69, 72, 73, 79, 83, 85, 86, 91, 92, 93, 94, 96, 101, 102, 107, 108, 112, 114, 115, 116, 117, 120, 123, 125, 128, 129, 130, 131, 133, 136, 137, 140, 143, 147, 150, 151, 153, 156, 157, 159, 160, 161, 163, 165, 166, 171, 173, 181, 182, 183, 185, 186, 188, 189, 190, 192, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 209, 210, 211, 213, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 244, 246, 249, 250, 251, 252, 253, 261, 263, 267, 268, 269, 270, 271, 274

«Абхазские рассказы» – 205, 252

«Анна Тимофевна» – 32, 60, 62, 189, 222

«Бакунин в Дрездене» – 4, 32, 36

«Братья» – 221, 224, 229, 241, 249, 250, 251, 263, 268, 269, 277

«Города и годы» (роман) – 17, 32, 38, 48, 50, 54, 56, 62, 73, 107, 112, 115, 117, 120, 123, 124, 127, 128, 133, 160, 166, 171, 178, 182, 183, 186, 188, 189, 193, 194, 195, 196, 198, 205, 222, 225, 234, 246, 253

«Города и годы» (сценарий) – 215, 216

«Лев Лунц» – 174, 182

«Мужики» – 241, 243

«Наровчатская хроника, веденная Симоновского монастыря послушником Игнатием в лето 1919-е» (повесть) – 205, 209, 210, 222, 225, 230, 243

«Наровчатская хроника» (сборник), 1926) – 241

«Об искусстве и критике» – 234

«Пустырь» – 32, 62, 73, 85, 91

«Сад» – 32, 36, 123, 157, 159, 182, 225

«Тишина» – 123, 159, 160, 182, 192, 196, 198, 222, 225

«Трансвааль» – 229, 241, 243

Федина (урожд. Александер), Дора Сергеевна (1895-1953), жена К. А. Федина – 150, 188, 190, 267

Федина, Нина Константиновна (р. 1922), дочь К. А. Федина – 182

Федорченко, Софья Захаровна (1880-1959), прозаик – 217
Флобер, Гюстав (1821-1880), французский прозаик – 36, 190
Форш (урожд. Комарова), Ольга Дмитриевна (1873-1961), прозаик – 68, 141, 165, **185**, 270

«Одеты камнем» – 141

«Пятый зверь» – 220

«Современники» – 238

Франс, Анатоль (наст. имя и фамилия – Анатоль Франсуа Тибо), (1844-1924), французский прозаик – 148, 238

Фэрбенкс, Дуглас (наст. имя и фамилия – Дуглас Элтон Томас Ульман), 1883-1939), американский киноактер – 78

Халайджиева, Гаянэ Николаевна (1899-1983), актриса, первая жена Е. Л. Шварца – 120

Харитон (в замужестве – Черненко), Лидия Борисовна (1900-1975), студентка Литературной студии Дома Искусств, одна из серапионовских «девиц», впоследствии журналистка – 33, **69**, 71, 72, 77, 79, 85, **86**, **92**, 94, **96**, **101**, 107, 114, 116, **117**, 118, 120, 121, 123, 125, 126, 129, **130**, **136**, **140**, 150, 151, 153, 157, **159**, **165**, 166, 167, **169**, 172, 174

Харитон, Борис Осипович (Иосифович) (1876?-1941?, в заключении), русский журналист, один из организаторов петроградского Дома Литераторов, отец Л. Б. Харитон – 71

Хачатрянц, Яков Самсонович (?-1960), муж М. С. Шагинян – 150

Хвольсон, Орест Данилович (1852-1934), русский физик – 203

Ходасевич (урожд. Чулкова, в первом браке – Гренцион), Анна Ивановна (1887-1964), русская поэтесса, переводчица, вторая жена В. Ф. Ходасевича – 68, 90, 107

Ходасевич, Валентина Михайловна (1894-1970), художница, племянница В. Ф. Ходасевича – 136, 150, 151, 159, 234

Ходасевич, Владислав Фелицианович (1886-1939, в эмиграции), русский поэт, мемуарист – 29, 44, 56, 58, 61, 62, 63, 68, 70, 71, 74, 75, 76, 80, 91, 94, 103, 105, 119, 122, 131, 135, 138, 145, 152, 194, 198, 201, 210

Цвейг, Стефан (1881-1942, покончил с собой), австрийский прозаик – 217

«Смятение чувств» – 243

Цветаева, Марина Ивановна (1892-1941, покончила с собой), русская поэтесса, эссеистка – 210

Циолковский, Константин Эдуардович (1857-1935), русский мыслитель – 269

«Причина космоса (Конспект. Август 1925 г. С добавлением отзыва о «Монизме вселенной» и ответов на вопросы по поводу этой книжки)» – 269

Чаплин, Чарлз Спенсер (1889-1977), американский киноактер, кинорежиссер – 88

Чапыгин, Алексей Павлович (1870-1937), русский прозаик – 51, 238

«Разин Степан» – 211, 214

Чарская (наст. фамилия – Чурилова), Лидия Алексеевна (1875-1937), русский прозаик – 141

Чемберлен, Остин (1863-1937), английский политический деятель, в 1924-1929 гг. министр иностранных дел Великобритании – 257

Честертон, Гилберт Кит (1874-1936), английский прозаик, журналист – 115

«Клуб удивительных промыслов» – 148, 156

Четвериков, Борис Дмитриевич (1896-1981), прозаик – 52

Чехов, Антон Павлович (1860-1904), русский прозаик, драматург – 27, 38, 95, 149, 230

Чингисхан (ок. 1155-1227), основатель и великий хан Монгольской империи – 182, 201

Чудовский, Валериан Адольфович (1891-1937, в заключении), русский критик – 115

Чуковская (урожд. Рейнке), Марина Николаевна (1905-1993), переводчица, жена Н. К. Чуковского – 142

Чуковская, Лидия Корнеевна (1907-1996), редактор, критик, публицист, дочь К. И. Чуковского – 159

Чуковская, Мария Борисовна (1880-1955), жена К. И. Чуковского – 149, 172

Чуковская, Мария Корнеевна (1920-1931), младшая дочь К. И. Чуковского – 142

Чуковский, Корней Иванович (наст. имя и фамилия – Николай Васильевич Корнейчуков) (1882-1969), поэт, журналист, литературовед – 4, 13, 29, 38, 64, **141, 149**, 158, 172, 173, 176, 210

«Две души М. Горького» – 141

Чуковский, Николай Корнеевич (1904-1965), прозаик, сын
К. И. Чуковского – 14, 33, 61, **142**, 152, 156, 172, 174

«Козлёнок» – 61

Чулков, Георгий Иванович (1879-1939), русский поэт, мемуарист – 220, 224, 266

Шагиня, Мариэтта Сергеевна (1888-1982), прозаик – 33, 51, 67, 68, 102, 115, 116, 131, 150, 152, 167

«Месс-Менд» – 152

«Перемена» – 220

Шварц, Антон Исаакович (1896-1954), мастер художественного слова, двоюродный брат Е. Л. Шварца – 116

Шварц, Евгений Львович (1896-1958), драматург – 55, 96, 101, 116, 136, 143, 146, 150, 167

Шварц, Лев Борисович (1874-1940), врач, отец Е. Л. Шварца – 93, 94

Шекспир, Уильям (1564-1616), английский драматург – 145

Шелли, Перси Биш (1792-1822), английский поэт – 190

Шишков, Вячеслав Яковлевич (1873-1945), прозаик – 51, 159, 220

Шкапская, Мария Михайловна (1891-1952), поэтесса, очеркист – 48

Шкловская-Корди, Василиса Георгиевна (1890-1977), первая жена В. Б. Шкловского – 46, 150

Шкловский, Виктор Борисович (1893-1984), теоретик литературы, прозаик, критик – 7, 12, 14, 16, 29, 33, 34, 39, 40, 44, 47, 49, 51, 53, 54, 56, 63, 70, 71, 74, 77, 78, 85, 88, 101, 102, 103, 107, 108, 114, 119, 120, 127, 140, 143, 144, 148, 150, 151, 152, 154, 158, 166, 170, 172, 176, 178, 187, 195, 198, 199, 214, 219, 230, 235, 247, 265

«Иприт» – 178, 187, 212, 213, 217, 219

«Сентиментальное путешествие» – 178

«Zoo» – 119, 152, 166, 191

Шкловский, Никита Викторович (1924-1945), сын В. Б. Шкловского – 187

Шлегель, Август Вильгельм (1767-1845), немецкий историк литературы – 144

Шмидт, Пётр Петрович (1867-1906, расстрелян), русский

военный моряк, руководитель Севастопольского восстания 1905 года – 235

Шопен, Фредерик (1810-1849), польский композитор, пианист – 225

Штейнер, Рудольф (1861-1925), австро-немецкий философ, основоположник антропософии – 97

Шульгин, Василий Витальевич (1878-1976), русский политический деятель – 257

Шухаев, Василий Иванович (1887-1973), русский художник – 78

Шухаева, Вера Фёдоровна, русская художница, жена В. И. Шухаева – 78, 121

Щёголев, Павел Елисеевич (1877-1931), русский литературовед, историк революционного движения – 21, 136, 158, 213, 238

Щёголев, Павел Павлович (1903-1936), историк, сын П. Е. Щёголева – 86, 96, 136

Щёголева (урожд. Богуславская), Валентина Андреевна (1878-1931), актриса, жена П. Е. Щёголева – 136

Эйзенгардт-Миклашевская, Людмила Павловна (1899-1976), жена режиссера и актера К. М. Миклашевского – 136, 140, 150

Эйнштейн, Альберт (1879-1955), немецкий физик – 190, 203, 224, 229

Эйхенбаум, Борис Михайлович (1886-1959), литературовед, критик – 90, 96, 106, 143, 144, 146, 158, 206

Экскузович Иван Васильевич (1882-1942), театральный деятель, в 1923-1928 гг. управляющий государственными академическими театрами РСФСР и в то же время заведующий подотделом государственных театров Наркомпроса – 117

Эллес, Франц (наст. имя и фамилия – Ван Эрменгем Франц) (1881-1972), бельгийский прозаик – 61

Энгельс, Фридрих (1820-1895), немецкий ученый, основоположник марксизма. – 235

Эредиа, Жозе Мария де (1842-1905), французский поэт – 152

Эренбург, Илья Григорьевич (1891-1967), поэт, прозаик,

мемуарист – 23, 40, 44, 45, 46, 51, 71, 78, 88, 94, 123, 152, 159, 160, 161, 167, 189, 192, 202, 204, 256, 260, 272, 275

«Белый уголь, или Слезы Вертера» – 256, 260

«Бретань» – 256

«Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» – 260, 272

«Вместо предисловия» – 256

«Встреча автора с персонажами своего романа» – 256

«Глазами проезжего» – 256

«Грузия» – 256

«Жизнь и гибель Николая Курбова» – 51, 202

«Заговор равных» – 272, 275

«Заметки о кино» – 256

«Ложка дёгтя» – 256

«Любовь Жанны Ней» – 161, 202

«Мак-Орлан» – 256

«Машина и искусство» – 256

«Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» – 148

«Новая архитектура» – 256

«Новая проза» – 45

«О шведской гимнастике» – 256

«Письма из кафе» – 256

«Пять лет спустя» – 256

«Рвач» – 202, 204

«Романтизм наших дней» – 256

«Тоска середины» – 256

«Трест Д. Е. История гибели Европы» – 71

«Условные страдания завсегдатя кафе» – 202, 204

Эфрос, Абрам Маркович (1888-1954), искусствовед, переводчик – 158

Юсупов, Феликс Феликсович (1887-1957, в эмиграции), организатор и участник убийства Г. Е. Распутина – 264

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

ПЕРЕПИСКА

1. В. В. Иванов – А. М. Горькому.
5 февраля 1921, Петроград 7
2. В. В. Иванов – А. М. Горькому.
8 февраля 1921, Петроград 7
3. А. М. Горький – В. В. Иванову.
28 февраля 1921, Петроград 9
4. К. А. Федин – А. М. Горькому.
17 марта 1921, Петроград. 9
5. В. В. Иванов – А. М. Горькому.
19 марта 1921, Петроград. 11
6. А. М. Горький – В. В. Иванову.
24 марта 1921, Петроград. 11
7. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому.
2 мая 1921, Петроград 12
8. В. В. Иванов – М. Л. Слонимскому. *Без даты*. 13
9. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому.
5 мая 1921, Петроград 13
10. К. А. Федин – А. А. Рассохиной.
6 мая 1921, Петроград 14

11. А. М. Горький – В. А. Каверину. <i>Весна 1921, Петроград.</i>	14
12. В. В. Иванов – М. Л. Слонимскому. <i>17 сентября 1921, Петроград</i>	15
13. В. С. Познер – А. М. Ремизову. <i>19 (25) октября 1921, Париж.</i>	16
14. В. С. Познер – А. М. Ремизову. <i>12 ноября 1921, Париж.</i>	18
15. М. М. Зощенко – А. К. Воронскому. <i>16 января 1922, Петроград.</i>	18
16. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому. <i>10 февраля 1922, Петроград</i>	19
17. К. А. Федин – А. К. Воронскому. <i>13 февраля 1922, Петроград</i>	22
18. В. В. Иванов – А. К. Воронскому. <i>24 февраля 1922, Петроград</i>	24
19. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому. <i>1 марта 1922, Петроград</i>	25
20. А. К. Воронский – В. В. Иванову. <i>22 марта 1922, Москва.</i>	26
21. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому. <i>Между 10 и 15 апреля 1922, Петроград.</i>	27
22. М. М. Зощенко – А. К. Воронскому. <i>Февраль – май 1922, Петроград.</i>	29
23. И. Г. Эренбург – «Серрапионовым братьям». <i>12 мая 1922, Берлин.</i>	30
24. М. М. Зощенко – А. К. Воронскому. <i>12 июня 1922, Петроград</i>	30
25. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому, Л. Н. Лунцу, В. В. Иванову. <i>Весна–лето 1922, Герингсдорф</i>	31
26. В. В. Иванов – К. А. Федину. 1922	32

27. В. В. Иванов – К. А. Федину. 1922.....	33
28. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. <i>16 августа 1922, Петроград.</i>	33
29. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому. <i>Середина августа 1922, Петроград</i>	36
30. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому. <i>19 августа 1922, Герингсдорф</i>	38
31. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому. <i>20 августа 1922, Герингсдорф</i>	39
32. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>28 августа 1922, Петроград</i>	40
33. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>29 августа 1922, Петроград.</i>	43
34. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому. <i>Конец августа 1922, Герингсдорф</i>	45
35. М. М. Зошенко – А. К. Воронскому. <i>2 сентября 1922, Петроград</i>	46
36. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>Начало сентября 1922, Герингсдорф.</i>	46
37. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому. <i>10 сентября 1922, Герингсдорф</i>	49
38. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову. <i>19 сентября 1922, Петроград</i>	50
39. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. <i>22 сентября 1922, Петроград.</i>	52
40. В. А. Каверин – А. М. Горькому. <i>24 сентября 1922, Петроград</i>	55
41. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>30 сентября 1922, Петроград</i>	57
42. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому. <i>10 октября 1922, Сааров</i>	58

43. А. М. Горький – В. А. Каверину. <i>10 октября 1922, Сааров</i>	60
44. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому. <i>Вторая половина октября 1922, Петроград</i>	61
45. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому. <i>29 октября 1922, Берлин</i>	62
46. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. <i>9 ноября 1922, Петроград</i>	63
47. В. А. Каверин – А. М. Горькому. <i>22 ноября 1922, Петроград</i>	66
48. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову. <i>7 декабря 1922, Петроград</i>	68
49. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. <i>16 декабря 1922, Петроград</i>	71
50. Б. А. Пильняк – К. А. Федину. <i>23 декабря 1922, Коломна</i>	73
51. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому. <i>29 декабря 1922, Петроград</i>	75
52. В. В. Иванов – М. Л. Слонимскому. <i>3 января 1923, Петроград</i>	82
53. А. М. Горький – В. А. Каверину. <i>8 января 1923, Сааров</i>	83
54. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>14 января 1923, Петроград</i>	84
55. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>24 января 1923, Петроград</i>	87
56. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. <i>24 января 1923, Петроград</i>	89
57. А. М. Горький – В. В. Иванову. <i>Январь – февраль 1923, Сааров</i>	90
58. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. <i>26 февраля 1923, Петроград</i>	92

59. В. В. Иванов – К. А. Федину. 1923.	95
60. Б. А. Пильняк – К. А. Федину. 13 марта 1923, Коломна.	95
61. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому. 13 марта 1923, Сааров.	97
62. К. А. Федин – А. М. Горькому. 7 апреля 1923, Петроград.	98
63. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому. Начало апреля 1923, Петроград.	101
64. В. В. Иванов – К. А. Федину. 9 апреля 1923, Ялта.	103
65. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому. 11 апреля 1923, Петроград.	105
66. В. В. Иванов – Н. И. Анову. 10 мая 1923, Москва.	106
67. Е. Г. Полонская – А. К. Воронскому. 23 мая 1923, Петроград.	107
68. Л. Н. Лунц – Д. И. Выгодскому. Между 7 и 15 июня 1923, Гамбург.	108
69. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу. 17 июня 1923, Петроград.	110
70. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. 18 июня 1923, Берлин.	111
71. Л. Н. Лунц – «Серрапионовым братьям». 20 июня, 1923, Гамбург.	113
72. К. А. Федин – Л. Н. Лунцу. 21 июня 1923, Петроград. ...	116
73. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову. 25 июня 1923, Петроград.	117
74. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. 25 июня 1923, Гамбург. ..	119
75. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. 26 июня 1923, Гамбург.	120
76. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. 2 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус.	121
77. Л. Н. Лунц – «Серрапионовым братьям». 4 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус.	122

78. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу. <i>7 июля 1923, Париж</i>	124
79. Л. Н. Лунц – «Серрапионовым братьям». <i>10 июля, 1923, Кёнигштайн им Таунус</i>	128
80. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>14 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус</i>	129
81. Н. Н. Никитин – Л. Н. Лунцу. <i>15 июля 1923, Берлин</i>	130
82. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>16 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус</i>	132
83. Н. С. Тихонов – А. К. Воронскому. <i>17 июля 1923, Петроград</i>	133
84. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому. <i>20 июля 1923, Лондон</i>	134
85. К. А. Федин – Л. Н. Лунцу. <i>20 июля 1923, Петроград</i>	135
86. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу. <i>21 июля 1923, Петроград</i>	138
87. Н. Н. Никитин – Л. Н. Лунцу. <i>23 июля 1923, Лондон</i>	140
88. И. Г. Эренбург – Л. Н. Лунцу. <i>25 июля 1923, Гельголанд</i>	143
89. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>26 июля 1923, Кёнигштайн им Таунус</i>	144
90. А. Л. Слонимский – Л. Н. Лунцу. <i>1 августа 1923, Петроград</i>	145
91. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. <i>5 августа 1923, Кёнигштайн им Таунус</i>	147
92. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу. <i>8 августа 1923, Петроград</i>	148
93. М. Л. Слонимский – А. К. Воронскому. <i>10 августа 1923, Петроград</i>	151

94. М. Л. Слонимский – Л. Н. Лунцу. <i>17 августа 1923, Петроград</i>	154
95. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому. <i>21 или 22 августа 1923, Корабль «Л. Красиш»</i>	155
96. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу. <i>31 августа 1923, Петроград</i>	158
97. Н. С. Тихонов – А. К. Воронскому. <i>Конец августа – начало сентября (до 10) 1923, Новороссийск</i>	160
98. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу. <i>1 сентября 1923, Париж</i>	163
99. Н. Н. Никитин – Л. Н. Лунцу. <i>25 сентября 1923, Петроград</i>	164
100. З. А. Никитина – Л. Н. Лунцу. <i>25 сентября 1923, Петроград</i>	166
101. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу. <i>27 сентября 1923, Петроград</i>	167
102. Д. И. Выгодский – Л. Н. Лунцу. <i>27 сентября 1923, Петроград</i>	169
103. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>30 сентября 1923, Гамбург</i>	171
104. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому. <i>7 октября 1923, Петроград</i>	172
105. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>7 октября 1923, Гамбург</i>	173
106. А. Л. Слонимский – Л. Н. Лунцу. <i>8 октября 1923, Петроград</i>	174
107. В. А. Каверин – Л. Н. Лунцу. <i>9 октября 1923, Петроград</i>	175
108. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>10 октября 1923, Ялта</i>	178
109. В. В. Иванов – П. Л. Жаткину. <i>12 октября 1923, Ялта</i>	179

110. Л. Н. Лунц – З. А. и Н. Н. Никитиным.
12 октября 1923, Гамбург 180
111. В. А. Каверин – Н. Я. Лунцу.
15 октября 1923, Петроград 181
112. Л. Н. Лунц – К. А. Федину.
17 октября, 1923, Гамбург 181
113. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу.
18 октября 1923, Париж 183
114. «Серапионовы братья» – Л. Н. Лунцу.
Октябрь 1923, Петроград 184
115. Н. С. Тихонов – Л. Н. Лунцу.
Октябрь 1923, Петроград 186
116. Е. Г. Полонская – Л. Н. Лунцу.
Осень 1923, Петроград. 190
117. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу.
20 октября 1923, Петроград 191
118. Л. Н. Лунц – М. М. Зошенко и М. Л. Слонимскому.
22 октября 1923, Петроград 194
119. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу.
31 октября 1923, Париж 196
120. М. Л. Слонимский – Л. Н. Лунцу.
2 ноября 1923, Петроград. 198
121. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу. 10 ноября 1923, Париж 200
122. В. С. Познер – Е. Н. Лунц. 10 ноября 1923, Париж 202
123. К. А. Федин – Л. Н. Лунцу.
11 ноября 1923, Петроград. 204
124. В. А. Каверин – А. М. Горькому.
12 ноября 1923, Петроград. 206
125. Е. И. Замятин – Л. Н. Лунцу.
13 ноября 1923, Петроград. 207
126. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу. 24 ноября 1923, Париж 209

127. А. М. Горький – В. А. Каверину. <i>25 ноября 1923, Берлин</i>	211
128. Е. Г. Полонская – Л. Н. Лунцу. <i>25 ноября 1923, Петроград</i>	212
129. Л. Н. Лунц – К. А. Федину. <i>29 ноября 1923, Гамбург</i>	214
130. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу. <i>6 декабря 1923, Петроград</i>	216
131. А. М. Горький – В. А. Каверину. <i>13 декабря 1923, Мариенбад</i>	218
132. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>13 декабря 1923, Гамбург</i>	221
133. В. А. Каверин – Л. Н. Лунцу. <i>14 декабря 1923, Петроград</i>	223
134. А. М. Горький – Л. Н. Лунцу. <i>20 декабря 1923, Мариенбад</i>	225
135. В. А. Каверин – А. М. Горькому. <i>20-21 декабря 1923, Петроград</i>	226
136. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу. <i>25 декабря 1923, Петроград</i>	229
137. Л. Н. Лунц – А. М. Горькому. <i>28 декабря 1923, Гамбург</i>	231
138. Л. Н. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>28 декабря 1923, Гамбург</i>	232
139. Е. Г. Полонская – Л. Н. Лунцу. <i>29 декабря 1923, Петроград</i>	233
140. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу. <i>3 января 1924, Петроград</i>	233
141. К. И. Чуковский – Л. Н. Лунцу. <i>7 января 1924, Петроград</i>	236
142. Н. К. Чуковский – Л. Н. Лунцу. <i>7 января 1924, Петроград</i>	237

143. В. А. Каверин – Л. Н. Лунцу.
14 января 1924, Петроград. 239
144. Ю. Н. Тынянов – Л. Н. Лунцу.
14 января 1924, Петроград. 242
145. А. М. Горький – В. А. Каверину.
15 января 1924, Мариенбад 243
146. А. Л. Слонимский И С. Я. Маршак – Л. Н. Лунцу.
22 января 1924, Петроград. 245
147. Л. Н. Лунц – К. А. Федину.
23 января 1924, Гамбург 249
148. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу.
24 января 1924, Париж. 250
149. Л. Н. Лунц – К. И. Чуковскому.
24 января 1924, Гамбург 252
150. «Серрапионовы братья» и их друзья – Л. Н. Лунцу.
1 февраля 1924, Ленинград 253
151. К. А. Федин – Л. Н. Лунцу.
2 февраля 1924, Ленинград 257
152. Н. С. Тихонов – Л. Н. Лунцу.
2 февраля 1924, Ленинград 260
153. И. И. Каплан-Ингель – Л. Н. Лунцу.
5 февраля 1924, Ленинград 263
154. М. Л. Слонимский – Л. Н. Лунцу.
15 февраля 1924, Ленинград 264
155. Н. С. Тихонов – Б. Л. Пастернаку.
15 февраля 1924, Ленинград 265
156. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу.
18 февраля 1924, Париж. 268
157. Л. Н. Лунц – К. А. Федину.
19 февраля 1924, Гамбург 270
158. Е. И. Замятин – Л. Н. Лунцу.
21 февраля 1924, Ленинград 272

159. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу.
24 февраля 1924, Ленинград 274
160. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову.
4 марта 1924, Ленинград 277
161. И. И. Каплан-Ингель – Л. Н. Лунцу.
8 марта 1924, Ленинград 281
162. Н. Н. Никитин – А. К. Воронскому.
12 марта 1924, Ленинград 281
163. Л. Н. Лунц – К. А. Федину.
22 марта 1924, Гамбург 284
164. В. С. Познер – Л. Н. Лунцу.
31 марта 1924, Париж 285
165. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу.
7 апреля 1924, Ленинград 287
166. В. А. Каверин – Л. Н. Лунцу.
13 апреля, 1924, Ленинград 290
167. А. Л. Слонимский – Л. Н. Лунцу.
14 апреля 1924, Ленинград 292
168. В. В. Иванов – П. Л. Жаткину.
19 апреля 1924, Москва 294
169. Л. Б. Харитон – Л. Н. Лунцу.
20 апреля 1924, Харьков 294
170. Н. С. Тихонов – Б. Л. Пастернаку.
25 апреля 1924, Ленинград 295
171. Е. И. Замятин – Л. Н. Лунцу.
7 мая 1924, Ленинград 297
172. Е. Г. Полонская – Л. Н. Лунцу.
20 мая 1924, Ленинград 299
173. М. Л. Слонимский – Н. Я. Лунцу.
Конец мая (?) 1924, Ленинград 301
174. Л. Б. Харитон – Н. Я. Лунцу.
5 июня 1924, Феодосия 302

175. Н. Я. Лунц – Н. Н. Берберовой. <i>12 июня 1924, Гамбург</i>	304
176. Е. Г. Полонская – Н. Я. Лунцу. <i>20 июня 1924, Ленинград</i>	305
177. А. М. Горький – В. А. Каверину. <i>21 июня 1924, Сорренто</i>	306
178. В. А. Каверин – А. М. Горькому. <i>22 июня 1924, Ленинград</i>	307
179. В. В. Иванов – Н. И. Анову. <i>26 июня 1924, Москва</i>	308
180. Н. Я. Лунц – «Серапионовым братьям». <i>Июнь–июль 1924, Гамбург</i>	309
181. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>6 июля 1924, Сорренто</i>	310
182. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>16 июля 1924, Ленинград</i>	311
183. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>28 июля 1924, Сорренто</i>	316
184. В. В. Иванов – П. Л. Жаткину. <i>31 августа 1924, Москва</i>	318
185. М. Л. Слонимский – О. Д. Форш. <i>13 сентября 1924, Ленинград</i>	319
186. К. А. Федин – И. С. Соколову-Микитову. <i>2 декабря 1924, Ленинград</i>	320
187. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>4 декабря 1924, Москва</i>	322
188. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>7 декабря 1924, Ленинград</i>	323
189. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>13 декабря 1924, Сорренто</i>	326
190. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>20 декабря 1924, Сорренто</i>	328

191. А. М. Горький – В. В. Иванову.
27 декабря 1924, Сорренто. 331
192. К. А. Федин – А. М. Горькому.
28 декабря 1924, Ленинград 332
193. Н. С. Тихонов – Б. Л. Пастернаку.
Декабрь 1924, Ленинград 334
194. А. М. Горький – К. А. Федину.
9 января 1925, Сорренто. 336
195. В. В. Иванов – К. А. Федину.
11 января 1925, Москва 338
196. А. М. Горький – К. А. Федину.
18 января 1925, Сорренто. 339
197. К. А. Федин – М. М. Зощенко.
10 февраля 1925, Ленинград 341
198. К. А. Федин – А. М. Горькому.
19 февраля 1925, Ленинград 342
199. А. М. Горький – К. А. Федину.
3 марта 1925, Сорренто. 348
200. Е. И. Замятин – К. А. Федину.
21 марта 1925, Ленинград 349
201. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому.
31 марта 1925, Сорренто. 350
202. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому.
18 апреля 1925, Париж 352
203. А. М. Горький – М. Л. Слонимскому.
8 мая 1925, Сорренто 353
204. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому.
15 мая 1925, Париж 355
205. К. А. Федин – А. М. Горькому.
22 мая 1925, Ленинград. 356
206. И. А. Груздев – А. М. Горькому.
12 августа 1925, Ленинград 358

207. А. М. Горький – И. А. Груздеву. <i>23 августа 1925, Сорренто</i>	360
208. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>25 августа 1925, Москва</i>	361
209. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>Начало сентября 1925, Ленинград</i>	363
210. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>17 сентября 1925, Сорренто</i>	366
211. А. М. Горький – В. В. Иванову. <i>Сентябрь 1925, Сорренто</i>	369
212. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>7 октября 1925, Батум</i>	371
213. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>9 октября 1925, Батум</i>	374
214. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>30 ноября 1925, Москва</i>	376
215. К. А. Федин – В. В. Иванову. <i>30 ноября 1925, Ленинград</i>	378
216. К. А. Федин – В. В. Иванову. <i>4 декабря 1925, Ленинград</i>	379
217. А. М. Горький – В. В. Иванову. <i>13 декабря 1925, Неаполь</i>	380
218. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>19 декабря 1925, Москва</i>	382
219. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>20 декабря 1925, Москва</i>	383
220. А. М. Горький – И. А. Груздеву. <i>9 января 1926, Неаполь</i>	386
221. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>16 января 1926, Ленинград</i>	389
222. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>20 января 1926, Ленинград</i>	392

223. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>25 января 1926, Москва</i>	394
224. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>28 января 1926, Неаполь</i>	395
225. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>5 февраля 1926, Неаполь</i>	398
226. М. М. Зощенко – М. Л. Слонимскому. <i>6 февраля 1926, Ленинград</i>	399
227. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>8 февраля 1926, Москва</i>	399
228. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>10 февраля 1926, Неаполь</i>	400
229. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>11 февраля 1926, Ленинград</i>	401
230. И. А. Груздев – А. М. Горькому. <i>27 февраля 1926, Ленинград</i>	405
231. А. М. Горький – И. А. Груздеву. <i>10 марта 1926, Неаполь</i>	408
232. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>20 марта 1926, Москва</i>	412
233. К. А. Федин – В. В. Иванову. <i>26 марта 1926, Ленинград</i>	413
234. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>27 марта 1926, Ленинград</i>	414
235. Н. С. Тихонов – Б. Л. Пастернаку. <i>20-е числа июля 1926, Пудость Ленинградской области</i>	418
236. М. Л. Слонимский – А. М. Горькому. <i>1 сентября 1926, Ленинград</i>	420
237. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>28 сентября 1926, Москва</i>	422

238. А. М. Горький – В. В. Иванову. <i>15 октября 1926, Сорренто</i>	422
239. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>Октябрь 1926, Москва</i>	425
240. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>3 ноября 1926, Москва</i>	426
241. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>4 ноября 1926, Ленинград</i>	427
242. В. В. Иванов – М. Л. Слонимскому. <i>Начало ноября 1926, Москва</i>	432
243. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>13 ноября 1926, Сорренто</i>	433
244. И. А. Груздев – А. М. Горькому. <i>Не раньше 21 ноября 1926, Ленинград</i>	435
245. А. М. Горький – В. В. Иванову. <i>13 декабря 1926, Сорренто</i>	439
246. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>16 декабря 1926, Москва</i>	440
247. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>22 января 1927, Москва</i>	441
248. А. М. Горький – В. В. Иванову. <i>30 января 1927, Сорренто</i>	442
249. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>4 марта 1927, Ленинград</i>	444
250. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>16 марта 1927, Сорренто</i>	448
251. Б. А. Пильняк – К. А. Федину. <i>16 апреля 1927, Москва</i>	449
252. В. В. Иванов – К. А. Федину. <i>17 мая 1927, Москва</i>	450
253. Б. А. Пильняк – К. А. Федину. <i>23 июня 1927, Москва</i>	451

254. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>24 августа 1927, Тур.</i>	452
255. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>6 сентября 1927, Париж</i>	453
256. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому. <i>13 сентября 1927, Париж.</i>	453
257. А. М. Горький – В. В. Иванову. <i>13 октября 1927, Сорренто</i>	455
258. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>28 октября 1927, Москва</i>	456
259. А. М. Горький – В. В. Иванову. <i>8 ноября 1927, Сорренто</i>	457
260. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому. <i>23 ноября 1927, Париж.</i>	459
261. К. А. Федин – И. А. Груздеву. <i>15 декабря 1927, Ленинград</i>	460
262. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>10 января 1928, Москва.</i>	461
263. К. А. Федин – М. Л. Слонимскому. <i>13 января 1928, Саратов.</i>	462
264. А. М. Горький – В. В. Иванову. <i>20 января 1928, Сорренто.</i>	463
265. В. В. Иванов – М. М. Зощенко. <i>24 января 1928, Москва.</i>	464
266. В. В. Иванов – А. М. Горькому. <i>Январь–февраль 1928, Москва</i>	465
267. К. А. Федин – М. Л. Слонимскому. <i>6 февраля 1928, Саратов</i>	466
268. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>8 марта 1928, Саратов.</i>	468
269. А. М. Горький – К. А. Федину. <i>21 апреля 1928, Сорренто.</i>	470

270. И. А. Груздев – А. М. Горькому. <i>Не раньше 27 мая 1928, Ленинград</i>	471
271. К. А. Федин – А. М. Горькому. <i>3 июня 1928, Ленинград</i>	472
272. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому. <i>7 июня 1928, Париж</i>	473
273. Н. С. Тихонов – Е. Г. Полонской. <i>31 июля 1928, Хоста</i>	474
274. К. А. Федин – Н. С. Тихонову. <i>8 августа 1928, Берлин</i>	474
275. И. Г. Эренбург – М. Л. Слонимскому. <i>21 ноября 1928, Париж</i>	476
276. А. Е. Кручёных – М. М. Зощенко. <i>7 января 1929, Москва</i>	477
277. И. А. Груздев – А. М. Горькому. <i>Начало февраля 1929, Ленинград</i>	478
Указатель изданий и литературных организаций	480
Именной указатель	488

Серия «Символы времени»

**«Серапионовы братья»
в зеркалах переписки**

В оформлении использованы
репродукции картин Владимира Лебедева:
на обложке – «Натюрморт с палитрой», 1919;
на титуле – «Гитара и мак», 1930
На форзацах – фотографические портреты
работы М. Наппельбаума

Редактор *И. Парина*
Компьютерная верстка и дизайн *Г. Егорова*

ИД № 03974 от 12.02.01 г.

Подписано в печать 20.09.2004. Формат 84x108/32
Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman Cyr»
Усл.-печ. л. 28,56. Тираж 1500 экз. Заказ № 5008.

Издательство «АГРАФ»
129344, Москва,
Енисейская ул., д. 2, стр. 2
e-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.ru.net/~agraf.ltd>

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

СЕРИЯ
«СИМВОЛЫ ВРЕМЕНИ»

ДЕТИ ЭМИГРАЦИИ: Воспоминания

Аксаков А.Н.	АНИМИЗМ И СПИРИТИЗМ
Алиханов И.И.	«ДНЕЙ МИНУВШИХ АНЕКДОТЫ»
Андгуладзе Л.Н.	БАЛЬМОНТ И ГРУЗИЯ
Андреева А.А.	ПЛАВАНЬЕ К НЕБЕСНОЙ РОССИИ
Баранов В.И.	ГОРЬКИЙ БЕЗ ГРИМА. ТАЙНА СМЕРТИ
Баранчеева И.Н.	СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ФЕДОРА ШАЛЯПИНА
Бодлер Ш. Готье Т.	ИСКУССТВЕННЫЙ РАЙ; КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ГАШИША
Валуев П.А.	ЧЕРНЫЙ БОР
Волошин М.А.	ИСТОРИЯ МОЕЙ ДУШИ
Гагарин Г.П.	ЗАБАВЫ УЕДИНЕНИЯ МОЕГО В СЕЛЕ БОГОСЛОВСКОМ
Гершензон М.О.	КЛЮЧ ВЕРЫ. ГОЛЬФСТРЕМ. МУДРОСТЬ ПУШКИНА
Герцык А.К.	ИЗ КРУГА ЖЕНСКОГО: Стихотворения, эссе
Достоевский А.М.	ВОСПОМИНАНИЯ
Ермолинский С.А.	О ВРЕМЕНИ, О БУЛГАКОВЕ И О СЕБЕ

Залкинд А.Б.	ПЕДОЛОГИЯ: Утопия и реальность
Каневский З.М.	ЖИТЬ ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ
Клех И.Ю.	КНИГА С МНОЖЕСТВОМ ОКОН И ДВЕРЕЙ
Кожевникова Н.В.	СОСЕД ПО ЛАВРУХЕ: Воспоминания
Конан-Дойль А.	УРОКИ ЖИЗНИ
Коцебу А.	ДОСТОПАМЯТНЫЙ ГОД МОЕЙ ЖИЗНИ
Короленко В.Г.	БЫЛА БЫ ЖИВА РОССИЯ!
Крохин Ю.Ю.	ДУШИ ВЫСОКАЯ СВОБОДА: Вадим Делоне
Латур А.	ДАМА В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
Луговская Т.А.	КАК ЗНАЮ, КАК ПОМНЮ, КАК УМЕЮ
Мережковский Д.С.	БЫЛО И БУДЕТ. НЕВОЕННЫЙ ДНЕВНИК
Миллер Л.Е.	МОТИВ. К СЕБЕ, ОТ СЕБЯ
Новиков В.И.	РОМАН С ЯЗЫКОМ. ТРИ ЭССЕ
Перси У.	«НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНЕ...»: Культурная территория русского романтизма
Пильняк Б.А.	МНЕ ВЫПАЛА ГОРЬКАЯ СЛАВА... Письма 1915-1937
Пшибышевский С.	ЗАУПОКОЙНАЯ МЕССА
Раскин Д.И.	ONTOS. КНИГА СМЫСЛОВ. Террариум, или в поисках идентичности (Метафизика пошлости)
Раушенбах Б.В.	ПОСТСКРИПТУМ

Раушенбах Б.В.	ПРИСТРАСТИЕ
Рубен Б.С.	АЛИБИ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО
Руднев П.А.	ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА
Саакянц А.А.	ТОЛЬКО ЛЯ О МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ? Воспоминания
Санников В.З.	ЗАПИСКИ ПРОСТОДУШНОГО
Старикова Е.В.	В НАШИХ ПЕРЕУЛКАХ: Биографические записки
Уайльд О.	ПИСЬМА
Ульянов Н.П.	ЛЮДИ ЭПОХИ СУМЕРЕК
Хечинов Ю.Е.	КРУТЫЕ ДОРОГИ АЛЕКСАНДРЫ ТОЛСТОЙ
Чегодаева М.А.	ДВА ЛИКА ВРЕМЕНИ (1939: Один год сталинской эпохи)
Чегодаева М.А.	ЗАПОВЕДНЫЙ МИР МИТУРИЧЕЙ-ХЛЕБНИКОВЫХ: Вера и Петр
Черубина де Габриак	ИСПОВЕДЬ
Эйхенбаум Б.М.	МОЙ ВРЕМЕННИК. МАРШРУТ В БЕССМЕРТИЕ

Книги издательства «АГРАФ» оптом и в розницу можно приобрести в издательстве, а также заказать наложенным платежом по адресу:

129344, Москва, Енисейская ул., д. 2, стр. 2

**E-mail: agraf.ltd@ru.net
<http://www.ru.net/~agraf.ltd>**

**т./ф. 189-17-35
т. 189-17-22**

К. Федин

Б. Эйхенбаум

О. Форш

М. Слонимский

М. Зощенко

И. Эренбург

В. Шкловский

Вс. Иванов

Я прилагаю к этому письму заметку, написанную мною в тот день, когда пришло известие о смерти Лунца. <...> Конечно, каждый из нас переболел по-своему утрату. Но мы связаны теперь прошлым и личной дружбой, а не той литературной порукой, которая скрепила в своё время братство. Мы не распались, потому что Серапионы существуют вне нас. Одно это имя, живущее своей жизнью, держит нас вместе, помимо нашей воли, а для некоторых и против воли. Вероятно, так когда-то некоторых писателей держало вместе имя декадентов или символистов. <...> И даже смерть кого-нибудь из нас, как смерть Лунца, вырвав из жизни личного друга, вырвав брата, ничего не изменит в «литературном обществе Серапионовы братья». <...> Мы часто бываем вместе, мы любим бывать вместе, но наши встречи обусловлены привычкой, дружбой, необходимостью, но не потребностью. Потребность жить и работать в братстве исчезла с условиями и романтикой голодного Петербурга.

*Из письма К.А. Федина,
адресованного А.М. Горькому, 1924 год*

ISBN 5-7784-0284-8

9 785778 402843

интернет-магазин

OZON.RU

42020447

АГФ